

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ. ВЫП. 38

А. М. Куликов

«ЕХАЛИ МЫ СЮДА С ДОБРЫМИ ЦЕЛЯМИ»

РУССКО-КИТАЙСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ
В ТЯНЬЦЗИНЕ

*(ПО ДНЕВНИКАМ АРХИМАНДРИТА
ПАЛЛАДИЯ (КАФАРОВА)*

И БАРОНА Ф.Р. ОСТЕН-САКЕНА

1857 – 1858 гг.)

МОСКВА
ИВ РАН
2020

ББК 63.3(5Кит)
К 90

Ответственный редактор
А. И. Кобзев

Рецензенты
В. Ц. Головачев, С. Г. Андреева

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ. ВЫП. 38

Утверждено к печати
Редакционно-издательским советом
Института востоковедения РАН

Куликов А. М.

К 90 «Ехали мы сюда с добрыми целями». Русско-китайские переговоры в Тяньцзине (по дневникам архимандрита Палладия (Кафарова) и барона Ф.Р. Остен-Сакена 1857 – 1858 гг.) / Отв. ред. А. И. Кобзев; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 354 с. : ил. – (Учёные записки отдела Китая; вып. 38).

ISBN 978-5-907384-07-1
ISSN 2227-3816

В представленной книге собраны малоизвестные дневниковые записи начальника XIII Российской духовной миссии в Пекине, крупнейшего востоковеда XIX столетия, Петра Ивановича Кафарова (в монашестве – Палладия, 1817–1878) и два дневника барона Фёдора Романовича Остен-Сакена (1832–1916), служившего в Министерстве иностранных дел Российской Империи.

Представленные дневники являются важнейшими источниками по истории Тяньцзиньских переговоров 1858 г. и истории отечественной и зарубежной дипломатии XIX в. Дневники барона публикуются впервые – записи снабжены подробным комментарием и иллюстрациями из западной периодической печати времён переговоров.

Рисунок на обложке: Marines leaving gun-boat. Illustrated Londow News. №32 (907). 1858. March 13. 1858.

ISBN 978-5-907384-07-1

© Куликов А. М., 2020
© ФГБУН ИВ РАН, 2020

*Посвящаю эту книгу
моим дорогим родителям.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	6
Тяньцзиньские переговоры 1858 года в воспоминаниях участников.....	8
Введение Ф.Р. Остен-Сакена от 1905 г.	38
Введение ко второму изданию дневника архимандрита Палладия за 1858 г. (1912 г.).....	45
Тяньцзиньский дневник архимандрита Палладия (1858 г.).....	46
Дневник Остен-Сакена, ведённый в ходе путешествия по Сибири и Дальнему Востоку (1857 г.).....	124
Дневник Остен-Сакена, ведённый в ходе путешествия на пароходе Америка в реке Пей-хо (1858 г.).....	151
Примечания.....	250
Список сокращений.....	327
Указатель имён.....	327
Указатель судов.....	339
Библиография.....	341

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге собрано три дневника непосредственных участников переговоров в Тяньцзине в 1858 г.

Первый дневник принадлежит перу Петра Ивановича (в монашестве – Палладия) Кафарова – величайшего востоковеда XIX столетия. Фрагменты его дневника за 1858 г. впервые увидели свет на страницах журнала «Морской сборник» в 1860 г. Второе издание, в котором были устранены многочисленные лакуны первого, вышло более полувека спустя – в 1912 г. на страницах «Известий министерства иностранных дел». В настоящем издании текст дневника Палладия приведён в современную орфографию и снабжён значительным числом комментариев и уточнений. С целью показать работу над дневником в разные эпохи, примечания всех редакций сохранены и даются в концевых сносках разными шрифтами с соответствующими пометками. Для удобства чтения в ряде мест пунктуация и орфография дневников приведены в современный вид (убраны знаки дореволюционной орфографии и заглавные буквы в наименованиях национальностей).

Два других дневника составлены бароном Фёдором Романовичем Остен-Сакеном – дипломатом, учёным и путешественником, чей вклад в развитие русского востоковедения ещё предстоит изучить. Оба дневника барона в полном виде публикуются и комментируются впервые.

Из рукописного введения Остен-Сакена, датированного 1905 г., следует, что барон готовил к изданию под одной обложкой дневник о. Палладия и свои собственные записи за 1858 г. По неизвестным причинам замысел этот осуществить не удалось, хотя позднее дневник Палладия всё же увидел свет на страницах «Известий министерства иностран-

ных дел», но без какого-либо упоминания работы над публикацией Ф.Р. Остен-Сакена и с примечаниями А.И. Иванова и И.И. Десницкого.

По какой причине дневник Остен-Сакена за 1858 г. так и остался неопубликованным – загадка. С учётом того, что введение было написано бароном 15 января 1905 г. в первое время публикации могли помешать неудачи в Русско-японской войне (1904–1905), для которой «китайский контекст» сыграл не последнюю роль, а затем свою лепту внесли революционные события в России 1905–1907 гг. На момент второго издания дневника о. Палладия – в 1912 г. Остен-Сакен ещё был жив, следовательно, решение отказаться от публикации собственного дневника, барон, скорее всего, принял самостоятельно.

Работая с рукописным наследием Остен-Сакена, автор обнаружил в Российском государственном архиве древних актов ещё один журнал барона – за 1857 г. Так появилась идея осуществить нереализованный замысел 1905 г. и издать дневники Палладия и Остен-Сакена под одной обложкой, дополнив их дневниковыми записями барона за 1857 г.

Мы надеемся, что дневники будут интересны не только специалистам в области истории российско-китайских отношений, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей взаимоотношений России с Востоком и Западом.

Автор благодарит сотрудников отдела Китая Института востоковедения РАН за многочисленные рекомендации и правки. Особую благодарность за помощь в расшифровке старинных китайских речений автор выражает преподавателю университета г. Сучжоу – Сун Яньюню (宋彦云).

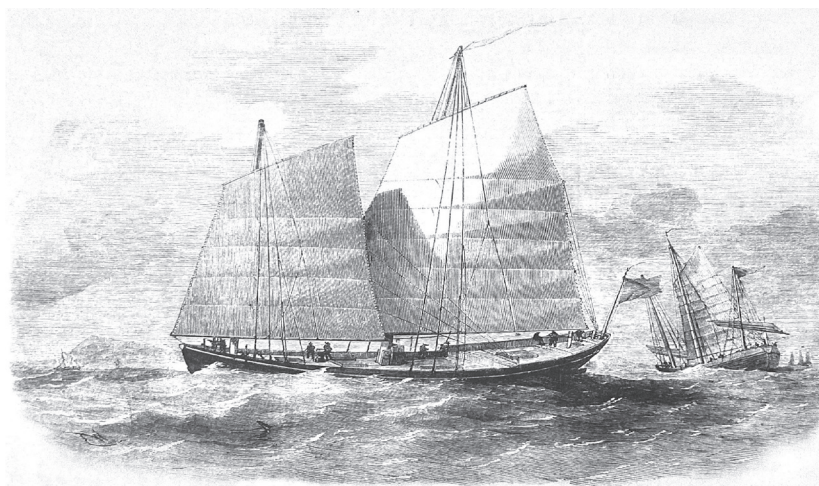
ТЯНЬЦЗИНЬСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1858 ГОДА В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ

При анализе внутренних исторических сюжетов китайские историки нередко разделяют источники на «официальную историю» (кит. *чжэн-ши* 正史) и произведения в жанре «неофициальной истории» (кит. *бе-ши* 別史), т. е. исторические сочинения, написанные отдельными авторами по собственной инициативе. Подобная классификация не совсем подходит для отечественной историографии, тем не менее, различные дневниковые записи можно смело поместить в жанр «Неофициальных историй». Справедливо это не только для личных записей отдельного человека, но и для персон, принимавших непосредственное участие в крупных исторических событиях политико-дипломатического характера.

Документы, о которых пойдёт речь ниже, как раз относятся к жанру дневниковой прозы. Все они связаны с событиями т.н. Тяньцзиньских переговоров 1858 г., окончившихся для Цинской империи заключением целой серии неравноправных договоров с Великими державами.

Переговоры в Тяньцзине стали завершением первого этапа Второй опиумной войны (1856–1860 гг.)¹, начавшейся 8 октября 1856 г.² инцидентом с лорчей³ «Аггоу», некоторое время выходившей в море под британским флагом, но имевшим преимущественно китайский экипаж. Торговые отношения Британии и Китая на тот момент опирались на неравноправный Нанкинский трактат⁴, подписанный 29 августа 1842 г. по результатам Первой опиумной войны (1839–1842 гг.) между Британской и Цинской империями и дополнительный Хумэньский договор от 8 октября 1843 г.⁵ Для удобства торговли в открытых портах британские представители

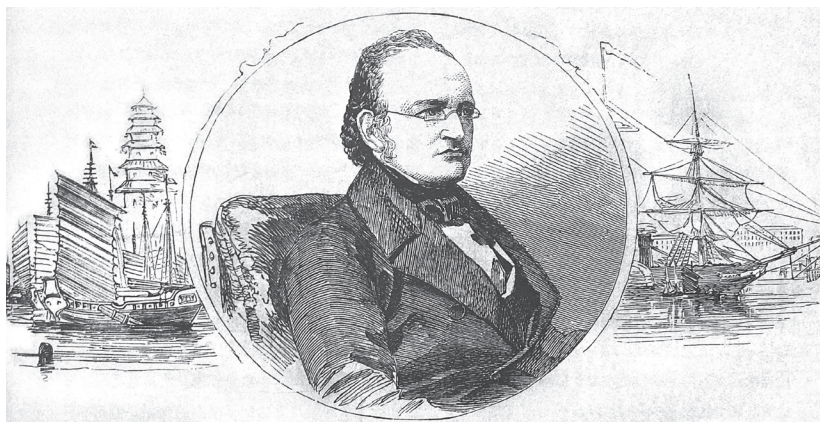
в Гонконге нередко продавали китайским торговцам лицензию на хождение под британским флагом. Лорча «Arrow»⁶ как раз была одним из подобных судов, но на момент ареста лицензия его закончилась ещё одиннадцать дней назад. Экипаж судна, стоящего в доках Гуанчжоу с грузом риса из Макао в Гонконг, был арестован китайскими властями по подозрению в пиратстве – двенадцать китайских моряков заключили под стражу⁷. В момент ареста, капитан судна, британец Томас Кеннеди⁸, завтракал на британском корабле, стоявшем по соседству. По его заверению, Кеннеди увидел, как китайские официальные представители сорвали британский корабельный флаг⁹, о чём незамедлительно сообщил английскому консулу в Гуанчжоу, сэру Гарри Смиту Парксу¹⁰.

Купеческая лорча, используемая в р. Чжуцзян¹¹

Неподтверждённые действия против английского флага и арест экипажа судна, который фактически уже вернулся в китайскую юрисдикцию, не остановили Паркса от вмешательства. Он незамедлительно обратился к китайским властям с требованием освободить экипаж. Вскоре пришёл ответ, в котором сообщалось, что один из моряков является знамени-

тым пиратом, а остальные члены экипажа должны быть тщательно проверены. Паркс сразу же написал письму высшему китайскому сановнику в Гуандуне – наместнику провинции, Е Минчэню¹², в котором отметил, что согласно Хумэньскому трактату¹³, все разбирательства над экипажем должны проходить в присутствии капитана судна, британского консула и представителя, назначенного Е Минчэнем. Одновременно Паркс отправил письмо губернатору английского Гонконга, Джону Баурингу¹⁴, в котором сообщил об инциденте.

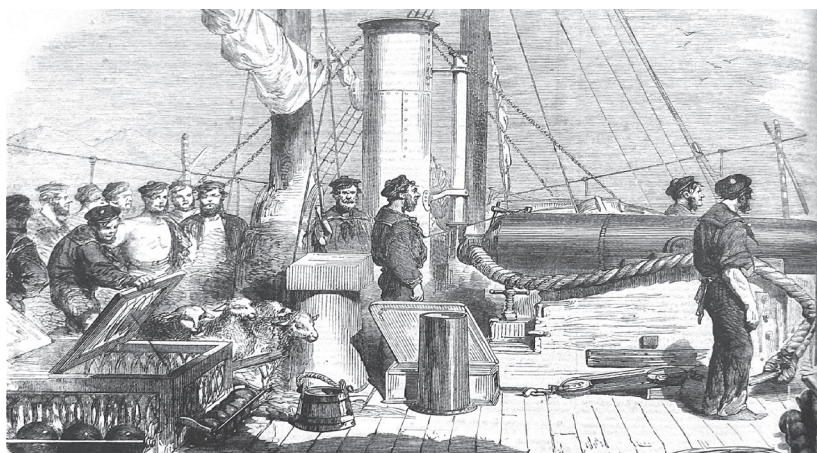
Сэр Джон Бауринг, доктор юриспруденции, Губернатор Гонконга, Полномочный Её Величества в Китае¹⁵

Бауринг, давно искавший повод для расширения британского анклава в Гуанчжоу, ограниченного на тот момент территориями иностранных факторий, поинтересовался у Паркса, нельзя ли использовать инцидент с лорчей для расширения британского поселения вглубь города.

Через два дня наместник Е Минчэнь приказал освободить девятих членов экипажа, но настоял на заключении под стражей оставшихся трёх. В ответ на это Паркс написал Баурингу письмо с предложением отомстить китайцам и похитить у них одну из джонок, принимавших участие в аресте «Arrow». 14 октября 1856 г. план был приведён в дей-

ствие, но китайцы проигнорировали новый инцидент. Одновременно Баурингу в Гонконге стало известно, что «Arrow» уже несколько дней как вышла из британской юрисдикции.

Несмотря на своё открытие, 21 октября британцы направили Е Минчэню ультиматум, согласно которому все члены экипажа лорчи должны быть освобождены в течении двадцати четырёх часов, губернатор должен принести публичные извинения и впредь уважать всех британских подданных в Китае. Е Минчэнь освободил экипаж в установленные сроки, но отказался приносить извинения¹⁶. Этого оказалось достаточно для начала новой войны.

Стрельба из десятидюймовых орудий в Гуандуне¹⁷

23 октября Паркс приказал контр-адмиралу Сеймуру¹⁸ начать бомбардировку фортов к югу от Гуанчжоу, которые вскоре были уничтожены или захвачены британским десантом. 25 октября началась бомбардировка самого Гуанчжоу. 29 октября британцы приступили к обстрелу ямэня¹⁹ Е Минчэня, на тот момент уже покинувшего город, а затем десант устремился на штурм города. В тот же день над резиденцией китайского наместника были водружены британский и американский²⁰ флаги.

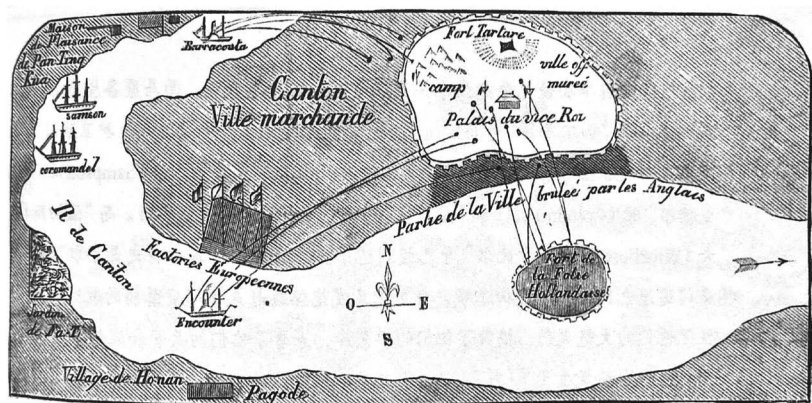
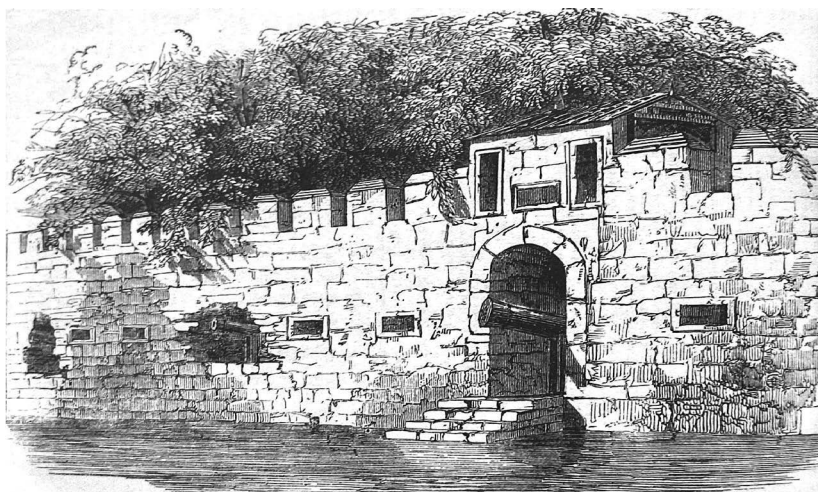

Схема обстрела Гуанчжоу английскими судами в 1856 г.²¹

Английская батарея, устроенная в брешах стен
«Голландского потешного форта»²² рядом с Гуанчжоу²³

После взятия города переписка между британцами и китайцами возобновилась: Е Минчэнь соглашался на переговоры, но через представителей. Одновременно наместник Гуандуна занимался организацией различных диверсионных мер: награда за британскую голову за несколько месяцев воз-

росла с 30 до 100 долларов²⁴; в Гуанчжоу стали действовать стрелки и факельщики-поджигатели. Эти меры не могли нанести существенного урона британскому корпусу, но нередко оказывали сильное психологическое воздействие.

29 октября китайский экипаж канонерской лодки «Чертополох» («Thistle»)²⁵, занимавшейся доставкой почты из Гонконга в Гуанчжоу, взбунтовался и при помощи китайских солдат, выдававших себя за пассажиров, обезглавил двенадцать европейцев, после чего отправил канонерку в дрейф²⁶.

12 ноября 1856 г. Паркса посетили гуандунские купцы, которые согласились на требования британцев расширить английский сеттлмент, но заявили о своей неспособности повлиять на китайскую администрацию. Англичане явно переоценили роль местного купечества, но не решались прибегнуть к помощи тайпинов²⁷, чьи представители предлагали иностранцам свои услуги и чьи корабли неоднократно пытались зайти в бухту Гуанчжоу, но останавливались английским флотом.

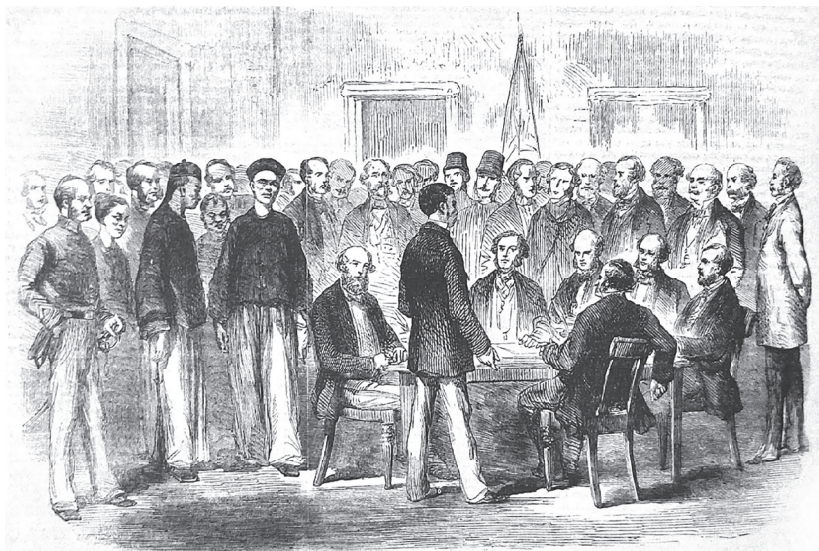

Мистер Паркс прощается со старыми мандаринами, отвечающими за иностранные фактории в Гуанчжоу²⁸

Период неопределённости затянулся до 14 декабря, когда Е Минчэнь приказал поджечь иностранные фактории. В январе 1857 г. китайцы двинули на английский флот флотилию брандеров²⁹, загруженных восемью тысячами фунтов пороха. Хотя атака не нанесла существенного урона флоту, контр-адмирал Сеймур посчитал, что безопаснее увести флот к Макао.

10 января 1857 г. Бауринг написал генерал-губернатору Индии, лорду Каннингу³⁰ что для открытия «ворот Китая» – Гуанчжоу, ему требуется пять тысяч солдат и небольшое количество орудий³¹.

15 января 1857 г. в Гонконге произошло массовое отравление мышьяком, замешанным в муку на главной пекарне колонии. В результате отравления умерла жена Бауринга и пострадало около 400 человек. В колонии началась «охота на ведьм»: после ареста нескольких сотен человек около половины китайского населения колонии покинула остров.

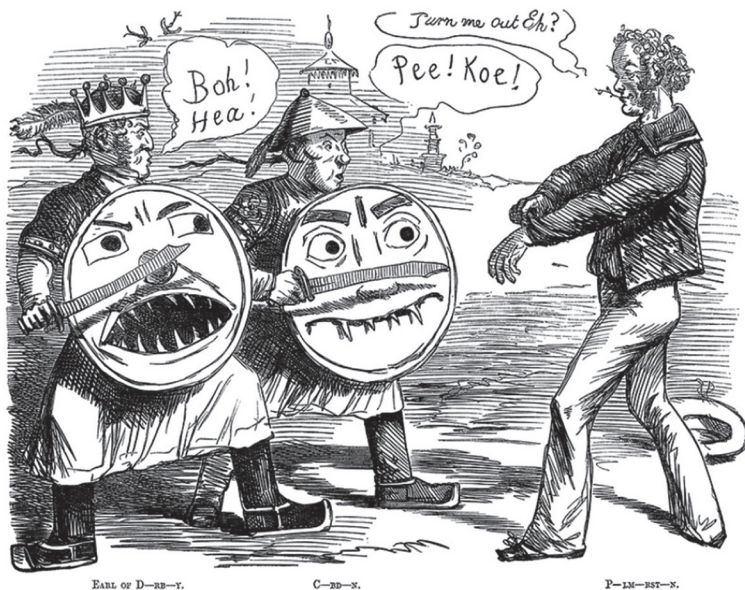
Допрос главы пекарни, Исина (易兴) в полицейском участке Гонконга, о. Виктория по делу об отравлении³²

31 января 1857 г. Британское правительство, возглавляемое лордом Палмерстоном³³, разрешило выделить Баурингу войска. 7 февраля 1857 г. Министр иностранных дел Британии, Джордж Вильерс Кларендон³⁴ приказал контр-адмиралу Сеймуру заблокировать Великий канал.

В Лондоне, однако, новые военные действия в Китае вызвали противоречивую реакцию. 24 февраля 1857 г. в британской Палате лордов состоялись прения, на которых глава оппозиционной на тот момент партии консерваторов, лорд Эдвард Джордж Джеффри Смит-Стэнли Дерби³⁵ выступил с критикой Бауринга и Паркса, заявив, что они узурпировали право Британской короны на объявление войны, что лорча «Аггоу» фактически не является британским судном и что действия британских представителей в Китае достойны осуждения, а сам инцидент является «самым подлым [предлогом] для войны, который когда-либо был»³⁶. Министр иностранных дел, лорд Кларендон, попытался оправдать политику применения силы с точки зрения получения практических выгод для британской торговли в Китае. На состоявшемся через два дня голосовании политику правительства поддержали 146 членов Палаты, при 110, проголосовавших против³⁷.

В тот же день, на дебатах в Палате общин во время обсуждения инцидента с лорчей и опиумной торговли Британии в Китае, коалиция, состоящая из представителей движения радикалов и консерваторов, проголосовала за вотум недоверия парламенту. 263 представителя Палаты выступили за вотум, 247 – против. Лорд Палмерстон был вынужден распустить парламент³⁸.

Парламентские обсуждения привели к тому, что Бауринг стал восприниматься в Лондоне как крайне непредсказуемая и авантюрная фигура. В связи с этим было решено отправить в Китай специального посланника, который должен был войти в прямое сообщение с представителями маньчжурского императора. 13 марта 1857 г. британским посланником в Китай назначили Джеймса Брюса Элгина³⁹, ранее занимавшего посты губернатора Ямайки и генерал-губернатора Канады.

THE GREAT CHINESE WARRIORS DAN-BEE AND COB-DEN.

«Великие китайские воины Да-би и Коб-дэнь». Карикатура, пародирующая схватку в английском парламенте. Лорд Палмерстон в форме английского моряка (справа): «Ну что, прогоните меня?».

«Китайские воины» — лорд Дерби и Ричард Кобден⁴⁰

Лорд Элгин согласился на новое назначение, но, судя по всему, сам был не вполне солидарен с курсом Палмерстона. За два дня до своего назначения Элгин написал супруге в Шотландию: «Предложение состоит в том, чтобы предпринять специальную миссию продолжительностью в несколько месяцев с целью урегулировать важный и трудный вопрос, который сейчас затрудняет нас на Востоке и привлекает внимание всего мира. На каком основании я могу отказать? [Уж точно] не по политическим причинам, как бы я ни был против правительства. Это могло быть причиной, которая помешала бы правительству сделать мне это предложение, но не мне — принять его. Сама миссия Полномочного есть признание того, что существуют ошибки, которые следует исправить»⁴¹.

Перед отправкой в Китай, Элгин получил указание Кларендона ни при каких условиях не пытаться сохранить за собой Гуанчжоу, взятый Сеймуром по приказу Бауринга. Вместо этого Элгин должен был: добиться права направлять английских посланников в Пекин с целью непосредственного взаимодействия с императорским правительством; открыть для торговли новые порты и произвести ревизию Нанкинского трактата 1842 г.; получить репарации и компенсации⁴². Применение военной силы допускалось в исключительном случае, при этом с целью сохранения жизней британских солдат рекомендовалось ограничиться военными действиями на море.

Элгин добивался от Министерства иностранных дел прямого подчинения британских военных в Китае и, желая начать разговор с позиции силы, попросил отправить к берегам Китая дополнительный военный контингент, который должен был достичь места перед непосредственным началом переговоров. Вторая просьба была удовлетворена, но военные получали двойное подчинение – с одной стороны они подчинялись Элгину, с другой – флотом командовал вице-адмирал Сеймур, а сухопутными войсками – генерал Томас Ашбурнхэм⁴³.

Добравшись до Египта, лорд Элгин по недавно построенной железной дороге отправился в г. Суэц. Там британский посланник пересел на корабль, на котором в мае 1857 г. прибыл к берегам Индии. В этот момент в Индии уже полыхало восстание сипаев, которое представляло серьёзную угрозу для британского владычества в регионе. Достигнув 3 июня Сингапура, Элгин получил письмо от своего однокашника по Оксфорду, генерал-губернатора Индии, лорда Каннинга. Тот умолял британского посланника отправить ему на помощь войска, предназначенные для отправки в Китай. Не имея возможности обратиться к вышестоящему руководству в Лондон⁴⁴, британский посланник распорядился отправить в Индию 1700 солдат из состава 90-го Маврикийского полка, ожидавшего его в Сингапуре. По мнению ряда историков, это

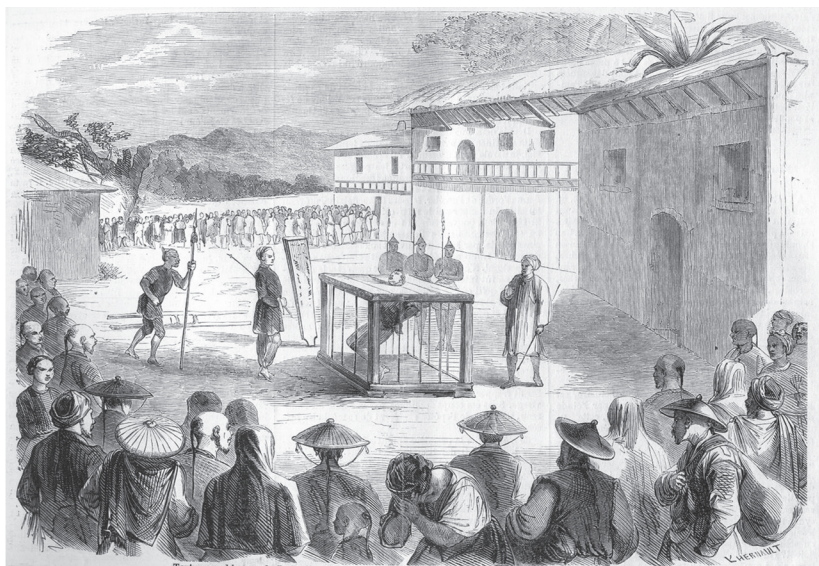
решение в критический момент спасло британское владычество в Индии⁴⁵.

2 июля 1857 г. лорд Элгин на борту фрегата «Шэннон»⁴⁶ прибыл в Гонконг без каких-либо войск. Вице-адмирал Сеймур был недоволен отсутствием военной помощи и требовал согласия Элгина на незамедлительный захват Гуанчжоу. Элгин отказался, ссылаясь на отсутствие войск, но в личном дневнике был, вероятно, более откровенен: «Здесь носится *idée fixe*, что пока в Гуанчжоу не произойдёт массовой резни ничего нельзя сделать»⁴⁷. Непростые отношения сложились у Элгина с Парксом и Баурингом, которые отправили несколько писем в британское Министерство иностранных дел с целью поменять посланника.

С июня по сентябрь Элгин находился в Индии, где следил за ходом восстания сипаев. В Китай британский посланник возвратился 20 сентября 1857 г.

13 октября в Гонконг прибыл посланник Французской империи, барон Гро⁴⁸. Предлогом к французскому участию в событиях Второй опиумной войны стала смерть католического миссионера, Огюста Шапделена⁴⁹ в провинции Гуанси в конце февраля 1856 г. О смерти миссионера европейцам стало известно лишь 12 июля 1856 г. 25 июля временный поверенный в делах Франции в Макао, маркиз де Курси⁵⁰ направил протест китайскому наместнику Е Минчэню с требованием выплаты компенсаций, принесения извинений и личной встречи в Гуанчжоу. В ответе китайского наместника указывалось, что Шапделен нарушил дополнительное соглашение к китайско-французскому Хуанпускому договору⁵¹, снимавшее запрет 1724 г. на исповедание католицизма в Китае. Согласно указу императора Миньнина⁵² от 1846 г., миссионерская деятельность католиков ограничивалась пятью открытыми портами, тогда как о. Шапделен находился внутри Империи и был схвачен на территории, контролируемой мятежниками. Многие из его подопечных были заключены под стражу за измену. Тем не менее, китайский чиновник,

приказавший взять католического миссионера под стражу, был смещён со своей должности. Подобный ответ не удовлетворил французскую сторону, но во время событий в Гуанчжоу в октябре–ноябре 1856 г. Франция предпочла придерживаться нейтралитета⁵³.

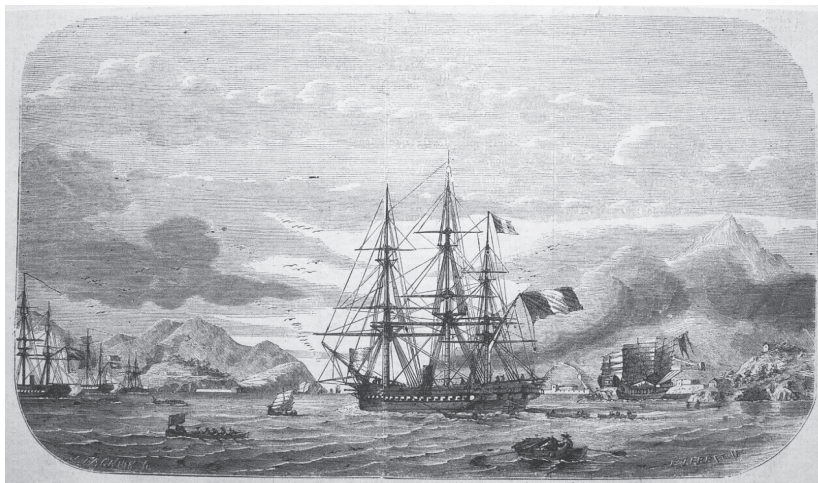

«Пытки, перенесённые миссионером Шапделеном, принявшим мученическую смерть в китайской провинции Гуанси»⁵⁴

В конце 1856 г. состоялись англо-французские переговоры, на которых было решено скоординировать свою деятельность в Китае. 25 февраля 1857 г. в Китай прибыл французский посланник Альфонс де Бурбулон⁵⁵, которому было поручено произвести ревизию французского договора. Бурбулон вскоре пришёл к выводу, что ревизия невозможна без начала новой войны.

Барон Гро был назначен посланником в Китай в апреле 1857 г. – почти одновременно с лордом Элгином. В Гонконг он прибыл на борту парового фрегата «Смелый» («Audacieuse»)⁵⁶. Инструкции барона Гро предполагали сотруд-

ничество с английским представителем с целью добиться от китайцев нового договора со сходными с Британией условиями. Впоследствии силы Англии и Франции действовали совместно⁵⁷.

*Французская гравюра, изображающая
фрегат «Audacieuse» в устье р. Чжуцзян*

В ноябре 1857 г. в Гонконг прибыл американский посланник, Уильям Рид⁵⁸, направленный президентом Бьюкененом⁵⁹. Рид прибыл в Китай на огромном пароходе «Миннесота»⁶⁰ не приспособленном для захода в китайские реки. Согласно инструкции, Рид должен был придерживаться нейтралитета, при этом американский посланник, вслед за своим президентом, крайне негативно относился к опиумной торговле в Китае.

Несмотря на дружественный тон, Рид также не был принят наместником Е Минчэнем, но принял отказ спокойно⁶¹ — американские отношения с Китаем в этот момент регулировались Вансянским трактатом 1844 г.⁶², но с 1854 г. американцы, ссылаясь на статью № 34, неоднократно предпринимали попытки заключить новый договор, но каждый раз получали отказ.

*Е Минчэнь, губернатор Гуандуна и Гуанси*⁶³

В ноябре 1856 г. между американцами и китайцами произошла серия военных столкновений у барьерных фортов Гуанчжоу, начавшихся 15 ноября, когда китайцы, не разглядев на судах флага США, открыли по ним огонь. На следующий день начался американский штурм фортов, окончившийся их взятием и почти полным уничтожением. Несмотря на этот инцидент стороны быстро пришли к мирному соглашению⁶⁴, а США вплоть до 1859 г. сохраняли нейтралитет во Второй опиумной войне.

В ноябре в Гонконг на пароходе «Америка»⁶⁵ прибыл русский посланник, Евфимий Васильевич Путятин⁶⁶. О причинах появления русского парохода у берегов Китая следует сказать отдельно.

В начале декабря 1856 г., после военных столкновений Британии и Китая в районе Гуанчжоу, вице-адмирал Путятин сообщил из Лондона великому князю Константину⁶⁷, на тот момент управляющему морским министерством России, ряд сведений о постройке Англией и Францией канонерок, предназначенных для плавания по внутренним водам Китая, и высказал предположение о готовящихся военных действиях против Цинской империи.

Российская империя в складывающейся ситуации на Дальнем Востоке стремилась закрепить свой фактический статус на Амуре, при этом развитие морской торговли, посредством открытия новых портов, и создание постоянных представительств в Китае не являлись для неё первоочередными задачами. Основная торговля между двумя странами осуществлялась по суше через Кяхту в Монголии, а также Кульджу и Чугучак в Восточном Туркестане. На тот момент Россия фактически являлась единственной европейской страной, которая обладала постоянным представительством в столице цинской династии – Российской духовной миссией. Любопытную характеристику российско-китайских отношений данного периода давал Карл Маркс: «У России совершенно особые отношения с Китайской империей. В то время как англичане и мы сами лишены привилегий непосредственной связи даже с наместником Кантона, – что касается французов, то их участие в происходящих военных действиях носит скорее любительский характер, так как в действительности у них нет торговли с Китаем, — русские пользуются преимуществом держать посольство в Пекине»⁶⁸.

Военное столкновение с Китаем для закрепления своего положения на Амуре для России являлось крайне нежелательным, поскольку в Петербурге не исключали повторения сценария Крымской войны, когда на помощь Турции пришла коалиция западных держав, имевших свои интересы в регионе, а военных сил на Дальнем Востоке было явно недостаточно. В этих условиях русское правительство утвердило на долж-

ность посланника в Китай человека, считавшегося на тот момент одним из наиболее опытных дипломатов, побывавшего в Китае и Японии в 1853 г., и зарекомендовавшего себя в «восточных делах». Этим человеком по протекции великого князя Константина стал Евфимий Васильевич Путятин, который должен был добиться встречи с Цинскими представителями.

Церковь русской миссии в Пекине. Гравюра с рисунка корреспондента газеты «The Illustrated London News»⁶⁹

В инструкции Путятину от 19 февраля 1857 г. говорилось, что поскольку англичане собираются добиваться от китайского правительства разрешения на плавание по всем китайским рекам, а Амур и прилегающие к нему земли существующими русско-китайскими договорами до сих пор не раз-

граничены, это может привести к крайне неблагоприятным последствиям для российских интересов на Дальнем Востоке. Первоочередной задачей Путятина на переговорах с китайцами стало закрепление за Россией прав на левый берег среднего Амура и морское побережье к югу от низовьев этой реки. Помимо этого, Путятину был поручен «вопрос об учреждении в Китае постоянного русского посольства, о допуске в китайские порты русских торговых судов и т. д.»⁷⁰. Открытие портов было важно для России в первую очередь с точки зрения международного престижа, поскольку Англия, Франция, США и даже Бельгия получили такое право по результатам Первой опиумной войны. Коммерческие интересы для России в данном случае носили второстепенный характер, так как основные маршруты русско-китайской торговли проходили по суше. Министр иностранных дел России, князь Александр Михайлович Горчаков⁷¹ писал Путятину в 1857 г.: «Интересы наши и западных держав... так различны, что для нас права и преимущества, которые последние могут вытребовать для себя на китайских морях, недостаточно важны, чтобы рисковать своими выгодами от сухопутной торговли»⁷².

Не располагая агентами на юге Китая, России был крайне необходим представитель, который мог бы на месте информировать правительство о намерениях Англии и Франции в Гуанчжоу. Отправление Путятина в Китай в глазах русского правительства могло иметь перед собой и другую цель – ускорить переговоры о разграничении границы по Амуру, которые к тому моменту уже были инициированы генерал-губернатором Восточной Сибири, Н.Н. Муравьевым⁷³, с 1854 г. получившего право на самостоятельное ведение дипломатической работы с китайцами. 20 марта 1856 г. полномочия Муравьева были утверждены Высочайше⁷⁴. Как покажут дальнейшие события, подобная «дипломатическая двойственность» оказалась крайне полезна с точки зрения заключения договоров с Китаем, с другой стороны, она же породила своеобразную конкуренцию между Путятиным и Муравье-

вым, вылившуюся (по крайней мере, со стороны Путятина) в стремление поскорее заключить с Китаем новый выгодный трактат и сообщить об этом в Петербург. Заметим, что отношения между Муравьевым⁷⁵ и Путятиным не заладились ещё с 1854 г. и, вероятно, во многом несли на себе тень личной антипатии⁷⁶. По всей видимости, это стало одной из причин, почему Путятин, надеясь попасть в Пекин, решил добиваться встречи с цинскими сановниками у берегов Китая⁷⁷, а не остался ждать их письменного ответа в Иркутске или Кяхте.

5 марта 1857 г.⁷⁸ Путятин выехал из Петербурга по маршруту Москва–Казань–Пермь–Екатеринбург–Томск–Красноярск–Иркутск. В Иркутске он встретился с генерал-губернатором Муравьевым и отправил письмо в Ургу, в котором просил цинских *амбаней*⁷⁹ поскорее организовать его проезд в Китай. 18 апреля Путятин, находившийся на тот момент в Верхнеудинске (совр. Улан-Удэ), получил письмо от *амбаней*, которые сообщали, что в случае получения ими положительного ответа из Пекина просьба Путятина будет немедленно выполнена⁸⁰. Ожидание затягивалось, Путятин направил письмо в Лифаньюань⁸¹, в котором просил направить ответ на его просьбу до 27 мая 1857 г.⁸². Не получив ответа в указанный срок, граф отправляется морем до Бохайского залива, и пребывает в начале августа в устье реки Байхэ (白河)⁸³, где впервые встречается с китайскими сановниками, которые сообщают ему, что не могут принять русское посольство, так как между Китаем и Россией «нет важных и секретных дел для обсуждения»⁸⁴, а в этом месте русские посольства прежде не появлялись. Путятин ссылается на девятую статью русско-китайского Кяхтинского трактата⁸⁵ 1727 г. и просит пропустить его в Пекин, но получает отказ.

Далее граф направляется в Шанхай для получения почты из Петербурга, а затем вновь возвращается к устью Байхэ⁸⁶, где вторично просит пропустить его в Пекин, но уже через г. Тяньцзинь. Получив ещё один отказ, Путятин вновь следует в Шанхай, где узнает о готовящемся штурме англо-француз-

скими войсками Кантона и направляется в Гонконг по маршруту Нинбо-Фучжоу-Сямэнь, и пребывает на месте, как указывалось выше, в ноябре 1857 г. Таким образом, представители четырёх Великих держав собираются в Гонконге.

Ещё 14 октября Элгин получил письмо от лорда Кларендона с указанием, что в связи с приближением зимы, операции в районе Байхэ будут затруднены, поэтому необходимо захватить Гуанчжоу.

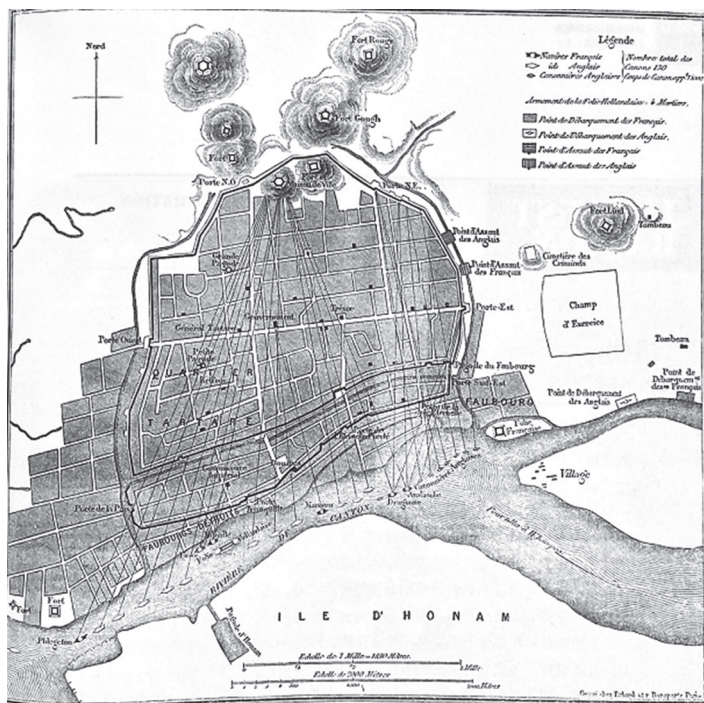
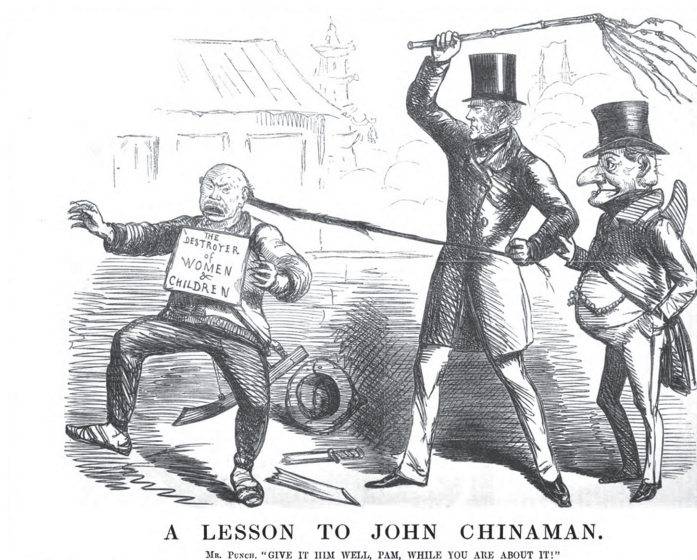

Схема обстрела Гуанчжоу англо-французской эскадрой в декабре 1857 г.⁸⁷

В декабре три английских корабля с двумя тысячами британских солдат, прибывших из Калькутты, заходят в гавань Гуанчжоу вместе с французским флотом под командованием адмирала Риго де Женуи⁸⁸. Англия и Франция выдвигают

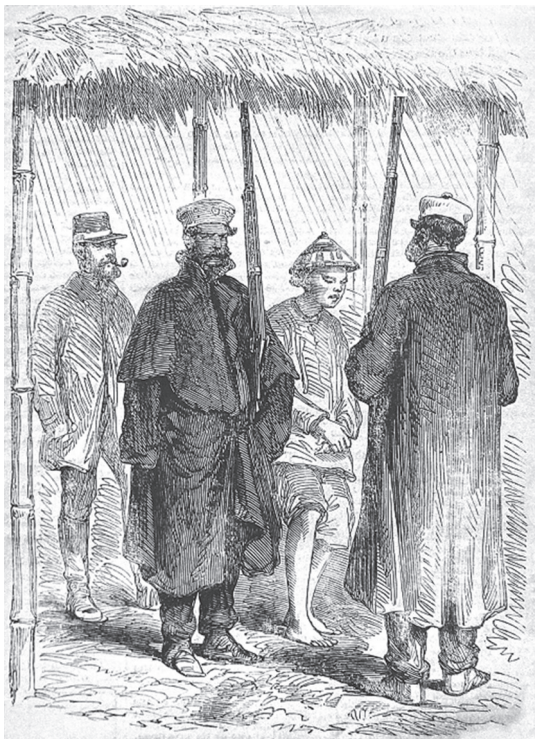
Е Минчэню ультиматум с требованием репараций, пересмотра трактатов и свободного доступа в Гуанчжоу. Китайский наместник отвечает отказом, сообщая, что имеющиеся трактаты заключены на «десять тысяч лет»⁸⁹. 15 декабря союзники без боя овладевают одним из островов в гавани Гуанчжоу, а 21 и 24 декабря направляют наместнику ещё два ультиматума, которые Е Минчэнь игнорирует.

*Карикатура «Урок Джону-китайцу»⁹⁰. Мистер Панч⁹¹:
«Пока ты здесь, задай ему хорошенько, Пэм»⁹²»⁹³*

Попытка Путятина отговорить представителей западных держав от штурма не увенчалась успехом⁹⁴ – 27 декабря начинается битва за Гуанчжоу, а уже 30 числа город взят и подвергнут разграблению. 5 января 1858 г. схвачен Е Минчэнь, которого решают держать в заключении на плавучей тюрьме, а 20 февраля бывшего наместника отправляют в Калькутту, где он и скончался.

Остаток зимы 1858 г. посольство Путятина проводит в Макао.

*Бенгальские сипай-часовые
на губернаторской пристани Гуанчжоу⁹⁵*

В марте 1858 г. с целью усиления британского контингента в Гуанчжоу прибывает 70-й Сипайский полк, британцы и французы отправляются на север — в Шанхай, а далее — к устью р. Хайхэ рядом с Тяньцзинем, куда прибывают в середине апреля 1858 г. Фактически с этого момента можно говорить о начале т.н. Тяньцзиньских переговоров, которые продолжались до середины июня и закончились заключением целой серии неравноправных договоров Цинской империи с Англией, Россией, США и Францией.

Высокая концентрация дипломатов — образованной элиты своего времени, создала значительный пласт не только официальных документов, связанных с переговорами 1858 г.,

но и личных заметок, посвящённых событиям. Дневники и письма лорда Элгина увидели свет в 1872 г.⁹⁶. Воспоминания о французском пребывании в Китае появились уже в 1860 г.⁹⁷. В Российской империи в том же году на страницах журнала «Морской сборник»⁹⁸ появилась публикация, озаглавленная «Выписка из дневника, ведённого в Пекине в 1858 году» и подписанная инициалами «А.П.», под которыми скрывался крупнейший синолог XIX в., глава Российских духовных миссий в Пекине (РДМ), архимандрит Палладий (Кафаров)⁹⁹, также принимавший участие в переговорах.

В этой публикации дневник разбит на две части, первая из которых начиналась записью от 17 января¹⁰⁰ (день обнаружения манифеста китайского императора о взятии Гуанчжоу европейскими войсками), а заканчивалась 30 апреля (возвращение автора в Пекин)¹⁰¹, вторая часть дневника начиналась 8 мая (описание пекинских слухов об иностранцах) и завершалась 16 августа¹⁰² (строительство китайцами новых укреплений между Пекином и Тяньцзинем). Всего дневник содержит 46 записей с середины января до середины августа 1858 г. Автор публикации предстает перед нами как сторонний наблюдатель или журналист, два раза посетивший Тяньцзинь перед и после подписания Тяньцзиньских договоров между Китаем и европейскими державами.

Сведения, опубликованные в «Морском сборнике» за 1860 г., безусловно, интересны с точки зрения путевых заметок по Китаю, но оставляют впечатление недосказанности вокруг роли самого автора на Тяньцзиньских переговорах, а также участия русской делегации в происходящих событиях. Указанные лакуны восстанавливает публикация «Дневник архимандрита Палладия за 1858», вышедшая в журнале «Известия министерства иностранных дел» более полувека спустя – в 1912 г.¹⁰³.

В кратком вступлении к ней приват-доцент Императорского С.-Петербургского Университета, А.И. Иванов¹⁰⁴ отмечает: «выяснилось, что при сличении подлинной рукописи

покойного учёного, хранящейся в С.-Петербургском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел, при издании дневника были опущены полностью записи за 17 дней, некоторые же из них были сокращены»¹⁰⁵. Далее обнаружен дневник архимандрита Палладия с существенными добавлениями, опущенными в публикациях 1860 г., и биографическими примечаниями А.И. Иванова и И.И. Десницкого¹⁰⁶. В данной публикации приводятся записи за 75 дней¹⁰⁷, причём некоторые из уже имеющихся в ранней публикации значительно расширены. Общая канва дневника остаётся прежней, но благодаря новым деталям проясняется роль самого Палладия в указанных событиях, а также приобретают некоторую ясность отношения архимандрита с посольством графа Путятина.

Дневник, как и в публикации 1860 г., начинается записью от 17 января, но заканчивается несколько позже – 5 сентября (сообщение о количестве риса, доставленного в Тяньцзинь из южных провинций, и надежда Палладия на то, что охлаждение к Российской духовной миссии в Пекине со стороны Лифаньюаня будет недолгим).

Второе издание дневника проливает свет на многочисленные подробности, опущенные в первом. Однако никакого объяснения причин, почему первая редакция дневника вышла в столь усечённом виде в предисловии и комментариях ко второму изданию дневника мы не находим. Историю публикации тяньцзиньского дневника архимандрита Палладия помогают восстановить записки одного из участников названных событий – барона Ф.Р. Остен-Сакена¹⁰⁸, являвшегося на тот момент Вторым секретарём графа Путятина. Записи эти ныне хранятся в Российском государственном архиве древних актов в фонде Остен-Сакена¹⁰⁹.

Записи представляют собой рукописные и печатные листы, обёрнутые в книжный переплёт с надписью золотыми буквами на корешке «Тянь-цзинские переговоры и заключение трактатов с Китаем в 1858 г.». В общей сложности они

насчитывают 175 пронумерованных карандашом листов и несколько десятков чистых пронумерованных листов. Всё содержание тома можно разделить на три части:

1. Рукописное введение барона Ф.Р. Остен-Сакена, рассказывающее историю первой публикации дневников Палладия в 1860 г. Содержит 8 листов рукописного текста и 2 листа рукописных приложений. Введение датировано 15 января 1905 г. и заверено подписью самого барона.

2. Страницы журнала «Морской сборник» № 9 и № 10 за 1860 г. с первой публикацией дневников Палладия. Печатные страницы перемежаются белыми листами с рукописным текстом, восстанавливающим фрагменты, опущенные в первой публикации. На страницах имеется множество пометок красным и синим карандашами, а также чернилами, указывающими места, куда следует вставить те или иные рукописные фрагменты текста. Дневниковые записи за те дни, которые полностью отсутствуют в первой публикации, приводятся на отдельных листах с рукописным текстом. Сличение данной рукописи и второй публикации дневников в 1912 г. выдаёт их полное сходство.

3. Рукописный дневник самого барона Ф.Р. Остен-Сакена, озаглавленный «Из дневника ведённого во время экспедиции Графа Путятина в Китай (слабое подражание предыдущему) на пароходе «Америка» в реке Пей-хо¹¹⁰». Дневник начинается записью от 9 мая 1858 г. по старому стилю (21 мая по новому стилю) и завершается 28 июня по старому (10 июля по новому стилю). В нём содержится 182 страницы и имеется схема с рисунком береговых укреплений Дагу. Дневник полностью нигде не публиковался, хотя его материалы могли быть использованы в подготовке статьи «*Souvenirs de l'Ambassade du Conte Poutiatine en Chine*» на французском языке, вышедшей в газете «*Journal de St. Petersburg*»¹¹¹ в 1876 г. и цитировались Хохловым в статьях «Переговоры Е.В. Путятина с Ци Ином в 1858 г.»¹¹² и «Англо-франко-китайская война (1856–1860) и вопрос о помощи России Китаю»¹¹³.

Анализируя рукопись барона, мы приходим к выводу, что она является чистовой копией или выпиской из неизвестного нам дневника. Во-первых, об этом говорит само её название – «Из дневника, веденного во время экспедиции Графа Путятин в Китай», т.е. предлагаемая рукопись является лишь выпиской из другого журнала. Какого – не до конца ясно: это может быть дневник Остен-Сакена на немецком языке, находящийся в упоминаемом выше фонде¹¹⁴ в Москве или записки барона из его фонда в Санкт-Петербургском филиале архива РАН¹¹⁵. На данный момент у нас нет возможности произвести сверку.

Во-вторых, в фонде Остен-Сакена в Москве нами также были обнаружены черновые заметки барона, озаглавленные в архивной ведомости «Записки Ф.Р. Остен-Сакена о поездке в Сибирь и на Дальний Восток»¹¹⁶. В этих записках 27 листов, но нумерация, проставленная самим бароном, начинается в них с цифры 9. Записки можно разделить на две части:

1. Путешествие посольства Путятин по России. Оно начинается со слов «...тело всякий раз чувствовало самое мучительное сотрясение», при этом поскольку начало рукописи отсутствует, не совсем ясно к какой дате относится первая запись – к февралю или марту 1857 г. Первая дата в рукописи – 4 (16) марта¹¹⁷ [1857] г. – в этот момент посольство графа Путятин, направлявшееся на Дальний Восток, миновало Уральские горы. Дневник обрывается на полуслове 17 (29) марта, когда посольство добралось до Красноярска.

Эта часть рукописи представляет собой классический путевой дневник с кратким описанием увиденного в городах и на почтовых станциях России. Много места барон уделяет описанию расстояний между пунктами следования. Из состава посольства помимо самого Остен-Сакена и графа Путятин, упоминается Пётр Алексеевич Пещуров¹¹⁸, состоявший первым секретарём посольства.

2. Пребывание посольства Путятин на пароходе «Америка», в устье Хайхэ. Эта часть рукописи начинается 21 июля

(2 августа) 1857 г., а завершается 4 (16) августа того же года. На протяжении описываемых событий, посольство постоянно находится на борту парохода «Америка», где несколько раз вступает в переговоры с цинскими чиновниками с целью вручить китайской стороне официальную бумагу с просьбой пропустить графа Путятина в Пекин.

Эта часть рукописи, на наш взгляд, наиболее интересная, т. к. нигде до этого не публиковалась и содержит ценные сведения о самых первых контактах посольства Путятина с китайцами. В этот момент русское посольство ещё не располагало точными сведениями о действиях европейских держав в Китае и ожидало встретить британские суда недалеко от устья р. Хайхэ. Из представителей русской стороны¹¹⁹ в рукописи упоминаются синологи и бывшие члены РДМ, архимандрит Аввакум (Честной)¹²⁰, Александр Татаринов¹²¹ и капитан Болтин¹²². С китайской стороны упоминаются сановники Бянь Баошу¹²³, Чэнь Кэмин¹²⁴, Чэнь Чжунсян¹²⁵, Вэнь Цянь¹²⁶, а также целый ряд чиновников низшего ранга. Первые три китайских сановника впоследствии принимали участие в Тяньцзиньских переговорах и упоминаются на страницах соответствующих дневников архимандрита Палладия и Остен-Сакена. В рукописи о первом пребывании в устье Хайхэ подробно запротоколирована беседа с сановниками Бянь Баошу, Чэнь Кэмином и Чэнь Чжунсяном, состоявшаяся 29 июня (10 августа), и с сановником Вэнь Цянем при их же участии от 4 (16) августа¹²⁷.

«Записки о поездке в Сибирь и на Дальний Восток» написаны не всегда чётким подчерком и, по всей вероятности, являются черновой рукописью, тем не менее, в ней также встречаются отсылки на другие дневники барона: между 24 (5 августа) и 25 июля (6 августа) прямо в тексте сделана следующая запись: «Выписываю из своего дневника». О событиях 26 июля (7 августа) барон явно рассуждает постфактум: «Так начались наши сношения с китайцами. Лёгкость, с которую эти первые наши знакомые согласились

исполнить наше требование, казалось, предвещала успех. Мы в этот день были все очень довольны, думая, что не долго придётся страдать в душной, смрадной атмосфере нашего парохода, и что скоро получится разрешение сойти на берег». В связи с этими моментами вопрос о датировке рукописи остаётся открытым, но, вероятнее всего, она была создана в период с 1857 по 1858 гг.

Хотя барон не планировал опубликовать «Записки о поездке в Сибирь и на Дальний Восток», полный текст этой раннее неизвестной рукописи мы поместили перед «Тяньцзиньским» дневником барона за 1858 г.

Что касается самого дневника, то, на наш взгляд, он представляет собой один из ценнейших источников по истории русско-китайских дипломатических отношений и Тяньцзиньских переговоров 1858 г., в частности. Широта охвата, упоминаемые персоны, описание мест, где проходили переговоры – и всё это дано из уст непосредственного участника событий.

Во введении к дневникам барон рассказывает подробности публикации «Тяньцзиньского» дневника Палладия за 1858 г. – первоначально написанный как личные заметки¹²⁸, Палладий в конце 1858 г., очевидно, показал их приставу XIV РДМ, Петру Николаевичу Перовскому¹²⁹, который прибыл в Пекин с новым составом духовной миссии. Перовский, принадлежащий к «партии Муравьёва-Амурского», решил воспользоваться дневником Палладия с целью принижения роли путятинского посольства и направил его начальнику Азиатского департамента МИД, Егору Петровичу Ковалевскому¹³⁰. Как замечает Остен-Сакен, предполагаемого эффекта дневник не произвёл – Ковалевский не обратил на него пристального внимания, а Перовский по возвращению в Петербург был принят довольно холодно. Путятин же был произведён в адмиралы и впоследствии назначен на должность морского агента в Лондоне, а затем два года находился на посту Министра народного образования.

На страницах дневник Палладия почти нет критических замечаний в адрес графа Путятина, но в некоторых заметках чувствуется ирония, обращённая к русскому посланнику. Палладий, который на момент написания дневника проживал в Китае почти двадцать лет, хорошо знал специфику цинского чиновничества, а потому относился к китайцам не без симпатии. Одновременно с этим, архимандрит поддерживал позицию России, но методы и особенно спешка графа Путятина были ему явно не по душе, что и стало причиной иронического тона дневника. Палладий давал Путятину следующую оценку: «Граф глубоко религиозен, с англаизированными привычками, он, однако ж, не скрывает своей симпатии к фанатизму католиков. Каждое утро и вечер он посвящает по часу на молитву, может быть для очищения грехов дипломатической системы, которой он следует...». Приведём ещё один пример «иронического» тона: «...[Граф] завещал китайским полномочным не строить ничего на месте разрушенных батарей [в устье Хайхэ] и даже очистить их совершенно как *tabula rasa*, в ожидании приезда русских инженеров, которые построят тут новые укрепления. Воображаю, как приняли китайские полномочные подобное предложение. Целый год держать ворота к Пекину отворёнными, это, по крайней мере, добродушно».

Не умаляя значимости личности графа Путятина, всё же отметим, что его характер нередко вызывал противоречивые оценки у современников.

Остен-Сакен пишет во «введении» к дневникам: «бедный граф Путятин и наружностью своею и обращением всегда производил отталкивающее впечатление на всех имевших с ним дело и неподготовленных».

Выразительный портрет Путятина даётся в заметках ещё одного непосредственного участника тяньцзиньских событий 1858 г., упоминаемого в дневнике Остен-Сакена, морского офицера Александра Михайловича Линдена¹³¹. Если Палладий относился к духовенству, Остен-Сакен к дипломатам, то

Линден принадлежал к числу морских офицеров. Он давал графу следующую характеристику: «Но вообще нельзя не сказать, насколько он был любезен и предупредителен к своей дипломатической свите, настолько он предъявлял высокомерную требовательность к строевым чинам парохода... Путятин отличался, как судовой командир, особою горячностью и какою-то запальчивостью, доходившими до самозабвения. Много, вероятно, тут было и чисто напускного из желания порисоваться оригинальностью»¹³².

Остаётся загадкой, каким образом архимандрит Палладий, по замечанию современников, отличавшийся крайне осторожным характером, согласился передать Перовскому свой дневник. Возможно, пристав XIV РДМ ввёл архимандрита в заблуждение или обещал не предавать дневник широкой огласке. Действия Палладия могли быть продиктованы и собственной защитой: 9 (21) июня Кафаров записал: «Сегодня [Граф] поручил мне написать к нему письмо о моих последних действиях в Пекине, он не удовольствовался этим письмом и предложил написать другое, более полное; я понял цель моих писаний и счёл нужным быть осторожнее в выражениях». Не совсем ясно, в чём именно заключалась «цель писаний», но Палладий мог согласиться на передачу своего дневника в МИД как своего рода отчёта о собственных действиях во время переговоров.

Так или иначе, вернувшись в Петербург в 1859 г., Палладий, узнав, что о существовании (но, не содержании) дневника каким-то образом стало известно графу Путятину, попросил Остен-Сакена опубликовать в «Морском сборнике» его «Тяньцзиньский» дневник в сильно усечённом виде. Остен-Сакен произвёл правку дневника, но она не удовлетворяла архимандрита и он, по замечанию барона, «вымарал гораздо больше». После чего в 1860 г. в печати появилась первая версия дневника.

Барон Остен-Сакен, который на тот момент располагал собственными записями о тяньцзиньских событиях весны и

лета 1858 г., отложил их публикацию почти на полвека спустя – к началу 1905 г. Отыскав оригинал дневника Палладия, он восстановил опущенные в публикации 1860 г. места, написал к ним введение и добавил свой собственный дневник, который, как упоминалось выше, так и остался в рукописи. Ниже мы приводим полные тексты дневника и введения с подробными комментариями.

Данная публикация не несёт задачи подробно проанализировать дневники архимандрита Палладия и барона Ф.Р. Остен-Сакена, мы лишь надеемся, что их публикация облегчит такую задачу для последующих поколений исследователей российско-китайских отношений.

Все иллюстрации, за исключением схемы укреплений в Дагу, сделанной бароном Остен-Сакеном, добавлены нами из английской, американской и французской периодики соответствующего периода.

ВВЕДЕНИЕ Ф.Р. ОСТЕН-САКЕНА ОТ 1905 Г.

В этой книжке соединены два рассказа или, точнее, два дневника ведённые за один и тот же период времени. Первый из них принадлежит лицу почти постороннему – зрителю и наблюдателю происходивших событий; второй составлен одним из действующих лиц, впрочем, весьма второстепенным. Первый есть произведение образцовое, высокоталантливое, в высшей степени любопытное, увлекательно написанное; второй – труд ничтожный, ученический, показывающий малую наблюдательность автора. Первый дневник принадлежит перу архимандрита Палладия (Кафарова); второй перу нижеподписавшегося барона Фёдора Остен-Сакена.

История дневников о. Палладия довольно любопытна.

При поездках своих Палладий имел привычку записывать каждодневно важное и испытанное. Потом, в известных случаях, он обрабатывал записанное и тогда выходили *chef d'oeuvres*'ы¹³³, вроде настоящего дневника или, напр., его путевых записок по Монголии в 1849 году¹³⁴ и дорожных заметок от Пекина до Благовещенска на Амуре в 1870 году¹³⁵.

Что первоначальные наброски его требовали весьма значительной литературной отделки, в этом я мог убедиться из попавших в мои руки, после кончины Палладия, черновых тетрадей, заключавших в себе продолжение путешествия в 1870 году вниз по Амуру до Уссурийского края. К крайнему сожалению оказалось совершенно невозможным напечатать эти любопытные и оригинальные наброски, из уважения к памяти покойного. Они, надеюсь, сохранились в Архиве географического общества¹³⁶.

Но на Пекинский дневник 1858 года Палладий положил очевидно особенное старание и дал полную волю своей сатирической жилке; а пищи для этого было достаточно.

Я не стану описывать домашний обиход нашего Посольства: всё подмеченное о. Палладием, увы, совершенная истина¹³⁷. Можно представить себе какую странную и смешною должна была показаться ему среда, в которую он внезапно попал после восьмилетней, тихой, созерцательной жизни в Пекине. К тому же бедный граф Путятин и наружностью своею и обращением всегда производил отталкивающее впечатление на всех имевших с ним дело и неподготовленных.

И вот Палладий стал замечать, удивляться, негодовать – и записывать. По всей вероятности, эти записки никогда бы не увидели света Божия если бы не – Пётр Николаевич Перовский.

Пётр Николаевич Перовский был назначен Приставом четырнадцатой (и последней)¹³⁸ Пекинской духовной Миссии, которая отправилась из Петербурга весною 1857 года. Предполагалось, что в Пекине она застанет ещё графа Путятина, который со свитою своею, отбыл из Петербурга в феврале того же года. Но, как известно, китайцы отказались принять чрезвычайное посольство Путятина, и он спустился по Амуру в Николаевск¹³⁹, а оттуда на пароходе отправился в Печелийский залив¹⁴⁰ и т.д. – В донесении своём Министерству [иностранных дел] из Троицкосавска¹⁴¹, Путятин, объяснив недружелюбный поступок китайцев, предложил между прочим приостановить отправку новой Духовной миссии, чтобы тем окончательно показать китайцам неудовольствие Русского правительства. Это¹⁴², крайне непрактическое, предложение было принято, причинило Министерству много лишних расходов и не принесло никакой пользы. Китайское правительство отнеслось к этому с обычным своим равнодушием. – Новая Духовная миссия¹⁴³, в полном своём составе провела зиму 1857–58 года в Иркутске. Перовский за это время успел сблизиться с генерал-губернатором Муравьёвым и познакомиться ему; и когда последний весной 1858 отправился на Амур, то взял Перовского с собою. Таким образом ему

удалось быть участником при заключении Айгунского трактата и поместить своё имя в лист подписей на этом трактате. Сколько помнится, Муравьев представил его за это к какой-то награде и таким образом приобрёл себе в лице Перовского преданнейшего человека.

*Айгунский договор. Картина В.Е. Романова (1947 г.).
Вольный образ Перовского изображён за спиной Муравьёва-Амурского*

Осенью 1858 года [четырнадцатая] Духовная миссия отправилась из Кяхты к месту назначения. Она пребыла в Пекин 28 сентября 1858 года (донесение от архимандрита Гурия¹⁴⁴ последовало, однако, только 15 октября № 28). Между тем [в] июне того же года последовало заключение Тяньцзиньского трактата. Ратификация последовала в Петербурге в августе. Инструкцией от 1 сентября 1858 г. на Перовского был возложен обмен ратификаций с Китаем. В той же инструкции Приставу поручалось: выговорить разрешение нашим караванам ходить до Пекина, или, по крайней мере, до Калгана, или

хотя [бы] до Урги, разрешение устройства факторий для караванов, и, наконец, устроить факторию в Кашгаре.

Ратификацию и инструкцию повезли из Иркутска есаул Хитрово и коллежский ассессор Неклюдов¹⁴⁵, о чём генерал-губернатор Муравьев известил Министерство иностранных дел 16 октября.

Перовский уведомил о получении им инструмента ратификации 29 ноября.

Между тем, китайцы уже успели оправиться от ужасов летнего нападения англо-французов на форты в устье Пейхо¹⁴⁶, и прибегли к различным уловкам затруднивших обмен ратификаций. На беду в различных текстах трактата: русском, китайском и маньчжурском оказались различия, что окончательно затормозило дело. Об этом Перовский доносил в феврале 1859 года. – Обменять ратификации удалось только 12 апреля, о чём Перовский донёс 15 апреля. При этом он объяснил, что для достижения цели, он был вынужден подписать и вручить китайским сановникам бумагу, обуславливающую условие допущения русского посланника через Тяньцзиньский порт. На основании 2-й статьи Тяньцзиньского трактата: «Российские посланники могут следовать в Пекин или из Кяхты через Ургу, или из Дагу, при устье реки Хайхэ (Peiho), или иным путем из других открытых городов или портов Китая». Обязательство, которое должен был подписать Перовский, заключалось в том, что в случае намерения посланника ехать в Пекин морем, то Китайское правительство должно быть предварительно оповещено об этом, чрез Ургу. Если нет препятствий для высадки при устье Хайхэ, то об этом извещается Русское правительство. Русские суда прибыв к устью реки, останавливаются у бара¹⁴⁷ (Лань-цзянь-ша)¹⁴⁸ и сообщают о своём прибытии. Китайское правительство отправляет тогда суда вниз по реке для встречи и охраны посольства, которое въезжает в Пекин чрез Северную плотину Бэйтан¹⁴⁹ (т. е. местность, где расположено наше северное подворье).

Китайцы помнили вторжение иностранцев на своих судах по р. Хайхэ до Тяньцзиня, в 1858 году, и принимали меры предосторожности.

Довольный одержанным им частичным дипломатическим успехом и надеясь на благосклонность к нему Директора Азиатского департамента, Е.П. Ковалевского, Перовский уже в мае 1859 г. входит с представлением об освобождении его от исполнения других возложенных на него поручений и о командировании ему в Пекин приемника.

Это официальное донесение сопровождалось частным письмом к Ковалевскому, содержание которого обескуражило всю изнеженную, и в сущности дрянную натуру Перовского. Умоляющий тон письма и женские жалобы в нём заключавшиеся были недостойны уважающего себя человека. Письмо это поразило князя Горчакова и он написал на нём: «Перовский может быть хороший чиновник *«mais certes ce n'est pas un homme d'action»*¹⁵⁰.

Этот отзыв был роковым для его карьеры. Разрешение выехать из Пекина было выдано Перовскому легко, так как новый Посланец в Китай уже выехал из Петербурга 6 марта 1859 года¹⁵¹.

В Петербург он (Перовский – А.К.) прибыл в половине декабря и был принят довольно сухо. Попытки получить сколько-нибудь видное самостоятельное место, не удавались; и в 1863 г. он решил взять место Генерального консула в Геную, где и умер в 1865 г.

Но возвращаясь к истории «Дневника». Во время пребывания Перовского в Пекине, начальник 13-й Духовной миссии, архимандрит Палладий показал ему свой дневник, который, конечно, привёл в восторг Перовского по литературности, художественности изложения, а главное потому, что он совершенно ронял значение путятинского посольства и этим доставлял удовлетворение Муравьёву. Перовский уговорил арх. Палладия дать ему этот дневник, для пересылки в Петербург. Всякому знавшему осторожный, даже

мнительный, характер о. Палладия такой поступок представляется необъяснимым. Дневник был отправлен в Петербург 29 ноября 1858 г., не помню теперь, по какому обстоятельству он был получен в Азиатском департаменте только 11 марта 1859 г. В короткой препроводительной записке Перовский предупреждал Е.П. Ковалевского, что посылает этот дневник «подлинник исключительно¹⁵² на Ваше только благоусмотрение». Предполагавшегося эффекта дневник, однако, не произвёл. Ковалевский в то время уже охладил к Перовскому, был недоволен его сближением с Муравьевым, досадовал на его неумелость в переговорах с китайцами. Я был у него (Ковалевского – А.К.) в кабинете, когда пришла пекинская почта: он взглянул на толстую тетрадь, прочёл препроводительное письмо, и, передавая их мне, сказал: «Ну это какие-то пекинские сплетни, этого я не буду читать».

Сколько мне известно, кроме двух-трёх товарищей, которым я давал читать этот литературный перл, никто его не читал ни в Министерстве, ни вне его.

Пострадал только один автор, который долго мучился в сознании допущенной им опрометчивости. Он не мог успокоиться на мысли, что дневник¹⁵³ не получил почти никакой огласки. Вернувшись в Петербург, он явился ко мне, заговорил о своей неосторожности, каялся, и наконец придумал следующее: так как граф Путятин, без сомнения, знает о существовании дневника, то хорошо было бы для прекращения всяких дальнейших сплетней, напечатать его, напр. в Морском сборнике, подвергнув его предварительно строжайшей чистке и цензуре. Меня он просил взять на себя эту работу. Я, конечно, согласился и указал ему что, на мой взгляд, подлежит исключению. Но о. Палладий в обуйавшем его страхе, не удовольствовался этим, и вымарал гораздо больше. И всё-таки, несмотря на беспощадную цензуру, оставшееся представляло из себя очень занимательную статью.

В таком виде дневник появился в августовской и сентябрьской книжке Морского сборника за 1860^й год. В ниже помещаемом экземпляре статьи восстановлены все исключённые места.

Остен-Сакен.

15 января 1905 г.

Я перечитываю, с наслаждением, дневник и вздумал снабдить его несколькими примечаниями.

ВВЕДЕНИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ ДНЕВНИКА АРХИМАНДРИТА ПАЛЛАДИЯ ЗА 1858 Г. (1912 Г.)

Дневник архимандрита Палладия¹⁵⁴, выдающегося русского синолога прошлого столетия, был уже напечатан в «Морском Сборнике» за 1860 г. (Т. 48. Стр. 483–509 и Т. 49. Стр. 88–105).

Как выяснилось, однако, при сличении подлинной рукописи покойного учёного, хранящейся в С.-Петербургском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел, при издании дневника были опущены полностью записи за 17 дней, некоторые же из них были сокращены.

Особый интерес, возбуждаемый эпохой дневника – переходным временем русской политики на Дальнем Востоке – и высокий авторитет автора, принимавшего непосредственное участие в переговорах, служат, нам кажется, достаточным основанием для обнародования дневника полностью.

Приват-доцент

Императорского С.-Петербургского Университета

А.И. Иванов.

ТЯНЬЦЗИНЬСКИЙ ДНЕВНИК АРХИМАНДРИТА ПАЛЛАДИЯ (1858 г.)

17-го [29] января¹⁵⁵. Сегодня обнаружен вчерашний указ Богдыхана¹⁵⁶ о взятии Кантона европейскими войсками. Государь возлагает вину на Кантонского генерал-губернатора Е Минчэна¹⁵⁷ и упрекает его в самовольных распоряжениях, без совещаний с другими кантонскими высшими властями, и в неумении вести дела с европейцами. Е Минчэнь¹⁵⁸ заочно лишён чинов; вместо его, Кантонским ген.-губернатором назначен некто Хуан Цзун-хань¹⁵⁹, бывший начальником Пекинской области; он будет, вместе с тем, полномочным комиссаром в делах с европейцами. Хуан Цзун-хань отправится чрез Приморские порты, для собрания нужных сведений о положении дела.

Е Минчэнь принадлежит к знатной китайской фамилии, из которой выходили сановники и учёные. Он был известен честностью и деятельностью, качествами, ныне весьма редкими в Китае, и потому занимал пост в Кантоне, считающийся самым важным; в несчастном деле о лорче¹⁶⁰ он должен был действовать, как истый китаец, в чувствах ненависти к англичанам. Народная молва заранее донесла в Пекин весть о потере Кантона, с прибавлением что Е Минчэнь попался в плен и держится в клетке; некоторые предполагали даже, что англичане, поймавши своего недруга, сбросили его с корабля в море; этот слух о пленении Е Минчэня долго ходил по Пекину, более забавною притчей, чем тревожною вестью.

Не в добрую пору лорча подала повод к раздору между Китаем и европейцами; что могут предпринять против них маньчжуры, при плачевном состоянии финансов и всеобщем волнении в Империи. Если бы кантонские события не

возникли, Пекинское правительство могло бы ещё поддерживать борьбу с внутренними мятежами и неурядицами; но теперь, когда готова возникнуть неравная борьба с сильными европейскими нациями, вопрос может сделаться династийным. Кажется, не произвольное ослепление, а рок влечёт маньчжуров к конечной гибели. Государь доселе опасно болен; дела в руках Верховного совета, князей и министров, недалекого ума и неглубоких соображений. Молодой Богдыхан¹⁶¹ не в состоянии возбудить энергии в правительственных лицах и поддержать ветхую храмину Империи.

17-го февраля [1 март]. Из России получен и сдан в здешнее русско-маньчжурское училище¹⁶² лист от нашего Министерства [иностранных дел], которым, наконец, возвещается о предстоящем следовании новой [Духовной] Миссии в Пекин, на смену нашей. В тревожном ожидании грядущих событий, по распре Китая с европейцами, и без пользы для дел, оставленные в Пекине лишний год, мы с восторгом приняли это известие об освобождении нашем из китайского пленения. Задержание новой Миссии на границе, конечно, произвело здесь впечатление, но далеко не столь грозное, как ожидали; для полного эффекта, следовало бы, не отправляя новой Миссии, вызвать прежнюю, что также было бы весьма неблагоприятно. Во всяком случае, эта полумера, кроме лишних расходов для нашего правительства и убытков для монголов, не произвела ровно ничего существенного.

27-го февраля [11 марта]. Последствия Кантонского дела¹⁶³ начинают обнаруживаться. — Чрез Трибунал¹⁶⁴ поручено мне перевести на китайский язык депешу барона Гро¹⁶⁵, из Кантона, от 11-го февраля нов[ого] ст[илия], адресованную на имя первого министра Юйчэна¹⁶⁶. В то же время, сданы в русское училище, для перевода же, две бумаги графа Путятина¹⁶⁷, из Макао, от 27-го янв. (10 февраля), адресованные в Верховный совет¹⁶⁸. О депешах английской и американской было неизвестно. Барон Гро писал вежливо, но твёрдо, объяс-

нив сущность последних событий и необходимость более тесных политических и торговых связей с Китаем, он, по соглашении с английским полномочным министром, предлагает семь статей для нового трактата: 1) Пребывание постоянного посланника в Пекине, или, по крайней мере, отправление в Пекин, в особых случаях доверенных лиц; 2) открытие новых портов для европейской торговли с Китаем; 3) свободное путешествие европейцев по Китаю; 4) свободу для христианского вероисповедания в Китае; 5) свободную торговлю внутри Китая, в местах производства; 6) уничтожение внутренних таможен, и 7) вознаграждение военных расходов и потерь. Барон Гро требует особого полномочного из Пекина в Шанхай, для переговоров, к концу марта нов[ого] стиля.

Граф Путятин, в первом листе своём, упомянув, что послы английский и французский пригласили его и уполномоченного Соединённых штатов Америки принять участие в предстоящих переговорах, ограничивается тремя статьями: 1) свободным и беспрепятственным сношением с Пекином; 2) расширением торговли, и 3) свободой исповедания христианской веры. Граф тоже настаивает на отправлении полномочного лица из Пекина в Шанхай. Во втором листе, о котором граф, очевидно, не сообщил другим полномочным, предлагается об определении границы по левому берегу Амура и правому Уссури, так, чтобы, отыскав вблизи истоков последней другую реку, впадающую в Восточное море, отделить морской берег в наше владение; издержки на переселение маньчжурских семейств с левого берега Амура на правый, у Сахальянь ула хотоны¹⁶⁹, по словам графа, Россия готова принять на себя, и сверх того сделать Китаю вознаграждения денежные, или иного рода; желательно также ясно разграничить пределы обоих государств в Илийской области¹⁷⁰.

Депеша барона Гро, как я заметил, адресована на имя министра Юйчэна; хотя он и не заведывает внешними сноше-

ниями, занят делами внутреннего управления и даже не член Верховного совета, тем не менее, по форме и значению, он есть первое государственное лицо в Китае и пользуется особенным доверием Государя.

Соображая сущность требования европейцев, нельзя не видеть, что они хотят взять в руки ветхую империю Китая и нравственно подчинить правительство своему влиянию; это будет несвоевременный переворот; желательно, для предотвращения тяжких последствий, чтобы европейцы ограничили свои требования более благоразумными условиями; что касается до участия графа, по-видимому, он имеет полномочие содействовать европейцам в принятии их настояний у китайского правительства, но разве они не могут обойтись без нас?¹⁷¹ Разве для китайского правительства наше участие подобного рода может иметь какую-либо силу? И, наконец, что мы выиграем, воцарив других европейцев в Китае? Не понимаю, также, настояний графа о свободе христианства¹⁷²; эта статья, которой мы не приобретём ровно ничего; она явно клонится к утверждению католицизма в Китае, католицизма, с которым наш скромный и даже небывалый прозелитизм напрасно стал бы соперничать. Лучше бы вовсе не упоминать об этом столь неприятном для здешнего правительства обстоятельстве, а воспользоваться, впоследствии, общими правами, которые будут выговорены у Китая для Европы, если мы уже решились заводить пропаганду [христианства] в Китае. Наконец, вопрос об Амуре и Уссури, который естественно должен быть решён на месте, как справедливо настаивал пекинский Кабинет, снова и в полной форме, является в депешах графа; неужели в самом деле, хотят трактовать о нём в Шанхае? Все эти обстоятельства, в особенности гласная связь и обязательства представителя России со врагами Китая, должны производить здесь тягостное впечатление. Как бы ни судили, мы, по отношению к Китаю, не можем иметь тесного общения с другими державами; у нас с ним свои интересы, свои распри и своя дружба.

10-го [22] марта. Сдан в русское училище¹⁷³ давно ожидаемый ответный лист Трибунала в наше Министерство [иностранных дел], по поводу листов графа. Последовал отказ, по счёту помнится четвёртый¹⁷⁴. По-прежнему, графу предложено отправиться на Амур, где есть особый для переговоров уполномоченный. В листе выражено, что по случаю несогласия Китая с европейцами, нам не следует нарушать доброго согласия с соседями, т. е. теперь, тем паче, мы, русские, должны поддержать приязнь с маньчжурским правительством; это отдалённый намек на то, что наши вопросы возымеют на Амуре вожаемое решение. Что теперь будет предпринято графом? Уехать ему не приходится. В листе упоминается также, что для объяснений с европейцами, отправлен в Кантон особый полномочный комиссар. Конечно, требования барона Гро и графа, относительно прибытия в Шанхай китайского полномочного к концу марта нов. ст. решительно нельзя было исполнить, по краткости времени, но можно было надеяться, что Хуань Цзун-хань, по пути заехав в Шанхай, остановится там для переговоров с европейцами; оказалось не то, пекинский Кабинет по недальновидности, сделал важный промах, не обратив внимания на требования европейцев и вообразил, что они вернутся из Шанхая в Кантон.

26 марта [7 апреля]. Пополудни, я получил письменное приглашение быть завтра в Маньчжурском отделении¹⁷⁵ Верховного совета, для перевода какой-то европейской бумаги. Так как Государь теперь живет в загородном дворце Юаньминъюань¹⁷⁶, то Верховный совет и другие высшие присутственные места временно перенесены туда же. Там ждал меня приставь нашего подворья, чиновник Трибунала, по имени Сучжана¹⁷⁷. По прежним примерам я не отказался от приглашения и сегодня же отправился в Хайдянь¹⁷⁸, местечко близ дворца. Я выехал из Пекина западными воротами Сичжимэнь¹⁷⁹, от которых идёт в Хайдянь каменная дорога, некогда модная и оживлённая, но в эту пору пустынь-

ная и грустная. Близ самых городских ворот, через Обводный канал¹⁸⁰ есть каменный мост, замечательный тем, что в последние годы бедняки, лишённые всех средств пропитания, бросались и теперь бросаются с этого моста в воду канала, и тонут беспомощно; были примеры, что топились целые семейства с детьми и грудными младенцами. Предпочтение здешнему месту отдано, вероятно потому, что вода здесь глубже, чем в других местах канала. Ни полиция, ни частные люди не вступаются в подобные случаи самоубийства. При проезде через мост, человек мой видел на воде плавающий труп утопленника, на который никто не обращал внимания, тяжёлое впечатление не изгладилось во мне во всю дорогу. Ветер наносил струи холодного воздуха с западных гор, во глубине которых был ещё снег и крутил пыль по каменному помосту дороги и окрестной равнине. Мы прибыли в Хайдянь поздно вечером и подъехав к гостинице, едва могли вызвать знакомого нам хозяина её; из осторожности, он уже запер на замок ворота и все двери; перед тем недавно, в этом местечке, расположенном у самых ворот дворца, учинён был грабёж, и жители не успели ещё оправиться от тревоги.

27-го марта [8 апреля]. В 7 часов утра, я отправился из гостиницы в своём экипаже, к воротам дворца. Перед воротами устроено озеро, в летнюю пору покрывающееся розовыми цветами неньюфара¹⁸¹. Через озеро проложена насыпь, ведущая к воротам южной стены дворца. Близь этой стены раскинут был целый стан палаток, представлявший вид военного лагеря, это было торжище, для прокормления пекинских мандаринов, которые, в парадных костюмах, без церемонии, завтракали и пили чай, на открытом воздухе, иные присев на цыпочки, повсюду слышалось шипение сковород, кипение котлов, и крик разносчиков чая. Тут же стояли экипажи сановников, вместе с верховыми лошадьми, частными и курьерскими. С трудом пробравшись сквозь толпу, мы остановились в чафане Трибунала¹⁸², это большое пустое здание, где трибу-

нальские чиновники переменяют платье, обедают и ночуют. Здесь я свиделся с Сучжаной, он достал для меня пайцзу¹⁸³, или деревянную марку, с которой можно было войти во дворец; мы с ним отправились и вступили в ворота дворца; за этими воротами были другие, за сими третьи; у каждого ворот, похожих на двери, лежали курьеры и рассыльные, завернувшись в бараньи полушубки и спали глубоким сном; храпение их раздавалось по небольшим дворам, которыми мы проходили; от последних ворот шла на север длинная и узкая галерея, во всю длину занятая мандаринами, в парадных костюмах; глубокая тишина царствовала в этом пассаже; некоторые переговаривались между собою шёпотом; по правую и левую сторону галереи были двери во временные помещения присутственных мест; галерея выходила на большой чистый двор, простиравшийся с В[остока] на З[апад] на далёкое расстояние; крайние помещения, которыми она оканчивалась, были помещения для принцев и князей, слева, и для Верховного совета, справа; входы в них были уже со двора; насупротив, на севере, тянулась с В[остока] на З[апад] красная стена; за этой стеной, против галереи, поднималась золотистая крыша залы, в которой, с раннего утра, восседал и занимался делами Богдыхан; вход к этой зале был не прямо против галереи, а несколько в сторону на запад; этот вход был закрыт толпою телохранителей, стоявших неподвижно кучею. Чиновники, наполнявшие галерею, были на очереди для представления Государю; впереди их, вне галереи, на дворе стояла толпа чиновников придворного правления, под предводительством старого мандарина необыкновенной вышины; он уже несколько часов стоял на одном месте и смотрел весьма угрюмо. Мы повернули направо и вошли в маньчжурское отделение Верховного совета; это были две опрятные комнаты, занятые служащими в Совете, которые приняли меня с обычной вежливостью. На юг за стеной помещалось китайское отделение Совета, с особым входом; на восток был вход в заседание членов Верховного совета.

Верховный совет не есть штатная административная инстанция; он состоит из нескольких лиц, избираемых Государем для совещаний и соображений при особе Богдыхана; в случае дел чрезвычайных, приглашаются в Совет принцы, князья, министры и другие высшие сановники столицы. Совет – это пекинский Кабинет. Ныне в Верховном совете четыре члена; главные из них министр Боцзюнь (монгольского происхождения)¹⁸⁴ и министр Пэн (из китайцев)¹⁸⁵ последний опытнее и умнее других; его мнения всегда одерживают верх над мнениями других членов, этот человек именит в Пекине своим влиянием на дела и политику пекинского двора и считается поборником китайской системы отчуждения¹⁸⁶. Оба отделения составлены из чиновников разных палат, также по усмотрению государя.

Чрез несколько времени, главный мандарин отделения вынес от членов Совета длинный узкий лист, который он поднёс мне поперёк, как тибетский лист. Я полагал, что увижу какой-нибудь важный документ, оказалось, что то была вырезанная из английского Гонконгского журнала¹⁸⁷ страница; в ней отпечатана была прокламация английского и французского полномочных лорда Элгина¹⁸⁸ и барона Гро, от 6-го февраля нов. ст., в которой объявляется, что к 10-му марта нов. ст. снята будет блокада с Кантонской реки и порта и обнародованы правила по внутреннему военному управлению Кантоном, во время занятия оною англо-французскими войсками. Неизвестно, откуда эта вырезка из журнала доставлена в Верховный совет; по некоторым словам чиновников, сказанным в полголоса, можно было догадываться, что она прислана от Хуан Цзун-ханя, но вероятнее, что она отыскана в багаже того христианина-китайца, который вёз почту из Шанхая для католических епископов северного Китая и был схвачен в Тяньцзине, вскоре после пасхи.

Пока я с Сучжаной переводил статью на китайский язык, в комнату несколько раз входили усталые мандарины и сняв с себя парадные чётки и шапки, садились на кресла и отду-

вались, как будто после тяжёлой работы, это были очередные соприсутствующие членов Совета, являвшихся к Государю с докладами, они должны были вполне запоминать слова Государя и представлявшегося сановника и после записывать оные на бумаге.

По окончании перевода прокламации, он отнесён был к членам Совета и тотчас же представлен Государю. В этот промежуток, чиновники обступили меня и завели речь об европейцах, о действиях и намерениях которых они, как казалось, плохо знали; между прочим, они спросили меня; действительно ли прекратилась война между Россией и Англией? Когда я дал утвердительный ответ, один из них заметил вполголоса: «не удивительно после этого, что Путятин плавает куда хочет».

Чрез несколько времени, главный мандарин отделения возвратился с известием, что дело по бумаге кончено, и предложил мне по китайскому обычаю, угостить меня, от лица членов Совета, официальным обедом; я, разумеется, отказался и вышел из отделения в сопровождении толпы мандаринов. Мой провожатый Сучжана, собственно не имевший права входить в эти высшие инстанции, нёс мой портфель, с некоторой аффектацией и с видом чрезвычайно занятого человека; подходя к галерее, я заметил, что старый мандарин дворцового правления стоял на прежнем месте и с видом уже свирепым; когда мы проходили галереей, толпы безмолвных чиновников, расступались перед нами, что крайне недоумевало моего провожатого. Мы снова прошли мимо спавших курьеров и вышли наконец на шумную площадь палаток, экипажей и лошадей, как будто из тёмной пещеры, на свет Божий. Было 10 часов утра, а заседание Государя ещё не кончилось: так он восседает в зале занятий каждый день, пребывает ли в загородном или пекинском дворце, исключая торжественных и жертвенных дней. Не должно вполне верить злонамеренным толкам, будто Богдыхан совершенно покинул дела и предался в своём гареме одним удовольствиям.

Правда, при его молодости (ему 27 лет), неустройства в Китае, сознание невозможности привести в цветущее, или, по крайней мере, спокойное состояние империю, это богатое достояние его предков, недостаток правительственных талантов в сановниках, всеобщая нищета, все эти обстоятельства, как небесные кары за все злоупотребления династии и класса мандаринов, увлекают его в сферу, где он может забыть на время тяжёлое горе; тем не менее, он ещё держит в руках средоточие правительственного механизма и по охоте или по форме, с письменною помощью родственников своих и сановников, даёт направление политике и администрации. Говорят, что в новой императрице¹⁸⁹ он нашёл бы моральную поддержку, если бы у него достало воли и энергии внимать её советам. В таких размышлениях я вернулся в свою квартиру, и в тот же день уехал обратно в Пекин.

3-го [15] апреля. Разнёсся слух о прибытии европейских судов к тяньцзиньским берегам. Этого надобно было ожидать; впереди предстоит драма, пролог которой уже исполнился. Желая воспользоваться несколькими свободными днями, чтобы отдохнуть от тяжёлых пекинских впечатлений, я выехал из города в северо-западные окрестности и остановился в одной даосской кумирне, где есть тёплые воды.

4-го [16] апреля. Доставлено ко мне из подворья только что полученный из России пакет, с письмом от Н.Н. Муравьёва¹⁹⁰. В письме сообщено мне о перемене в политике нашей по отношению к Китаю; решено восстановить прежнюю дружбу с ним; адмирал Путятин назначен комиссаром при решении европейско-китайских вопросов; если Пекинский Кабинет решится обращаться к посредничеству графа, то я должен передать графу желания этого Кабинета, коли он доверит мне; окончательное разграничение по Амуру предоставлено Николаю Николаевичу. Эти вести чрезвычайно приятные: 1) амурский вопрос отклоняется от дипломатических обязанностей графа, как важная помеха

предстоявшим действиям его; 2) граф должен принять миролюбивый тон с Пекинским Кабинетом и роль посредника между им и европейцами, — положение выгодное и благоприятное. Я не знаю только, в чём заключается сущность этого посредничества; будет ли оно полное, для обеих сторон? Будет ли действительно? Китайское правительство увлечётся идеей о нашем посредничестве; но не обманется ли оно в неумеренных ожиданиях?

10-го [22] апреля. Всю ночь до утра шёл дождь с сильным ветром; утром я увидел все окрестные горы покрытыми до половины снегом; воздух очистился от пыли и тумана; вдали ясно рисовались горные удолия и пади, и урочища здешней долины; увлажненные поля покрыты были сеятелями. Из Пекина дошли сюда слухи о военном движении в столице: отправляются отряды гвардии и пушки в Тяньцзинь, для обороны от европейцев. Поселяне также толкуют о современном вопросе.

11-го [23] апреля. Вечером я получил через русское училище лист графа на имя министра Юйчэна, которым он извещает о миролюбивой политике нашего правительства к Китаю, предлагает, в общих словах, своё посредничество в распре Китая с европейцами; выражает желание иметь личные сношения с первым министром и требует к себе меня, с одним из членов миссии, для большего удобства в сношениях своих с китайскими полномочными. При листе было открытое письмо на моё имя; в нём граф приглашает меня вместе с сказанным членом миссии, для свидания с ним, в случае, если ему дозволено будет прибыть в Пекин, на что он особенно настаивает. Об Амурском вопросе ни полслова. Неизвестно, до какой степени будет полезна наша поездка к морю, для участия в посредничестве неопределённого значения. Сообразив внушения двукратно полученных мною бумаг и не надеясь, чтобы Трибунал сделал первый шаг к объяснению со мной по сему предмету, я решаюсь испы-

тать его мнение и предложить свою поездку, как вследствие полученного из России предписания. Завтра возвращаюсь в Пекин.

14-го [26] апреля. По возвращении в Пекин, я удостоверился из слухов, что уже все европейцы прибыли в тяньцзиньский порт. Сегодня, по моему приглашению, был у меня Сучжана; я предпочёл вести дело с этим чиновником, пользовавшимся милостью и особым доверием первого министра. Когда я начал объяснения по Тяньцзиньскому делу, то нашёл Сучжану приготовленным к тому; он нашёл желание моё ехать в Тяньцзинь исполнимым; при сём объяснил мне надежду Пекинского Кабинета, что при содействии графа, англичане возвратят Кантон и не будут требовать от Богдыхана миллионов лян серебра; обе эти статьи касаются чести государства и весь вопрос состоит в том, чтобы не доводить дела до такой крайности. На эти неумеренные желания я, из осторожности, не дал никаких обещаний и заметил только, что надобно наперёд узнать мысли графа.

15-го [27] апреля. Я сообщил Сучжане бумагу, в которой, упомянув о посредническом значении приезда графа в тяньцзиньский порт, я просил позволения ехать к нему, если Пекинское высшее Правительство примет дружелюбный вызов Русского. Сучжана, минуя Трибунал, отвёз мою бумагу Юйчэну, который обещался представить о том Государю.

18-го [30] апреля. Сучжана приехал ко мне с известием, что с соизволения Императора, я могу отправиться в Тяньцзинь; для сопровождения назначен Сучжана и ещё один из низших чиновников Трибунала. Сучжана неоднократно настаивал на прежних требованиях своих; но мне оставалось употреблять тоже прежнюю отговорку; действительно, я не знал значения и степени посредничества графа. Несомненно, что здесь много надеются на содействие графа, когда, после стольких бесцеремонных отказов, вдруг принимают во внима-

ние такие предложения, как о моём вызове; ожидают пользы и от моей поездки, полагая, что я могу содействовать самому деятельному посредничеству графа. Решено было отправиться из Пекина 22 апреля.

22-го апреля [4 мая]. К 8 часам утра экипажи наши были готовы и, когда прибыли провожатые чиновники, мы тронулись в путь вереницею в девять повозок. Мне интересно было путешествовать на юго-восток от столицы, куда мы не имели обыкновения ездить, в места, которые доселе были бдительно охраняемы от взоров иностранцев. Для избегания неудобств каменной дороги до Тунчжоу¹⁹¹, нас повезли другою, более прямою, дорогою, из восточных ворот южной, или Китайской, части Пекина, так что Тунчжоу оставался у нас влево. От ворот, дорога шла извилинами, как будто по древнему ложу канала; она окаймлялась пашнями, хижинами и кладбищами; вероятно, здесь некогда проведён был водопровод из реки Хуньхэ¹⁹², что на юго-западе от столицы, о котором говорит история Пекина. Проехав 25 ли¹⁹³, мы остановились, для отдыха, в местечке Юйцзявэй¹⁹⁴, в постоялом дворе, с просторными, но плохими помещениями. Поездка от Пекина в этом направлении чрезвычайно скучна и чем далее, тем хуже; кругом однообразная равнина, без особенностей и примет, бедные деревни, которые можно издали узнавать по небольшим купам дерев, бесконечные пашни, могильные холмы, вот всё, что сквозь пыль представляется утомлённым взорам путешественника, который привык к разнообразным видам горной природы, какими отличаются западные и северные окрестности Пекина. Кроме разбитых черепиц и кирпичей, я не заметил на дороге ни одного простого камня, руки трудолюбивого китайца взрыли, нивелировали и возделали необъятную равнину, простирающуюся отселе на юг. Пекинские горы исчезли в весеннем тумане, и я не без сожаления удалялся из под сени их на необозримые и ничем не защищённые поля. Через 25 ли, мы подъехали

к ветхой стене именитого местечка Чжанцзявань¹⁹⁵, расположенного на правом берегу реки Байхэ¹⁹⁶ (далее все местечки по дороге стоят на этой реке); здесь, в старые спокойные годы, была пристань для судов и путь водой сменился далее вверх сухопутным трактом; местечко обведено стеной, уже обрушившейся; ниже по течению реки есть предместье, соединённое с местечком красивым мостом. Мы не заезжали в Чжанцзявань и, переехав каменным мостом через речку, направились далее на Ю[г]. [и] Ю[го-]. В[осток]. Эта речка есть старинный проток реки Хунхэ, который проходит через Императорский зверинец, Хайцзы¹⁹⁷ (на Ю. от Пекина), и впадает в Байхэ. Через несколько времени, мы поднялись на береговую плотину и подъехали к Байхэ; здесь я впервые увидел её; эта небольшая мутная речка, протекающая среди берегов серой глины; правый берег её, в этом месте, обрывист и будучи подмываем водою, мало-по-мало обрушивается; река весьма мелка и исчерчена иловыми отмелями; по реке вверх плыли несколько парусных лодок и огромная мандаринская, или, лучше сказать, семейная, барка, с множеством надстроек и конурок, окрашенных красной охрой; суда тянулись бичевой; мандаринскую барку тянули десять человек, накинув на левое плечо короткие коромысла, к концам которых привязаны были бичёвки; они подвигались едва заметным шагом, с тихим напевом: На я цзо¹⁹⁸, который начинал передовой. Не постигаю, как это большая затейливая джонка могла плыть по столь мелководной реке, как Байхэ; надобно полагать, что плоскодонные суда китайцев слишком мало берут воды. Наверху джонки сидели пассажиры, куря трубки и с невозмутимым терпением наслаждаясь созерцанием пустынных окрестностей. Не удивительно, что при таком способе плаванья из Тяньцзиня достигают до Тунчжоу по реке, на расстоянии 350 ли, дней в пятнадцать, не менее. Мы остановились на ночевье в местечке Матоу¹⁹⁹, отстоящем от Чжанцзявани в 35 ли. Гостиница, в которой мы поместились, прислонена сзади к берегу Байхэ, на открытом кругом месте; отчего, веро-

ятно, и происходил холод, который мы ощущали; она представляла мало удобств для проезжих, как и другие гостиницы по этому тракту, – что, при торговом движении по сему пути, довольно странно. Стены комнат исписаны были стихами и заметками останавливавшихся здесь путников; некоторые из них выражали грусть по столице, которую оставили, тоску по любимым особам, с которыми слёзно расстались; другие воспевали скуку, в ожидании благоприятной погоды, для плаванья по реке; иные насмехались над гостиницей, в особенности над водой, которая здесь действительно невыносима дурна, или позволяли себе остроты, встречающиеся на стенах, и наших станционных домов. Здесь я, как иностранец, испытал все неудобства официального путешествия по Китаю, нас берегли, как зеницу ока; для надзора и охраны нашей, у ворот гостиницы устроена была на ночь баррикада из столов и стульев, зажжены свечи, развешаны фонари; кругом гостиницы всю ночь расхаживало несколько караульных, которые без милосердия били, в такт, в звонкие доски из абрикосового дерева, и в медные гонги; зловещий звук последних разносился в ночной тиши, по всему местечку; на дворе поставлен был особый сторож, который начал бить в деревянные палки без устали, но я решительно воспротивился сему последнему распоряжению, вместо битья по палкам, сторож всю ночь прокричал на мулов, давая знать, что он не спит. Двор был загромождён экипажами и мулами, последние, в числе 20, жевали солому, отчего образовался шум, похожий на шум потока. Всю ночь я не могу сомкнуть глаз.

23-го апреля [5 мая]. Я поднял своих спутников до рассвета. Густой, холодный и вонючий туман покрывал весь двор. С рассветом мы тронулись в путь. Дорога пролегла по-прежнему, по однообразной равнине; те же купы деревьев близ деревень, те же могильные насыпи, влево постоянно виднелись длинные дугообразные линии береговых плотин Байхэ, течение которой можно было узнавать издали по

мачтам лодок. Нам часто попадались верховые курьеры, с жёлтыми перевязями, в коих хранились депеши; все знали, они с морского берега. В 17 ли от Матоу, мы объехали местечко Аньпин²⁰⁰; далее 18 ли от большого местечка Хэсиу²⁰¹; дорога здесь огибает красивую мечеть, наверху которой не луна, а яблоко, так принято у здешних магометан. Эти пронырливые потомки арабов и персов расселились по всему Китаю и везде соперничают с китайцами в промышленности и торговле. Отдохнув в Хэсиу, мы отправились далее; в 35 ли проехали мимо м[естечка]. Цайхунь²⁰² несколько важного в стратегическом отношении; потом через 25 ли достигли до известного, огромного местечка Янцунь²⁰³, расположенного вдоль по берегу Байхэ. Здесь пристань для мелких перевозных лодок, называемых бочуань²⁰⁴, на которых перевозится казённый рис из Тяньцзиня в Тунчжоу; каждая лодка поднимает до 200 мешков риса; таких лодок здесь от 4 до 5 тысяч. Янцунь замечательно также тем, что составляет крайний предел, до которого достигают морские приливы. Проехав длинную и тесную улицу лавок, мы очутились на набережной Байхэ; здесь берега реки уравнены и оглажены; бочуань, — нагруженные хлебом, плыли вверх в бесчисленном множестве, одна за другой; вереница их непрерывно простиралась по течению Байхэ, вдаль, куда только зрение могло достигнуть, линия мачт извивалась по изгибам реки. Набережная была покрыта народом и чрезвычайно оживлена. Казённый рис старались поскорее сплавить вверх к Тунчжоу пока не произошло ещё решительного разлада с европейцами. Мы проехали ещё 25 ли под южным ветром, помогавшим лодкам плыть вверх, а на нас наносившим тучи пыли, и остановились на ночевье, в м. Пукоу²⁰⁵.

24 апреля [6 мая]. Рано утром мы оставили Пукоу и направились к Тяньцзиню, отстоявшему отселе в 35 ли. Пашни были сухи и оставлены без призора уже несколько дней; но сегодня выступило множество поселян с орудиями;

они шли весёлыми толпами на работу, предчувствуя дождь; мы следовали близ реки и по дороге обогнали несколько экипажей с пекинскими чиновниками, ехавшими в Тяньцзинь, по случаю дел с европейцами; местность постепенно оживлялась; мы оставили в леве запасные магазины риса, расположенные по берегам Байхэ, мачты судов, виднелись на далёкое протяжение; вправо тоже показались паруса судов, плывших как будто по вершине полей с юго-запада; они шли по Хуньхэ к Тяньцзиню. Хуньхэ, обогнув Пекинскую область, впадает в одно большое озеро и, вышед из него, протекает, в виде канала на В[осток] и соединяется с Байхэ у м[естечка] Динцзыгу²⁰⁶. Равнина, в разных направлениях исчерченная линиями мачт и парусов, представляла вид чрезвычайно занимательный. Оставив Динцзыгу влево, мы ехали вдоль высокой, отдалённой от Байхэ, плотины. Тяньцзинь раскинулся перед нами на широкой равнине довольно живописно; посреди тёмной массы домов ярко обозначались сады, общественные и религиозные здания с зелёными и жёлтыми крышами; по дороге сновали пешеходы и мелкие торговцы с корзинами на коромыслах, наполненными овощами. Мы подъезжали как будто к столице. Доехав до Хуньхэ, чрез которую устроен плавающий мост из 8 или 9 плашкоутов²⁰⁷, мы принуждены были несколько обождать, потому, что в это время средние плашкоуты были отведены для прохода нескольких торговых судов; рабочие действовали баграми, медленно, с тихим напевом; наконец суда прошли, плашкоуты введены, мы спустились с берега и по тряскому дощатому помосту перебрались на другую сторону. Далее, мы следовали по высокой плотине до протока, ниже соединяющегося с Хуньхэ; чрез неё устроен постоянный мост, деревянный, с земляным помостом. Отселе началось на юг длинное предместье Тяньцзиня; мы ехали по узкой улице, состоящей почти исключительно из лавок; несмотря на сухую погоду, каменная мостовая улицы, по низменности места, была грязная и скользкая. Улица примыкала к Императорскому каналу, или, правильнее, к реке Вэйхэ²⁰⁸,

служащей продолжением канала к Тяньцзиню; чрез канал устроен плавучий мост из шести плашкоутов; тут же расположена тяньцзиньская застава и таможня; дощатый подъём на южный берег так крут, что экипажи наши надобно было тащить с помощью нескольких человек. Канал не широк и протекая здесь, среди густой массы домов, как будто в овраге, не имеет особенного вида; вода в нём чрезвычайно мутная, жёлтого цвета, как в Хуньхэ. Байхэ, соединившись несколько выше с Хуньхэ, стекается с каналом у северо-восточного угла Тяньцзиня; этот пункт называется Саньчахэ²⁰⁹; от Саньчахэ, соединившиеся реки и протоки, составляют одну реку, называемую Хайхэ, т. е. морскою рекою, она течёт на Ю.-В.; устье её в море, как и местечко, расположенное на нём, называется Дагу²¹⁰. Переехав канал, мы подвигались к северным воротам Тяньцзиня: среди выставленных на улице в огромном количестве, местных произведений: рыбы, раков, водяных плодов и огородных овощей, воздух был влажный, пропитанный болотным запахом, который проник в наше платье и долго не испарялся. Тяньцзинь богат собственно предместьями; товары, привозимые сюда по водяным сообщениям и с моря, складываются в предместьях; здесь поэтому и живут самые богатые купцы. Мы въехали в город северными воротами, толщиною в несколько сажень, и проехали вдоль тесной улицы до южных ворот; под воротами по сторонам лежали кучи мешков с землёй, на случай защиты от ядер. Среди города возвышается проездная башня с вестовым барабаном. Находясь ещё в городе, мы имели неосторожность остановиться на несколько времени для размена серебра на медную монету; в это время, прохожие, распознав в нас иностранцев, стали останавливаться и собираться около нас в множестве; всем хотелось посмотреть на экземпляры европейских варваров, занимавших их в настоящую минуту; многие кивали нам головами, желая завести с нами разговор и слышать наш голос, чтобы составить возможно полное понятие о заморских существах. Напрасно один из сопровождавших нас

чиновников, сидевший верхом на лошади и одетый в дорожную епанчу²¹¹ красного цвета, простира к толпе речь, в которой говорил что-то о внимании к иностранцам; напрасно мой кучер, с вершины мула, объяснял любопытным, что вся вселенная находится под десницею одного Хуанди²¹² (богдыхана), и что, следовательно, нет на свете людей, заслуживающих любопытства; шумная толпа продолжала глазеть на нас, пока мы не тронулись с места и не поспешили выехать из города. Я заметил, что повозки и телеги в Тяньцзине не в употреблении; жители ходят пешком или разъезжают в небольших ручных, крытых холстом носилках. По выезде из города на юг, перед нами открылась пустынная степь, по-видимому, солончаковой почвы; переход от оживлённого города в безмолвную поморскую равнину был резкий, жизнь сосредоточилась только на берегах Хайхэ. Мы направились на юго-восток, оставив вправо кумирню Хай-гуан сы²¹³, красовавшуюся, как оазис в пустыне; пустошь усеяна была могильными насыпями, как муравейниками; далее, впрочем, изредка попадались хутора с пашнями и огородами. Дорога была исправна, поднята над уровнем степи и имела вид гладкого шоссе. В 10 ли от Тяньцзиня, мы приблизились к Хайхэ и ехали несколько времени по береговой плотине; здесь стояло бесчисленное множество китайских южных судов, на которых доставляют сюда морем рис из Цзяннани²¹⁴ и Чжэцзяна²¹⁵; далее вверх им не позволено плыть; в каждое судно нагружается около 1000 мешков риса; хлеб разгружается в мелкие лодки бочуань и отсека сплавляются в верховья. Более всего было шачуаней²¹⁶, или шанхайских судов; с ними были чжэцзянские, с круто-урезанной кормой чёрного цвета, и другие, странной овальной формы, изукрашенные и испещрённые разными красками. Хайхэ мне показалась шириною с Селенгу²¹⁷; среднюю глубину её полагают от 12 до 13 футов; левый берег порос зелёным тростником, берега были выравнены, оглажены и как будто обмазаны глиной; китайцы холят эту грязную реку, по которой текут богатства на миллионы;

как и Байхэ, она течёт крутыми извилинами, удлиняющими путь водой вдвое более сухопутного; иногда, особенно в летние дожди, наполненная через край водою протоков, она бурлит и разрывает береговые плотины. Ложе её, в иных местах, поднялось над уровнем окрестностей и суда, плывущие по ней, издали кажутся движущимися по холмам. Когда мы проезжали мимо трёхмачтовых джонок, как будто мимо леса, погонщик мулов, с видом снисхождения, с каким на нас смотрят обыкновенно китайские простолюдины, обратился ко мне и указал, не без гордости, на эти плавучие сусеки риса, главного пропитания для китайца; при этом для вящего впечатления, поднёс два пальца ко рту и показал как едят кашу; он, подобно своим соотечественникам, был убеждён, что я, как чужеземец, не имею понятия о хлебной пище; по мнению китайцев, мы осуждены на баранину и молоко. Далее ехали мы по превосходной дороге, безжизненной до местечка Сяньшуйгу²¹⁸; вблизи его есть источник пресной воды, единственный в здешней местности. Здесь мы остановились отдохнуть. Сяньшуйгу отстоит от Тяньцзиня в 50 ли и столько же от Дагу; мы решились сегодня же доехать до Дагу. Мы поднялись часа в 4 пополудни и ехали по такой же прекрасной, как и прежде, дороге. Атмосфера сделалась влажною; в воздухе распространился особый, свойственный здешнему приморью, запах; груди было легко дышать, почва пропитана была сыростью, под навесом ненастных туч, безбрежные окрестности, усеянные могильными насыпями и кое-где купами зелёных деревьев, очистились от тумана, так, что взор мог обзирать кругом эту примечательную площадь; инде²¹⁹ мы подъезжали к Хайхэ, которая делалась постепенно шире. Мы проехали чрез несколько протоков, по красивым деревянным мостам; крутые глинистые берега протоков сочились водой, после отлива, низменные места в этих оврагах заросли камышом удивительной зелени и свежести. Достоверное предание гласит, что некогда здесь впадала в море Жёлтая река, она оставила после себя следы: озёра и болота, простирающиеся

отселе на юго-запад и рассеянные по здешней равнине; из этих болот и озёр проведены в Хайхэ протоки, называемые гу²²⁰ и имеющие вид оврагов; во время морского прилива протоки наполняются водою и ослабляют действие его в Хайхэ; в отлив вода с шумом стремится в Хайхэ; в некоторых протоках устроены шлюзы. Почва здесь, несомненно, наносная и состоит из желтоватой клейкой глины, из которой, за неимением камней и кирпичей, сбивают и обмазывают дома в селениях здешних, весьма чисто и опрятно. Мы проехали огромную местечко Гэгу²²¹, замечательное, между прочим, тем, что со времени последней войны с англичанами²²², купеческие суда останавливаются здесь и не имеют права плыть вверх; товары перевозятся в тяньцзиньские магазины на телегах быками и на мелких лодках. Улицы Гэгу, как и всех здешних местечек, отличались чистотой, что большая редкость в Китае. В настоящее время Гэгу занята была отрядами войск; военные пикеты расставлены были в разных местах, по дороге попадались нам небольшие объездные отряды пекинской конной гвардии. От Гэгу, в недалёком расстоянии, мы проехали мимо Синьчэна²²³, также занятого пекинскими войсками; здесь также находится инстанция военных судов и матросов, охраняющих низовье Хайхэ. Дорога пролежала прекрасною плантацией плодовых деревьев, между которыми ярко зеленела озимая пшеница; для орошения проведены были каналы, устроены широкие резервуары, в которых выказывались срезанные в прошлом году стебли риса. Этой плантацией оканчивается всякая растительность, далее до морского берега, на пространстве 16 ли нет ни деревца, ни травки; одни только бесчисленные могильные насыпи разнообразят эти пустоши. Морской берег, однако ж, не остался бесплодным: крестьяне занимаются рыболовством и ловлением раков особого вида, главным же образом добывается из морской воды, посредством высушки, соль; десять заводов, отдаваемых в откуп, продовольствуют солью всю Чжилийскую область²²⁴. Уже вечерело и начал крапать дождь, когда мы прибыли в Дагу.

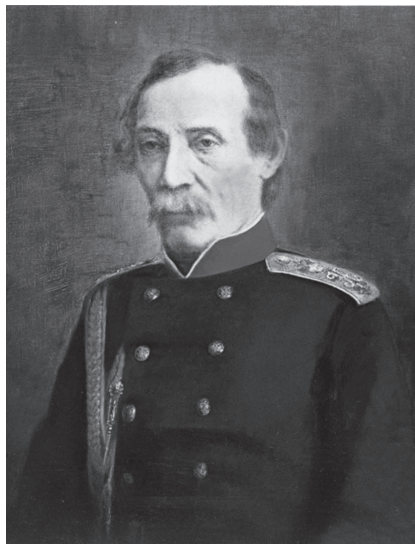
Долго мы ехали по пустынным и безмолвным улицам этого местечка, отыскивая казённую квартиру; везде встречались шалаши, врытые в землю и накрытые слоем глины, в которых жили пехотные наёмные солдаты; в некоторых направлениях тянулись *ма-дао*²²⁵, или сухие канавы, для сообщений и перевозов конницы; в иных местах построены были как будто пещерные ворота со сводами. Отселе начиналась система укреплений, простиравшаяся до самого морского берега, на протяжении 5 или 6 ли. В тёмную ночь, под дождём, подвезли нас, наконец, к одной из казённых квартир, помещавшейся в небольшой кумирне Саньчуаньмяо²²⁶, нас ввели в комнату с одними голыми стенами, без мебели, отзываясь тем, что теперь наехало в Дагу столько пекинских гостей, что заняли и обобрали и частные дома. Кумирня стояла на берегу Хайхэ, не вдалеке от устья её в море, и мы слышали тихий напев матросов, которые, несмотря на ночную темноту и дождь, вводили суда в глубину устья, спеша убраться подальше от неожиданных гостей, европейцев. Замечательно, что приморские жители, как и матросы, распевают тихо и плавно, и говорят также, продолжая звук последнего слова, тогда как горные жители, по моему замечанию в окрестностях Пекина, отличаются громкою и отрывистою речью. Пока я раздумывал, от нечего делать, об этом обстоятельстве, явился к нам ловкий и красивый мандарин, Бянь²²⁷, вызванный из Цанчжоу²²⁸ чжилийским генерал-губернатором Тань Тинсяном²²⁹ для объяснений с европейцами; Бянь постоянно плавал на русский пароход²³⁰. Выразив, по обычаю, чрезвычайное удовольствие при свидании с нами, он распорядился приисканием для нас более удобного помещения, и так мы переехали на другую квартиру, в дом одного богатого купца, торгующего опиумом, и заняли большую великолепно убранную библиотеку хозяина. Библиотека, разумеется, была без книг; в порядочных домах, она служит обыкновенно приёмною залой. К нам приставили несколько казённых служителей, которые, под видом усердия к нам, не допускали наших слуг прислужи-

вать нам и постоянно торчали вне, у двери, с досадною предусмотрительностью. К полуночи подали нам ужин, состоявший блюд из 20-ти; он доставлен был из общего кухонного учреждения, устроенного в Дагу, на счёт правительства, для прокормления военных и дипломатических чинов, стекшихся сюда, как на позорище; припасы доставлялись с верховья на судах, каждому чиновнику давали казённый стол, с определённым числом кушаний, смотря по его чину. Всю ночь у нас горели фонари и прислуга бодрствовала.

25-го апреля [7 мая]. Рано утром, мы встали под шумом свежего ветра, дувшего с моря; над жильём нашим, в стороне, поднимались два чрезвычайно высоких флюгера, с развивающимися полотнами, для указания судам направления и перемены ветра. Небо прояснилось, ветер дул правильно и постоянно с востока, так, говорят, он дует каждый день до полудня, с приливом, потом направление его изменяется на восток; вместе с отливом нам нужно было обождать перемены ветра, чтобы переехать на пароход. В 10 часов утра мы угощены были обедом замечательной роскоши. Председатель Чжилийской казённой палаты, Цянь Синь-хэ²³¹ прислал нам плодов; затем, начали являться к нам разные чиновники, которых Тань Тин-сян взял с собой в Дагу, как опытных дельцов, для переговоров с европейцами. В настоящее время, дела производил, главным образом, Бянь. Нам представили двух офицеров прибрежной стражи, которым поручено было, вместе с Бянем, проводить нас на пароход. Чиновники, собравшиеся у нас, жаловались на грубость англичан, которые не хотят говорить порядком о деле и оскорбляют китайских сановников презрительным обхождением; они выражали надежду, что граф, при моём содействии, не только образумит англичан, но и заставит их уехать обратно, эта была существенная цель нашей поездки, в глазах китайских чиновников. Сознывая своё ложное положение, я начинал предчувствовать бесполезность и неуспех нашей поездки; роли кажется переменяются, теперь не мы

обманиваемся в надеждах на Китай, а Китай обманывается в надежде на нас. К 2 часам пополудни Тань Тин-сян прислал для нас двое носилок и мы, наконец, отправились к морскому берегу, сопровождаемые шумною толпою любопытных, на полдороге мы обогнули величественную кумирню Хай-шэнь-мяо²³² (посвящённую духу моря) где квартировал с своим штабом и штабом Тянь Тин-сян; для произведения важного и великолепного впечатления он приказал выстроить в линию охранные войска по нашему пути, они выстроились в один ряд, кривыми линиями сообразно местности и лагерным квартирам; солдаты стояли с ружьями, копьями, ружьями о двух человеках; один ряд стоял при орудиях, походивших на длинные и толстые ружья, и расположенных на лафетах, или распорках, солдаты были большею частью наёмные, как показывали нашитые на груди их надписи, вооружение их приготовлено тяньцзиньским купечеством; среди них не было ни одного конного воина, с сожалением смотрел я на этих избранных защитников края, лишённых военного искусства и дисциплины и осуждённых на неминуемую гибель, в случае сражения; самый окружающий воздух, по выражению китайских стратегиков пропитан был запахом смерти и веял поражением²³³. Проехав эту грозную рать, мы выехали на насыпь, имевшую вид шоссе, влево мелькнула широкая площадь воды при устье Хайхэ, окаймлённая зеленью; здесь Хайхэ крутым поворотом на С.-В. и Ю.-В. впадает в море. По насыпи мы достигли береговых укреплений и вступили в них чрез военные ворота, батареи тянулись с окопами, вдоль низменного берега, здесь высадили нас у палатки обращённой на море; она покрыта была сверху тонкими рогожками, внутри обита красным сукном и шёлковую тканью, в палатке поперёк стоял длинный стол, уставленный блюдечками с сухими плодами; кругом стола расставлены были кресла из дорогого дерева, в этой палатке, обыкновенно принимают европейских гостей, когда они приезжают сюда на шлюпках, для объяснений. Посидев церемонно за столом и выпив по чашке чаю, мы в сопровождении толпы чиновников

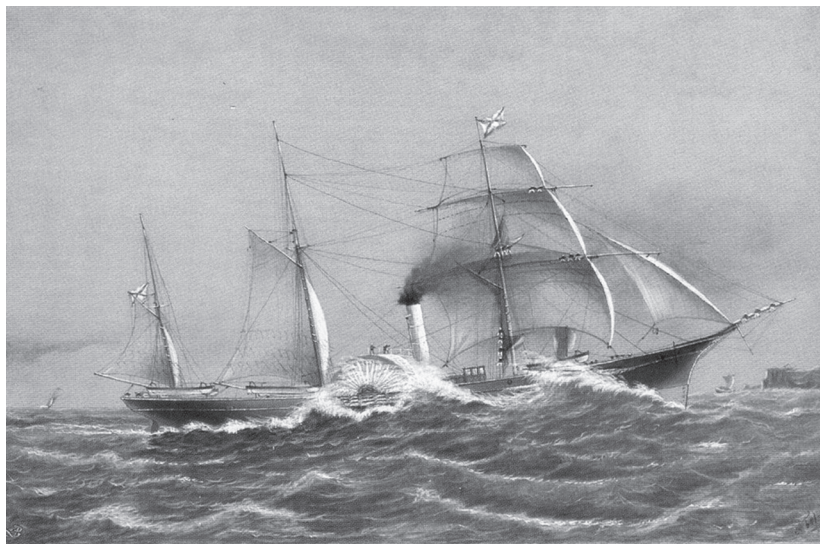
приблизились к морю, плоскость которого была почти в уровень с берегом и мало отличалась от него цветом. После отлива, осталась грязь по колено, саженой на 15; мы сползли по мягкой глине на лодке, влекомой тщедушными матросами, до края воды, здесь пересели на лодочку Сань-бань²³⁴, а с неё перешли на приготовленную для нас джонку. Тотчас подняты были паруса и наша неуклюжая джонка, под крепким береговым ветром, полетела вперёд быстро, рассекая мутные волны, и увлекла нас от бесконечных церемониальных мытарств. Бросив взгляд вперёд, я увидел перед собой, на востоке безграничную площадь грязно-жёлтой воды, изрытую волнами и похожую на вспаханное поле, после дождя. Впереди, несколько вправо, чернели две английских канонерки; за ним виднелись белые заслоны колёс нашего парохода «Америка». На корме нашей джонки устроен был четверосторонний спуск на дно судна, в виде колодца, сажени полторы в глубину, на дне этого люка, спереди и сзади, устроены были в стенках углубления или ниши, служившие седалищами. Бянь, желая скрыть и нас, и себя от подозрительных взоров англичан, мимо пароходов которых мы должны были пройти по фарватеру, предложил нам сойти в эту конуру, но мы предпочли остаться на палубе; Бянь скрылся в своё убежище, с одним из сопровождавших нас офицеров, с нами остался другой офицер, но и тот, с приближением джонки к английским пароходам, не воображая, что англичане могли уже хорошо рассмотреть и нас, и его, спустился в колодец и скрылся в дипломатическом тайнике; действительно, если бы джонка наша даже коснулась бортов английских пароходов и англичане смотрели с вершины мачт в глубину колодца, они не увидели бы ничего, кроме кончиков атласных сапог моих таинственных спутников. Наш пароход стоял в полутора верстах от берега, и мы приблизились к нему в несколько минут, джонка славировала полукругом, от парохода отчалила к нам шлюпка, на которую мы и пересели, борт парохода занят был рядом наших русских соотечественников, в белых шляпах и легких костюмах. Рулевой указал нам

Граф Путятин

на одного человека, в коротком сером сюртуке и фуражке и сказал: «Вот это, что в куртке, граф». — По сброшенной с борта парохода бронзовой лестнице мы поднялись на палубу и окруженные земляками представились графу и с понятным чувством трепетного удовольствия обняли заморских гостей. Граф человек лет под 50, с сухим лицом, не выражавшим никакого чувства, длинный подбородок, серые и строгие глаза, расходящиеся далеко один от дру-

гого, серые торчащие усы, спокойный и безжизненный голос, часто дрожавший, с первого раза произвели на меня глубокое впечатление и обрисовали мне почему-то особу с характером стойким, умом изобретательным. Граф немедленно свёл меня в общую каюту и, усадив за стол, прямо приступил к делу. Он сообщил мне, что он неоднократно писал в Пекин и доселе не получил никакого ответа на требования свои, что мне предстоит содействовать, сколько возможно, к принятию его предложения в Пекине, между прочим, о дозволении ему прибыть в Пекин и что требования его заключаются в двух общих статьях: 1) немедленно утвердить его проект об Амуре и Уссури, и 2) даровать нам права, равные будущим правам европейцев. «Вот статьи, прибавил он, утверждения которых я домогаюсь. Пусть Богдыхан утвердит их, и для меня довольно». С немалым изумлением я узнал из объяснений и тона графа, что Амурский вопрос по-прежнему остаётся в его руках и что о миролюбивой политике нашей к Китаю и действиях её нет и помина. Граф, по его словам, имеет возможность только сове-

товать китайцам, в чём они *должны*²³⁵ уступить европейцам, и чего *могут* не уступать; никакого другого участия он принять не в состоянии. Я счёл обязанностью объяснить графу цель моей поездки в глазах Пекинского правительства. Не довольствуясь донесениями Тань Тин-сяна и листами графа, министр Юйчэн отправил со мной своего доверенного чиновника²³⁶, чтобы чрез меня получить достоверное и полное известие о требованиях европейцев, до какой степени возможно ограничить оные, в чём состоит посредничество графа и примет ли он деятельное участие в соглашении спорящих сторон; он надеется, что граф, известными ему средствами, заставит или убедит англичан отказаться от своих неумеренных требований, за такую услугу Пекинский кабинет готов вступить в самые дружественные соглашения по русско-китайским вопросам. Граф отозвался по-прежнему ограниченностью своей роли и заметил, что уже и без того он подпал подозрению других посланников своим нейтралитетом; открытое посредничество не только не имело бы успеха, но и повредило бы делу. Это была совершенная правда, к счастью, китайцы не могли понять и поверить тому. В беседе зашла речь о распространении христианства в Китае, о чём граф также усердно старается; я не мог не заметить о неуместности подобного прозелитизма, при настоящих обстоятельствах, но граф с жаром отвергал мои представления, и когда почтенный О.Б.²³⁷ заметил, что в деле введения христианской веры в Китай надобно следовать первой добродетели сей веры, любви, а не употреблять насилие, граф ответил, что [«]сам Христос повелел проповедывать веру его с мечом, что пусть, ради святых истин, сын восстанет на отца, поданный на правительство». Я смотрел на него, как на Торквемаду²³⁸. «Если китайское правительство не послушает *добрых* советов, прибавил он, то следует проучить его, надобно его бить». – Эту последнюю фразу повторял он всякий раз, как дело шло о неустойчивости китайцев. Я подозревал, что миролюбивого оборота в нашей политике, да и никакого оборота, не происходило.

Пароход «Америка»²³⁹

Вечером был ужин в общей каюте. За столом я передал письмо Н.Н. Муравьёва на моё имя графу для прочтения. Граф прочитал его, и отдавая мне, сказал: «всё правда, но Н.Н. не может совершить этого (Амурского) дела, и хотя я тоже получил новые инструкции, но по обстоятельствам не могу следовать им» — я завёл речь о том, в какое выгодное положение поставлены русские в современном европейско-китайском вопросе, приняв миролюбивый характер; но на первых же словах был остановлен моим соседом, который шепнул мне, что это ещё секрет; после я узнал, что граф, получив депеши с Мартыновым²⁴⁰, скрыл их содержание от огласки, предоставляя себе действовать по усмотрению. После ужина, я отправился с графом в шлюпку на китайскую джонку, купленную им в Шанхае и стоявшую не вдалеке от парохода; с нами был барон О.С.²⁴¹ с книгою записок под мышкою, мы поместились в единственной, небольшой каюте джонки. Желая уяснить мне свои цели, он вынул из портфеля кипу бумаг, надел очки и начал читать копии листов своих в пекинский Верхов-

ный совет и на имя министра Юйчэна; эти сообщения писаны были уже после известного мне листа графа, из Макао, все они почти в одних и тех же словах заключали в себе настояния об утверждении прежде помянутых двух общих статей, и во главе, проекты об Амуре и Уссури; видно было, что граф спешил кончить предпринятое им дело и хотел достигнуть того настойчивостью и посредством повторений. Пока граф читал вслух бумагу за бумагой, монотонным голосом, как будто с кафедры, крепкий ветер качал наше утлое судёнышко с боку на бок; с ним вместе наклонялись и мы, то в ту, то в другую сторону; на палубе что-то грохало, как будто падали сверху брёвна, я поминутно взглядывал наверх и держался руками за стол; но мои почтенные собеседники продолжали сидеть с невозмутимою важностью и спокойствием, как подбало в торжественные минуты дипломатических заседаний; от непривычки к такому шаткому положению, я почувствовал головокружение и ощущение, похожее на угар, едва дослушав последний лист, начинавшийся в подражание ультиматумам других европейских полномочных, словами: *нижеподписавшийся*, и возвещавший о прибытии его, графа, к тяньцзиньским берегам, я просил позволения освежиться на палубе и вышел наверх; там я сидел в совершенном мраке, невидимые волны хлестали по бокам джонки, порывистый и холодный ветер проникал всё тело моё; вспотевшее от усилий, однако ж не был опасен для здоровья; по замечанию моряков, морской ветер не причиняет простуды. Вполне очнувшись на свежем воздухе, я снова пошёл в каюту. На этот раз дело пошло о требованиях англичан; объяснив своё условное положение, граф сказал, что китайцы должны уступить в статьях, о которых он сам ходатайствует, и противиться другим статьям, именно, о пребывании постоянного посольства в Пекине, о свободном путешествии европейцев по Китаю, о торговле внутри Китая, об отмене внутренних таможен и о заведении в Тяньцзине англо-китайского училища, по примеру русско-маньчжурского в Пекине. Об этом граф уже неоднократно говорил и в лич-

ных, и посредственных объяснениях с Тань Тин-сяном; это и я должен был подтвердить по своём возвращении в Пекин; с таким внушением китайскому правительству, что оно должно без спора и не колеблясь допустить статьи, находямые графом допустимыми; иначе, говорил он, англо-французские войска овладеют Тяньцзинем, возьмут Пекин и могут свергнуть династию, главною же моею обязанностью, по возвращению в Пекин, содействовать принятию предложений графа по собственным нашим делам, выраженным в двух общих статьях: 1) даровании нам одинаковых с европейцами прав, и 2) утверждении проекта об Амуре и Уссури, в вопросе об Уссури предлагалось провести пограничную черту по этой реке до её истоков, от сих истоков на реку Суйфэнь²⁴² и по ней до устья её в море. Для успешнейшего хода дел, граф хотел быть в Пекине, предполагая иметь совещания с первым сановником государства Юйчэном; поездка его в Пекин имела бы ещё ту пользу, что он, граф, на месте объяснил бы многие истины и подал благие советы в настоящем критическом положении Маньчжурской династии. Всё это граф писал в них и объяснял Тань Тин-сяну; но из Пекина граф не получал никакого ответа, а китайский полномочный, получая только советы, не обращал должного внимания на настояния графа и совершенно расходился с ним во взглядах, считая гораздо важнее отношения к вооружённым англичанам, чем дела со многоглаголивым представителем России, тогда как граф ставил свои вопросы выше и прежде других, давая сим почти значение посторонних. Затем граф уполномочил меня передать в Пекине, кому следует, обещания со стороны Русского правительства, в случае желаемого решения наших дел прислать из России в Китай офицеров, для устройства укреплений при устье р. Хайхэ; 20 тыс. штуцерных²⁴³ ружей (после число сокращено в 15 тыс.); несколько (до 20) образцов крепостных и полевых орудий, с человеком для научения готовить хороший порох; кроме того, обещается 100 тыс. лян серебра на перевод маньчжурских селений с левого берега

Амура на правый, с снабжением их средствами существования на несколько лет; прощение 200 тыс. лян, следовавших за разорение Тарбагатайской фактории²⁴⁴, и наконец, усиленная поддержка Маньчжурской династии на будущее время (вероятно, не также, как ныне) со стороны России. Эти обещания, по словам графа, ещё не были выражены им, и я должен был заявить их в Пекине. Присылка офицеров, орудий и ружей предполагалась весною будущего года. По взаимному соглашению, я завтра же возвращусь на берег и поспешу в Пекин для исполнения полученных мною инструкций. Граф предлагал мне помещение на ночь в джонке; но я не мог оставаться в этой люльке и вместе с ним вернулся на пароход, где было гораздо спокойнее. Далеко за полночь я беседовал с старыми друзьями²⁴⁵ в общей каюте, наслаждаясь обществом новых соотечественников, после восьмилетнего заключения в стенах Пекина.

26-го апреля [8 мая]. Рано утром я пробуждён был необыкновенным шумом на палубе; это был шум от мытья палубы матросами; чрез несколько времени на вахте пробили в барабан; мы начали подниматься из общей каюты, где я помещался, и усмотрел, что другие опочивальни были устроены на боках парохода, одна над другой, как полки в шкафу. Я вышел на палубу, вид побережья был скучный и пустынный; ветер не переставал волновать мутную воду; по сторонам сидели на мели два парохода, английский и американский; на западе виднелись береговые укрепления, дозорная башня и жёлтая крыша Хай-шэнь мяо; на востоке кое-где поставлены были маяки, или шесты с красными треугольными флагами, указывавшие фарватер мелководного моря, вдали виднелись паруса китайских судов с казённым рисом, боязливо обходивших европейскую флотилию и направлявшихся к устью Хайхэ. Флот европейский стоял на рейде, далеко на востоке за баром, или концом мели, простирающейся на несколько вёрст от берега, флота не было видно. С морским отливом,

мели обнажились и представили ровную мокрую площадь на необозримое пространство вдоль берегов; европейских канонерок или пароходов, большею частью винтовых, было всего 8 или 9. Из мимолётной беседы с старыми друзьями, я узнал, что, получив отказ в прошлом году, в Тяньцзине, граф отправился в Шанхай и оттоле в Макао, где провёл зиму; там он постарался присоединиться к англо-французскому союзу и отправился вместе с полномочными в Шанхай; в Шанхае он получил от Пекинского правительства чрез американского посланника, приглашение ехать на Амур и убедил английского и французского посланников плыть к Тяньцзиню, обещавши им от этого полный успех, за что те выразили ему письменную благодарность. Сам граф, не дожидаясь отъезда европейцев из Шанхая, отплыл прежде их к Тяньцзиню, надеясь положить конец своей одиссее в Пекине. Конечно, европейцы, и без убеждения со стороны графа, могли бы решиться ехать к Тяньцзиню, но также могли заставить китайцев сосредоточить переговоры в Шанхае. Граф надеялся, под сенью грозных для Китая англичан, достигнуть и своих целей. Между тем, граф настоятельно убеждал китайцев отнюдь не доводить дела до полного разрыва с европейцами, предсказывая гибельные от того последствия, а англичане, по-видимому, хотели этого; сами китайцы были не прочь выразить на деле неукротимую ненависть свою к этой нации.

Мне казалось, что лучше было бы с нашей стороны подать им совет на счёт оборонительных действий, в случае разрыва, казавшегося вероятным, чем безусловно связывать им руки; положим, что береговых батарей, как говорит граф, в два часа не станет, а что преграды на Хайхэ ничтожны; но китайцы хорошо знают оборонительный способ действий, называемый ими цзянь-би-цинъ-е²⁴⁶ (укреплением стен и очищением полей). Неприятеля до самого Пекина не могли бы найти ни хлеба, ни подъёмного скота, китайцы могли бы также воспользоваться низменным положением поморской равнины и затопить части её, разрушив плотины у моря и

на Хайхэ; четыре или пять тысяч джонок, стоявших в верховье, послужили бы богатым запасом для брандеров, притом река Байхэ, от Тяньцзиня до Пекина, мелководна и удобна для плавания разве только катеров и гичек, но граф, внутренне сочувствовавший воинственному азарту англичан, не обращал внимания на подобные соображения, и интересовался более узнать, удобна ли дорога внутрь страны для войска, чем рассмотреть местные средства обороны.

В утро этого дня, я несколько раз имел случай беседовать с графом. Желая рассеять мои сомнения относительно некоторых пунктов в программе его переговоров с китайцами, граф положительно объявил мне, что, когда он в последний раз представлялся Государю Императору в Петербурге, Его Величество изволил сказать ему: «Приобретите от Китая право торговли, свободу христианства и Амур, и я буду доволен» — граф сообщил мне также, что, требуя положительного ответа из Пекина на свои предложения, он дал срок на ответ четыре дня, иначе грозился отправить курьера в Петербург морем (удивительно, было бы, если бы китайцы испугались такой угрозы, когда они молчат и на жаркие ультиматумы англичан); мне он поручил объявить на берегу, что срок этот он продляет на шесть дней. Он обещал, что в случае получения им из Пекина удовлетворительного ответа, он пока удержит англичан от нападения на береговые крепости, хотя бы данный ими на ответ срок шести дней и прошёл, но с тем условием, чтобы китайцы всё-таки приняли предлагаемые европейцами статьи, в указанных им, графом, ограничениях. Граф поручил мне, наконец, в случае принятия и утверждения в Пекине его предложений, постараться о дозволении графу отправить двух курьеров в Россию, одного чрез Маньчжурию на Амур, другого в Петербург чрез Монголию и Сибирь. Предполагаемыми курьерами были, вероятно, М[артынов] и Б[аллюзек]²⁴⁷, скупавшие на пароходе без всякого дела и не принадлежавшие к обществу графа. Граф рассказывал мне много и других предположений касательно нового устройства

миссии в Пекине, распространении христианства в Китае, учреждении великолепных консульств, по примеру европейских, даже в местах, где нет и не будет нашей торговли; можно было прийти к мысли, что мы принялись разливать по миру благоденствия цивилизации и христианства. Достойна изумления была способность графа ко многосторонним соображениям и предназначениям.

После полудня приехал за мной Бянь, пользуясь сим случаем, он снова обратился к графу с просьбами об участии его в распре китайцев с европейцами; но разумеется, слова его не имели ни малейшего действия; граф с обычною строгостью и доктринёрством излагал свои советы уступить англичанам в чём следовало, и не уступать в чём не следовало, он убеждал, даже приказывал то; «если вы не хотите уступить, говорил он, так попытайтесь дать сражение; сам же я не могу действовать на англичан и французов и откровенно сознаюсь что мы не в состоянии состязаться с ними на море, если бы дело дошло до войны за Китай». Бянь отвёл меня в особую каюту и убеждал меня присоединить мои просьбы к его просьбам. — «Живя в Пекине, говорил он, вы знаете, какое наше правительство и что может сделать молодой Государь; он лишил власти и влияния на дела своего младшего брата, Гун Цинь-вана²⁴⁸, который мог бы принести своим умом пользу в настоящие трудные времена; Государь не имеет ни опоры, ни совета, чем должно всё кончиться!». Бянь, разумеется, преувеличивал; из-за того, что дела в Китае затруднительны, графу предлагали ни более, ни менее, как увести назад европейцев!

Итак, с одной стороны хотели бы получить всё, с другой — не хотят ничего. — Я простился с графом и со всей русской компанией парохода (мой пекинский сослуживец остался при графе)²⁴⁹ и сошёл с Бянем на джонку; на этот раз я спустился с ним в колодец и сел в нишу, чтобы утешить его более дружественным выражением советов графа. Мы пристали к берегу уже в сумерки, и я доехал до квартиры своей в носил-

ках с фонарями, вечером долго слышались отголоски окликов береговой стражи, кто-то, вероятно, в лодке объезжал береговые батареи по реке и делал громкий оклик; ему с берегов отвечали хором; мало-помалу крики их затихли в отдалении; над приморскими батареями виднелось зарево от маяков.

27 апреля [9 мая]. Утром собрались ко мне посещавшие меня вчера мандарины, вместе с Сучжаной, жажда слышать об успехах моей поездки, в которой они предполагали начаток деятельного участия со стороны графа в положении китайского правительства, не было нужды толковать с ними о собственных наших делах, о которых они и не помышляли; я осторожно отозвался, что дела остаются в прежнем положении, в том, как объяснено в советах графа. Когда гости мои поняли, что с этой стороны нечего надеяться, забыв о нас, они излили долго сдерживаемое негодование на англичан; глаза их запыхали ненавистью, руки поднялись, как бывает у китайцев в приливе чувств. – «Они приехали сюда как разбойники, восклищал мой Сучжана, безнаказанно оскорбляют нашего полномочного (Тань Тин-сяна), доверенное лицо Государя; зная нашу скудость, требуют от Богдыхана миллионов; завладели нашим городом (Кантоном), захватили, вопреки международным правам, нашего полномочного (Е Мин-чэня), оскорбляют честь Империи и унижают нашего владыку. Наш Государь, тоже самодержавный Государь, воздвигнутый и охраняемый Небом. Вэй тянь ши цзянь! Вэй тянь ши цзянь! (Да рассудит нас Небо! Да рассудит нас Небо!)»²⁵⁰. – Потом, обратясь бледным от гнева лицом на восток, как будто видел англичан, и простирая туда правую руку, он произнёс с озлоблением вызов: «Лай, лай! (Иди, иди сюда)²⁵¹» – Однако ж, всё пока ограничилось бессильными угрозами. Хотя поморье охраняемо было войсками от 20 до 30 т. солдат, надежда на отпор была плохая и все желали кончить дело миролюбиво. Один из моих провожатых чиновников успокаивал себя мыслью, что англичане больше страшат, чем страшны – «Недавно, говорил он,

англичане захватили одного нашего офицера и показали ему на пароходе пушки, он пощупал орудия и постучал по ним пальцами, что же оказалось? Пушки были глиняные (вероятно, он принял за глину смесь сажи и воска, которою обмазаны пушки)». Открытие это порадовало моих собеседников. Сообщая, что дело может дойти до боя, и что англичане, высадившись на берег, немедленно овладеют Хай-шэнь мяо, в которой квартировал Тань Тин-сян и, в которой, следовательно, хранилась обильная переписка графа, я имел опасение, чтобы бумаги эти, не совсем в интересах англо-французского союза, не попались в руки англичанам, как старые бумаги Циина²⁵², во время взятия ими Кантона. Поэтому я в виде предостережения сказал Бяню, что в случае сражения англичане непременно направят орудия свои на кумирню морского Духа, как на пункт, видный с моря и служащий маяком для китайских судов, и что благо-разумно будет пред сражением подобру-поздорову выбраться из этого жилья. – В тот же день, после обычного церемониального обеда, я отправился с Сучжаной, в обратный путь невесело и без надежд. На дороге настигла нас гроза, проливной дождь промочил наши экипажи; уже ночью мы остановились в Сяньшуйгу. Гостиница набита была проезжими, едва отыскали для меня помещением в комнате хозяина. Хозяин спросил меня: откуда я еду, с верховья или низовья? Когда я ответил, что еду с низовья, он тревожно спросил: к худу, или добру идёт дело? – «Пока ещё нет ничего решительного». – Хозяин вздохнул и дал нелестные эпитеты министрам и полномочным китайским, которых простой народ здесь обыкновенно обвиняет в общественных бедствиях. Я заметил повсюду уныние и страх, особенно между военными; никто не надеялся на счастливый исход распри с европейцами.

28 апреля [10 мая]. От Сяньшуйгу ехали по грязи до самого Тяньцзиня; не въезжая в город, мы повернули от стоянки хлебных судов вправо, к северной части города; перед нами открылась Хайхэ, покрытая множеством бо-чуаней²⁵³,

на левом берегу реки стояли громадные кучи соли, накрытые рогожами; вступив в северное предместье, мы следовали подле городской стены, обведённой узким каналом стоячей и гнилой воды; стена в некоторых местах обрушилась, всё предместье представляло вид военного поселения; над воротами домов развивались значки, на одной стороне их нарисовано было созвездие Медведицы, на другой была надпись, показывавшая известный отряд милиции; посреди предместья устроены были военные ворота обтянутые шёлковой тканью; жители вооружились на свой счёт на случай вторжения европейцев. Переехав чрез Императорский канал, мы остановились на время в казённом подворье где угощали меня казённым столом. Отселе мы переехали в Пукоу, для ночевья. Мой спутник Сучжана, был скучен и недоволен нашею поездкой к морю, однако ж, увидев ящик с серебром, взятым мной с парохода, для потребностей Миссии, он вдруг оживился — дорогие металлы действуют чрезвычайно успокоительно на китайца. Сообразительному Сучжане представилось, что я везу ящик с золотом для секретного доставления его в руки первого министра от лица графа, эта предполагаемая мысль графа, который, впрочем, обладал добродетелью, совершенно противоположно щедрости, весьма понравилась Сучжане и развешила его: он тоже чаял себе доли, он не верил моим объяснениям, давал намёки, что Юйчэн в великом благодушии примет материальное сообщение графа, и бдительно следил за безопасностью ящика. В Пукоу я передал Сучжане сообщения, сделанные мне графом относительно требований европейцев, равно желаний и обещаний графа, для того, чтобы Сучжана по прибытии в столицу, представил их первому министру. Сучжана записал переданное ему на бумаге.

29 апреля [11 мая]. Оставив Пукоу мы проехали Янцунь; за этим местечком нам попалась навстречу длинная вереница больших двухколёсных телег, запряжённых быками и ослами, телеги нагружены были женщинами с детьми, в нарядных

платьях, головы их убраны были искусственными цветами и издали казались волнующимся цветником, за каждым омнибусом шла толпа мужчин, братьев, отцов и мужей, сидевших в телегах дам; этот поезд направлялся в Янцунь, на трёхдневный праздник, устрояемый в настоящую Луну в честь одной Нянь-нянь²⁵⁴, покровительницы крестьянского быта и в особенности женщин. Весёлый говор их противоречил угрюмой молчаливости и покорности проезжавших мимо пекинских мандаринов. Мы опять ночевали в Матоу.

30 апреля [12 мая]. Около полудня мы вернулись в Пекин по пыльной дороге, на улицах смотрели на наш длинный поезд, с любопытством, тем более, что теперь все ехали в Тяньцзинь и редко кто возвращался, при том на наших экипажах воткнуты были значки, с надписью: «По Высочайшему повелению по делам в Тяньцзине». Я закрылся в своём экипаже и так въехал в наше мирное подворье. Сучжана немедленно отправился к Юйчэну, с донесениями.

1 [13] мая. Приезжал ко мне Сучжана и сообщил мне, что полезнее будет подать от меня самого бумагу, на имя Юйчэна, и тогда же составил оную, изложив мысли графа в четырёх статьях: 1) о границе по Амуру; 2) о границе по Уссури и Суйфэнь; 3) об одинаковых с европейцами правах для России и 4) о обещаниях графа. Эти объяснения, как я догадывался, требовали от меня для полного уяснения предложений графа, может статься, не совсем определённо и ясно выраженных, в его бумагах и донесениях Тань Тин-сяна. Сучжана предложил мне написать письмо к графу, я написал и вручил его Сучжане, для доставления по принадлежности.

3 [15] мая. Сучжана снова был у меня и возвратил мне представление моё, под тем предлогом, что Юйчэн не может принять на себя дела, на основании моей бумаги; необходимо, чтобы сам граф прислал бумагу такого же содержания. Не нашли ли здесь разноречий между моими объясне-

ниями и сообщениями графа Тань Тин-сяну, или хотят удостовериться в обещаниях России от самого графа? Сучжана должен ехать в Дагу, для обратного сопровождения Храповицкого в Пекин; вместо первого письма к графу, я написал другое и вручил его Сучжане. – Сучжана не без горечи сказывал мне, что, после нашего отъезда из Дагу, граф виделся с Тань Тин-сяном и категорически выразил свой нейтралитет в споре Китая с европейцами, и что здесь думают объяснить это тем, что граф, желая видаться с Юйчэном, не хочет быть откровенным с Тань Тин-сяном, мысль же о желании графа видаться с Юйчэном поддерживали все и граф в своих листах, и я в представлениях, и Сучжана, по своим частным видам. Я заметил, что в случае справедливости известия уклончивость графа может объясниться и тем, что к посредничеству его обратились, вероятно, в присутствии других полномочных, а это могло поставить графа в затруднение; граф несколько раз внушал Тань Тин-сяну, чтобы посредничество его оставалось неизвестным для других наций. – Из Пекина отправляют новые отряды войск в Тяньцзинь.

4 [16] мая. В письме к графу, я предлагал ему отправить, чрез Тань Тин-сяна, в Пекин лист, с требованием личных объяснений с Юйчэном в Пекине, или в Дагу, по своим и европейским делам. Опять помеха – новый президент Трибунала, Сушунь²⁵⁵, не жалующий²⁵⁶ Сучжану, остановил его отправление в Дагу, сообщив Тань Тин-сяну, что в случае возвращения Храповицкого в Пекин, он сам отправил бы с ним одного из своих чиновников. Сучжана вообще был весьма не в духе, и объявил мне что прямого участия в наших делах он далее принимать не может. Письмо моё не пошло.

5 [17] мая. Я представил в Трибунал бумагу, в которой объяснил, что граф, не получая никакого ответа на свои сообщения, поручил мне объясниться по сему предмету пред Пекинским Правительством, и что я, не смея не исполнить сего приказания и желая устранить от себя всякую ответ-

ственность, прошу главноуправляющего Трибунала (Юйчэна) принять к сведению всё это дело. При сем, я вкратце изложил предметы, о которых граф имеет вести переговоры, именно: 1) о границе по Амуру, Уссури; 2) о требовании одинаковых с европейцами прав, и 3) для объяснений настоящего положения Китая в отношении к европейцам и о принятии мер безопасности его на будущее время. Я присоединил, что граф непременно желает вести переговоры с Юйчэном в Пекине, или на море. В заключении я просил или позволить мне уведомить графа, или чтобы сам Юйчэн известил его, чтобы я впоследствии, не навлёк на себя укора в бездействии.

7 [19] мая. Трибунал возвратил мне мою бумагу, при кратком отношении, которым объявил мне, что дела, упоминаемые в моей бумаге, ведутся не главноуправляющим, а потому моё представление возвращается мне. Видя, что представления мои не имеют никакого действия, я прекращаю бесполезную переписку. Теперь, здешнее правительство знает всё, пусть действует как хочет. С моря нет никаких известей.

8 [20] мая. Слух об официальном путешествии русских к морю разнёсся по всему Пекину; когда я заходил в знакомые мне магазины, меня осаждали вопросами о делах с иностранцами. Забавно было слышать толки пекинцев об европейцах, в особенности об англичанах. Спрашивали, действительно ли англичане привезли с собой потомка династии Мин²⁵⁷, для возведения на китайский престол, вместо маньчжуров? Правда ли, что они предъявили скупленные ими правительственные ассигнации и требуют по ним у Богдыхана серебра, которого нет? Некоторые не шутя предлагали мне вопрос: видел ли я как ходят англичане? Ведь говорят, что они народ морской и не могут ходить по суше, как пингвины; на это я отвечал, что случается им и весьма часто ходить на суше не твёрдыми шагами и стоять на ногах не твёрдо; однако ж они всё-таки могут добрести до Пекина... Общий голос обвиняет Циина за то, что он не сумел заключить бла-

гонадѣжного трактата с англичанами в 40-х годах²⁵⁸. «Пусть англичане и судятся с Циинном, говорят здесь, и пусть спрашивают с него».

9 [21] мая. Был у меня Сучжана и сказывал, что граф передал Тань Тин-сяну о желании англичан (о французах и американцах почти никогда не было у нас речи) присвоить себе Кантонскую таможню и брать себе пошлины, торговать повсюду и являться к Двору в торжественные дни. Я заметил, что это известие должно быть не точно; вероятно, что англичане предлагают отделить часть доходов Кантонской таможни, в уплату им контрибуции и долга. «Это, сказал я, было бы самым лучшим средством кончить с ними денежные расчёты». – Но как же уяснить количество потерь, понесённых будто бы ими? Я ответил, что, по моему мнению, самое лучшее было бы составить общую комиссию в Кантоне для исследования этого дела. Сучжана намекнул мне о намерениях китайского правительства обложить ввоз опиума пошлиной, я с своей стороны похвалил эту меру полезную не только для казны, но и для частных людей, и привёл в пример (если только не ошибся) Турцию, где прежде опиум был в большом употреблении²⁵⁹, но, когда снят был запрет на него, пристрастие к нему ослабело. Сучжана заинтересовался этим обстоятельством, потому, что сам был грешен в курении индийского зелья и хотел бы освободиться от губительной привычки. Я объяснил ему причину такого явления известной истиной, что запрещённое наслаждение теряет цену, когда дозволено, иначе Сучжана, по складу китайского ума, мог подумать, что в самом прекращении запрета есть какая-нибудь таинственная сила, обуздывающая склонность к курению опиума.

10 [22] мая. Я ещё раз решился просить Трибунал о доставлении к графу открытого письма с переводом сего письма на китайском языке, я объяснил, что граф ожидает от меня известия об исполнении данных им мне поручений, и что, не успев исполнить их, я обязан уведомить о том графа;

то же написано было в китайском тексте письма, в русском же письме предлагал графу прежнюю мысль требовать личного свидания с Юйчэном; я присоединил к тому о подозрении, переданном мне Сучжаной, будто граф вовсе не желает принимать обещанного и ожидаемого участия в положении Маньчжурского Правительства.

12 [24] мая. Монгольский князь Сэнгэринчэн, попросту Сэн-ван²⁶⁰, считающийся первым ныне полководцем в Китае, поспешно отправился в Тунчжоу, несомненно, для военных распоряжений. Это недобрый знак.

13 [25] мая. Трибунал возвратил мне письмо моё к графу, на том основании, что теперь сообщение с морем прекращено. Сегодня же распространилось в Пекине известие о сражении 8 мая между англичанами и китайцами в Дагу²⁶¹. Молва гласила, что и русские принимали участие в сражении или, по крайней мере шли соединенно с неприятелями; вследствие того, половина нашей дворни бежала из подворья, других я успел остановить благоразумными убеждениями. Никто из посещавших прежде наше подворье не является к нам, и вряд ли скоро явится.

16 [28] мая. Чун Лунь²⁶², один из переговаривавших с графом в Дагу, сановников, сегодня вернулся в Пекин; вследствие представленных им Императору известий, назначены новые полномочные для переговоров с иностранцами. Министр Гуйлян²⁶³, тесть дяди Императора, и Хуашана²⁶⁴, известный за умного человека. Оба они маньчжуры, вероятно, правительство имело в виду угодить иностранцам, посылая к ним не китайцев, а маньчжуров, к которым те, будто бы, оказывают более доверия.

18 [30] мая. Был у меня Сучжана, видимо расстроенный; он рассказал мне о сражении в Дагу и о взятии англичанами береговых батарей, прибавив, что о графе нет никаких известий.

19 [31] мая. Сегодня я перевёл лист из Трибунала в наше Министерство, и узнал из него, что от нас отправили в Тарбагатай агента (Захарова)²⁶⁵ для окончания дела о сожжении нашей там фактории. Не знаю, как согласить это обстоятельство с обещанием графа не упоминать более о Тарбагатайском деле.

20 мая [1 июня]. Сучжана снова был у меня и предложил мне вопрос, уверен ли я, что англичане допустят в своих условиях те ограничения, какие граф находил возможными, и будет ли граф содействовать тому, если я уверен, что могу ехать снова к графу и убедить его к содействию. Очевидно было, что Правительство радо было бы сделать те уступки, к которым склонял граф, но которые не были допускаемы Тань Тин-сяном. Признаюсь, что хотя граф, некоторым образом, ручался за согласие на ограничения со стороны англичан, если китайские полномочные будут твёрдо стоять на них, я крепко сомневался в уступке, без других вспомогательных средств, для подкрепления китайцев, тем более я не мог ручаться ни за что при настоящем обороте событий. И так я отвечал Сучжане, что теперь дела изменились, неприятели вошли в Хайхэ и потому я решительно не уверен в содействии графа, и ехать к нему, под таким условием, не могу. Сучжана убеждал меня к тому разными доводами; он говорил, что здесь исполняют все требования графа, если он примет на себя, по крайней мере, переговорить с англичанами, потому что китайским полномочным нет возможности вести дело с этими требовательными, неприступными дерзкими и наглыми варварами. Все другие народы, говорил он, и французы, и американцы, и русские, и китайцы знают закон справедливости и приличий; одни англичане представляют необъяснимое исключение. Ведь они нападали и на вас, также незаконно, и вы помирились с ними при посредничестве других держав²⁶⁶; пусть граф, знающий их по чувству дружественного к нам участия, устроит наше с ними дело.

В сущности я соглашался с ним, но представил ему всю бесполезность моего участия и поездки, теперь когда дела зашли так далеко. Сучжана оставил меня огорчённый моим отказом. Поистине, ослепление китайцев относительно влияния графа на англичан глубоко и неисправимо. Правда и то, что они в годину бедствия инстинктивно обратились к участию русских, своих соседей, которых они всегда отделяли от европейцев и ставили выше их. Обстоятельства привели их к другому ложному убеждению, что я могу иметь влияние на графа. Тщетные надежды!

21 мая [2 июня]. Я получил известие, что европейцы и русские уже у стен Тяньцзиня. Никаких слухов о новых битвах. Сегодня происходило в Верховном Совете чрезвычайное совещание князей, министров и всех высших сановников столицы, один мой знакомый чиновник видел, как они расходились, по окончании совещания, с довольным видом и весело беседуя между собою, и вывел из того благоприятные заключения о ходе дел. Вероятно, все довольны были тем, что кончилось утомительное заседание, на котором вряд ли могли придумать что-нибудь мудрое, по тяньцзиньским делам. Сегодня же последовали особые повеления Государя. Столицу повелено привести в оборонительное положение, устроена будет в ней внутренняя милиция, для сохранения порядка и предотвращения могущих возникнуть волнений. Сэн-ван назначен фельдмаршалом войск для обороны столицы. Именитый Циин, бывший доселе в опале по старым делам с англичанами, снова выступил на дипломатическое поприще; ему велено ехать в Тяньцзинь и принять участие в делах с иностранцами.

23 мая [4 июня]. Циин присылал ко мне тайно человека, с просьбою, чтобы я написал письмо к графу и в нём рекомендовал его, как доброго нашего знакомого в Пекине (он был у меня прежде два раза), письмо он желал сам лично передать графу. Циин хотел этим возбудить в графе доверие

к себе и чрез него действовать на других иностранцев; разумеется, он обманывался, тем не менее я воспользовался случаем и написал письмо к графу, объяснив ему в чём дело и присоединив, что по моему мнению, для дел европейских и наших, всё-таки полезнее было бы вызвать Юйчэна, как первого сановника в государстве; письмо я в то же время отправил к Циину. Правительство ошиблось, надеясь на опытность Циина по внешним делам; в бытность мою на пароходе, граф рассказывал, что англичане, овладевши Кантоном и ямэнем генерал-губернатора, захватили архив последнего и отыскивали в нём копии старых депеш Циина, заключавших в себе весьма нелестные о них отзывы и донесения; нельзя думать, чтобы англичане приняли этого дипломата с доверием, как старого знакомого.

27 мая [8 июня]. Сучжана сделал ещё попытку узнать от меня о возможности решения дел с европейцами посредничеством графа. В этот раз, отложив в сторону китайскую спесь, он с жаром говорил: «англичане безжалостны к нашему Императору; они знают, что он в трудных обстоятельствах от внутренних смут, видят, что он нищий, принуждён жить и поддерживать своё Правительство на пожертвования, т. е. на милостыню, и несмотря на то, поднимают на него оружие, оскорбляют его честь в лице полномочных, требуют от него страшных сумм; неужели есть на свете столь жестокие люди, которые отнимали бы у бедняка последнее его достояние, обирали беззащитного и доконали больного? Неужели граф не чувствует сострадания и не возбудит в англичанах милосердия?» – Не знаю, чувствует ли граф сострадание; но знаю, что он не решится возбудить в англичанах милосердия. Мне тяжело было отвечать моему собеседнику. Хотя унижение маньчжурского Правительства вынуждено было, частью, им же самим, и я не мог забыть горделивого упорства его в более спокойный времена, тем не менее, жалко было думать о повелителе сотен миллионов, трепещущем пред горстью евро-

пейцев и ясно сознающим своё бессилие. Я снова отказался от предложения Сучжана ехать в Тяньцзинь. Расставаясь со мной, он сказал мне, что отправляется в лагерь Сэн-вана в Тунчжоу, куда командирован он для ведения дел по монгольской части; у Сэн-вана под командой есть монгольская конница, вызванная из Монголии, а Сучжана хорошо знает монгольский язык.

Когда Сучжана оставил меня, я предался размышлениям о печальном и критическом состоянии Китая. Вот уже шесть или семь лет как маньчжуры не могут справиться с южными инсургентами; заняв пункты по Янцзыцзяну²⁶⁷, они лишают столицу достаточных средств продовольствия, средств финансовых и торгового движения, они простирают виды на Фуцзянь, Чжэцзян, на богатый город Сучжоу²⁶⁸ и ждут, когда им можно будет двинуться на север; это восстание анти-династическое, мятежники замышляют изгнать из Китая маньчжурский дом, и воцарить династию национальную; в знак клятвы, они отрастили волосы и не носят обуви и будут хранить этот обет, пока не достигнут своей цели. Рядом с ними, ближе к северу, мятежники нянь-фэй опустошают области с лежащие между Янцзыцзяном и Жёлтой рекою²⁶⁹; шайки их, состоящие из людей неизвестного происхождения, по иным [слухам], магометанской веры, начинают по-видимому организоваться в правильное общество, с которым доселе без успеха борются правительственные войска. Китайские магометане, всегда отличавшиеся буйным духом, не преминули воспользоваться политическим переустройством в Китае, они произвели бунт в Юньнаньской провинции²⁷⁰, где доселе свирепствуют, и стремятся, как кажется, соединиться с дикими горцами Мяо-цзы в Гуйчжоу²⁷¹, которые уже не раз сходили с гор на окрестные области разбойническими шайками. Дух восстания, обуявший южный Китай, начал отражаться и вне, в Туркестане, где, однако ж, мятеж уже усмирён. Всем известно, до какой степени финансовой скудости и политического бессилия маньчжурское правительство дове-

дено внутренними смутами. Европейцам легко ускорить падение его и низвергнуть – стоит только тронуться к Пекину, препятствия не будет. Какими же последствиями будет сопровождаться падение маньчжурской династии? С одной стороны, воцарится в Китае влияние европейцев и преобладание англичан; с другой – совершится временное отпадение от империи внешних владений: Монголии, Туркестана и Тибета; мы, русские ещё не имеем довольно влияния в сих странах, ещё не приучили их к материальной от нас зависимости; они привязаны к Китаю существенными потребностями и торговлею и скоро снова примкнут к нему, ради его обаятельного богатства. Разумеется, нам нет пользы не только в падении, но и в ослаблении маньчжуров, и от огромного влияния европейцев. Вот почему тяжело предвидеть неминуемое порабощение пекинского правительства англичанам; оно совершится, когда чрезвычайные требования их будут исполнены, пред глазами русского полномочного, не имеющего сил противодействовать тому. Преимущества, доставляемые теми условиями европейцев, на которые здесь готовы теперь согласиться, представляются в благоразумной мере; они послужили бы прочным основанием к дальнейшему и постепенному сближению Китая с Европой и подчинению первого цивилизации последней, не было бы потрясений и случайностей, какие могут возникать вследствие излишних и не своевременных льгот, вынужденных у народа, слабого политически, но стойкого в своих убеждениях. Чего мы можем бояться на будущее время? Европа уже воздействовала на ветхую Поднебесную империю; дух вражды и неприязни ко всему чужеземному, питаемый конфуцианским учением и поддерживаемый народным воспитанием, мало по малу ослабнет и исчезнет от постоянных дружественных сношений Китая с образованными нациями Запада и от влияния христианской веры, пока наконец не будет произнесён приговор: умер великий Бог Пан восточной Азии, Бог особенности и застоя²⁷²! Но если народные права, на каком самообольщении ни основывались бы они,

будут презрены и священные для китайцев предания нарушены насильственным вторжением европеизма в сферу своей образной жизни, то не легко будет ладить с вечным упорством и раздражением возмущённого тем племеню.

4 [16] июня. Сегодня неожиданно опять явился ко мне Сучжана и объявил мне, что дело о границе по Амуру и Уссури решено на Амуре²⁷³ и что подробности представлено уяснить тамошним полномочным Н.Н. Муравьеву и И-шаню²⁷⁴; что граф требует в Тяньцзинь Юйчэна и меня (очевидно, вследствие моего последнего письма), что Юйчэн, за болезнью, не может ехать, и что он, Сучжана, по Высочайшему повелению, вызван из Тунчжоу в Пекин для сопровождения моего в Тяньцзинь. После такой важной уступки, говорил он, Богдыхан надеялся, что Россия достойно оплатит нам; он ждёт, что предпримет граф из признательности? Графу уже сообщено о решении дела. С изумлением и радостью выслушал я эту новость; однако ж, заметил Сучжане, почему ни графу, ни мне, не было сказано, что дело давно уже перешло в Маньчжурию? Неизвестность об этом обстоятельстве заставила графа, а по его поручению, и меня употреблять напрасные усилия и тратить время в бесполезной переписке? Сучжана отвечал, что прежде не было ещё известно, как порешат дело Муравьев и И-шань. — «Впрочем, прибавил он, я сам сожалею, что, бывши в Дагу, мы не сообщили графу об этом распоряжении; граф в удовольствии, вероятно, заступился бы за нас». — Не совсем вероятно, подумал я. Делать было нечего; я дал слово завтра же ехать в Тяньцзинь на бесполезные попытки убеждать графа.

5 [17] июня. Выехали из Пекина и держали путь прежней дорогой; от недавнего дождя дорога испортилась, ехать было чрезвычайно дурно. Мы не остановились в Матоу, где прежде ночевали, и пустились далее. На полях озимая пшеница уже созрела, крестьяне усердно собирали её, по китайскому обычаю, вырывая колосья с корнем; они собирали и не

совсем созревшую пшеницу, опасаясь разгара тяньцзиньских событий и прохода войск. Я не забуду взглядов упрёка и презрения, которыми крестьяне дарили мандаринов, проезжавших по дороге, взад и вперёд, без пользы для дел. За Матоу дорога была лучше. Мы ночевали в Хэсиу.

6 [18] июня. Достигнув Янцуня, мы проехали всё это огромное местечко вдоль и поперёк, отыскивая пристанища, для отдыха; все квартиры: гостиницы и частные дома заняты были военными; сюда стянуты были войска от Великой стены, которые вместе с частью Пекинской гвардии (конной) составляли авангард армии Сэн-вана, прибывшего в Тунчжоу; наконец мы отыскивали бедное помещение на одном постоялом дворе, наполненном солдатами. Толпа воинов, в рубищах и полунагих, обступила нашу квартиру из любопытства, многие из них были страшно истощены от курения опиума. Сучжана, узнав, что начальником Пекинской конницы, квартировавшей здесь, был знакомый ему генерал, некто Гожуй²⁷⁵, намеревался сделать ему визит, но Гожуй прежде узнал о нашем приезде и сам посетил нас. Это был коренастый и полным лицом мандарин, среднего роста, лет за сорок, с довольно грубыми формами и одет был в простое верховое платье; он славился в Пекине необыкновенным искусством в стрельбании из лука и потому пожалован был командиром охранной стражи во дворце. Во время дела в Дагу, он стоял с резервом между Тяньцзинем и морем, когда Тань Тин-сян, с потерей батареи воспользовался мудрым китайским правилом: «в трудных обстоятельствах, из 36 средств самое лучшее – бежать»²⁷⁶; – сел в носилки и поспешно бежал от места побоища, Гожуй двинулся было на помощь бегущим, но потом сам последовал спасительному примеру их, и отступил на почтительное расстояние от of gunboats²⁷⁷. Сучжана отрекомендовал меня Гожую, как человека, который много лет пробыл в Срединной империи и теперь, по Высочайшему повелению, едет предложить свою опытность к услугам Российского полномочного. Переговорив с Сучжаной, Гожуй, ласково и с видом добро-

душия, обратился ко мне и, между прочим, сказал мне своим медленным и тихим голосом: «Мы, маньчжуры и русские, старые друзья; не забудьте нашего соседства и того, что оба народа – народы северные; наши интересы взаимны. Управляйте же делами и помогите нам». – Таково было общее мнение; все думали, что граф в состоянии остановить англичан и никак не могли взять в толк его двусмысленного посредничества, отказы и отговорки его, под предлогом неуместности прямого вмешательства, доселе считали следствием его личных неудовольствий. Гожуй беседовал с нами с полчаса, с его уходом и мы отправились. В пяти ли от Янцуня, мы подъехали к Байхэ; в этом месте производились военные работы; поперёк реки вбивались сваи из стволов деревьев; промеж свай опускали в воду до дна длинные рогожные свёртки, вероятно с землёй; выше стояло несколько барок с грузом этих свёртков, работой не спешили; несколько человек, по пояс в воде, хлопотали около свай, другие рабочие сидели на берегу, на корточках, курили трубки и, по обыкновению, апатически смотрели на плоды своих трудов; надзиравший за работами, мандарин почивал сладким сном, на плотине, под холщовым навесом. Байхэ совершенно опустела; ни одного судёнышка, ни одной лодки не видно было ни вверх, ни вниз по реке она протекала как будто по безлюдной стране, все джонки убрались вверх, к Янцуню. Мы следовали по плотине несколько вёрст; в одном месте, я заметил на реке что-то, тёмное, похожее на кожаный мех, медленно плывшее в струях мутной воды, я спросил у извозчика: что это такое? – «Утопленник», сказал он равнодушно, и слегка посмотрев на плавающий предмет. Подобные случаи сделались слишком обыкновенными, и никто не обращает на них внимания, труп вероятно проплыл сквозь боны, и рабочие тоже, разумеется, не взглянули на него. Мы приближались к Тяньцзиню, под невыносимым жаром и пылью, по дороге нам встретилось несколько омнибусов, нагруженных домашнею рухлядью, это было переселение трусливых тяньцзиньцев, попалась также труппа актёров,

перекочевавшая в более мирные страны. Мы направились в западное предместье города, где квартировали китайские полномочные и все высшие власти, и долго искали квартиры, хотя высланный к нам на встречу вершник²⁷⁸ давно уже отъехал от нас и должен был уведомить кого следует о нашем прибытии. Наконец, мы поместились в гостинице, вне²⁷⁹ западной стены Тяньцзиня, не далеко от ворот. Приближаясь к гостинице, мы должны были остановиться, чтобы дать пройти полку милиции, солдаты шли по одиночке, один за другим, держа в руках одни – мечи, другие – копья. Предместье, в котором мы остановились, было весьма богато и оживлённо, хотя страх выгнал многих жителей. Вечером, после ужина на казённый счёт, я заметил бегающих по столу насекомых и узнал в них прусаков²⁸⁰, неизвестное и небывалое здесь насекомое доказывало близость европейцев вообще и русских в особенности, это может быть, единственный дар, с нашей стороны, обязательным китайцам.

7 [19] июня. Рано утром разбудили меня частые удары звонкого колокольчика, вероятно на ближайшем пароходе; я хотел немедленно отправиться в квартиру графа, но китайские полномочные изъявили желание видеть меня прежде. Предугадывая намерение их, я поехал к ним неохотно, они квартировали в северной части западного предместья в доме одного богатого магометанина; они из вежливости сами прислали за мной носилки.

Оба они вышли ко мне навстречу: Гуйлян – больной и слабый старик, с добрым выражением на приятном лице; он опирался на плечо своего домочадца; Хуашана, крепкого сложения, лет за сорок, с строгим выражением и довольно грубыми чертами лица. Они приняли меня в большой изящной зале, где толпились доверенные их чиновники и между ними Бянь, мой старый знакомый. Полномочные объяснили мне, что граф доселе не хочет принимать прямого участия в отношениях их к англичанам, хотя Император и удовлетворил

Хуашана

всем желаниям нашего правительства, и просили меня убедить графа помочь им не одними советами уступать или не уступать; они не могут воспользоваться ими в деле с такою нацией, как англичане, если не будут иметь верной опоры в графе. Гуйлян между прочим заметил, что он посредством приказаний и прокламаций с трудом удерживает ретивых тяньцзиньцев от безрассудных замыслов против европейцев; тяньцзиньцам, прославившимся защитой города от инсургентов²⁸¹, тяжело было переносить при-

сутствие горделивых чужеземцев. Как я только что прибыл и ещё не виделся с графом, то имел возможность отклониться от прямого ответа на внушения китайских полномочных. Простившись с ними, я заехал на свою квартиру и оттоле, через город, отправился в восточное предместье, в северной части которого квартировал граф. Дом, занимаемый им, расположен на набережной Хайхэ и принадлежит богатому купцу, по фамилии Хань. Хозяин, по настоянию графа, принуждён был выселиться из своего жилья, чтобы уступить его нецеремонным гостям; северную, лучшую часть помещения, с высокой террасой, граф уступил американскому посланнику, Риду²⁸², которого привёз сюда на своём пароходе. Когда я выехал из тесных переулков на набережную, глазам моим представился наш пароход «Америка», стоявший насупротив квартиры графа, далее на север тянулся ряд канонерок, далеко уступавших нашему красавцу пароходу, мачты, снасти и флаги рисовались в ясном воздухе; заповедные воды

Хайхэ носили на себе грозные gunboats; знаменитые врата Пекина (Тяньцзинь) были под пушками рыжеволосых варваров. Над квартирою графа развешался посланнический флаг; рядом с ним флаг Риды. Вступив в квартиру графа, я встретил его на дворе и приветствовал его такими словами: «Благодаря обороту обстоятельству я приехал, как кажется, для того, чтобы поздравить ваше сиятельство с вожделенным разрешением наших вопросов». — Не отвечая ничего, граф повёл

Гуйлян

меня в свою залу и прочёл мне вновь заключённый им трактат, — что было для меня неожиданною новостью; я полагал, что это только предварительные статьи, с некоторыми неважными подробностями, и остался в большом недоумении, когда чтение заключилось подписями полномочных. По моему мнению, надобно было или ограничиться двумя строчками, о даровании нам одинаковых с европейцами прав, или составить полный морской и сухопутный трактат, который не отказались бы подписать китайские полномочные, трактат написан и заключён был в одну ночь, с чрезвычайною поспешностью, граф боялся, чтобы китайские полномочные не одумались, или, чтобы европейские полномочные не проведдали о том, ему хотелось также заключить трактат прежде других держав, но все эти резоны и ошибочные соображения не могут оправдать ничтожного значения трактата; времени было слишком довольно для составления проекта трактата, полезного для России и достойного нашей дипломатии. Вследствие поспешности составления трактата произошло

несогласие, в некоторых выражениях между русским и китайским текстами, были даже пропуски; русский и маньчжурский тексты также были двух редакций. — Оставив в стороне статью о трактате как о деле неисправимом, я передал графу надежды пекинского правительства и просьбы китайских полномочных, с собственными взглядами на будущую судьбу Китая, в случае чрезмерных успехов англичан; но граф отозвался, что он решительно не может приступить ни к какой мере, желаемой китайцами, таково действительно было затруднительное положение нашего полномочного во все время переговоров. Если бы ограничиться только приобретением прав, какие даны были бы европейцам, вовсе не упоминая о пограничном вопросе, то китайцы не имели бы предлога настоятельно требовать от полномочного равносильной услуги; тем досаднее было то сознание, что для нас крайне полезно было бы оказать китайцам услугу, но что мы не имеем к тому средств и возможности. Граф выразил неудовольствие своё на слабость китайских полномочных, которые, не внимая его советам, уступали англичанам во всём, как будто советы эти были для китайцев необоримым оружием против англичан. Теперь остались две статьи, о пребывании постоянного посольства в Пекине и плавании по Янцзыцзяну, статьи, которые, по мнению графа, решительно надобно устранить, иначе англичане возьмут Китай в крепкие руки. Граф сильно убеждает китайских полномочных не сдавать этих статей. — Я узнал, что граф в последнее время сам писал в Пекин с предложением 10.000 ружей, 50 пушек и нескольких офицеров для военного устройства китайских войск и построения береговых батарей в Дагу; предложение 100.000 лан и прощение 200.000 лан было опущено; следственно, мысли графа, о которых я дошёл до сведения пекинского правительства, изменились. Я осмелился представить графу об Илийском деле и дальнейшем развитии его, граф отозвался, что это дело, как и все сухопутные вопросы, до него не касаются. — К вечеру граф пригласил меня прогуляться на катере вверх по реке; мы плыли мимо англий-

ских и французских судов, на набережной стояли толпы китайцев, созерцавших европейские пароходы, на стрелке, образуемой слиянием Байхэ и Императорского канала, расположено здание Ван-хай-лоу²⁸³; в нём помещается лорд Элгин, – что можно узнать по английскому флагу, развевающемуся над зданием, рядом с ним квартирует, в одной фоевской кумирне²⁸⁴, барон Гро. Возвратясь на нашу квартиру, я наслаждался слушанием музыки, которую играли на английском адмиральском пароходе; в вечерней тишине раздались торжественные звуки гимна «God save the Queen»²⁸⁵ напева одинакового с нашим: «Боже Царя Храни!»²⁸⁶. Чудно было слушать любезный сердцу напев, под чужим небом, при безмолвной толпе китайцев; звуки музыки оглашали покорные воды пекинской реки и доносились к жилищам китайских вельможей, угрюмо сидевших в четырёх стенах и подавлявших в себе чувство злобы и унижения; над Тяньцзинем распростёрся мрак, так будто над ним, видимо, тяготело господство горсти смелых европейцев. Поздно вечером я вошёл в нашу квартиру. Граф занимал главную залу на дворе, обращённую на восток, левый флигель занят был Пещуровым²⁸⁷ и Б.О. Сакеном [Бар. Остен-Сакеном], в правом помещались китаисты²⁸⁸, к которым и я присоединился, небольшие ворота вели на восток, в другой дворик, выходный или передний; здесь была столовая и квартира для М[артынова] и Б[аллюзека], в обоих флигелях шла усиленная работа, потому, что граф часто находил нужным посылать бумаги к китайским полномочным, кроме отправления китаистов, для личных объяснений. Я беседовал с старыми друзьями за полночь, с канонерок доносились к нам звуки колоколов, бывшие через каждые полчаса. Ещё нововведение! Китайские петухи, обыкновенно, начинают петать часа в три ночи, перед рассветом; но здесь, вахтенные свистки в полночь на пароходах обманули тяньцзиньских петухов и они начинают петать исправно в 12 часов, хором. Я узнал, что Циин²⁸⁹ виделся с графом, но, не будучи принят европейскими полномочными, поспешно уехал обратно в Пекин.

8 [20] июня. Я ездил к китайским полномочными с просьбою оставить здесь, на всякий случай, моего провожатого Сучжану, потому, что граф оставлял и меня на неопределённое время, хотя я и не видел пользы от моего присутствия. Полномочные снова говорили об участии графа. Перед тем, граф лично узнал от лорда Элгина, что он отказывается от двух спорных статей; граф немедленно отправил бумагу к китайским полномочным, с приятным известием, что *он* успел отклонить Элгина от настояния на сказанных статьях, к сожалению, Элгин уступил статьи только на словах графу и продолжал требовать внесения их в трактат, естественно, что это обстоятельство произвело странное впечатление на китайских полномочных, Элгин заставил графа показаться в невыгодном свете. Гуйлян, с добродушной усмешкой, заметил об этом разноречии и поручил передать графу просьбу его поправить дело. Я заметил, что полномочные были в состоянии крайнего унижения и трепетали при появлении поверенных Элгина; Гуйлян совершенно изнемог, а Хуашана, по видимому, стал прибегать к утешительнице в скорбях – чарке. Графу крайне неприятна была история о двух статьях; он не знал, как поправить промах.

9 [21] июня. Нам совершенно неизвестно, как ведено и как решено дело об Уссури. В указе, по сему случаю, даётся графу знать только к сведению, в нём говорится, что дело об Уссури и заливах решено. Тем не менее, граф внутренне торжествует и воздаёт себе овацию, как виновнику сего блистательного события, хотя влияние его настояний на ход дела, настояний, на которые он не получал никакого ответа, весьма сомнительно, дело зависело частью от общего хода европейско-китайских дел. Граф восхищается мыслью, что имя его будет греметь в парламентских прениях. Сегодня он поручил мне написать к нему письмо о моих последних действиях в Пекине, он не удовольствовался этим письмом и предложил написать другое, более полное; я понял цель моих писаний и

счёл нужным быть осторожнее в выражениях. – В указе на его имя говорится также, что, так как он привёл за собой европейцев, то в благодарность за уступки пусть отведёт их назад; вероятно, англичане передали китайским полномочным, что они прибыли к Тяньцзиню по совету графа, англичане предлагали им также обратиться к их посредничеству для решения наших пограничных вопросов. – «Русские, говорили они китайским полномочным, каждый год отнимают у вас по куску земли; обратитесь к нам; мы сумеем уговорить русских». – Так рассказывали сами китайцы. Если это выдумали китайцы, то, значит, они понимают наши отношения и делают внушения *ad hominem*²⁹⁰.

10 [22] июня. Продолжалась тревога по поводу двух статей. Граф ходил к барону Гро просить его убедить Элгина отказаться от двух статей, согласно прежнему обещанию. Барон Гро нашёл неудобным говорить о том Элгину и предоставил самому графу объясниться с ним, граф не решился. Ему оставалось настаивать пред китайскими полномочными, чтобы они не сдавались; полномочные отзывались, что иначе англичане грозят разбить Тяньцзинь и идти на Пекин; граф давал слово, что англичане не станут бомбардировать Тяньцзиня и не имеют средств идти к Пекину, однако ж его резоны не имели действия на умы полномочных, результатом этих бесполезных толков было охлаждение китайцев к русским.

11–13 [23–25] июня. Наши собственные дела были кончены, граф получил указ Императора, которым он благоклонно принимает предложение оружия, но советует отложить присылку офицеров на время более спокойное; граф снова послал настоятельное убеждение о принятии офицеров, ограничив число их 5-ю, китайцы, наконец, согласились²⁹¹. Граф предполагает отправление наших офицеров в Пекин зимою нынешнего же года, они займутся военным образованием и дисциплиной небольшого числа молодых людей, которые будут рассадником наставников для китай-

ской армии. Ружья и пушки он желает заказать в Бельгии, там же купить транспорты, вызвать из Кронштадта матросов и отправить в Китай кругом света, так что оружие наше будет получено китайцами не ранее осени будущего года, а здесь ожидают его будущею весною; о перемене срока доставки оружия с весны на осень граф не сообщил китайцам. — С приезда моего в Тяньцзинь, граф отложил на время желание быть в Пекине; он намеревался, по окончании дел в Тяньцзине, побывать в Японии вместе с другими полномочными, и оттоле вернуться в Дагу, а из Дагу ехать в Пекин, предлог поездки в Пекин придуман был тот, чтобы возвратиться в Россию сухим путём, собственно же он намеревался снова вернуться в Дагу, придумав в Пекине какую-либо причину. Графу желательно было побывать в Пекине, чтобы представиться Императору, не формально, а так, частным образом, случайно, например, во время прогулки в саду. Как всё это было сопряжено с трудностями, то граф вовсе покинул мысль о бесполезной поездке в Пекин.

Колебания по двум статьям продолжались. Нечего было более надеяться на упорство китайских полномочных. Граф, видя, что они пугаются одной мысли о движении на Пекин европейцев, утверждал, что пусть англичане даже овладеют Пекином, если только Императору можно и есть куда бежать на время; они не проживут в столице Китая и года и принуждены будут оставить её притом, при недостатке средств провоза, им трудно будет совершить поход к Пекину; последнее соображение, может быть, и справедливо, но каковой должна была показаться китайцам мысль о бегстве Богдыхана! Между тем, Элгин продолжал господствовать, влияние его тяготело над всеми нациями; барон Гро отказался от советов графа, отзываясь дружбою Франции с Англией; я усмотрел вообще, что англичане в политической деятельности и влиянии стоят на первом плане и оставляют за собой французов. Сообразив обстоятельства, я вывел одно заключение, что для китайских полномочных, лучшее средство к устранению двух

статей, было: оставить совершенно хоть для вида посредничество русских и прямо и исключительно обратиться к лорду Элгину, как представителю нации великодушной, молить его о милосердии и пощаде, об унижении не могло быть речи, оно и без того было полное; я уверен, что лорд Элгин тогда отказался бы от двух статей, на которых он настаивал ради постороннего вмешательства и для своей славы. Можно было бы склонить к тому полномочных китайских чрез Сучжану, который один ещё сохранял присутствие духа, но как было начать такое дело, когда наш полномочный прибыл сюда именно для посредничества?

Китайские полномочные ещё раз сделали попытку и пригласили к себе графа и Рида на совещание. Мы застали Рида уже у полномочных, он сидел на китайском диване; разлёгшись до спинки его и положив ногу на ногу, так что колено правой ноги его было выше его головы, секретарь его учёный Вильямс²⁹² сидел подле на кресле, вытянув ноги и ковыряя в зубах зубочисткой (так они пребыли во всё время визита), переводчиком был у них американский миссионер в Нинбо, Мартин²⁹³. Китайские полномочные сидели подобострастно в стороне. Когда все уселись, и граф спросил, для чего пригласили его, полномочные китайские объявили, что англичане, по-прежнему, не сдают двух статей и они, полномочные, решились в последний раз, просить графа и Рида принять посредничество и устроить соглашение. Разумеются, им отвечали прежним советом: держитесь, крепитесь! Увы! Они не могли уже крепиться и держаться. С тем мы и вернулись.

14 [26] июня. Наступил, наконец, день заключения англо-китайского трактата, подписание его имело происходить в кумирне Хай-гуан сы, по южную сторону Тяньцзиня, так, что английский посланник должен был проезжать мимо нашей квартиры. После полудня, на всех английских и французских судах, снасти сверху донизу увешаны были разноцветными флагами, народ толпился по набережной, созерцая

небывалое здесь и действительно великолепное зрелище. Русского, равно, как и американского флага не было поднято, кто-то, однако ж, ошибкой распознал похожий на него, тотчас приказано было поднять на нашем пароходе флаги английский и французский, один из флагов свился, граф вышел на набережную и, сложив руки в виде трубы, давал приказания экипажу до тех пор, пока флаг не был исправлен. Рид заранее отправил свой пароход на рейд и потому не мог выразить своего сочувствия. Мы поместились на террасе, в квартире Рида, где этот доблестный американец расхаживал с своей безотлучной зрительной трубой, как на вахте. Наконец, с квартиры лорда Элгина раздался крик: ура!, возвещавший выезд лорда; заиграла полковая музыка и процессия тронулась, впереди с музыкантами шёл полк с штуцерами, все солдаты были в красных мундирах и в белых соломенных шляпах и шли вольным шагом, за этим полком ехал в богатых носилках лорд Элгин, одетый весьма просто, по-пасторски, как заметил граф; носилки окружали пешие английские офицеры, золотые эполеты и украшения мундиров их блистали на солнце и не мало украшали поезд; за носилками лорда следовали носилки английского адмирала Сеймура²⁹⁴ и т.д., носилок было до 30. За вереницей носилок шёл другой полк, в такой же амунии, как передний. За процессией хлынула толпа любопытных китайцев, музыка долго ещё слышалась вдали. Элгин вернулся в том же порядке уже ночью. Мы толковали, почему англичане не выставили русского флага, некоторые говорили, что они поднимали не флаги, а простые переговорные значки; что касается до нас, что, подняв английский флаг, мы тем выразили естественное сочувствие к союзной нации и поздравление. Это было уже не первое выражение нашего сочувствия, в первый раз, когда англичане везли трофеи с береговых батарей Дагу, мимо нашего парохода, экипажу «Америки» приказано было высыпать на палубу и кричать им: ура! Англичане ответили уже на вторичный крик. М.²⁹⁵, рассказывая этот случай, с досадою присоединил, что русские

надорвали живот, крича англичанам: ура!; на это Л.²⁹⁶ заметил, что он лжёт, уверяя, что мы надорвали животы; разговор сделался крупным; к счастью последствий не было.

15 [27] июня. Сегодня пополудни была процессия французов, следовавшая по тому же пути и тем же порядком, пароходы также украшены были флагами, французские солдаты, однако ж, не имели такой выправки, как английские, на многих из них красовались медали, как сказывали мне, за Севастопольское дело²⁹⁷. Барон Гро одет был просто, но со вкусом, он свободно сидел в носилках, положив на передние перильца их свою левую руку, изящно обтянутую жёлтой перчаткой, носильщики украшены были гербом Франции. За носилками барона ехал верхом французский адмирал²⁹⁸, этот дряхлый старик, увешанный орденами и со звездой на груди, сидел на китайской кляче с важностью и представлял забавное зрелище. Французы вернулись также ночью, передний полк нёс факелы, что представляло великолепный вид.

Барон Гро отправляется к храму Хайгуан 27 июня 1858 г.²⁹⁹

16–21 июня [28 июня – 3 июля]. Пред заключением трактата с англичанами, было последнее совещание доверенных Элгина с доверенными китайских полномочных. Бянь, главный деятель в переговорах, по требованию графа, сообщил к его сведению, что англичане отказались от статьи о пребывании постоянного посольства в Пекине, и изменили статью о плавании по Янцзыцзяну, включив в условие, что

плавание будет совершаться на китайских судах. Это успокоило графа. Но хитрые китайцы обманули его, вероятно, для того чтобы избавиться от непрестанных его настояний, которые они принимали под конец, с видимою неохотою и пренебрежением. Когда дело, после заключения трактата, объяснилось, и китайцы откровенно сообщили нам, что две статьи сданы англичанам, граф пришёл в сильное негодование; он говорил, что китайские полномочные изменили интересам своего Государя, и что Бянь был подкуплен англичанами³⁰⁰, но это было не более, как предположение, не имеющее вероятия. Как бы то ни было, дела поправить было нельзя. Перед тем, граф отправил курьером Мартынова, с депешами в Петербург, в которых, между прочим, он известил об устранении двух статей.

*Festina lente*³⁰¹. Думали вернуть, или нагнать его, но остановились на надежде, что Богдыхан не утвердит проекта трактата; граф убеждал китайских полномочных послать курьера, со вторым донесением в Пекин или принять на себя ответственность и объявить англичанам, что Государь не утвердил проекта, хотя бы на самом деле и последовало утверждение; но китайские полномочные отклонили от себя этот опасный шаг. Граф послал от себя к китайским полномочным протест, в виде укора, за принятие двух статей. Вскоре затем Рид, посетив одного английского капитана³⁰², того самого, который отличился при разбитии батарей в Дагу, выведал от него, что с последнею почтою, он получил из Лондона письмо, в котором извещают его, что с переменою министерства королевы³⁰³, лорду Элгину послано предписание не предпринимать похода на Пекин, не доводить Маньчжурскую династию до падения и ограничиться благоразумными требованиями. Капитан высказал это из неудовольствия на л. Элгина за то, что он послал курьером в Лондон, для доставления депеш о заключении трактата не его капитана, а своего брата³⁰⁴. Рид тотчас передал это известие графу, а граф поспешил сообщить его китайским полномочным, убеждая их воспользоваться

этим случаем и отказаться от двух статей; но они отозвались, что, хотя две статьи и включены в трактат, однако ж, будут ли они приведены в исполнение, ещё не известно, а потому особой важности сим статьям не нужно приписывать. Несвоевременный совет графа остался втуне. Через день пришло утверждение Государем трактатов словами: «смотрел донесение и всё принял к сведению». – Мы боялись, чтобы л. Элгин не остался недовольным такой резолюцией; действительно, так и случилось, подозревая в этом коварную уловку Пекинского двора, он потребовал другого, более положительного и ясного утверждения и в то же время послал на рейд приказание вновь прибывшему полку войти в реку на канонерках, или высадиться на берег. Китайские полномочные встревожились и тотчас отправили курьера в Пекин, за новым утверждением. Одним вечером, л. Элгин посетил графа и успокоил его обещанием, что он остановит высадившийся в Дагу вспомогательный отряд, в это самое время доставили нам экземпляр только что полученного из Пекина нового утверждения Императора. Государь, вследствие требования англичан, вполне и ясно утвердил трактат, экземпляр подан был графу, который сообщил эту новость Элгину. Элгин сказал: «рад, что мы с вами первые узнали об этом». Событие было предметом всеобщей радости и успокоения, радовавшись радостью Элгина, от которого зависела участь положения и китайцев, и европейцев; так он умел возобладать над всеми нами. Все стали собираться в путь.

Противодействие графа видам англичан не было тайной, мы читали о том в полученной здесь шанхайской газете³⁰⁵; в ней между прочим сказано, что старания российского полномочного о миролюбивом окончании европейско-китайской распри доселе безуспешны, потому, что русские не решаются принести для того жертвы, вероятно, то жертва дружбы с европейцами в пользу китайцев; конечно, такой жертвы граф не принёс бы. Элгин оказывал видимую холодность к графу, да и вообще действовал так, что ничего не сообщал

даже английскому адмиралу Сеймуру. Зато между всеми другими полномочными и офицерами господствовала тесная дружба. Рид был другом русских, ненавидя англичан от души, он своим сочувствием поддерживал безуспешную оппозицию графа действиям Элгина. Адмирал Сеймур и барон Гро также вели дружбу с графом и навещали его. Барон знает по-русски; раз он пришёл к нам для свидания с графом и, не видя во дворе никого, стал посреди его и громко спросил по-русски: граф дома? Французский посланник пришёл! – С китайскими полномочными не было общения, кроме официальных свиданий и то весьма редких. По случаю пропуска в китайском тексте нашего трактата, граф приказал написать другой и предложил китайским полномочным подписать вместе и этот экземпляр, на их квартире. Граф заранее уведомил о часе своего прибытия, именно в полдень. Когда граф с нами прибыл в квартиру полномочных, нас встретили только слуги, отозвавшиеся, что Гуйлян и Хуашана *почивают*. Граф ждал в приёмной зале около четверти часа, пока, наконец, не привели Гуйляна под руки и не показался Хуашана, с заспанными глазами и зевая во весь рот. Это было неуважение и пренебрежете с их стороны, какого они не осмелились бы оказать последнему англичанину. До такой бесцеремонности дошла наша взаимная дружба или, лучше сказать, довело наше миролюбивое, но безуспешное вмешательство. Полномочные подписали китайский текст трактата, не прочитавши его; они так привыкли подписывать без возражений, что можно было заставить их подписать какой угодно трактат; они прибыли сюда, чтобы соглашаться на всё, это было золотое время уступок со стороны китайского правительства; истинно жаль, что мы имели ничтожную долю в столь обильном раздаянии, граф пригласил китайских полномочных к себе на обед, но они решительно отказались; да и хорошо сделали, пришлось бы угощать китайским столом, у графа не оказалось запасов; не было даже, кроме повара никакой прислуги, на всём пароходе был один слуга у О.А.³⁰⁶ Граф довольствовался босоногим

матросом; русская компания нуждалась во всём и приехала сюда как будто на плохую дачу, не догадавшись запастись, хотя на всякий случай, самым существенным.

Во всё время пребывания нашего в Тяньцзине, не смотря на душливый жар, толпы европейцев ходили по городу и предместьям, разъезжали, снимали виды и планы, встречаясь, раскланиваясь и весело разговаривая среди жителей, на которых они смотрели с презрением как на идиотов. Наше русское общество оживилось, с прибытием на рейд нашего фрегата «Аскольд»³⁰⁷. К нам приезжали офицеры с фрегата и сам капитан Унковский³⁰⁸. Граф давно ждал нашей флотилии и сетовал о медленном плавании её; он хотел жаловаться генерал-адмиралу³⁰⁹ на незаслуженные похвалы, печатным образом возданные вновь построенной для восточного моря флотилии, сказывали, что ей не позволено было идти на парах, вероятно из экономии, может быть она не приходила для того, чтобы не подать повода европейцам требовать от нас, как от союзников содействия, а китайцам подозревать нас в недружелюбных намерениях или из опасения дать средства к неуместной предприимчивости, не согласной с видами нашего правительства.

Общество тяньцзиньских купцов озаботилось содержанием дорогих гостей, во главе их отличался некто Хай Чжан-у³¹⁰, приобретший огромное богатство откупом соляного производства, он был попечителем всех подворий и квартир европейцев и на потребности их жертвовал значительными суммами из патриотических чувств. Хай Чжан-у носил на шапке красный шарик³¹¹, признак достоинства вельможи, и перо павлинье³¹²; и шарик и перо он приобрёл у правительства пожертвованиями и разными услугами ему, имя его известно не в одном северном Китае. Он однажды посетил графа, это был старик лет 60, низкого роста, весьма живой и свежий, на лице его оставался отпечаток страсти барышничества, которым он вышел из среды поварёнков. С ним был хозяин, дома, Хань, носивший на лице своём следы крепкой

привязанности к опиуму. Граф предложил Ханю, и заставил его принять за постой в его доме 300 талеров.

Граф, по совещании со мной, разослал значительной цены подарки китайским полномочным и всем мандаринам, участвовавшим в переговорах, он не забыл и Тань Тинсяна, хотя тот более не принимал участия в делах. Граф хотел послать подарки секретно от других послов, потому что ещё прежде согласились не посылать их, оттого англичане, будто бы, не посылали подарков, а добродушный Рид ограничился тем, что подарил китайским полномочным по экземпляру медицинского сочинения, переведённого на китайский язык. Лучшую часть подарков граф оставил для японского Сёгуна³¹³. Граф имел пристрастие к Японии и вообще все, побывшие там, не могли нахвалиться этою страной; конечно, приятно вспомнить о поприще первых своих успехов и о поэтическом колорите страны; но я [не]³¹⁴ понимаю, какие важные интересы мы имеем в Японии и какие громадные выгоды получим от трактата с этими островитянами? Сам граф, когда я, не обинуясь³¹⁵, спросил его о том, ответил весьма неопределённо. Однако ж, он хочет, чтобы наше консульство в Японии было достойно великой нации.

22 июня [4 июля]. Сегодня Рид, заняв у графа пароход «Америка», отправился со всем посольством своим на рейд. Накануне я зашёл в его квартиру проститься с знакомым мне патером Мартином. Рид тоже изъявил желание лично проститься со мной, Рид изъявил своё удовольствие, что он отправляется на нашем дружественном пароходе, я через Мартина выразил ему, что мне, как лицу духовному, оставалось молить Бога о благополучном путешествии его особы. Рид подал мне большую десницу свою и мы расстались; на галерее я встретился с сыном Рида³¹⁶, прекрасным молодым человеком (им любовались и китайцы) и тоже дружески простился с ним. Назад тому несколько лет мог ли я подумать, что мне, пустыннику пекинского захолустья, придётся пожать

руку представителю свободной Америки у стен недоступного Тяньцзиня? С Ридом отправились на рейд несколько английских и французских офицеров. На набережной собралось бесчисленное множество зевак, глазевших, как «Америка», гремя цепями, делала круговой оборот на реке; борт, обращённый к нам, унизан был офицерами, на вахте расхаживал Рид с своей трубой. Пароход тронулся и stop! наткнулся на мель и стал, беда, по-моему, не великая, но граф, как моряк, пришёл в негодование; пока пароход, обратным действием колёс, отступал назад, рассерженный граф вышел на набережную и кричал с берега команду: – «давать сильный ход». Действительно, когда усилили ход, «Америка» полетела по извилистой Хайхэ и скоро мачты её исчезли за кровлями домов.

23 июня [5 июля]. Сегодня пароход наш должен был вернуться, но получено известие, что, проходя бар, он крепко стал на мель. Мне чрезвычайно хотелось вернуться в Пекин, где должны были происходить беспокойства; живя в непривычном климате Тяньцзиня, в жаркой атмосфере, в неудобном помещении, среди шума и тревог, я успел проболеть несколько дней. Граф, наконец, позволил мне ехать завтра. К вечеру Элгин прислал графу копию заключённого им трактата. Когда граф прочёл все статьи его, дававшие англичанам огромный права и утверждавшие их влияние в Китае, против чего граф столько времени безуспешно ратовал, то он уныл духом и склонил в раздумье голову. Вскоре, однако ж, он придумал предположение, что, хотя англичане и будут иметь постоянное посольство в Пекине, но увидя преимущественное влияние на стороне русских, они, вероятно, сочтут за лучшее прекратить, с общего согласия, пребывание посланников в Пекине; желательно, но вряд ли вероятно. Вечером, в последнем со мною разговоре, граф обещал по возвращении в Петербург убедить наше правительство войти в сношения с английским и французским относительно отмены или уменьшения контрибуции с Китая, равно склонить

к конвенции между европейскими державами для обеспечения Китая, на будущее время, от несправедливых нападков и произвольных требований иностранных государств; пусть Китай будет пользоваться общими правами образованных наций. Тогда мы, русские можем поставить себя в выгодное положение при Пекинском дворе. Надежды эти уже небезызвестны китайским полномочным, оне сколько утешат Богдыхана, принуждённого сделать столько жертв и уступок. Простившись с графом, я вернулся в общую квартир для сборов. Со мной отправляется завтра Т[атаринов]³¹⁷, мой старый товарищ по пекинской жизни; он едет курьером в Петербург чрез Монголию, я хотел было послать с ним письмо, но не послал. Заключу выпиской содержание этого письма.

Завтра я возвращаюсь в Пекин, прожив в душном предместье Тяньцзиня около 20 дней, еду в наш скромный приют отдохнуть от разнообразных впечатлений, которыми пробавлялись дни нашей дипломатической жизни на берегах именитой Хайхэ; да хранит Лао-тянь (ветхое небо)³¹⁸ пекинские врата от нового вторжения Кавказского племени³¹⁹. Переговоры кончены, трактаты подписаны и утверждены; остаётся установить новый тариф в Шанхае. Европейские полномочные отправляются в Японию, оттуда заедут в Шанхай и, оставив там доверенных лиц, сами поспешат возвратиться в Европу. Граф не отстаёт от других; он объявил китайским полномочным, что едет в Японию следить за действиями там европейцев, и в случае нужды подать Сёгуну благие советы; одним словом, действовать так, как действовал здесь. Китайские полномочные улыбнулись, вероятно, представив себе судьбу Японии, но что им за дело до Японии? Граф изумился, как мало они знают о такой знаменитой стране, как Япония.

Мы уезжаем, стараясь поддержать в себе чувство достоинства. Ехали мы сюда с добрыми целями: угодить Китаю, поддержать его правительство, помочь ему в трудных обстоятельствах и под конец водрузить русское влияние в Пекине на незыблемом основании, оказалось, что мы не могли и не

имели средств исполнить то, чего желали чистосердечно. Китайцы ухватились за идею нашего посредничества, как за приманку, и вдруг из упорных и угрюмых сделались внимательными и снисходительными, рассыпая обильно слова, мы поспешили воспользоваться страхом китайцев от вторжения европейцев и выхлопотали себе, чего желали, но то, что мы наскоро возжелали, далеко не то, чего должно было бы желать. Наш трактат есть редкий образец дипломатической поспешности, пример неизвинительной торопливости.

Впрочем, нельзя строго обвинять нас. После опытов непреклонного упорства и системы отказов Пекинского двора, легко было увлечься первыми проблесками уступчивости с его стороны и спешить воспользоваться этою минутою, не рассуждая много о подробностях, не соображая последствий и не обнимая вполне наших интересов. Содержание нашего трактата будет скоро известно, я укажу только на одну дальновидную статью³²⁰ его, об открытии портов в Тайване и Цюнчжоу-фу³²¹, о которых наши негоцианты вряд ли когда-либо слышали. Не думайте, чтобы включение этих портов в трактат имело целью расширить наши торговый операции, этою статьею хотели удержать англичан от других более интересных портов; граф обращал глаза их на юг, а англичане всё-таки смотрели на север и открыли для себя два порта в Чжилийском море, – в Дэнчжоу³²², стоянку для судов, и в Нючжуан³²³ на берегах Маньчжурии.

Нельзя не сознаться, что мы значительно сбавили своего значения в глазах китайского правительства. Сначала оно думало, что мы можем употребить посредничество, но не хотим; но потом убедилось, что не можем, хотя бы и хотели, – мы оказались слабыми в сравнении с другими европейцами, действия наши бросили тень на нашу политику, китайцы могли понять, что мы, благодаря неопределённым обещаниям своим, получаем от них, чего требуем, не давая взамен ничего. Но об этом не стоит думать, для китайцев политика в том и состоит. Не хотелось бы только остаться в том невнимании

и пренебрежении, какое под конец оказывали нам китайские полномочные. Мне кажется, что мы должны исполнить данное слово и показать опыт искренности. Пусть доставленные нами пушки и ружья заржавеют или достанутся европейцам, пусть офицеры наши не образуют ни одной роты в китайской армии и возвратятся восвояси, — обязательство наше будет соблюдено и доверие поддержано.

Я не мог не отдать должной дани уважения характеру графа, стойкому, терпеливому и предприимчивому. Сколько нужно было твёрдости и настойчивости в неравной борьбе с английской дипломатией и с упорством китайцев! Но постоянные неудачи и огорчения не благоприятно действовали на графа, противоречие возбуждало его раздражительность, безделица тревожила его, никакие убеждения не могли поколебать однажды принятых им мнений, при всём том, я удивился впечатлительности его от собственных идей, иногда минутных вдохновений и даже от советов других лиц, если эти советы согласовались с предначертанною им системою, он немедленно осуществлял их, сам спешил и торопил других приводить оные в исполнение; трудно было согласить подобные убеждения, часто опрометчивые, с пуританскою непреклонностью его убеждений. Граф глубоко религиозен, с англизированными привычками, он, однако ж, не скрывает своей симпатии к фанатизму католиков. Каждое утро и вечер он посвящает по часу на молитву, может быть для очищения грехов дипломатической системы, которой он следует; время после обеда и за чаем он посвящал беседе о религиозных предметах, если не доказывал нам (это только и осталось на долю русских) незаконность домогательств англичан. Религия должна была поддерживать его дух среди злоключений его безуспешного странствия.

Сегодня вечером, перед прощаньем, граф предложил мне странный вопрос: чем впоследствии наградить нас за наше участие в минувших делах? Я умолил его не думать вовсе обо мне и решительно отказался от его предложений. Признаюсь,

старая рутина обещаний наград в случае успеха, обещаний столь близких по связи идей к угрозам наказаниями, в случае неуспеха, возмущает мою душу. Неужели выше сферы долга существует только приманка-награда?³²⁴ Неужели достойно благородной свободы нашей связывать её путями корысти, обуздывать безусловное усердие и способность к жертве обольщением самолюбия? Спрашивается, впрочем, какие наши доблести? Мы в Пекине не могли и не можем сделать ничего важного и полезного для дел, таково наше ограниченное положение. Наконец, если бы участие наше в последних событиях и вменили нам, за неимением лучшего, во что-нибудь, конечно, я не поставил бы себе за честь памятовать и возглашать: *Quōrum et ego pars aliqua*³²⁵.

Такими замысловатыми соображениями я кончил последний день пребывания своего в гостеприимном Тяньцзине.

24 июня [6 июля]. Рано утром я с спутником своим Т[атариновым]. отправился из дома Ханя и заехал в гостиницу, где ждали нас провожатые чиновники. Сучжана был печален и скучен, – незадолго пред сим, умер в Пекине, первый министр Юйчэн, покровитель Сучжаны, пристав нашего подворья лишился опоры и побаивался за своё служебное поприще.

Отъехав несколько вёрст от Тяньцзиня, мы заметили на полях крестьян, которые расхаживали и махали помелами и кусками холста, сгоняя с земель своих саранчу; дорога покрыта была густым слоем саранчи, она тучами поднималась от колёс наших экипажей, кукуруза и другие яровые хлеба были объедены, стояли одни стволы, поля оголились, как будто пожжённые пламенем. Близ Янцуня, боны, начало которых я прежде видел, кончены были вполне в двух местах; благодаря скорости ращения на стволах деревьев показались зелёные ростки и ветви, боны были в двух местах реки, в промежутке их устроены были плоты и поставлен поперёк

реки ряд судов; за ними в верховья готовы были суда, вероятно брандеры, с баграми на носках. Поодаль, ещё выше, там, где река образует локоть, взведены были валы, примыкавшие к реке углом, и на них поставлены были на колёсах пушки небольшого размера, направленные на реку: между пушками поставлены были круглые заслоны, или рогожные сусеки, насыпанные землёю; издали они походили на снопы и, вероятно, как снопы повалились бы от первых ударов ядер.

25 июня [7 июля]. Доехав до Чжанцзявани мы остановились на распутье, одна дорога вела в это местечко, другая спускалась с плотины, налево, куда я должен был ехать; Татаринovu предстоял путь чрез Чжанцзявань и Тунчжоу, по дороге в Калган, минуя Пекин, мы сошли с экипажей и крепко пожали друг другу руки. Я сказал своему любезному спутнику: «Вам путь лежит на далёкий север, спешите в родной край с благословением Божиим, если встретите давно ожидаемых нами гостей, передайте им мой сердечный привет и обнимите их»³²⁶. Мы простились на пустынном поле, в толпе сопровождавших нас китайцев, сели в возки и ещё несколько времени выглядывали из них, прощаясь знаками. Я отправился по пыльной дороге, в грустном одиночестве направляясь к опустылому Пекину, на ночевье остановились в Юйцзявэй.

26 июня [8 июля]. Мы въехали в Пекин под дождём. По всем улицам столицы расположены были шалаши для внутренней милиции, видно было, и я скоро узнал, что Пекин был в страшной тревоге во всё время переговоров в Тяньцзине. Вернувшись в подворье, я узнал из газет о печальной судьбе, постигшей Циина. Этот дипломат имел поручение действовать независимо от других полномочных, как уже знакомый с европейцами, но, встретив совершенное невнимание со стороны европейских послов и холодный приём у графа и подозревая, по крайней мере, по наружности, в англичанах далёкие замыслы, он решился бежать от беды и попал в дру-

гую, он поручил китайским полномочным послать к Государю составленный им доклад, а сам вслед отправился в Пекин, но достигнув Тунчжоу, был остановлен Сэн-ваном, и по указу Государя, скован и препровождён в столицу, как преступник. Надобно было на ком-нибудь выместить бессильный гнев, напали на Циина, как будто от его бегства зависела судьба переговоров в Тяньцзине. 9 июня составлен был верховный суд над ним. Пока его судили, сын его не однажды приходил в наше подворье, прося нас выразить официально участие наше в судьбе его отца; он надеялся, что тогда помиловали бы Циина, разумеется, попытка его была безуспешна. Он доставил также в подворье письмо графа на моё имя, от 28 мая, в ответ на моё, переданное ему Циинном. Самовольное удаление Циина из Тяньцзиня было единственною его виною, но тут припомнили действия его в Кантоне, где он в силу своего ложного положения, между англичанами и своим правительством, показал пример двоедушия; по мнению Пекинского двора, нарушил интересы страны и был отдалённою причиною последних событий; и так он должен был пасть жертвою обстоятельств, – жертвою, на которой, как я уже сказал, Пекинский двор, униженный европейцами, выместил свой гнев и раздражение. Верховный суд приговорил Циина к смертной казни, отложив оную до зимнего периода (дня поворота солнца), но президент Трибунала Сушунь, участвовавший в осуждении, восстал против отсрочки казни и настаивал на немедленном исполнении оной; он с холодною жестокостью прибавлял, что этот преступник уже стар и может до срока заболеть и умереть естественною смертию. Государь не принял ни того, ни другого решения. Он не хотел предать публичной казни Циина, как своего родственника и повелел, 18 июня, избрав пустую комнату в правлении родственников Императорского дома, привести туда Циина и показать ему собственноручное повеление императора, чтобы он, Циин, сам предал себя смерти. Повеление, разумеется, тогда же приведено было в исполнение. Бедный

старик, на склоне дней своих, конечно, ещё чувствовавший охоту пожить на белом свете, принуждён был сам прикрепить петлю на матицу³²⁷ и надеть петлю на шею и повиснуть. Какое страшное истязание и насилие воли человека – вынуждение в нём неестественных усилий, чтобы наложить на себя собственную свою руку! Но такова бездушная тирания Пекинского двора; в бессильном озлоблении за свой позор в предчувствии грядущих потрясений и низвержения здания вековых его начал и убеждений, он дал урок и заповедь своим сановникам, на предстоящую борьбу с европеизмом; это было последнее явление тяньцзиньской драмы, достойно венчавшее бессильную борьбу.

Я узнал также, что первый министр, Юйчэн, помер 12 июня, хотя он не отличался особенными талантами, но Государь чрезвычайно уважал его, он сам посетил дом покойного и совершил возлияние перед его гробом. Повелено чествовать тень Юйчэна наряду с доблестными лицами истории.

28 июня [10 июля]. Многие военные чины, участвовавшие в сражении с англичанами в Дагу, разжалованы за потерю береговых батарей. Сэн-вану поручено исследовать на месте обстоятельства дела. Вскоре потом повелено семейства павших на батареях солдат милиции избавить от оброка.

29 июня [11 июля]. Пришло достоверное известие, что все европейские суда отплыли от Тяньцзиня. Как пароход «Америка», по-прежнему, сидел на мели, то граф принуждён был нанять две китайские джонки и на них отправиться на рейд. При оставлении он завещал китайским полномочным не строить ничего на месте разрушенных батарей и даже очистить их совершенно как *tabula rasa*, в ожидании приезда русских инженеров, которые построят тут новые укрепления. Воображаю, как приняли китайские полномочные подобное предложение. Целый год держать ворота к Пекину отворёнными, это, по крайней мере, добродушно.

3 [15] июля. Повелено Гуйляну и Хуашане отправиться в Цзянсу³²⁸, для переговоров о новом тарифе европейско-китайской торговли, они будут действовать вместе с тамошним генерал-губернатором, Хэ Гуй-цином³²⁹; наверное, им поручено попытаться уничтожить знаменитые две статьи, но попытка будет безуспешна, одна надежда на то, что может быть конвенция европейских держав по китайским делам порешит с двумя статьями. Но состоится ли также конвенция? Любопытно знать, сделается ли опиум статьёй тарифа. По-видимому, англичане не прочь оставить торг им на прежнем основании и не хотели открыть для себя всех портов по китайским берегам, чтобы иметь возможность провозить опиум контрабандой.

12 [24] июля. По представлению Гуйляна и Хуашана, последовали награды лицам, отличившимся во время тяньцзиньских переговоров, и, между прочим Чжан Цзинь-вэню, попросту называемому Хай Чжан-у, о котором я упоминал прежде. Государь приказал местным властям поднести этому купцу-вельможе красную доску с похвальной надписью.

14 [26] июля. По доносу Сэн-вана, все генералы, бывшие в береговом корпусе, лишены должностей. Тань Тин-сян отрешён от должности 26 июня³³⁰; он прибыл в столицу и предан суду.

27 июля [8 августа]. Ургуньтай³³¹, один из трёх сановников, переговаривавших на морском берегу с европейцами, помер на дороге, возвращаясь из Шаньдуна, где он осматривал Императорский канал, для соображения мер к поправлению его. Правительство намеревается восстановить сообщения и казённые доставки по сему каналу, остававшемуся без действия, со времени усиления инсургентов в южном Китае; внутренние пути кажутся здесь безопаснее, чем путь морем, подверженный разным случайностям.

4 [16] августа. Повелено спешить доставкой дерев к Сэнвану для построения укреплений по водяному сообщению от Тунчжоу до моря. Тогда же повелено отпустить из двух палат, финансов и строительной, более 1600 пудов меди, для отлития новых пушек; отлитые пушки имеют быть отправлены в Тунчжоу; дорогу для провоза их, приказано исправить.

9 [21] августа. Решена судьба подсудимых по делу в Дагу; четыре генерала, действовавшие в перепалке с европейцами, хотя и повредили четыре неприятельских судна и убили много врагов, но за потерю пушек и батарей, осуждаются на смертную казнь³³². Тань Тин-сян, за нераспорядительность, осуждён в ссылку на военные станции в Монголии; по обыкновению, он будет жить за Великой стеной, близ Калгана, в особом селении, где пребывают сосланные вельможи.

14 [26] августа. Повелено остановить в Тунчжоу следующую из Чжэцзянской провинции в Пекин медь (вероятно, японскую) в количестве 3000 пудов для отлития из неё пушек. Потеряв в Дагу до 70 орудий разного калибра, китайцы не унывают и продолжают готовить новые, забыв, кажется, что их пушки не совсем годны к употреблению. Так паук, когда разорвут его паутину, снова раскидывает свои воздушные сети, до первого порыва ветра, или прикосновения руки человека. Полезнее было бы доставить эту медь в Пекин и отлить из неё мелкую монету, в которой здесь так нуждаются.

16 [28] августа. Уже несколько дней ходит слух, будто на тяньцзиньском рейде снова появились европейские суда. Возвратившийся из Тяньцзиня человек рассказывал мне разные вести, собранные им в этом городе: Приехали, будто бы, два английских судна, с протестом против недопущения их, англичан, в некоторые китайские порты; англичане представили бумагу, которая, к удивлению принявших её мандаринов, оказалась пустою; по мнению некоторых слова были, но исчезли, вследствие хитрого писания англичан. Французы,

американцы и русские явились к Тяньцзиню не по своей воле, а по приглашению англичан. Русский полномочный, отправляясь из Тяньцзиня, сказал китайским полномочным: «Мы представители трёх держав, уезжаем и не воротимся, но англичане, быть может вернутся; вы примите меры обороны»; тяньцзиньцы сохраняют доброе воспоминание только об американском посланнике. Выговоренные европейцами права, по общему мнению, неосуществимы. Все эти народные толки должны быть принимаемы с осторожностью. Сэн-ван строит батареи в Дагу (вопреки совету графа) и в местечке Шуань-цзянь³³³ по Хайхэ и устраивает там новые лагеря для войск; весь лес, требуемый из окрестных уездов, назначен на Хайхэ. С князем стоит войско из гиринцев и кукухотонцев³³⁴. На пути из Пекина к Тяньцзиню, прилежащие местности, на довольно далёкое расстояние в стороны, вошли в стратегическую систему Сэн-вана. В Тяньцзине происходила торжественная церемония поднесения Хай Чжан-у красной доски. Хай Чжан-у снова собирает милицию, но никто не хочет наниматься, за тем, что военные власти требуют внесения имён наёмников в записи, для верности.

Вообще, всё доказывает, что китайское правительство предполагает новые случайности в тяньцзиньском порте; оно откровенно обнаруживает свои мысли, относительно насильственной связи с европейцами и не прочь попытаться изгладить из трактата некоторый уступки, допущенные по принуждению. Граф не упустил из вида сего обстоятельства; он однажды, сказал, что будущему посланнику нашему в Пекин придётся, может быть, ехать с вооружённою силою, и что, во всяком случае, наша Амурская флотилия должна быть готова к выступлению к весне будущего года.

19 [31] августа. Сегодня объявлено, что инсургенты овладели Лучжоу-фу³³⁵, главным городом в губернии Аньхой. Полководец Шэнбао³³⁶, издавна прославившийся борьбой с инсургентами, назначен полномочным военным комиссаром в том крае. Дела с инсургентами, на юге, весьма плохи; нет надежды

на скорое и благополучное окончание их. Не вступятся ли европейцы во внутренние дела Китая и не решатся ли прекратить в нём смуты, ради интересов своей торговли с Китаем?

28 августа [9 сентября]. Ицзи³³⁷, иначе Цзисы, известный прожектёр, благоразумно воспользовавшийся опалой, чтобы удалиться в Жохэ³³⁸, для прииска дорогих металлов, отыскал, наконец, руды золота в Фыннинском уезде³³⁹; они находятся в ущельях гор, на пространстве нескольких десятков ли. Сэн-ван, к которому Ицзи обратился с проектом разработки руд, посылал специальных людей для исследования, которые принесли к нему образцы руды; из 75-ти гинов³⁴⁰ золотоносной глыбы выплавлено один гин 9 фын³⁴¹ чистого золота; следовательно, из 40 пудов руды должен очиститься 1 фунт золота. Князь донёс о том Государю, с проектом отправить в Жохэ избыток знамённого населения, как для надзора за работами, так и для участия в оных. Начальства осьми знамён, рассуждавшее об этом по повелению Государя, отвергли последний проект князя. Как поступает с находкой Ицзи, неизвестно.

5 [17] сентября. Отпечатано донесение Вэнь-Цая³⁴², который принимал в Тяньцзине казённый рис. В нынешнем году прибыло к Тяньцзиню из Чжэцзяна и Цзянсу более 1000 судов, нагруженных 1314000 мешков, или более 5 миллионов пудов рису; до миллиона мешков сплавлено в Тунчжоу для Пекина, на 5000 частных и казённых бочуаней. Это количество хлеба будет значительным пособием для продовольствия Пекина и понизит со временем цены на другие жизненные припасы.

С возвращением моим из Тяньцзиня Сучжана снова уехал в Тунчжоу и Трибунал не назначал нового пристава для Русского подворья; наконец через долгое время, определили к нам нового пристава, но он, вопреки обычаю, не посещал подворье до приезда новой Миссии. После новых дружественных связей наших с Китаем, установившихся последними трактатами, нельзя было ожидать подобного охлаждения к нам Трибунала, хотя бы оно было временно³⁴³.

ДНЕВНИК ОСТЕН-САКЕНА, ВЕДЁННЫЙ В ХОДЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СИБИРИ И ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ (1857 г.)

...тело всякий раз чувствовало самое мучительное сотрясение. Процедура эта возобновлялась чрез каждые три, четыре минуты; иногда один перегон занимал почти целую ночь. К тому [же] начались сильные морозы; жестокий ветер часто продувал насквозь мою кибитку, открытую спереди. Я сам удивлялся что мог переносить всё это; но на станциях за чашкою чая терпеливо готовился к новым страданиям.

В это время Ирбитская³⁴⁴ ярмарка³⁴⁵ кончалась; по положению она продолжается до 15го [27] марта³⁴⁶, но купцы стараются окончить дела и разъехаться в первых числах месяца чтобы возвратиться восвояси ещё по зимнему пути. Разъезд был значительный; нам беспрестанно попадались навстречу купцы, которые обыкновенно целыми обществами сидели в просторных санях с очень высоким задним сидением.

На одной станции мы как-то разговорились с казанскими татарами, также возвращавшимися с ярманки³⁴⁷. Они были очень довольны своими делами, «потому что всё дорого, прибавили они, только чай был дешев».

Ирбит³⁴⁸ находится в 240 верстах на сев.-вост. от Екатеринбурга; из сего последнего города мы отправились на Шадринск³⁴⁹ к ю.[гу] от Ирбита.

Встречи с купцами служили развлечением; далеко не так приятны были другие встречи, а именно с обозами. Зимой дороги так узки что вообще трудно разъехаться, но при встречах с обозами надобно было всегда долго ждать пока извозчики сворачивали своих сонных лошадей и клад³⁵⁰ в глубокий снег громоздившейся вдоль дороги. Это случалось бес-

престанно; при ночных встречах происходила каждый раз страшная суматоха, брань и т.п. Обозы начались около Перми и тянулись по дороге до самой Кяхты. Сперва везли преимущественно сало и кожи, начиная же с Томской губернии почти исключительно чай. Каждая лошадь тащила от 6 до 8 цибиков. Цибики³⁵¹ обшиваются в коровьи шкуры; по словам Верхнеудинского³⁵² купца Курбатова³⁵³, 80000 кож уничтожаются таким образом ежегодно. Достигнув места назначения они годны только на самые незначительные поделки.

4го [16] марта [1857 г.]³⁵⁴ мы достигли Уральского хребта. Он напомнил мне Оденвальд³⁵⁵ близ Гейдельберга³⁵⁶: округленные, невысокие горы, покрытые чахлым лесом. В 40 верстах от Екатеринбурга, по приказанию Герцога Лейхтенбергского³⁵⁷, поставлен столб означающий водораздел между Европою и Азией.

5 [17] марта мы прибыли в Екатеринбург и остались там двое суток. Граф³⁵⁸ заболел, и кроме того, надобно было купить новый возок, потому что экипаж, в котором сидели мои спутники, до того пострадал от толчков на дороге, что за несколько станций до Екатеринбурга начал совершенно разваливаться. Граф и Пещуров³⁵⁹ доехали до города на перекладных.

Мы осмотрели жалкие казённые заведения: монетный двор³⁶⁰, чугунно-оружейный завод³⁶¹ и гранильную фабрику³⁶².

На монетном дворе выделывают только медную монету. В настоящее время значительная часть станков была занята чеканкой медалей за последнюю войну³⁶³. При окончательной разборке монеты, сколько я мог заметить, более двух третей, бракуется. Но и не-брак отличается своею грубою отделкой.

На оружейном заводе нам показывали в виде редкости несколько нарезных ружей. На удивлённый вопрос графа, отчего они продолжают делать простые, не-нарезные ружья, когда они уже везде давно оставлены, — ему отвечали, что

«наряд» (определенная выделка известного количества ружей), ещё не кончился.

Гранильная фабрика еще незначительнее петергофской³⁶⁴.

В гостиницу, которая очень гадка, заходили к нам часто торговцы с разными произведениями из камня. Но хорошая вещь стоит дорого. За отличную печать из раухтопаза (без вырезки), представлявшую Атласа поддерживающего земной шар, просили 75 р.

В Екатеринбурге мы купили хороший возок; в котором поместились все трое, граф, Пещуров и я. Открытую же кибитку предоставили людям.

Из Екатеринбурга можно поехать на Тюмень или на Шадринск. Никто не мог сказать нам положительно какая дорога лучше; но Шадринский тракт тем удобнее, что на нём существуют вольные почты³⁶⁵ и можно заплатить прогоны³⁶⁶ вперёд. Далее перегон от Шадринска до Маслянской станции (20 в[ерст].)³⁶⁷ совершается на обыкновенных почтовых. На Маслянской начинаются так называемые «дружки» т. е. вольные ямщики, которые везут за меньшую плату чем указные прогоны. На «дружках» можно доехать до Томска, но мы взяли опять почтовых лошадей уже на Спасской станции³⁶⁸, верст за сто³⁶⁹ до Каинска³⁷⁰, потому что дружки нестерпимо долго мешкают на каждой станции, хотя и ездят довольно скоро; сверх того они везут по дорогам на которых версты обыкновенно не означены; но по словам их верст всегда оказывается очень много; однажды при довольно плохой езде мы проехали 38 дружковских верст, менее чем за два часа. Такие расчеты были особенно невыгодны для нас плативших обыкновенные прогоны.

Вот маршрут, по которому нас везли; за верность цифр, означающих версты, я не могу ручаться:

Маслянская.

Ичкинские юрты³⁷¹ 27.

Сопинино³⁷² 19.

Терсюкская³⁷³ 19.

Мостовская³⁷⁴ 21½

Исецкая³⁷⁵ 22½ (оставляя Бешкильскую³⁷⁶ 34 в., и Ялуторовск³⁷⁷ 32 в. в леве, мы прямо проехали на).

Заводковскую³⁷⁸ 38½ чрез Молосную³⁷⁹ и Енгагинскую³⁸⁰.

Далее до Тюкалинска³⁸¹ идёт почтовый тракт; на Абадской³⁸² не зевать чтобы не попасть в Тобольск³⁸³.

От Тюкалинска на дружках оставляя Омск в праве:

Половинка³⁸⁴ 20.

Нагибино³⁸⁵ 20.

Баженово³⁸⁶ 33.

Саргатка 1^я 25.

2^{ая}³⁸⁷ 17.

Чёрное озеро³⁸⁸ 23.

Енгалы³⁸⁹ 18.

Могильная³⁹⁰ 18.

Пустынная³⁹¹ 20.

Копиева³⁹² 36.

Резина³⁹³.

Мороши³⁹⁴ 24.

Камышева³⁹⁵ 31.

а далее по печатному маршруту.

За Екатеринбургом местность ровная. Уральские ели заменились соснами. Около Каменской³⁹⁶ хвойный лес исчезает, и начинается чистый березняк, который, как казалось, очень ровно покрывает всю эту часть Западной Сибири. Меня удивляла молодость деревьев.

Край богатый, жители зажиточны. Прекрасные села с чистыми избами. В избах стеклянные шкапы³⁹⁷, удобные скамьи, столы, покрытые цветными скатертями, и стенные часы. Большие каменные церкви с каменными оградами и чугунными решетками.

Катайское село³⁹⁸ имеет четыре церкви; здесь три раза в неделю бывает хлебный торг. Покупщики приезжают из Екатеринбурга и окружных заводов.

Река Исеть вызвала исторические воспоминания; здесь ратовал Ермак³⁹⁹.

На Молосной мы остановились у богатого крестьянина Толстоухова. У него 60 штук лошадей и рогатого скота; не считая мелкой скотины. Сеет он пшеницу два года сряду на том же поле; без всякого удобрения получает сам пять.

9го [21] марта проехали чрез Ишим⁴⁰⁰. На почтовой станции висит на стене портрет Ермака, большой, писанный масляными красками; а подле него Наполеон.

В домах крестьян все стены увешаны картинами. В селе Нагибином в избе над дверью, на штукатурке изображено *al fresco*⁴⁰¹ как мыши кота хоронят. А в Баженовом была комната, которой стены и потолок были испещрены самыми разнообразными изображениями: дворцами, деревьями, павлинами, солдатами, красавицами. Всё это в очень больших размерах; художником был приписной (т.е. ссыльный) ближней деревни; он взял за работу три целковых.

Зимняя дорога была хороша; только изредка попадались «нырочки, нырки» — здешнее название для ухабов.

За Ояшинскую⁴⁰² опять преобладает хвойный лес. Но возле дороги нет густых лесов как напр. в Пермской губ. [ернии] За несколько десятков верст от Томска⁴⁰³ к хвойному лесу и березняку присоединяется ещё тополь, вероятно *Pópulus nígra*⁴⁰⁴.

13го [25] марта мы прибыли в Томск. Гостиница Крылова чиста и удобна. Графу сильно нездоровилось, и мы были принуждены остаться здесь два дня; но усталость и холод не позволили мне прогуляться по городу. Он выстроен на неровном месте и обширен; считается лучшим городом в Сибири.

17го [29] марта достигли Красноярска⁴⁰⁵. Замечательно голая местность. Гостиница содержится довольно хорошо саксонцем, который уже очень долго живет в Сибири.

За Красноярском дорога подымается в гору.

Я забыл сказать, что, начиная с Екатеринбурга нам часто случалось обгонять партии ссыльных. Нижнеудинский⁴⁰⁶ городничий сообщил нам некоторые сведения об этих несчастных. В его уезде поселены в последние два года до 1600 человек; переселяют без разбора увечных, слепых, безногих, даже умалишённых и идиотов.

С тех пор как мы въехали в Восточную Сибирь путешествие наше инкогнито кончилось, и превратилось в нечто похожее на триумфальное шествие. На границах уездов нас ожидали земские исправники⁴⁰⁷, которые подавали рапорт о том, что всё обстоит благополучно, а потом бросались вперёд чтобы заготавливать нам лошадей на станциях. Этим они, однако, оказывали нам плохую услугу: для генерала-адъютанта⁴⁰⁸ едущего по Высочайшему повелению, лошади всегда найдутся без всякой посторонней помощи; исправники же, от слишком большого усердия забирали лучшие тройки для себя, чтобы поскорее поспевать пред нами; а мы должны были до-...⁴⁰⁹

***

В полдень **21 июля [2 августа] 1857** года пароход «Америка» находился в расстоянии 13-ти морских миль⁴¹⁰, на 10, от Алкесты⁴¹¹, самого западного из островов Корейского архипелага и названного так в честь корабля⁴¹² на кот. адмирал Амгерст⁴¹³ совершил свою экспедицию в Китай. Мы находились, следовательно, в Жёлтом море, хотя по цвету воды оно и не оправдывало этого названия. Мимо нас часто проходили китайские джонки, но всегда в довольно почтительном расстоянии. С часу на час ожидали мы появления европейских судов так как по нашим расчетам англичане уже давно должны были начать свои военные действия на севере Китая.

Ожидания наши не оправдались и **22 июля [3 августа]** нетерпение брало верх. Чтобы разъяснить непонятное для нас обстоятельство мы приблизились к двум китайским джонкам и вступили в объяснение с экипажем. Китайцы отвечали, что

они никаких европейских судов не видели. Одно из этих судов шло с грузом риса из Нанкина в Тяньцзинь.

Летучие рыбы, испуганные шумом колёс пароходных, выскакивали из-под носа и, пролетев низко по воде несколько десятков саженей, падали опять в воду.

На следующий день мы уже не сомневались, что англичан в Печелийском заливе нет, иначе мы наверно встретили хоть одно судно из 700 кот. ...⁴¹⁴ по каким соображениям нашим должны были собраться в этих водах. Понятно было что и джонки китайские, кот. встречались нам беспрерывно, не плавали бы так спокойно если б военные действия уже начались бы.

С самого утра **23^е июля [4 августа]** виден был Шань-дунский берег, унизанный красными скалами и камнями странных форм, кот. ясно отделялись на тёмном фоне отдаленных гор.

Во втором часу мы вышли в пролив Мяо-дао⁴¹⁵. С правой стороны кот. состоит преимущественно из красных скал. Между деревьями виднелись две деревни. По левую сторону показался на берегу город Дэнчжоуфу⁴¹⁶. Вид городских зданий, расположенных на скалистом пригорке, а частью в равнине, группа деревьев [на] извивающейся дорожке представляли приятный вид.

На палубе у нас происходила оживлённая работа, в ожидании скорого достижения цели нашего путешествия. Матросы красят шлюпки. Капитан Болтин разрисовывает посланнический флаг, для гички графа Путятина. Почтенный отец Аввакум составляет на маньчжурском языке лист в китайский Трибунал [внешних сношений], кот. предполагалось вручить местному начальству при устье Пейхо для пересылки в Пекин.

Младшие чины пос-ва занимаются перепиской набело изготовленных дипломатических бумаг. Наконец деятельный А.А.Т.⁴¹⁷ трудится над изготовлением флагов с крупными

китайскими подписями изображавшими следующие слова: Российского гос-ва по Высочай-му повелению, Посланник. Данный флаг предполагалось поднять на пароходской мачте для того чтобы кит-цы уже издали могли различить назначенность судна.

24 июля [5 августа] при пасмурной погоде мы подошли как можно ближе к берегу и бросили якорь в полдень на 4-х саженой⁴¹⁸ глубине. Плоский берег едва виднеется с вершины мачты. По предположению командира, мы находимся в милях 6-ти⁴¹⁹ от устья реки Пейхо.

Выписываю из своего дневника⁴²⁰:

Четверг 25го июля [6 августа]

Дождит; качает. Нельзя и думать об отправлении шлюпки к берегу с листом в Трибунал. Теперь стало для нас понятным отчето англичан здесь ещё нет. Они без сомнения знали о периодических пекинских дождях кот. продолжаются до середины августа. По словам отца Аввакума, дожди эти начинаются в первых числах июля, иногда даже в канун июня, и продолжаются целый месяц при постоянном юго-восточном ветре. Затем ветер переменяется и начинает дуть с С.З. при чём дождь сопровождается грозами. Ясная погода обыкновенно устанавливается с 15го августа.

После полудня погода немного стихла. Граф послал Т.[атарина] и меня на остановившееся близ нашего парохода судно чтобы расспросить о местности, о расстояниях до устья реки, до Тяньцзиня и до Пекина.

Но мы решительно не могли добиться сколько-нибудь ясного ответа. Южное-китайское наречье на кот. объяснялся экипаж было сверх того непонятно для Т.

Начальник экипажа объяснился кое-как на так называемом англо-китайском языке⁴²¹. Он, очевидно, дивился нашему появлению в этих морях и из отрывочных слов кот. произносил, как кажется, желал убедить нас, что если мы имеем дело до китайского Пр-ва, то должны обратиться в Шанхай

или в Кантон, а что в Тяньцзинь для нас доступа нет. Вообще на нас смотрели довольно презрительно и когда мы попытались пригласить начальника на наш пароход, то он рассердился и прервал всякие объяснения.

Вечером мы насчитали вокруг нас до 54-х судов. Все они направлялись к устью реки. Все эти суда хорошо вооружены европейскими пушками необходимыми для обороны от многочисленных пиратов южно-китайского моря.

Пятница 26го июля [7 августа].

Рано утром подошла к пароходу китайская лодка из кот. поднялись к нам на палубу трое китайцев выдавшие себя за купцов⁴²². Мы сейчас же поняли, что это одна из обыкновенных китайских проделок и что вопросы их о товарах и т. п. были только предлогом ч[то]б разузнать с какою целью мы сюда пришли. Однако мы обрадовались их приезду и успели узнать от них разные полезные для нас сведения.

В ближайшем на берегу селении Гэгу⁴²³ находится сетай⁴²⁴ т. е. начальник поста; подальше в Дагу имеет пребывание тунчжи⁴²⁵. Наконец в Тяньцзине имеет пребывание чжифу т. е. областной начальник⁴²⁶, который в тунчжи имеет помощника или товарища. К этому то тунчжи была составлена записка, в которой изъяснялось что прибывший в устье Хайхэ или Пейхо русский посланник имеет бумагу в китайский Трибунал, и просит сделать распоряжение о принятии оной и отсылке по назначению.

Прибывшие к нам китайцы, хотя и продолжали выдавать себя за купцов, однако весьма охотно взялись помочь нам. Один из них переписал начисто в двух экземплярах нашу бумагу, объяснив при этом что один экземпляр следует отдать сетая, т. е. чиновнику, имеющему пребывание в Гэгу.

По окончании дела, китайцев угостили, а затем они откланялись, обещав предварительно привезти нам свежей провизии.

Мы заметили, что когда лодка их отчалила, то вскоре потом подошла к пароходу другая лодка, в которой сидел

китаец с шариком на шляпе, след[овательно]. чиновник, не скрывавший своего звания; он казалось был в большом волнении, но увидев, что возвращавшиеся китайцы уже снабжены бумагою, успокоился и вместе с ними повернул назад.

Так начались наши сношения с китайцами. Лёгкость, с которую эти первые наши знакомые согласились исполнить наше требование, казалось, предвещала успех. Мы в этот день были все очень довольны, думая, что не долго придётся страдать в душной, смрадной атмосфере нашего парохода, и что скоро получится разрешение сойти на берег.

Пользуясь легким попутным ветром, мы снялись с якоря и приблизившись к берегу стали на глубине 17 футов; вскоре потом начался прилив и вода поднялась до 24 ф. Но и на этом новом месте трудно было разглядеть берег, от которого мы находились в расстоянии приблизительно ⁴²⁷ верст. Вокруг нас все джонки пришли также в движение, мы могли насчитать до 157. Плоскодонные легкие суда окружали неуклюжие джонки с которых выгружались на них товары. Красивый вид представляли джонки, буксируемые несколькими (иногда до восьми) мелкими судами, которые гуськом подвигались вперед на парусах и на вёслах. По словам наших китайцев⁴²⁸, большая часть этих джонок пришла из южного Китая с европейскими товарами.

Рано утром **27го июля [8 августа]**, явились на пароход двое господ в белых полотняных балахонах, один с белым шариком на конической соломенной шляпе, другой с бронзовым. Наши китайцы признали в них высоких чинов низших степеней⁴²⁹.

После обычных приветствий г.г.⁴³⁰ Фынь и Ду (так звали наших новых посетителей)⁴³¹, прямо заявили, что едва только успели узнать о нашем прибытии (чему, конечно, трудно было поверить). Они уверяли что ничего не знают о бывших вчера на пароходе китайцах и высказали предположение что это были вероятно люди посторонние, решившиеся приехать на паро-

ход из пустого любопытства. Пакета в Пекин они принять не могут, – им за это отрубили бы голову. На наши настойчивые вопросы, когда же увидим мы наконец такого сановника, который мог бы дать нам более определительные ответы и взял бы у нас бумагу на имя правительства, – на эти вопросы наши г.г. Фынь и Ду ответили, что послезавтра и притом уже к вечеру должен возвратиться в Дагу сетай, который, к сожалению, несколько дней тому назад уехал в Тяньцзинь. Этот чиновник явится к графу Путятину на следующий день по своём возвращении. На тему дальнейших объяснений мы узнали ещё многое что должно было вселить в нас некоторые надежды на уступки. Г.г. Фынь и Ду стали уверять что нас ожидали, что чжилийский губернатор⁴³² приказал принять нас хорошо ч[то]б. мы только потерпели немного и наверное попадём в Пекин.

Наши новые знакомые сообщили нам также что три года тому назад в Пекинском заливе появлялись английские, французские и американские суда, которые, однако, не подходили так близко к берегу как мы. При этом китайцы называли англичанина Мейхото (вероятно Medhurst)⁴³³, который вёл переговоры.

28ое июля [9 августа] г. Фынь приехал на пароход один и привёз воды, в которой мы начинали уже чувствовать недостаток. О воде этой, отличающейся своею мутностью, писал еще Стаунтон⁴³⁴, в описании посольства Макартнея⁴³⁵: «В сей реке (т.е. Хайхэ или Пейхо) не столь глубокой тина или распушенная глина⁴³⁶, приводимая в движение большими приливами, или отвалившаяся от рыхлых берегов или наконец принесенная из отдаленных гор, смешивается в таком великом количестве с водою, что совсем нельзя употреблять её для питья; однакож надобно сказать, что эту мутною воду довольно скоро очищают самым простым способом. Вот он: кладут несколько квасцов в бутылку, в которой наделаны мелкие отверстия, и зачерпнув в реке воды, болтают в ней три или четыре минуты. Земляные частицы, смешиваясь с квасцами, опускаются тотчас на дно, и вода становится чистою и прозрачною».

На этот способ очищения воды указал нам и Фынь, но мы заметили ему что если он в другой раз не привезёт воды почище, то мы сами пойдём в устье реки и вероятно сумеем найти удобное место чтобы напиться воды. Фынь уверял что другой воды нет; что чистые колодцы в расстоянии 400 вёрст от берега и т.п.

На другие нетерпеливые вопросы наши Фынь ответил, что он чиновник маленький, но что завтра приезжает его начальник (сетай), кот. даст ответы на всё, по осторожности китаец тут же спохватился и прибавил что сетай может приехать только в том случае если ему не придётся ехать встречать каких-то ожидаемых в этих местностях важных людей и.т.д. Кое-какие сведения о дорогах в Пекин, о времени кот. нужно для получения ответа на бумагу мы успели от него получить, но не больше. Часто он отзывался незнанием, ссылаясь на начальника и свой маленький чин. Так как большая часть сведений кот. мы получили от него имела только временный интерес, то я [не] стану повторять наших деликатных разговоров с Фынем и упомяну только об отзыве китайца о тайпинском восстании бывшем в то время в самом разгаре. Начальником инсurreкции Фынь называл Ян Сюция⁴³⁷. Предшественником его был Хун Сюцюань⁴³⁸, кот. дал своему правлению название: Тай-пин тай-го⁴³⁹. У него было пять главных сановников кот. он дал имена, заимствованные из истории древней династии Чжоу⁴⁴⁰: Си-шуай⁴⁴¹, Си-ма⁴⁴², Би-цунь⁴⁴³, Цыхуй⁴⁴⁴, Хай-цень-шань⁴⁴⁵. По словам Фыня инсургенты обвязывают свои косы вокруг головы. Храмы они сжигают, впрочем, Фынь, по-видимому, нисколько не сомневался в скором истреблении мятежников и с особенною гордостью рассказывал о сражении, происходившем близ Тяньцзиня и в кот. 100.000 т. (sic – *A.K.*) инсургентов были побиты 6000 войска Прав-ва. Весь народ воодушевился против них потому, что они режут женщин и производят разные жестокости над мужчинами. В заключении он заметил, что многие из мятежников переходят на сторону Правит-ва ибо дело несправое.

Хун Сюцюань, глава повстанцев в Китае⁴⁴⁶

29го июля [10 августа] в полдень Фынъ появился на пароходе с визитной карточкою и возвестил этим о скором прибытии трёх сановников. На карточках было изображено следующее: Г[осподин]. Окружной начальник округа Цань-чжоу Кя⁴⁴⁷; Г[осподин]. Окружной начальник независимый от Областного начальника Чэнь⁴⁴⁸; исправляющий должность приморского гарнизона в чине Ю-цзи Чэнь⁴⁴⁹.

В четвёртом часу подошли к пароходу два судна; на носу у первого выставлен был красный зонтик, как атрибут власти. Там сидели только что названные три чиновника из кот. последний т.е. военный был украшен синим непрозрачным шариком⁴⁵⁰, а два другие белыми прозрачными⁴⁵¹. Один из гражданских чиновников кот. был постарше имел огромные тёмные очки, кот. впоследствии заменились такими же светлыми огромными. Это был гражданский Чэнь. Другой, красивый мужчина осанистый – это Кя. Свита их состояла

из 8 человек в белых полотняных кафтанах с соломенными коническими шапками с красными кистями.

Костюм трёх господ был синий шёлковый, очень красивый. Веера из перьев. Нас поразила невзрачность судна на кот. они пришли; люди в таких щёгольских нарядах сидели в барках ничем не отличавшихся от тех судов кот. мы обыкновенно называем этим именем. Видно было что морские прогулки здесь не в обычаях. Только на корме была выстроена простая дощатая палатка, открытая спереди.

Разговор начался обыкновенными приветствиями. Обе стороны выразили свою радость встрече, причем мы однако же тонко заметили, что ждём уже 6 дней. На это последовал вопрос, какою дорогою сумели приехать? И долго ли ехали? и т.д. После этого приступлено было к разговору о деле: китайцы сняли свои шляпы; одни положили на стол, другие вручили слугам. Военный Чэнь закурил трубку.

Гр. Путятин⁴⁵²: – Ваше Прав-во уже предупреждено о моём прибытии, а потому я прошу Вас принять от меня бумагу, адресованную в Пекин в Лифаньюань.

Гражд. Чэнь: – Какую бумагу желаете передать в Пекин? Вам должно быть известно, что в этом месте русские никогда прежде бумаг не передавали.

Гр.[аф]: – Содержание бумаги весьма важное. Вы согласитесь со мною что придерживаться только прежних примеров невозможно. Времена меняются.

Ч.[энь]: – Вам следует пересылать бумаги через Ургу.

Это возражение очевидно показывало, что гости наши уже снабжены инструкциями из Пекина, иначе трудно предположить чтобы им мог быть известен наш вековой способ сообщения с Китаем.

Переговоры затянулись, и китайцы продолжали настаивать на своём пока они не изменили способ обороны и начали настаивать на том чтобы им было сообщено содержание бумаги.

Гр.: – Младшим должностным лицам не сообщают о делах касающиеся только высших сановников. Вы совер-

шенно напрасно делаете препятствия и возбуждаете затруднения. Я уже третьего дня передал записку в кот. изложена сущность моего домогательства и кот. вероятно уже находится в руках министров в Пекине. Вы подвергаете себя ответственности только и своими неразумными действиями можете быть причиною войны между двумя государствами.

Несмотря на то, что наш драгоман Т[атаринов]. по возможности мягче передал последнюю фразу, однако впечатление кот. она произвела было громадное. Гражданский Чэнь, кот. говорил за всех, пришёл в исступление, так что сосед его военный Чэнь с крайне добродушным выражением лица, должен был употребить все старания словами и руками ч[то]б. успокоить его.

Гражданский Чэнь вообще представлял собою личность выдающуюся. Такую преждевременную дряхлость и поразительную бледность мы впоследствии часто встречали у личностей, предававшихся чрезмерному употреблению опиума. Когда он говорил, то обыкновенно так нагибал голову до того, что она находилась почти на одном уровне со столом. При этом он горячился и делал непрерывные движения как головой, так и руками. Когда пот выступал на лице его он подзывал одного из служителей (вся прислуга присутствовала при разговоре), кот. подавал ему тряпку, смоченную в тёплую воду, кот. он вытирал себе лицо. Гражданскому Чэню мы без сомнения были обязаны неудачею в переговорах 29 июля. Он был всего упрямее и даже вступал в спор со своими товарищами и убеждал их, когда они начинали соглашаться.

Разговор сделался общим. Роли перемешались; в споре приняли участие даже подчинённые лица: «У нас есть законы, положения!» – «Они для Китая, а не для России» – «И зачем передавали бумагу именно в Печелийский залив!» – «Здесь ближе! Я имею точные указания от своего Прав-ва!» – «Нет, Вам требуется разрешительный ответ от Высшего Нач-ва Нашего!» – «Вы не знаете своих обязанностей. Пароход наш здесь уже шесть дней, а Вы только теперь являетесь, и, как

оказывается, не доносили о нашем прибытии. Доложите сперва, а я буду действовать сообразно ответу кот. получу». Сказав это Граф приказал приостановить принятие провизии, которую китайцы привезли для нас.

Заметив, что перегрузка провизии прекратилась, китайцы призадумались. Граф объяснил им что отказ с их стороны принять бумагу доказывает враждебное настроение, и что в таком случае никаких взаимных одолжений не может быть, а, следовательно, и принять привезённую провизию нам не приходится. Китайцы спешили уверить его в противном, уверяли в своей дружбе, готовности делать всё нам приятно, но вместе с тем продолжали стоять на своем, что бумаги они принять не могут прежде чем получают разрешение от высшего начальства.

Между тем, по данному Графом приказанию, выгруженную уже часть провизии стали опять переносить на китайское судно.

Наши гости хотели выказать свою добрую волю и стали вслух высчитывать сколько инстанций представление их должно перейти, чтобы достигнуть Трибунала, таких инстанций они насчитали до пяти, а времени потребовалось бы до десяти дней; рассчитавши ещё, они сбавили число дней до пяти. Тут щегольский Кя как бы в великодушном порыве воскликнул: «Да что говорить о пяти днях, не чрез пять дней, а как можно поскорее мы постараемся вам выставить ответ».

Отказ принять провизию им, как видно было, очень не понравился: Ужели вы не возьмете провизии? Ведь вы гости наши и т. д.

Спор продолжался ещё некоторое время, но дело от этого не подвинулось вперед.

Мы расстались с ними довольно холодно.

30го июля [11 августа]

Утро было пасмурное и мы надеялись, что мучительная жара спадет, но вскоре солнце выглянуло из-за облаков и нам стало опять мучительно душно. Китайские суда плавали весь

этот день только в больших от нас расстояниях. Нам кажется, что они нарочно нас избегают: мы в опале. Тщетно ждём появления новых или прежних лиц.

31го июля [12 августа]

26° Р.⁴⁵³ в тени. От времени до времени мы устремляем наши нетерпеливые взоры по направлению берега – но напрасно. На песчаных очертаниях горизонта виднеются сквозь зрительную трубку лишь постоянно движущиеся струйки раскаленного воздуха.

1 [13] августа

Томительная тоска. В пять часов вечера было 23° Р. в тени и 33° Р. на солнце. Какая-то джонка, кажется, наблюдает за нами, и лавирует вокруг парохода в почтительном расстоянии. По вечерам постоянно зарница.

2 [14] августа

Ночью проливной дождь, который сильно потревожил нас всех спавших на палубе. Утром опять 23° Р. Поздно вечером однообразие нашей жизни было нарушено следующим происшествием: какая-то джонка приблизилась к пароходу, но её быстро пронесло мимо. Пьяные, как казалось, голоса раздававшиеся с неё кричали нам, но нельзя было различить что? Судно джонку быстро пронесло мимо нас, и она скоро скрылась в темноте.

3го [15] августа

Наконец! В 1-м часу пополудни мы завидели две джонки⁴⁵⁴, которые медленно плыли по направлению к пароходу. Когда они приблизились то во второй из них мы, к общей радости, узнали наших приятелей прошлого понедельника т. е. т.г. двух Чэней и Кя. С самого утра дул с берега тёплый ветер, который развёл небольшое волнение – неуклюжая джонка с трудом причалила к нашему борту. Тут произошла небольшая и довольно оригинальная [сцена], показавшая нам совершенно новую сторону китайской жизни. Гости наши

со всеми ужимками самой утончённой трусливости, долго не решались ступить на пароходный трап. Они долго копошились на пароме под навесом и вывели из терпения своих собственных матросов. Один из них стал громко и совершенно бесцеремонно звать своих сановитых соотечественников: «Ну что же вы не идёте, чего тут бояться» и потом прибавил вполголоса: «Буши дунси» (китайское ругательное слово, буквально означающее «ни восток, ни запад»)⁴⁵⁵.

Наши знакомые наконец вошли на пароход. Встреча была самая дружелюбная. Китайцы были в новых крайне лёгких и изящных костюмах. Кя был в очаровательном полупрозрачном коричневом кафтане. На Чэне была надета довольно странная белая рубашка, которая свободно развивалась ветерком на ветре⁴⁵⁶. В руках они держали веера ещё красивее прошлого раза. Один из слуг нёс на руке шёлковый казакин⁴⁵⁷ замочные пуговицы кот. с львиными головами прямо обнаруживали своё английское происхождение.

Жалко, — начал Граф, — что в такую жаркую погоду вам опять пришлось так далеко ехать к нам. Были бы мы в лучших отношениях то и вам и мне, разумеется, удобнее было бы переговариваться на берегу.

Кит-цы не могли не понять справедливости этого замечания, но они удовольствовались улыбками и ужимками, вместо ответа и затем перешли к делу: говорил сегодня преимущественно Кя. Кит-цы, вероятно, заметили, что в последний раз гражданский Чэнь уж слишком погорячился.

Мы торопились, говорил Кя, ч[то]б успеть принести вам ответ чрез пять дней как обещали. Тяньцзиньский губ-тор насчёт⁴⁵⁸ доклада нашего объявил, что он не может на свою ответственность принять бумагу. Но дело от этого не пострадает. К счастью, в этих краях находится теперь на ревизии один очень важный сановник, кот. нашёл возможность принять от Вас бумагу, не ожидая особого на то разрешения от Высшего начал-ва. С этою целью он сам, пожалуй к вам на пароход. Мы приехали известить вас об этом и немедленно должны

спешить назад ч[то]б встретить его. Впрочем, мы не можем сказать наверно приедет ли сановник непременно сегодня. Вероятно, что он поспеет только завтра рано утром.

Цель сегодняшнего вечера заключалась главным образом в определении церемониала. Чэнь и Кя придавали этому вопросу чрезвычайную важность. Но прежде чем приступить к этому вопросу кит-цы попросили позволения снять с себя верхнее и без того очень лёгкое платье по причине чрезвычайной жары. Они остались в каких-то белых пеньюарах.

Великий сановник, – сказал Кя, – желал бы знать какой будет сделан ему приём. Он родственник Им-ра и начальник всех водяных сообщений. Ему следовало бы сидеть на почётном месте, и вы, Граф, сели бы подле него сбоку.

Вам необходимо встретить его, – прервал Чэнь, – у самого трапа.

На столе непременно нужно поставить [особые]⁴⁵⁹ тарелочки с угощением, добавил Кя.

В присутствии сановника никому не следует сидеть – поспешили добавить Чэнь и Кя в одно и то же время.

Все эти советы и намёки повторялись по обыкновению бесчисленное число раз. Но кит-цы, как казалось, успокоились, когда Граф, просто объявил им что он примет сановника, так, как принял бы равного себе русского сановника; что сидеть он будет с ним рядом за столом и выйдет к нему навстречу. Когда всё это было улажено, то на всех лицах, как наших, так и кит-цев изобразилось совершенное удовольствие. Закурили папироски и начали говорить о посторонних предметах. Любопытно между прочим, что кит-цы узнали, что граф Путятин был в Шанхае несколько лет тому назад⁴⁶⁰.

Потом пошли осматривать машину при чём спросили во сколько она сил, и имеют ли англичане машины в больших размерах и построена ли наша пароходная машина в России. Дружеское настроение дошло даже до того, что наши гости приняли подарки от кот. прежде так упорно отказывались, причём, однако, опять очень долго протестовали при-

нять карманных часов. При прощании чиновник Кя ещё раз возвратился к вопросу о церемониях и с большою живостью объяснил и даже показал на деле как следует поставить стол и разместить стулья. Граф предложил поставить высокому сановнику караул и [салютовать]⁴⁶¹ ему из пушек. Это кит-м, кажется, понравилось, впрочем, они тут же прибавили что доложат об этом предварительно да-жэню⁴⁶².

4го [16] августа

С раннего утра начались приготовления для приёма кит-го сановника. Из сундуков с подарочными вещами были вынуты: ковры, цветные скатерти, кот. украсили корму и мебель, где должно было происходить заседание. Офицеры парохода делали репетицию почётного караула и музыки (трубы и барабаны).

Так прошло время до 3^х часов по полудни.

Между тем жара снова стала невыносима, во 2-м часу было 40° на солнце и 28° в тени. Красивые птички ищут убежища от страшного зноя под пароходным тентом, и без страха гуляют между нашими ногами.

Уже 3^й час, а да-жэня ещё всё нет. Мы начинали опасаться, что его сегодня не будет. Наконец в 4-м часу прибыли наши три приятеля и объявили, что да-жэнь Вэнь⁴⁶³ будет скоро – часа чрез два.

Кит-цы уселись и за чаем завязался самый дружеский разговор. Мы узнали, между прочим, что ожидаемый сановник хотя и не родственник Им-ра, [хоть]⁴⁶⁴ говорили [при том]⁴⁶⁵ занимает важное место в дворцовом правлении, а вместе с тем почётный советник Палаты церемоний⁴⁶⁶.

Отношения наши к китайцам стали до того непринуждёнными, что после чая они сами стали просить вчерашних вареньев, кот. им особенно понравились. Чэнь и Кя вписывали свои имена в наши бумажники, а мы им раздавали наши визитные карточки.

В 6^м часу вечера увидели мы генеральское судно кот. впрочем отличалось от других только величиною и несколь-

кими треугольными зубчатыми красными флагами. Они треугольные с зубцами. Военный Чэнь отправился на лодке встречать да-жэня. Когда Вэнь вступил на палубу, наши китайцы преклонили колени. Граф вышел на встречу, почётный караул отдал честь, барабаны и трубы заиграли. Тут завязался великодушный спор кому идти первому и кому сесть первому. Однако Граф настоял на своём. За тот же стол сели ещё: Кя, гражданский Чэнь и сопровождавший Вэня – Ши⁴⁶⁷. Военный Чэнь скромно удалился и смешался со свитой, стоявшую в некотором удалении. За Вэнем стали трое слуг, кот. по знаку подавали ему ручную плевательницу. Наши гг. помещались вокруг без особенного порядка.

Разговор начался обыкновенным вопросом о здоровье, о том, как совершилось путешествие, когда выехали из отечества. Из пределов отечества, – отвечал Граф, – всего семь месяцев тому назад, из столицы же нашей ещё в начале нынешнего года⁴⁶⁸. Вэнь просил извинения что приехал так поздно и т. д. Потом приступили к делу.

Г. Вам известно, что Российский Император отправил в Китай меня, в качестве своего Посланника.

В. Мне это известно.

Г. В таком случае прошу Вас принять от меня и переслать в Лифаньюань изготовленную мною бумагу, в кот. изложены причины моего сюда прибытия.

В. Если вы имеете что сообщить мне словесно, то я готов выслушать всё что вам будет угодно сказать мне.

Г. Желание моё единственно состоит в том ч[то]б вы приняли от меня бумагу и передали бы по назначению.

Тут Вэнь принял особенно деловой и озабоченный вид и сказал: итак, будем сначала говорить о бумаге.

В. Я должен заметить Вам, что в этом месте прежде никогда бумаг от имени прав-ва вашего не передавали.

В ответ на это Граф изложил кит-му сановнику все свои первоначальные действия; как он долго ожидал в Кяхте ответ из Пекина, как он вынужден был назначить крайний срок

для ответа, и как по прошествии этого срока, не дождавшись ответа, он спустился вниз по Амуру и морем прибыл к устью Пей-хо.

В. Я, собственно говоря, нисколько не причастен к этому делу, и решился приехать сюда и принять от вас бумагу, только потому, что эти гг. (указывая на Чэня и на Кя) меня упросили. Однако я должен заметить, что если раз принято пересылать бумаги чрез известные места, то не следует изменять порядок.

Г. Придерживаться всегда прежних примеров – невозможно. Если возникнет важное дело, то часто приходится многое изменять. Вы знаете, например, что ваше гос-во всегда держалось правила не посылать [и] не отправлять посольства к чужестранным дворам, а между тем в прошедшем столетии имп-р Цяньлун⁴⁶⁹, находясь в войне с джунгарами⁴⁷⁰, признал обстоятельства настолько важными что решил послать посольство в П[етер]б[у]р[г]. для совместного обсуждения сих⁴⁷¹.

В. Это всё совершенно так, но всё-таки я должен остаться при своём мнении, что здесь принимать от вас бумаг не следует.

Г. Однако ваши власти принимали же в этом месте бумаги от англичан⁴⁷². Вэнь сначала, как казалось, хотел было отрицать это, но потом старался вывернуться, замечанием что при таком дружеском разговоре об англичанах не следовало бы упоминать.

Г. Вы приняли бумаги от англичан, кот. в то время приходили сюда с дурным намерением, а отказываете в этом мне, кот. послан Государем с самыми дружескими целями.

Переговоры затягивались, а вопрос не выяснялся, а потому Вэнь обратился к нашему драгоману Т. и сказал ему: переговорим сперва толком, а потом ты доложи обо всём Графу.

После этого он довольно долго и не прерываясь объяснял что-то Т. и смысл этой длинной речи был тот, что Вэнь

решается принять бумагу в видах обоюдной пользы, и при этом сам удивляется своей решимости. Граф поблагодарил его.

В. У меня остается, однако, следующее сомнение: Если я отправлю теперь же эту бумагу с сановником в Пекин, то её наверно не примут, а потому, мне кажется, я поступлю благоразумнее если сперва приведу к окончанию возложенное на меня поручение, а потом сам повезу бумагу в Пекин.

Г. Дело, о кот. говорится в бумаге, очень важное, и не терпит отлагательства. Я получил приказание от своего Прав-ва спешить по возможности, а потому я должен просить вас, без промедлений переслать мою бумагу по назначению.

Хотя солнце давно уже село, но жар был по-прежнему невыносимым. Вэнь попросил позволения снять верхнее платье, а вместе с тем непременно хотел уговорить Графа снять свой генерал-адъютантский мундир. Его с трудом успокоили, уверяя что мы привыкли сидеть в суконных одеждах даже в сильный жар.

В. Я знаю наверно, что бумаги не примут, если я сам не передам её в Пекин.

Г. В этом случае не сочтёте ли вы нужным по важности дела, немедленно возвратиться в Пекин.

В. Этого я не смею. Я должен сперва исполнить возложенное на меня поручение.

Между тем стало совершенно темно. Смешение китайских костюмов с нашими мундирами при [лунном]⁴⁷³ свете и вокруг стола, покрытого различными угощениями – всё это вместе представляло очень оригинальную картину.

В. Я сказал, что возьму бумагу и поспешу как можно скорее, занимаясь и день и ночь окончить возложенное на меня поручение, и потом отправлюсь в Пекин. Прошу вас только сказать мне, где вам будет угодно ожидать ответа, в Кяхте, на Амуре или в Кульдже (Или), ибо, как вам известно, переписка с Россией ведётся только чрез эти три пункта.

Г. Я буду ожидать ответа здесь – в Печелийском заливе – так приказано мне моим Государем.

В. В таком случае, извините – я не могу принять вашей бумаги.

Г. Весьма вероятно что я оставляю Печелийский залив на некоторое время, но во всяком случае опять сюда возвращусь и не уеду до тех пор, пока не получу ответа. Если же мне придётся ждать слишком долго, то не ручаюсь за последствия.

В. Я могу уверить вас, что если вы теперь отправитесь в Кяхту, то ответ вам туда будет отправлен чрез Ургу, в очень короткое время.

Г. Я непременно должен ожидать ответа здесь.

В. Ответ будет, когда я могу определить, когда, в каком месте. Если я хорошо понял ваши слова, то из них оказывается, что вы потеряли всякую надежду прийти к какому-нибудь соглашению на нашей обоюдной сухопутной границе, т.е. ни на Амуре, ни в Кяхте, ни в Кульдже.

Г. Вы совершенно поняли положение дела.

В. Во внимание тому, что вы присланы Российским Им-м, я решаюсь принять от вас бумагу.

После этого совершилась наконец передача бумаги. Вэнь положил её в пакет, пред собою на стол. Казалось, что трудная негоциация проведена была к благополучному окончанию; но мы ошиблись. Гражданский Чэнь постоянно бывший главным противником нашим, заметив, вероятно, на наших лицах, выражение удовольствия, поспешил разочаровать нас и сказал: «наш да-жень, хотя и принял бумагу, но не надейтесь получить ответ здесь в Печелийском заливе».

Как? Что? – послышались возгласы с нашей стороны. Увы! – Вэнь подтвердил слова своего подчинённого: «прошу вас совершенно положиться на меня», – сказал он. Я напишу всем донесение, что вы не получили ответа из Пекина ни в Или, ни в Кяхте, ни на Амуре и вы можете быть уверены, что ответ вам будет выслан без промедления, если только вы мне скажите в каком из вышесказанных мест, вам угодно ожидать его.

Г. Я желаю получить ответ здесь, в Печелийском заливе, и даю вам на это недельный срок.

В. Если Вы намерены ожидать ответа здесь, то я не могу принять от вас бумаги.

Г. Как Вам угодно; но я, согласно данному мне приказанию, не уеду.

В. Своим упорством вы ставите меня в очень затруднительное положение.

Г. Можете не принимать бумаги.

Повторение одного и того же с обеих сторон продолжалось довольно долго.

В. Я по дружбе советую вам не ждать ответа здесь.

Г. Я не могу изменить принятому решению.

В. Вы не можете поверить, как я желаю прийти с Вами к соглашению.

Г. Мне это приятно слышать.

В. Собственно говоря, это дело совершенно до меня не касается, и я только по просьбе этих господ и т. д.

Переговоры продолжались уже четыре часа сряду, и мы все были очень утомлены. Кит-м предложили закусить.

Г. Мне необходимо получить из Пекина решительный ответ, принимают ли меня там или нет. У нас есть трактат с Китаем⁴⁷⁴, кот. обязывает вас принимать наши посольства, а вы знаете, что несоблюдение трактатов может [привести к войне]⁴⁷⁵.

В. О войне здесь не может быть речи, потому что сам я приехал к вам, то, собственно, для поддержания согласия. Какое же собственно дело поручено вам? Объясните вы мне частно, какое дело, собственно, вам поручено?

Г. Об этом уже писано нашим прав-м в Пекин. Нынешнее моё сообщение включает в себе новые важные обстоятельства. Мне необходимо видеться с высшими государственными сановниками в Пекине, для устройства дел, к обоюдной пользе Китая и России.

В. Я уже сказал Вам, что решаюсь принять вашу бумагу, но ответа вы здесь в Печелийском заливе не получите. Сказавши это, Вэнь внезапно впал в раздумье, стал шептать и потом объявил с озабоченным видом, что он сам находится

в большом затруднении и не знает, как поступить, что гг. Чэнь и Кя с самого начала неясно изложили ему дело, и что он ничего не знал о намерении нашем ждать ответа в Печелийском заливе. Здесь разыгралась маленькая китайская суета; Вэнь начал бранить своих сподвижников, жаловался на безвыходность своего положения тем более, — прибавил он под конец, что, собственно говоря, это дело совершенно до него не касается. Наступило молчание; обе стороны были утомлены от переговоров, продолжавшихся уже пять часов сряду. Однако прения вскоре опять возобновились вследствие выходки военного Чэня, кот. вдруг выскочил из темноты и сказал драгоману Т. с умоляющим видом: поверьте, что только мы упросили да-жэня прибыть к вам на пароход и принять от вас бумагу. Смятение, многие говорят разом.

Г. Я прибыл в Печелийский залив чтобы отсюда отправиться далее в Пекин, что я раз сказал, то постараюсь исполнить. [Я]⁴⁷⁶ ничего не могу прибавить, но в случае, что с вашей стороны последует отказ, то я за последствия не отвечаю.

В. Так говорить не следует, ведь мы все здесь чиновники и нам ...⁴⁷⁷; но Вы сами знаете, что согласно принятому порядку, ответ из Трибунала внешних сношений, должен быть отправлен в Сенат.

Г. Государь мой приказал мне вступить в непосредственные сношения с вашим прав-м; об этом уже писано в Трибунал.

В. Я ещё раз повторяю, что согласен принять от вас бумагу, но ради взаимно связывающей нас дружбы, я убедительно прошу вас сделать мне одолжение и уйти из Печелийского залива.

Г. Этого я не могу исполнить.

В. Но зачем же вы прежде не говорили о вашем намерении ожидать здесь ответа.

Г. Я действую прямо и никогда не думал скрывать от вас моих намерений. Теперь прошу вас дать мне решительный ответ: примете вы от меня бумагу или нет!

В. Непременно приму.

Между тем принесли Кяхтинский трактат и Т. показал Китайцам 9-ю статью в кот. говорится о праве отправлять в Китай послов.

В. Это дельно написано и, по всей вероятности, наше Ургинское начальство⁴⁷⁸ ничего не знало о существовавшем между обоими государствами условию. Теперь мы поспешим сообщить им об этом и тогда будет поступлено по трактату, и вы можете быть уверены, что вас немедленно пропустят чрез Кяхту.

Гражданский Чэнь стал перечитывать статью трактата и потом с истинно дипломатическою аккуратностью стал [сверять]⁴⁷⁹ свою копию при помощи другого чиновника. Между тем бесплодные переговоры продолжали вращаться на одну и ту же тему.

В. Если вы заявляете положительное намерение ожидать ответа здесь, то я не могу принять от вас бумаги, в таком случае я могу только ограничиться извещением местного начальства о вашем желании и дело пойдёт по различным инстанциям до Трибунала. Думаю, что чрез восемь дней вы получите о том ответ, примут или не примут от вас бумаги.

Угрозы с нашей стороны; разговор продолжает вращаться около того же самого. Вэнь иногда до того обижен, что кажется готов плакать. Ему сказали, между прочим, что невозможно верить его словам. Смятение; все говорят разом. Наступал 11-й час ночи; Вэнь не соглашался дать письменное ручательство в том, что [через] 8 дней получится ответ из Пекина.

На расставании кит-м объявили, что салютовать Вэню не будут, так как по нашим законам после 8-и часов вечера не салютуют. К этому обстоятельству китайский сановник отнёсся весьма равнодушно. О подарках, разумеется, не было и помину. Однако Вэнь не побрезговал взять с собою две бон-боньерки с конфетами.

Итак, нам приходилось простоять ещё по крайней мере 8 дней в негостеприимных водах Печелийского залива.

**ДНЕВНИК ОСТЕН-САКЕНА,
ВЕДЁННЫЙ В ХОДЕ ПУТЕШЕСТВИЯ
НА ПАРОХОДЕ АМЕРИКА В РЕКЕ ПЕЙ-ХО⁴⁸⁰
(1858 Г.)**

9 [21] мая 1858 г. (ст. стиля)

Рано утром мы услышали с берега три ружейных залпа, — это были похороны английских и французских солдат, убитых во вчерашнем сражении⁴⁸¹.

Штурм фортов на р. Хайхэ 20 мая 1858 г. [левая часть гравюры]⁴⁸²

Граф приготовил записку к китайскому генерал-губернатору Таню, последнему лицу, которое вело переговоры с европейцами пред начатием военных действий⁴⁸³. В этой записке Граф приглашал Тая прислать доверенное лицо, посредством которого представилась бы возможность снова возобновить переговоры. Это было сделано в том предположении, что «напуганные» китайцы не посмеют сами предложить переговоры.

Штурм фортов на р. Хайхэ 20 мая 1858 г. [правая часть гравюры]⁴⁸⁴

С этою запискою Граф отправился к английскому адмиралу Сеймуру и попросил его оказать содействие для пересылки её по назначению. Само собой разумеется, что Сеймур отклонил это самым деликатным образом, говоря, что без разрешения лорда Элгина⁴⁸⁵ он этого сделать не может.

Во время отсутствия Графа пришла к нашему пароходу французская шлюпка. Двое французских офицеров сопровождали нашего знакомого, китайского чиновника Чжана⁴⁸⁶. Один из офицеров, адъютант французского адмирала⁴⁸⁷ Риго де Женуйи, рассказал нам, что Чжан сначала был приведен на английское судно, но что там он не хотел ничего объявлять и просил чтобы его повели к французскому адмиралу; тут он передал от имени губернатора Тяня, что ещё вчера отправлен в Пекин курьер с известием о результатах сражения, что ответ может быть получен чрез 3ое и 4 суток, а потому Тянь просит не возобновлять до тех пор военных действий. Чжан просил также перевезти его к русскому и американскому посланникам, чтобы сообщить им тоже самое.

Французский адъютант прибавил к этому, что адмирал ответил Чжану, что сообщение его слишком неопределенно и неудовлетворительно, а потому он не может ничего обещать.

Граф, к счастью, тут же возвратился от английского адмирала и удержал Чжана, обещая доставить его на берег на нашей шлюпке. Так как в это время прибыл к нам аме-

риканский посланник Рид, то китаец мог и ему передать что нужно было.

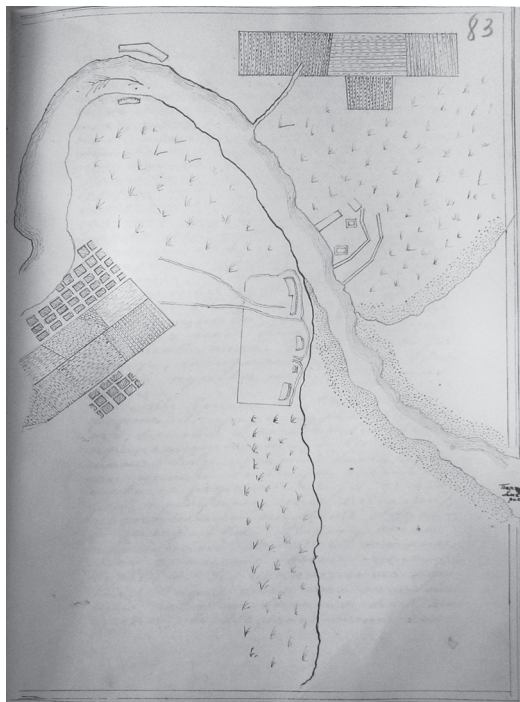
Вслед за тем устроена была маленькая конференция, в которой Граф внушил Чжану, чтобы он как можно поспешнее отправился к Таню и сказал ему, что если он немедленно пригласит Графа для совещания в Гэгу или другое место, то дела вероятно устроятся удовлетворительным образом и Граф употребит все старания чтобы убедить английского и французского посланника не быть слишком требовательными.

Граф желал, чтобы Чжан сегодня же возвратился на пароход с ответом. Китаец благодарил за всё ему сказанное, но представлял о невозможности возвратиться в тот же день, так как Тань, вероятно, уже уехал из Гэгу в Тяньцзинь.

Чжан, к сожалению, не мог ничего рассказать нам о вчерашнем сражении, потому что при первых выстрелах он выехал из Дагу вместе с Танем. Он заметил только «что печёнки (т. е. храбрости)⁴⁸⁸ у нас достало бы чтобы противостоять им, но наши дрянные пушки⁴⁸⁹, не могут бороться с их средствами».

Так как французские офицеры нам сказали, что сегодня уже можно гулять где угодно на берегу, то после завтрака мы отправились посмотреть на поле битвы и на китайские батареи, к разрушению которых уже приступили.

У входа в реку множество толстых канатов было прибито течением к берегу. Пять канатов, протянутых поперёк реки, должны были воспрепятствовать входу неприятеля. Действительно, канаты эти приостановили было ход первого английского судна, открывшего атаку («Cormorant»⁴⁹⁰); но канаты не устояли против напора судна, когда дали машине самый полный ход. Но не посчастливилось одной французской канонерке «la Mitraille»⁴⁹¹. Винт её запутался в одном из перерезанных уже канатов, и канонерка не могла двинуться с места. Китайцы, заметив это, навели на неё несколько орудий. Говорят, что до двадцати ядер попали в несчастное судно, прежде чем успели вывести его из опасного положения. В числе убитых был один офицер.

[Схема китайских береговых укреплений Дагу в устье р. Хайхэ⁴⁹²]

На берегу англичане уже успели устроить порядочную пристань. Здесь мы встретили американского посланника, который уже возвращался с прогулки. Смешно было видеть, как он старался придать себе похоронную физиономию, *une mine de circonstance*⁴⁹³. Казалось, что ему было немного совестно, что он из простого любопытства пошёл посмотреть на места, где англичане торжествовали свою победу.

Печальный вид представляла палатка, неподалеку от пристани, где происходили несколько дней тому назад наши продолжительные конференции с китайцами. Несколько ядер пробили насквозь её рогожевые стены и солома торчала везде⁴⁹⁴. Мебель в палатке осталась нетронутой, а на столах расставлены были ещё блюдечки с китайским угощением, как при последнем нашем свидании. Паланкин, в котором носили

Графа, стоял тут же с разбитыми стёклами. Всё это грустно подействовало на меня. Зачем мы тут?

Английские и французские матросы перевозили огромные медные китайские пушки на гребные суда. Были пушки со стенками почти в фут толщиною, тогда как калибр их был сравнительно очень мал. Это богатый приз; говорили, что в одной такой пушке на 5000 рублей меди.

Мы вошли в каменный форт. Внутри страшный хаос; военные и хозяйственные принадлежности, – всё перемешано. Когда овладели батареями, то нашли большую часть пушек заряженными, а потому для предупреждения несчастий поспешили налить воды в затравки⁴⁹⁵. Пороху было просыпано везде, и там и сям слышны были ещё взрывы. По надписям на пушках видно было что они большею частью вылиты в Тяньцзине в царствование Даогуана⁴⁹⁶, но были и совершенно новые пушки 1856 года. Удивляли своею огромностью старинные красные лафеты, с толстыми колесами почти в сажень в диаметре. Эти лафеты напоминали циклопические времена. На одной из батарей нашли две английские пушки довольно старинного литья.

О страшном смятении⁴⁹⁷ в фортах во время сражения можно было судить по везде разбросанным шапкам, грудам рассыпанных чохов, игральных карт и визитных карточек. Во множестве валялись также исписанные бумаги, заключавшие военные распоряжения. Я поднял одну из таких бумаг, и отец Аввакум перевёл мне следующее:

На среднем форте: пушкарей 30, с ружьями 45, с длинными пиками 5, прислуги 4, сигнальщиков 5, грамотных (sic) 5, сторожей 5, для разных поручений 3. – Левый отряд с ружьями 130, правый отряд резерв 52.

В числе бумаг я нашёл также несколько листов Евангелия на китайском языке, шанхайского издания⁴⁹⁸. Находка эта легко объясняется тем, что американские миссионеры-дипломаты Вильямс и Мартин⁴⁹⁹, служившие переводчиками американскому посланнику во время переговоров его на берегу,

воспользовались этим случаем чтобы раздать китайцам священные книги, издаваемые библейскими Обществами.

Определить потерю людьми со стороны китайцев невозможно; думают, что она не превосходит 500 человек. Немедленно после боя китайцы очень деятельно занялись уноскою своих раненных и мёртвых; даже картечь, которую пускали в них от времени до времени не мешала им продолжать свою работу; потом ночь благоприятствовала им. Мы видели не более 5 или 6 китайских трупов.

10 [22] мая.

Нас посетил адмирал Сеймур. Вероятно, чтобы изгладить по возможности неприятное впечатление, произведенное вчерашним отказом. Адмирал сообщил сведения о потере союзников. У англичан 5 убитыми и 16 ранеными; у французов убитыми и ранеными 67, из которых 48 при взрыве одного из фортвов после вылазки десанта. Лорд Элгин потребовал канонерки, чтобы, не теряя времени, подняться вверх по реке. Но Сеймур отклонил это намерение, говоря, что не считает плавание по реке достаточно безопасным. Он намерен сегодня же отправиться на рекогносцировку и, если можно, дойти до Тяньцзиня. Сотням китайских джонок⁵⁰⁰, которые находятся в реке, будет приказано выйти в море.

Мы сделали сегодня прогулку в лодке вверх по реке до изгиба, и опять почувствовали, что мы здесь не [на] своём месте. Мы едва успели поравняться с⁵⁰¹ кормою английского судна «Корморант», стоявшего в реке, как раздался выстрел, и бомба просвистала чуть не над нашими головами. Нет сомнения что демонстрация эта была сделана в угоду русскому флагу, развивавшемуся на нашей шлюпке. «Могли бы немного подождать» – сказал Граф, сидевший также в шлюпке.

Берега реки самые однообразные; правый порос высоким тростником, на левом одна грязь. Всевозможные предметы китайской жизни плыли нам навстречу и уносились в море.

11 [23] мая. Духов день⁵⁰².

Сегодня началось прелюбопытное зрелище. Выход китайских джонок из реки. Англичане разослали на все китайские суда циркуляр⁵⁰³ с приказанием немедленно очистить реку, чтобы при проходе военных судов в Тяньцзинь не иметь⁵⁰⁴ в тылу столь огромного флота, который в крайнем случае мог бы послужить брандерами для истребления неприятельских судов.

На горизонте, в том месте, где проходит извилинами река, вдруг почернело: китайцы подняли свои, бамбуковые паруса. Ветер был сначала попутный, мы насчитали сто тридцать две джонки, которые прошли мимо нашего парохода. К вечеру множество джонок стали на якорь в нашем соседстве.

12 [24] мая.

Сегодня воротился наконец Чжан, которого мы ожидали с большим нетерпением. Он имел бумагу от Тяня, и уже вчера пытался попасть к нам вместе с Бянем и Чэнем, давнишними нашими знакомыми, но не успел. Чэнь заболел, а Бянь поспешил обратно в Тяньцзинь чтобы известить сановников о приближении европейских судов.

Чжан долго скитался по берегу прежде чем нашёл средства переехать к нам; сперва он попал на английское судно «Корморант», где наш приятель, капитан Saumarez⁵⁰⁵ принял его «по-английски» и хотел заставить его стать перед ним на колени!⁵⁰⁶ Несчастному китайцу с трудом удалось освободиться от нахального англичанина и нанять лодку у какого-то купца.

Бумага губернатора Тяня далеко не удовлетворила Графа и действительно после таких чрезвычайных событий, казалось можно было надеяться, что китайцы расшевелиятся и подумают о том, как бы прекратить войну. Тянь обещает ответить из Пекина в течении пяти дней; что же касается до главного т.е. до предварительного свидания с Графом, то хитрый китаец извиняется; при всем желании видеться с ним, исполнить этого невозможно при нынешних военных обстоятель-

ствах. В заключении письма Тань пренаивно просит Графа, чтобы он посоветовал ему что-нибудь хорошее. Впоследствии выяснилось, что посоветовать что-нибудь хорошее значило, другими словами – прогнать англичан.

Чжана снабдили новым поручением. Ему дали записку на маньчжурском языке без подписи, в которой было сказано: «что все посланники едут в Тяньцзинь для переговоров. Необходимо чтобы китайцы сопротивления не делали и ч[то] б. Правительство поспешило дать своим сановникам самое обширное полномочие для переговоров, а также согласилось на допущение посланников в Пекин, которых нечего бояться с их малочисленною свитою. Аудиенции у императора помогаться не будут. Если на всё это не согласятся, то может случиться, что англичане войдут в Пекин с войском».

Граф прибавил ещё словесно, что если всё это будет исполнено, то он ручается в том, что союзники не возобновят военных действий.

Решено что всего лучше немедленно отправить Чжана на нашей китайской джонке⁵⁰⁷ в Дагу, вместе с Татаринковым и Храповицким. Наши синологи должны были остаться на джонке в виде наблюдательного поста пред селением за каким-то разрушенным мостом, по указанию Чжана.

Экспедиция авантюрная⁵⁰⁸, которая едва ли нам пойдёт в прок.

Чжан сообщил нам, что английские суда находятся уже в 25 верстах от Тяньцзиня. Мы расспрашивали его ещё о сражении; он не мог сказать сколько было убитых и раненных с их стороны, но полагалось, что будет за 100 человек (?)⁵⁰⁹. Чжан также спрашивал сколько было потери у неприятеля, и жалел, что именно французы, а не англичане пострадали от взрыва форта.

Нас посетил американский капитан Дю Пон⁵¹⁰ (Чжан имел к нему т.е. амер. посланнику бумагу). Он был на берегу. Толпы Дагусских жителей бродят по укреплениям и подбирают что можно. Моё предположение оправдалось; Вильямс

и Мартин щедро раздавали священное писание при конференциях своего посланника и таким образом листки Евангелия могли попасть на батареи. Дю Пон рассказал при этом забавный анекдот. Китайскому сановнику Цяню⁵¹¹ американцы подарили, между прочим, десять заповедей. При следующем свидании Цянь сказал миссионеру Мартину: «Я прочитал Вашу книжку и заключил по её содержанию, что англичане, вероятно, другой религии, чем та о которой говорится в книге, потому что в ней сказано не убивай, не овладевай чужим добром, – англичане делают ровно противоположное».

13 [25] мая.

Предчувствия мои, к несчастью, оправдались; наша вчерашняя экспедиция на джонке уже возвратилась; устройство наблюдательного поста мирной державы посреди воюющих не удалось. Это довольно гадкая история.

Наши синологи с Чжаном и Линденом (одним из офицеров парохода)⁵¹² отправились вчера в путь довольно поздно. Когда джонка вошла в реку, то начинало темнеть. Первое союзническое судно на дороге был англ. пар. «Нимрод»⁵¹³. Джонка прошла мимо него незамеченною, может быть благодаря темноте. Но французская канонерка, стоявшая немного далее, окликнула наших и приказала джонке остановиться. Предосторожность очень понятная в военное время.

Нечего делать. Линден переправился на канонерку и объяснил французу что едут русские, сопровождающие китайского чиновника, который имеет важные словесные поручения от Графа Путятина к кит-у Правит. (по какому-то недоразумению Линден не знал, что Чжану дали от нас бумагу).

Французский офицер объявил, что имеет строгое приказание не пропускать джонок вверх по реке. Но так как в настоящем случае дело идёт о русской, а не о китайской джонке, то, может быть, начальство найдёт возможным сделать исключение, но для этого надобно обратиться к Mr. Reynaud⁵¹⁴ – начальнику штаба, который находится на берегу.

Другого исхода не оставалось. Линден, Татаринов и Чжан перебрались с джонки на берег и отправились во французский лагерь, огни которого виднелись в близком расстоянии. Первый попавшейся им навстречу был наш старый знакомый, миленький Виконт де Флавины⁵¹⁵, который с жаром вступился за наши интересы. Начальника штаба не было; он пил чай у англичан на «Нимроде». За ним тотчас же послали.

Mr. Reynaud вскоре явился, наш миленький Виконт сунулся было к нему с объяснениями, что он этого Чжана знает, что это хороший, неопасный человек – но начальник штаба далеко не ласково прервал его словами: «*c'est mon affaire!*»⁵¹⁶. Начался допрос. Нет силы записать все эпизоды этих переговоров, происходивших на трёх языках. Француз говорил по-французски, Линден по-французски и [по-]русски. Татаринов по-русски и [по-]китайски, Чжан только по-китайски.

С начальником штаба не легко было сладить; он желал разузнать дело во всей подробности и добивался до причины, что за таинственная экспедиция русских и китайских чиновников? Представив сперва всевозможные затруднения и препятствия, он сказал, однако, под конец, что в уважение к Графу Путятину он решается дать пропускной паспорт для нашей джонки и паровой шлюпки, но решительно отказал пропустить лодку, на которой приехал к нам Чжан. Но в этом и состояло всё затруднение, Чжан не мог бросить своей лодки. К счастью, дело уладилось другим образом. Чжан объявил, что готов отправиться в Дагу и даже сухим путем под французским прикрытием и таким же образом возвратиться. Mr. Reynaud обещал Чжану доставить его к нам на пароходе по его возвращении из Тяньцзиня.

Таким [образом], дело устроилось. Линден немедленно отправился на пароход чтобы рассказать о всём случившемся Графу, а джонка наша осталась на ночь в реке, ожидая дальнейших приказаний, идти ли ей⁵¹⁷ вверх по реке и с французским паспортом занять наблюдательный пост. Граф решил,

что после всех ночных походов всего благоразумнее приказать ей возвратиться к пароходу.

Во время переговоров в палатке начальника штаба Татаринов видел как принесли толстую пачку китайских объявлений. Эти объявления, как объяснил француз, будут приклеены завтра на улицах китайского селения: в них сказано: ч[то]б. всякий спокойно продолжал заниматься своим делом; и что желающим наняться работниками в лагерь дадут плату по 200 чохов в день. Mr. Reynaud спросил при этом случае у Чжана, достаточная ли это плата. Чжан отвечал утвердительно.

В продолжении дня был у нас капитан «Нимрода», Дью (Дею)⁵¹⁸; он, кажется, приехал с целью объяснить по поводу вчерашней истории; в разговоре он несколько раз повторял, что наших шлюпок никогда не будут останавливать и что он поедет⁵¹⁹ переговорит об этом с Mr. Reynaud.

Вслед за тем явился и сам начальник французского штаба. Без сомнения, и ему хотелось сгладить неприятное впечатление; однако о деле по поводу джонки не произнесли ни одного слова. Никому не хотелось начинать.

Mr. Reynaud находится в большом затруднении; при нём нет китайского переводчика, а между тем беспрестанно приходится иметь дело с китайцами. От этого происходят разные недоразумения. Между войсками наблюдают самую строгую дисциплину; в прошедшее воскресенье несколько английских и французских матросов забрались в селение для грабежа; их вскоре поймали, связали в присутствии жителей, а награбленное возвратили хозяевам. Таким образом китайцы стали мало по малу доверчивее; в лагере устроили рынок, и жители селения ежедневно приходят продавать живность и всевозможные предметы.

Несколько историй, поводом которых был прекрасный пол, побудили военных начальник[ов] устроить особенную полицию в самом селении.

На днях Mr. Reynaud пришлось принимать какую-то китайскую депутацию; старик, находившийся в главе её, рас-

положив свои приношения, в том числе несколько свиней, — у ног начальника штаба, произнёс длинную речь. Mr. Reynaud, разумеется, ничего не понял и затвердил только одно слово: Камга! Камга! часто повторявшееся.

Обратились к нашим синологам; но они утверждали, что такого слова нет, а есть кангоу⁵²⁰, что значит: облегчите нашу участь.

Как «pendant»⁵²¹ рассказу Mr. Reynaud, я записал рассказы другого очевидца того, что происходило на берегу, а именно китайского купца, который взялся возить Чжана на своей лодке.

Купец этот находился селении Дагу во время сражения 8 [20] мая. При первых выстрелах все три Императорские комиссара, присланные чтобы тратовать с европейцами, обратились в бегство. Первый из них, генерал-губернатор Тань, пробравшись по малолюдным переулкам, успел незамеченным выйти из города. Но двух других — Чуна⁵²² и Ву⁵²³, поехавших в повозках, народ остановил: «Зачем бежите, кричал он им; нет, теперь оставайтесь с нами; накликali на нас беду, так делите горе вместе». Сановники принуждены были выползти из своих повозок и низкими поклонами старались умиловить народ. Над ними, однако, сжалились наконец и отпустили. Рассказывают, что Тань, продолжая своё бегство, заметил нескольких людей, бежавших в том же направлении, и немедленно приказал своим спутникам отрубить голову этим беглецам, за неисполнение своего долга.

Жители Дагу сначала смотрели на сражение с крыш, думая, что находятся вне опасности, но когда над головами начали свистать бомбы и шипеть ракеты (рассказчику особенно не понравились ракеты) — то все обратились в бегство. Одному оторвало руку, двух других, занимавшихся преспокойно печением пирожков в лавке, убило наповал. Наш купец полагал что убитых было до 200 челов.; в том числе в домах убито и ранено до 40 чел. Но жители очень хорошо понимали, что неприятель, собственно, нападал только на батареи и не имел намерения вредить селению.

Купец рассказывал также о том, в каких отношениях жители селения находятся к войскам, стоящим в лагере. Пьяные английские и французские матросы часто бродят по улицам, падают и спят. «Что же, вы их не бьёте?» спросил кто-то из нас. «Какое бить, отвечал купец; спящим подушечки подкладывают на улице, и сторожат чтобы никто не обидел; а когда кто проснётся, то бережно проводят его в лагерь. Случается, что матрос войдёт в лавку и спросит водки, — а водки в лавке этой совсем не продаётся, тогда матрос начинает сам искать по углам и шкапам, и если найдет, то сперва всех потчует, а потом сам выпьет. Такие добрые!».

Всё это буквальный рассказ купца.

14 [26] мая.

Опять неприятная история.

Чжан возвратился из Тяньцзиня, исполнив поручение Графа. Желание наше осуществилось. Императорские комиссары просят Графа на свидание в Тяньцзинь.

Чжан должен был немедленно отправиться на берег чтобы приготовить всё нужное для поездки: носилки, тележки и лошадей на 8 человек. Граф предполагал отправиться сегодня вечером, ночевать в Гэгу, так чтобы завтра к 2 часам пополудни поспеть в Тяньцзинь.

Чжан сообщил нам, что сановник Чун, один из полномочных, отправился в Пекин для личного доклада Императору о положении дел, и, между прочим, о необходимости удалить от дел одного из сановников Богдыхана, сановника Пына⁵²⁴. Последнее известие доставило нам всем особенное удовольствие, и, может быть, было изобретено именно с этою целью. Пын, имя давно нам известное, большой пекинский ретроград, заклятый враг европейцев, который, по выражению Александра Алексеевича Татаринова, «говорит неподобающие для нас вещи». Граф часто бранил Пына в присутствии господ Бяня, Чжана и других китайских чиновников, посещавших наш пароход, во время стоянки в Печелийском заливе и в реке.

Чжан привёз нам сегодня печальную весть. Военный Чэнь, наш старый приятель, которого Элгин окрестил «stupid»⁵²⁵, – умер в Тяньцзине. Он в последнее время постоянно жаловался на головную боль; вероятно, также, что горе о поражении под Дагу ускорило его смерть. Чэнь был хороший тип старого китайского воина. Открытое, прямодушное, немного простоватое существо. При переговорах он держал себя постоянно в стороне, но когда его сотоварищи слишком горячились, то он старался действовать примирительно. Военный Чэнь, вместе с Бянем и гражданским Чэнем были первые китайские чиновники, прибывшие на наш пароход в августе 1857 г. С ними мы имели первую дипломатическую конференцию. Эти второстепенные чиновники потом были заменены другими более важными, но подробности первого свидания с китайцами всего живее остались в моей памяти. Чэнь тогда же выказал свою мирную натуру; прохаживаясь по палубе с архимандритом Аввакумом, он обратил внимание на пушки и сказал: «зачем выставлять напоказ подобные вещи; ведь на них смотреть неприятно; не лучше ли было бы убрать их куда-нибудь подальше». Так говорил покойный Чэнь.

Возвращаясь к главному предмету сегодняшнего дня. Графу нельзя было ехать в Тяньцзинь не переговоривши сперва о том с английским и французским послами. В подобных случаях Граф посылал обыкновенно меня для объяснений. Но отдышка, мучившая меня уже несколько дней сряду, избавила в этот раз от деликатного поручения. Граф послал Пещурова. Он должен был сказать лорду Элгину и барону Гро, что Граф поедет в Тяньцзинь в том случае, если другие послы признают это полезным; если же они найдут, что лучше ехать всем вместе, то во всяком случае необходимо поспешить. Граф желал также знать, ограничиваются ли Элгин и Гро своими прежними требованиями, т. е. считают ли они достаточным для начатия переговоров, если китайцы представят полномочия, подобные тем, которые имел Ки-ин⁵²⁶ в 1842 г. – а также согласятся принять послов в Пекине.

Фрегаты, на которых жили Лорд Элгин и Барон Гро, находились в верстах десяти от нашего парохода. Страшный, противный ветер мешал ходу катера, на котором отправился Пещуров, так что после более чем часовой гребли он не успел достигнуть бара реки. К счастью, его нагнала английская канонерка, шедшая из реки на рейд. Она взяла Петра Алексеевича, а катер возвратился к пароходу.

Между тем Чжана отправили на берег вместе с Татариновым и Бодиско⁵²⁷, чтобы предварительно объяснить с неумолимым Mr. Reynaud и предупредить его о предстоящей сегодня новой ночной экспедиции, в которой будет участвовать сам Граф.

Бодиско должен был объяснить Mr. Reynaud, что Граф получил приглашение от китайских полномочных приехать в Тяньцзинь, что он послал известить об этом Элгина и Гро и, получив от них ответ, отправиться сегодня вечером. Чжану поручено приготовить всё нужное для поездки, а потому Граф просит пропустить Чжана, а когда он возвратится в лагерь, то условленным сигналом дать знать об этом на пароходе.

Mr. Reynaud внимательно выслушал всё это и потом спросил: «Только один граф Путятин получил приглашение ехать в Тяньцзинь?». Бодиско отвечал утвердительно. «*Vous me placez dans une position bien embarrassante*»⁵²⁸ – продолжал Reynaud. Я имею очень положительные приказания от адмирала, а теперь уже пять дней что нет от него никаких известий; без его разрешения я не имею права пропустить кого-либо с рейда далее нашего лагеря. Притом я только начальник этого поста, и не знаю какие существуют отношения (*quelles sont les relations*⁵²⁹) между послами Франции и Англии и представителями нейтральных держав». В заключение он ещё раз дал заметить, что обязан только слушаться приказаний своего адмирала. Mr. Reynaud решился, однако, переговорить с капитаном Дею. Русские, французы и китайцы отправились все вместе к англичанам на пароход «Нимрод».

Дею и Reynaud переговори́ли сперва наедине; потом они сказали Бодиско, что Reynaud напишет обо всём барону Гро, а Дею сам отправится на канонерке к лорду Элгину.

Таким образом, дело приняло хотя [бы] несколько приличный оборот. Но Reynaud напоследок ещё раз повторил, что до получения ответа от Гро, он останется при своём решении, и чтобы на него не надеялись.

Француз исполнял свой долг, и мы не могли быть на него в претензии за это. Однако он мог бы придать всему делу более вежливый тон. По замечанию Татаринова, Reynaud разговаривая с Чжаном посредством переводчика, давал ему беспрестанно разные эпитеты: *mon fils, mon brave, quel phraseur*⁵³⁰ и т. д. и заключил предостережением: «ты смотри, братец, вечером приходи в лагерь с фонарём, не то тебя: Пиф! Паф!»). При остальной неблагоприятной обстановке грустно было русскому служить переводчиком кобелящемуся французу.

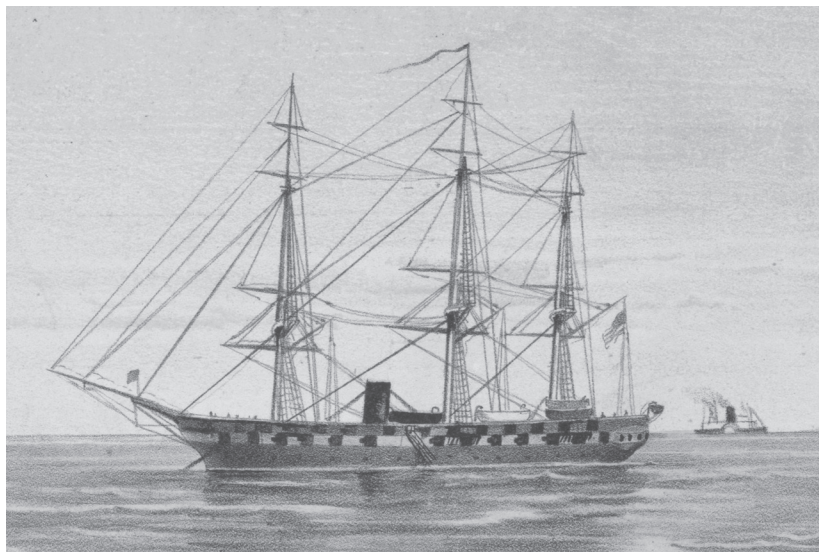
Совершенно иначе вёл себя капитан Дею. Он выказал себя настоящим джентльменом и в продолжении этих неприятных переговоров показал большую деликатность.

Возвратившись с «Нимрода» на берег, наша экспедиция разделилась, Чжан пошёл заготавливать лошадей и повозки, а Бодиско и Татаринов возвратились на пароход.

В продолжении дня, пока мы с нетерпением ожидали возвращения Чжана с берега, а Пешурова с рейда, заехал к нам американец Брайден⁵³¹, бывший консулом в Нинбо, а теперь принадлежавший к свите американского посланника.

Брайден, приехавший на джонке, принадлежавшей американцам, просил одолжить ему американский флаг. Он отправился с фрегата «Миннесоты», стоявшего далеко на рейде, для того чтобы закупить свежей провизии на берегу. Войдя в реку, он спохватился, что забыл взять с собою флаг; а без военного флага трудно сладить со строгим Mr. Reynaud. Брайден сперва обратился г. Линчу⁵³², капитану амер. шхуны «Антилопы», стоявшей неподалеку от нас⁵³³. Но Линч решительно объявил, что не даст флага, и что вывешивать

амер. флаг на простой джонке значило бы осквернить его. Так как мы были совершенно равнодушны касательно последнего обстоятельства, то и не затруднились дать Брадлею амер. флаг.

Фрегат «Миннесота»

Я упомянул об этом ничтожном эпизоде только потому, что он характеризует американцев и их отношения между собою.

В 7 часов вечера возвратились Чжан и Брайлей со спутниками. Первый сообщил что всё готово для ночной поездки. Американцы же жаловались, что несмотря на флаг, французы не пустили их в китайское селение для закупки провизии.

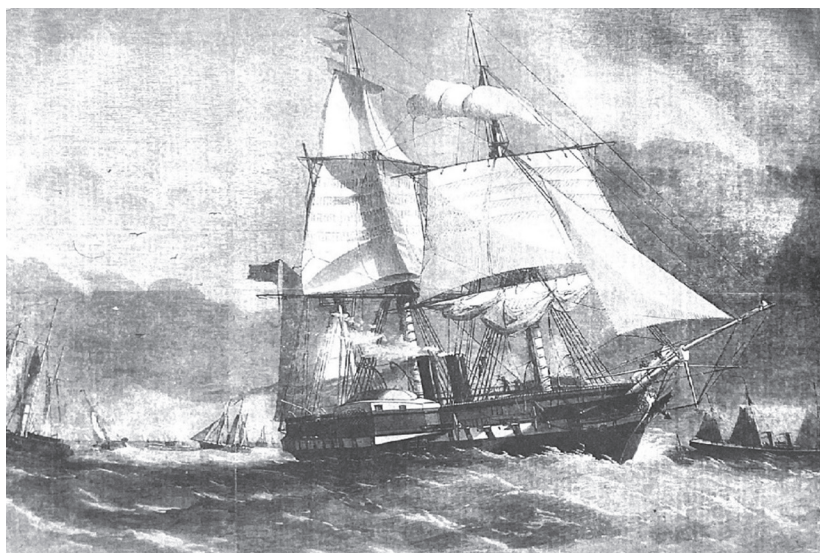
В 8^м часов возвратился наконец и Пещуров; но известия, которые он привёз, были крайне неудовлетворительны. Вот как было дело:

Канонерка, взявшая Пещурова, была та самая на которой капитан Дею отправился на рейд к лорду Элгину⁵³⁴. Но так как посылка на берег Бодиски и Татаринова вместе с Чжаном была задумана и исполнена уже после отправления Пещурова, то он о ней ничего не знал, а потому и не мог

предполагать, что Дею едет к Элгину по одному с ним делу. Это обстоятельство имело отчасти неблагоприятные последствия. Канонерка сперва пошла к пар. «Furious»⁵³⁵, ч[то]б высадить Дею, а потом должно было идти к фрегату «Audacieuse» ч[то]б отвезти к б.[арону] Гро письмо г.[осподина] Reynaud⁵³⁶. Из предыдущего понятно почему Пешуров не мог видеть особенной надобности начать исполнение своего поручения с англ-го посла; он предпочёл отправиться на канонерке сперва к барону Гро, потому что иначе ему пришлось бы выпрашивать шлюпку на пароходе «Furious» и на ней выгребать против жесточайшего ветра к французскому фрегату «Audacieuse». Он не успел бы достигнуть его засветло.

Расчёт был основательный при тех данных, которыми располагал Пешуров.

Канонерка подошла к «Furious» и высадила к.[апитана] Дею. При прощании он передал Пешурову письмо Mr. Reynaud к барону Гро, не сказав, однако, ничего о содержании этого письма.

Фрегат «Furious» и конвой канонерских лодок в гавани Портсмута⁵³⁷

Французский посол был, как казалось, очень доволен всем тем что сообщил ему Пещуров, и сказал, что он убеждён, что граф Путятин лучше его самого устроил бы все дела с китайцами. Но, прибавил барон Гро, необходимо знать сперва что скажет на это лорд Элгин. Продолжая разговаривать, б. Гро распечатал письмо г.[осподина] Reynaud, которое произвело новое недоразумение, потому что Пещуров не мог объяснить себе каким образом на берегу узнали о всех намерениях Графа. Барон Гро уже собирался отправить к английскому послу, вместе с Пещуровым своего первого секретаря Белькура⁵³⁸, как к фрегату снова подошла канонерка. Лорд Элгин, узнав от кап. Дею в чём дело, немедленно отправился к б. Гро и предстал пред нашим Петром Алексеевичем красный, разгорячённый, каким он всегда являлся при неожиданном для него неприятном известии. Несчастному Пещурову пришлось провести *un mauvais quart d'heure*⁵³⁹. Лорд Элгин и б. Гро начали допытываться каких же, собственно, советов китайцы просят у Графа Путятина, «*Nous croyons qu'il en a déjà donné assez*»⁵⁴⁰ заметил кто-то из них. Они удивлялись также, что китайцы ограничились словесным приглашением, и не написали об этом бумаги.

Под конец разговора Элгин и Гро постарались, однако, дать неприятному делу более деликатный оборот, они сказали, что, разумеется, нисколько не хотят мешать планам Графа Путятина, но полагают, что было бы гораздо лучше если бы все четыре европейские полномочные вместе отправились в Тяньцзинь, тем более, что они час от часу ждут известий от обоих адмиралов, поднявшихся вверх по реке и, вероятно, уже достигших Тяньцзиня. Оба посла обещали завтра писать к Графу.

Пещуров ещё заехал к американскому посланнику, где ему дали шлюпку, чтобы возвратиться домой.

Граф приписывал неудачу поездки только тому обстоятельству, что Пещуров не заехал сперва к л. Элгину. Едва ли можно с этим согласиться⁵⁴¹, но нельзя не жалеть, что Пещу-

ров не был предупреждён о посылке Татаринова и Бодиско на берег.

Поздно вечером Граф придумал новую комбинацию: послать в Тяньцзинь вместе с Чжаном, завтра утром, члена Духов. Миссии, Храповицкого. Но этот проект, к счастью, был оставлен.

Французский и американский посланники сообщили сегодня Графу проекты трактатов, кот. они предполагают предъявить китайскому правительству.

15 [27] мая.

У нас на пароходе много жизни и нетерпеливого ожидания. Рано утром увидели канонерку, шедшую с рейда к устью реки; по неизвестной для нас причине она внезапно остановила свой ход. Так как Граф предполагал, что на канонерке везут обещанные нам письма от Элгина и Гро, то он приказал шлюпке идти навстречу, чтобы несколькими минутами раньше получить эти письма. Но канонерка, не дождавшись нашей шлюпки, вдруг повернула назад и вскоре скрылась из виду. Казалось, что ей сделали сигнал с рейда..... Обстоятельство так и не разъяснилось.....

Чжан до сих пор остаётся у нас на пароходе. Граф задержал его, ожидая известий от [европейских] послов с рейда, получив эти известия, он предполагает послать Чжана в Тяньцзинь и чрез него ещё раз представить китайским полномочным необходимость увидеться с Графом прежде, чем с другими полномочными. Чжану было внушено, чтобы он непременно доставил письменное приглашение на имя нашего посланника. Получив его приглашение, Граф предполагает немедленно отправиться в Тяньцзинь, а прочих европейских посланников только уведомить об этом.

После полудня получена записка от барона Гро. Её привез капитан Дею. Эта записка, похожая несколько на учтивую «Strafpredigt»⁵⁴², вероятно, написана по соглашению с Элгинем. Не могу не выписать её от слова до слова:

A bord de l'Audacieuse le 26 mai [18]58
Monsieur le Comte.

J'ai reçu la communication verbale que V[ous]. Exc[el-
lence]. a bien voulu me faire parvenir, et après avoir conféré
avec Lord Elgin, il nous a semblé que nous devons avant toute
chose, attendre une communication des amiraux qui ont remonté
la rivière et qui peut être sont entrés déjà en pourparler avec les
autorités chinoises.

Il me semble aussi que dès que nous saurons que la rivière
est libre, l'arrivée des quatre Plénipotentiaire venant encore
ensemble faire entendre des paroles d'arrangement aurait un
caractère de solidarité qui donnerait à réfléchir à la Cour de
Pékin.

Les mandarins font inviter verbalement V. E. à se rendre à
Tien-Tsin pour leur donner des conseils, mais ces conseils ils les
ont déjà reçus plusieurs fois de V. E., et s'ils sont assez bien ins-
pirés pour les suivre ils engageront officiellement les quatre Plé-
nipotentiaire à se rendre à Tien-Tsin où les attendront des Com-
missaires Impériaux munis des pleins pouvoirs nécessaires pour
traiter sur les bases essentielles posés par eux.

Si la Cour de Pékin veut sincèrement en arriver à un arran-
gement à l'amiable c'est là le meilleur parti à prendre pour lui, et
je prie V. E. de bien le répéter encore aux autorités chinoises, soit
qu'elle se décide à remonter seul la rivière, soit qu'elle juge à pro-
pos de la remonter avec nous.

V. E. sait sans doute que le Sampson⁵⁴³ est arrivé
aujourd'hui avec deux canonnières anglaises et que de l'infante-
rie marine française six ou sept cent hommes je crois sont déjà à
Hong Kong.

Veuillez M. le Comte agréer l'assurance de mes sentiments
dévoués.

Bon Gros

[На борту «Смелого» 26 мая 18[58]

Господин Граф,

Я получил устное сообщение, которое Ваше Превосходительство любезно адресовали мне, и после беседы с лордом Элгином нам показалось, что нам следует прежде всего дожждаться вестей от адмиралов, которые прошли вверх по реке, и, возможно, уже вступили в переговоры с китайскими властями.

Мне также кажется, что как только мы узнаем, что река свободна, прибытие четырёх Полномочных, вновь приехавших вместе, чтобы заставить услышать слова о наведении порядка, будет иметь вид единодушия, который даст Пекинскому двору пищу для размышлений.

Мандарины вынуждены в устной форме пригласить Ваше Превосходительство поехать в Тяньцзинь чтобы дать им совет, но эти советы они уже много раз получали от Вашего Превосходительства и если они вполне готовы последовать им, то официально должны пригласить четырёх Полномочных последовать в Тяньцзинь, где их будут ждать Императорские комиссары, наделённые всеми полномочиями, необходимыми чтобы разобраться с насущными вопросами, поставленными ими.

Если Пекинский двор искренне хочет достичь там полюбовного соглашения, это лучший для него способ, и я прошу Ваше Превосходительство ещё раз повторить это китайским властям, решитесь ли Вы подняться по реке в одиночку, или сочтете нужным подняться по ней вместе с нами.

Ваше Превосходительство, вероятно, знает о сегодняшнем прибытии «Самсона» с двумя английскими канонерскими лодками и, что шесть или семь сотен французских морских пехотинцев, как я полагаю, уже находятся в Гонконге.

Прошу Господина Графа принять заверение в моих преданных чувствах.

Барон Гро.]
(перевод – А.К.)

Граф немедленно отвечал барону Гро, что он готов сообразовать свои действия с желанием⁵⁴⁴ представителей союзных Держав, но что, по его мнению, нельзя полагаться на добрую волю китайского правительства; для достижения успешного результата необходимо не терять времени, и употреблять угрозы, поддерживаемые материальною силою.

Вскоре после получения письма барона Гро, заехал к нам брат лорда Элгина, Брюс⁵⁴⁵. Его послали для рекогносцировки вверх по реке и для вступления, если возможно, в сношение с китайским правительством. Очевидно, что главною целью этой поездки было предупредить наши попытки попасть в Тяньцзинь раньше всех. Брюс спросил у Графа, намерен ли он ещё отправиться один для свидания с китайскими полномочными, и был очень удивлен, когда ему сказали, что для поездки в Тяньцзинь мы предполагали избрать сухопутную дорогу.

Известия, полученные от адмиралов, очень удовлетворительны; они находятся в двух милях от Тяньцзиня; в жителях незаметно ничего враждебного. – Брюс сообщил нам ещё, что барон Гро получил сегодня от пекинских сановников чрез посредство какого-то китайского купца, бумагу, содержание которой очень неудовлетворительно.

16 [28] мая.

Только с сегодняшнего дня началась жаркая погода; утром в 7½ ч было +17 R°, в 1 ч. пополудни в тени 20°, а в 7 часов вечера 21,3°.

Барон Гро прислал нам бумагу, которую получил вчера от китайцев. Полномочные пишут, что китайское правительство никогда и не думало воевать с Францией; и что они (т. е. полномочные), узнав теперь от купца Чуна⁵⁴⁶, который явился посредником, что французы желают оставаться в добрых отношениях с Китаем и вести торговлю – предполагают отправиться в Пекин и просить разрешения вступить в переговоры. Но, заключают китайские сановники, судам вашим не следует входить в реку.

Из этой «note extraordinaire»⁵⁴⁷, как называет её б. Гро, можно было только заключить, что китайцы намерены упорствовать до конца.

17 [29] мая.

Чжан привёз нам глупейшую бумагу от полномочных. «Прежде по делам англичан и французов, – писали китайцы, Вы, почтенный сановник, вызывались быть посредником. Это вполне показывало Вашу волю поддержать взаимный мир и дружбу, что для нас весьма приятно. Теперь англичане вошли уже во внутреннюю реку, но дело ещё не получило определённого направления. Посему долгом считаем сообщить Вам, что нам весьма желательно чтобы о деле посредничества Вы переговаривали с английским и французским посланниками и при свидании с ними решили устроить дело к обоюдной пользе, что и будет служить доказательством дружбы между Россией и Китаем. Мы с своей стороны не изменим своему слову».

О приглашении в Тяньцзинь, на совещание – ни слова. Впрочем, приглашение теперь ни к чему бы не послужило, потому, что Элгин уведомил нас сегодня, что к вечеру намерен войти в реку и последовать за адмиралами. Записка английского посла была чем-то вроде приглашения (увы! позволения) Графу также подняться вверх по реке. Как бы то ни было, но мы все с нетерпением ожидали этой минуты. Уже третий день как у нас постоянно поддерживались пары в котлах, чтобы не потерять ни одной минуты и немедленно тронуться за союзниками. Однако нам пришлось провести ещё несколько часов томительного ожидания. Граф обещал взять с собою в Тяньцзинь американского посланника, а он долго мешкал и приехал на пароход только к вечеру.

Наконец после обеда прошли мимо нас на канонерках Элгин и Гро. Последний посетил нас. В 7-м часу тронулись и мы.

Здесь необходимо сделать маленькое отступление и объяснить почему американский посланник был принужден прибегнуть к нашему гостеприимству чтобы попасть в Тяньцзинь.

Американская эскадра в Китае состоит исключительно из больших судов, которые не годятся для плавания в реках; вот почему г.[осподин] Рид ещё прошедшею осенью нанял в Гонконге у торгового дома Руссель и К^о⁵⁴⁸ паровую шхуну «Антилопа», за которую платит по 5000 талеров в месяц, давая сверх того казённый уголь. В августе прошедшего года нам предлагали купить это самое судно за 40,000 талеров, следовательно, г. Рид заплатит в один год за наём 20,000^{ми} талеров более чем стоит вся шхуна. Такая явная нерасчётливость объясняется следующим образом: по американским законам, представитель Соединенных Штатов не имеет права издержать самой ничтожной казённой суммы на покупку какого-нибудь предмета, но ему даётся воля платить большие суммы на наём того же предмета. Американцы думали этим правилом предупредить разные злоупотребления.

На основании того же закона, г. Рид нанял в Шанхае китайскую джонку (Ningpo-boat), платит [за неё] в месяц 600 талеров, тогда как джонка не стоит более 2000 тал.

Американский посланник не отвечает за целостность «Антилопы» и её машины, так как на ней находятся капитан и машинист, принадлежащие к дому Руссель и К^о. Но это обстоятельство, которое должно было служить к обеспечению спокойствия Рида, послужило напротив того поводом к целому ряду неприятностей. Я уже имел случай упомянуть о капитане «Антилопы» – Г^{не} Линче – настоящем типе наглого, бессовестного американца. Со времени пребывания в Печелийском заливе он объявил открытую войну своему посланнику и делал всё наперекор ему. Г. Рид попробовал было переселиться на некоторое время со своего фрегата на «Антилопу», стоявшую в реке, но Линч наделал ему столько неприятностей, что он рад был оставить помещение, за которое продолжал, однако, платить около 250 рублей в день.

Линч приходил иногда к нашим офицерам на пароходе; его любимейшею поэмой для разговора был г. Рид. Он ругал его на чём свет стоит и в особенности ставил ему в вину то,

что он пляшет по дудке Графа Путятина и пренебрегает интересами Соединённых Штатов.

Рид всё терпел потому, что «Антилопа» была ему необходима для поездки вверх по реке до Тяньцзиня. Каково же было его отчаяние, когда Линч решительно объявил, что пойдёт не иначе, как если получит письменное обязательство, что Посланник отвечает за судно, в случае какого-либо несчастья. Рид не имел права взять судно на свой страх и принуждён был отказаться от мысли подняться по реке на «Антилопе». Граф, видя его затруднение, предложил ему убежище на нашем пароходе, где едва было место для нас самих.

В Тяньцзине. 18ое [30] мая (воскресенье).

Вчера нам пришлось терять время в ожидании ридовской джонки, которая неизвестно по каким причинам замешкалась на рейде. Мы спешили и хотели тронуться без джонки, но Рид почти заплакал, говоря, что без неё почти ничего не может делать, что на ней Вильямс, Мартин и вообще вся канцелярия.

В 7^м часу вечера, наконец, тронулись. В Дагу мы нашли двух лоцманов, которым обещано за труды фунт серебра. Когда смерклось, то обе джонки, наша и американская были взяты на буксир.

Мы шли всю ночь по извилистой реке, непрерывно натываясь, то на берег, то на мель. Шум и треск не давали нам спать.

Однако всё обошлось благополучно. В пять часов утра я вышел на палубу и – получил, думаю, то впечатление, которое имеет прозревший слепец, увидевший впервые свет божий. Вместо грязи, грязной воды и серого неба, кот. нас окружали в течении почти двухмесячного пребывания при устье Пейхо, – я увидел пред собою очаровательнейший китайский ландшафт при чудном освещении восходящего солнца! Река была более похожа на канал, с очень крутыми поворотами. На берегах разнообразнейшие, обработанные поля, ого-

рожденные изящными плетнями; на полях там и сям: дубы, вязы, тополи, акации (фу-жунь)⁵⁴⁹, zizyphus⁵⁵⁰, но преимущественно красивая ива⁵⁵¹. Хлебные растения уже колосились! На каждом шагу селения. Наше появление, казалось, мало тревожило жителей, они продолжали заниматься своими полевыми работами, изредка только посматривая на пароход. В деревнях праздный народ группами сидел на берегу.

В одном из селений я заметил огромные склады соли, находившиеся под открытым небом. Это один из предметов торговли богатых Тяньцзиньских купцов. Эти самые холмы на берегу поразили уже миссионера Гюцлафа⁵⁵², поднимавшегося по р. Байхэ в 1831⁵⁵³ г. (См. Chinese Repository. Т. I стр. 136⁵⁵⁴).

Беспрерывные изгибы, которые делает река, очень затрудняли наши плавание. Пароход постоянно притыкался к берегу, то носом, то кормою. В одном изгибе пришлось бросить джонки, кот. мы тащили на буксире; при другом повороте мы сели на мель и провозились на ней около часу.

В половине 8-го утра пароход бросил якорь в тяньцзиньском предместье, и стал рядом с канонеркой лорда Элгина.

На обоих берегах мазанки; позади нас плавучий мост на двенадцати лодках, который немедленно развели чтобы пропустить пароход. Бесчисленная толпа народа стояла безмолвно. Ни одной женщины. Купающиеся мальчишки ловили бутылки, которые мы бросали им в воду.

Прибытие канонерских лодок в Тяньцзинь, 26 мая 1858 г.⁵⁵⁵

В 11 часов подошла к пароходу лодка, наполненная всякою зеленью. Сидевшие в лодке заявили, что они присланы от семидесяти восьми здешних купеческих домов, а равно и от областного начальника, с предложением принять от них⁵⁵⁶ съестные припасы безвозмездно, а в случае отказа брать даром, то за самую умеренную цену. За довольно хорошие яблоки мы заплатили по 15 чохов. — Китайские торговцы выпросили себе русский коммерческий флаг (я так и не узнал для какой цели) и не советовали сходить на берег, не ручаясь за поведение народа; они старались разузнать, не пришли ли иностранцы с враждебными намерениями.

Вслед за тем возвестили о предстоящем визите наших давнишних Печелийских знакомых Бянь и Чжана. Они вскоре и прибыли.

Бянь совершенно преобразился: лицо его выражало необыкновенное удовольствие; он протянул к нам обе руки, и чуть не подпрыгивал от восхищения видеть нас в Тяньцзине. Он сообщил нам о состоявшемся назначении двух новых уполномоченных для переговоров, о чём иностранные представители извещались циркулярно. Но кроме этой общей бумаги Бянь передал нам два особых сообщения: одно на имя Графа Путятина, другое на имя мистера Рида.

Бумага Графу не представляла никакого интереса: это был набор пустых фраз.

Сообщение американскому посланнику было для нас неприятного свойства: китайцы просили г-на Рида уговорить русского посланника не оставаться здесь, а поспешить на Амур, и там заняться решением пограничных дел!

Бянь вошёл в пространные объяснения: Император наш, говорил он, согласился было дозволить приезд русского посланника в Пекин, но в это самое время произошло несчастное столкновение с неприятелем в Дагу; Император пришёл в крайнее раздражение; однако желая сохранить мир⁵⁵⁷, и в виду прибытия в Тяньцзинь иностранных посланников, он приказал своим войскам отступить. — Бянь наста-

ивал на том, что начали первыми стрелять иностранцы, а не китайцы. «У нас, прибавил он, всё подробно записано о том, когда и сколько кто стрелял»⁵⁵⁸. – В разговоре зашла также речь о странном китайском сообщении, которое получил барон Гро 16 мая⁵⁵⁹. Бянь дал длинное объяснение о происхождении этой бумаги, которые ничего не объяснили и плохо вязались с фактами. По его словам, здешние купцы отправили депутацию к ген. губернатору Таню, которая заявила о том, что торговля их жестоко терпит от настоящего неопределённого положения дел, и просила о скорейшем принятии решения в том или другом смысле, т. е. или войти с варварами в переговоры и заключить мир, или же начать военные действия и прогнать их окончательно. Тань ответил на это, что иностранные посланники отказались вести с ним переговоры, и что поэтому он может только посоветовать купцам отправить от себя доверенное лицо к иностранцам, и постараться уладить с ними дело; с своей стороны он готов дать избранному ими лицу рекомендательное письмо.

Сегодня Граф Путятин, с посланником Ридом, отправились с визитом к лорду Элгину и барону Гро. Они успели уже устроиться довольно удобно в помещениях, отведённых им, как объясняли, тяньцзинским купечеством. По их требованию установлена такса на съестные припасы. Любопытны были рассказы нашего Графа о разногласии в воззрениях двух союзных комиссаров английского и французского. Лорд Элгин, недавно заметивший в разговоре с Ридом, что Пекин может скоро стать политической ареною, вроде Константинополя, сильно возбужден против китайцев и объявляет, что теперь не согласится ни на какую уступку и настаивает на исполнении всех своих требований. Граф думает, что это было сказано, собственно, по его адресу, чт.[обы] отнять охоту противодействовать англичанам. – Барон Гро, напротив, в самом миролюбивом настроении и несколько раз повторил, что, если он и поместил в своём проекте трактата многообразные требования, то единственно с целью иметь возможность сделать уступки.

Элгин настаивает на присылке новых уполномоченных для ведения переговоров и будет ожидать приезда их в Тяньцзинь. – А покладистый Гро думает снова обратиться к Юйчэну⁵⁶⁰ с предложениями. Барон Гро решительно высказывается также против предложений англичан непременно посетить Пекин. По его словам, он облечен столь высоким достоинством, что не может допустить мысли побывать в столице и не быть принятым Императором; но при аудиенции требуется унижительный обряд *кэ-тоу*⁵⁶¹, на который он, конечно, не может согласиться: итак, пусть всё это проделывают будущие мелкие представители, а он предпочитает: *«éludes la difficulté et non la vaincre»*⁵⁶².

Деятельный Александр Александрович Татаринов, с своими китайскими знакомыми занялся разысканием квартиры для нас. Местоположение квартиры английского и французского представителя объяснено в дневнике архимандрита Палладия на стр. 96⁵⁶³. Это бывший Императорский дворец, вполне точное изображение которого помещено в реляции о посольстве лорда Амгерста в 1815 году (H. Ellis. Journal of the Proceedings of the Late Embassy to China. London. 1817. 4to)⁵⁶⁴.

Летняя резиденция китайского императора рядом с Тяньцзинем

Ответный визит барона Гро.

Вечером устроено было нечто вроде совещания, на котором прочитаны были проекты трактатов нашего (первоначального, захватывавшего пограничные вопросы и составленного мною во время плавания, ещё в прошлом году) и американского. Систематический теоретик Рид усмотрел аналогию между нашим требованием вознаграждения за разграбление Чугучакской фактории⁵⁶⁵, и его требованием за убытки, понесённые американцами при сожжении кантонских факторий китайцами в 1856 году⁵⁶⁶. Граф объяснил при этом, что мы не настаиваем непременно на денежном вознаграждении, а изъявили желание получить удовлетворение и иным способом. Рид решился тогда спросить: Каким же иным образом? Не территориальною ли уступкой? – «Именно, ответил Граф. У нас с Китаем будут происходить разграничения; мы будем домогаться проведения границы вдоль рек: в таких случаях может сказаться необходимость уступки России небольших клочков земли, по всей вероятности, необитаемых; если китайцы окажутся податливыми, то мы не только откажемся от вознаграждения в 200 тысяч лан, но даже будем готовы на приплату за земельную уступку». Такими речами маскировали мы обширные планы наши по приобретению всего Амурского края!

Продолжительный обмен мыслей произошёл и по другому вопросу, который в то время занимал всех, а именно о допущении иностранных посланников в Пекин. «Я не думаю, сказал Рид, чт.[обы] китайцы согласились на этот пункт. Я почти уверен, что они выкажут в этом такую же настойчивость, как и по вопросу о плавании по рекам». – «Но Россия уже выговорила себе это право в прежних трактатах⁵⁶⁷, возразил на это Граф; поэтому нам необходимо твёрдо стоять на этом пункте». – Рид: Так что и трактата заключать не намерены без этого пункта?» – Граф: .....⁵⁶⁸ Почти что так». – Рид: «Но как же вы поступите, если китайцы будут упорствовать? – Граф: Это покажет будущее. Впрочем, особенной беды

от этого не произойдёт, если статья о посланниках не будет включена в новый трактат: условия прежних трактатов останутся в полной силе!».

Тяньцзинь. Понедельник. 19/31 мая.

Весь день прошёл в переговорах о квартире. Представлялась как будто возможность получить то или другое помещение, а вслед за тем предъявлялись причины, по которым нельзя было его получить. Под конец остановились на двух домах: в одном из них жило многочисленное семейство и его отдавали неохотно; предвиделся немалый переполох между женщинами и детьми, которых пришлось бы выдворять. Другой дом принадлежал купцу-менялому и отдавался охотно. Граф вместе с Ридом, пошёл посмотреть его: помещение обширное, а когда осведомились о цене, то купец объявил, что отдаёт дом за 17 лан в месяц! Другими словами, он отдавал помещение почти что даром. Это обстоятельство, да к тому же вся манера отдававшего в наем, не понравились Графу и переговоры были прерваны. Завтра пойдут смотреть другую квартиру; конечно, с надлежащими предосторожностями и предупреждением прекрасных обитательниц сего дома.

Купцы, с которыми приходилось переговаривать, не скрывали неудовольствия, которое они питали к своему правительству; по их наивным представлениям не трудно было покончить всё дело, собрав такую денежную сумму, которая удовлетворила бы англичан и побудила бы их убраться восвояси. Если новые комиссары, прибавили они, не сумеют справиться с иностранцами; то им т.е. комиссарам придется жестоко поплатиться. Эти же купцы выпросили у нас письменное удостоверение, хотя без подписи, но с печатью, в том, что как русские, так и американцы пришли к ним с мирными исключительно, намерениями.

Явился Бянь и сообщил что китайские комиссары придут в четверг.

Сообщество с американцами и постоянное желание Рида участвовать во всех совещаниях с китайцами начинает нас тяготить; поэтому Бяню было дано сегодня соответствующее⁵⁶⁹ наставление и поручено ему внушить комиссарам чт.[обы] они не склонялись на совместные с американцем совещания, ибо у нас с ними дела совершенно особенные, исконные, в которые посторонним нечего заглядывать.

Бесчисленная толпа народа по-прежнему стоит на берегу реки и глазееет на заморских чертей⁵⁷⁰. Не умолкают и крики продавцов и нищих.

Мелкий дождь приятно освежил воздух.

Барон Гро удивляется, что ни один католический миссионер до сих пор не явился к нему; а между тем их в этой местности довольно много, также, как и китайцев-католиков.

Тяньцзинь. 20 мая/1 июня.

Ночью какой-то китаец, стоя на берегу близ нашего парохода, часами кричал, что должен утопиться. Исполнил ли он намерение – осталось неизвестным.

Графу не сразу удалось взглянуть на вторую квартиру; переговоры затянулись; чиновники и простолюдины ходили взад и вперёд с новыми предложениями и встречными возражениями. Хозяин дома попытался разжалобить Графа объясняя, что ему придётся потревожить живущую в доме 80-ти летнюю старуху; потом стал пугать тем, что все женщины удавятся с отчаяния; наконец он предложил нам три тысячи лан отступных, обещав при этом Бяню взятку в тысячу лан. Однако всё кое как уладилось, и в 4 часа Граф с Ридом пошли осматривать квартиру. Квартира очень понравилась Графу и дело можно считать поконченным; нашлось и другое помещение для Рида и его свиты.

Вечером совершили прогулку. Сперва на катере вверх по реке, оставляя Императорский канал в леве. Потом сошли на берег и гуляли между превосходно стоявшими ячменными и пшеничными полями. Видели дорогу, ведущую

в Пекин: она сажени в две-три ширины, несколько возвышается над окружающею местностью; видны мосты на высоких сваях. Растительность самая обыкновенная: несколько жёлтых крестоцветных, *Potentilla*⁵⁷¹, *Convolvulus*⁵⁷² и какое-то зонтичное.

Лорд Элгин выспросил у Рида, заготовленный им проект трактата; возвратил он его с замечанием, что американские требования слишком умеренные.

Тяньцзинь. Среда 21 мая/2 июня.

Бянь пришёл с известием, что комиссары прибыли: они остановились в одной из загородных кумирен. Они снабжены такими же обширными полномочиями, какие имел Циин при заключении Нанкинского трактата. Граф поручил мне сообщить об этом барону Гро; ему же надобно было передать, что католические миссионеры скоро к нему явятся, как о том успели проведать наши китаисты.

Утешили нас сегодня друзья американцы! Они заявили вдруг притязания на квартиру, добытую нами после стольких усилий и переговоров. Разница между двумя помещениями, нашим и тем, которое было предназначено американцам, была действительно значительная. То, которое мы готовились занять, имело много прелести: оно точь-в-точь напоминало китайские жилища, как они изображаются на чайных ящиках или вазах: много воздуха, несколько киосков между деревьями, между ними канавки, чрез которые переброшены красивые мостики и т. под.[обные] архитектурные кокетства. Вторая квартира, хотя и имела вполне приличный вид, но характера более прозаического. Это был замкнутый двор, с несколькими флигелями, расположение которых наглядно описано в дневнике о[тца]. Палладия под 7^м [19] июня⁵⁷³. Александр Алексеевич Татаринов положил много труда на приискание этой квартиры для американцев, и им оставалось только принять с благодарностью; но они повели себя так, как подобает неблаговоспитанной нации. — Мы, все

члены посольства, умоляли Графа не уступать; но он сослался на инструкцию, данную ему Министерством, в которой предписывалось оказывать американцам всевозможную любезность и содействие; поэтому, не колеблясь, он предоставил им квартиру, предназначенную для нас.

Сегодня, наконец, успел я освободиться от занятий и пройтись по городу. Пространство, окружённое городской стеною, необширно. От реки, где стоял наш пароход, до стены, чрез кривые улицы предместья, около 10 минут ходьбы. Улицы в городе шире шанхайских, но теперь, в тревожное военное время, представляют мало оживления. Множество лавок заколочено; часто видны повозки, нагружённые пожитками, и направляющимися за город. Толпа любопытных следовала за мною, но вскоре появилась личность вроде переодетого полицейского, который стал покрикивать на тех, которые меня теснили. Выйдя в противоположные городские ворота и обходя стену извне, я встретился с нашими знакомыми Фыном⁵⁷⁴ и Чжаном (мелкими чиновниками, часто посещавшими пароход). Оба пошли со мной. Совершенно случайно удалось мне наткнуться на кортеж новых богдыхановских комиссаров: сперва полсотни почётного конвоя, пеших, ободранных, с копьями и мечами; далее несколько всадников и вслед за ними двое носилок, в которых сидели два старика; за ними следовали разные повозки с домашним скarbом: всё это так мизерно, так жалко!

Чжан скоро отстал; но Фынь продолжал терпеливо мне сопутствовать, хотя я долго ходил по разным переулкам. Ему было, однако, скучно и он беспрестанно напоминал, что пора бы вернуться на пароход.

Лорд Элгин и барон Гро устраиваются здесь основательно. Они оба поселились в Императорском дворце, находившемся при соединении канала с рекою. Вид дворца помещён в книге Эллица *Journal of the Proceedings of the late Embassy to China*. London. 1817⁵⁷⁵, против страницы 90^я. Могу заверить, что он с того времени нисколько не изменился и я часто

сидел с бароном Гро в павильоне, по правую руку, когда Граф Путятин отправлял меня к посланнику с каким-нибудь поручением. Несмотря на запущенность и признаки разрушения, здание крайне живописно и напоминает театральную декорацию. Послы выписали с рейда два хора музыки и устроили правильные сообщения с морем. Почта отходит два раза в неделю.

Пронесся слух, что лорд Элгин не здоров: говорят, он не воздержан в пище.

Сегодня на нашем столе в первый раз явились довольно плохие абрикосы или маленькие красные вишни.

Тяньцзинь. Четверг 23 мая/3 июня.

Ночью проливной дождь и гроза.

Рано утром явился Чжан и объявил о прибытии сановников из Пекина. В 11^м часу пришёл Бянь с карточками да-жэней⁵⁷⁶ и с словесным приглашением явиться завтра в 3 часа дня на свидание с китайскими уполномоченными, назначенное для всех посланников разом в одном загородном храме. Бянь прибавил, что лорд Элгин и барон Гро уже согласились на такое общее свидание и распорядились заготовлением нужного числа носилок. Граф Путятин тотчас же ответил посылкой своей карточки, но приглашение на свидание показалось странным, и он поручил мне осведомиться у посланников, действительно ли они выразили согласие на такой общий приём.

Не успел я выйти из ворот, как пришёл к нам выздоровевший лорд Элгин. Обнаружилась одна из обыкновенных китайских уловок. Л. Элгин сказал, что не получал никакого извещения о приёме и согласия на такое приглашение, конечно, не дал бы.

Л. Элгин теперь в самом воинственном настроении. Он говорит, что положение дела совершенно изменилось: если бы переговоры происходили в Шанхае, то он мигом бы уступил, но здесь твёрдо будет стоять на предъявленных условиях и в случае необходимости готов занять Пекин.

Когда Элгин ушёл, мы стали укорять Бяня в неправде. Бянь старался оправдываться, но это ему не удалось. Однако мы узнали от него кое-что новое: вчера китайский чиновник заходил к английским переводчикам: говорили о носилках и о других вещах, но при этом ему со стороны англичан было внушено не выказывать нам, русским, столь явного предпочтения, и большей предупредительности, этим могут оскорбиться воюющие державы. Внушение это, по-видимому, действовало и результаты обнаружились немедленно.

Поздно вечером явился Чжан с формальным, письменным извещением о прибытии пекинских сановников и с приглашением нам на свидание в день 26^й мая [7 июня].

Чжан объяснил, что англичане приглашены на свидание завтра; на послезавтра французы, потом американцы, а под конец – мы. Такое распределение нас очень удивило, мы потребовали объяснений: нельзя ли остановить, переменить порядок. Чжан отозвался, что приглашения уже разосланы англичанам и французам, что сегодня же получены от них ответные карточки, привезённые переводчиками, которые и присоветовали учредить такой порядок. Чжан прибавил, в виде утешения нам, что китайские сановники, назначая дни, принимали в соображение счастливые и несчастливые дни! Однако последнее соображение нас не удовлетворило и Чжану было строго внушено употребить все усилия на тот конец чт.[обы] англичане и французы были приняты одновременно, затем мы могли бы явиться вместе с американцами. При такой комбинации, по мысли Графа, англичане, не оставаясь одни с китайцами, постеснялись бы сказать что-либо дурное о нас, при французах!

Чжан подал надежду, что это устроится. Ему объявлено, что нам совершенно необходимо видеться с китайскими уполномоченными не позднее послезавтрашнего дня.

По требованию Чжана мы расписались в получении извещения.

Отмечу маленький эпизод, случившейся во время визита л. Элгина.

Английский посол, как я уже заметил выше, очень возбуждён против китайцев и сказал сегодня Графу, что он совсем не намерен трактовать с уполномоченными о каждой отдельной статье, а думает поступить по примеру Поттинжера при заключении Нанкинского трактата: обсуждение статей будет предоставлено секретарям и переводчикам, а когда трактат будет изготовлен, тогда будет назначено торжественное собрание для подписи договора. – Присутствовавший при разговоре американский посланник Рид заметил на это, что точно таким же образом происходило в то время заключение американского трактата. – Элгин бросил в ответ злой взгляд на Рида, и сказал, с некоторою колкостью, что в этом нет ничего удивительного: заключение американского трактата не представляло никаких трудностей, ибо [он] прямо-таки списан с ранее заключённого трактата англичан, и вообще об этом не стоит и говорить⁵⁷⁷.

Неудивительно, после такой выходки, что Рид недолюбливает Элгина.

Рид, обедая сегодня у адмирала Сеймура, сообщил ему о ежедневных китайских жалобах на поведение английских матросов и солдат. В Дагу происходили грабежи: на улицах в Тяньцзине останавливают носилки, в которых сидят женщины; берут у обывателей, не спрашивая согласия, лошадей для верховой езды, и т. д. Адмирал Сеймур высказал с своей стороны сожаление, и уверял что принимает все меры для прекращения беспорядков.

Между тем, американцы продолжают не церемониться с нами. Благодаря любезности Графа им была уступлена лучшая квартира, а между тем пришедший к нам сегодня китайский переводчик Вильямс стал уверять, что наша квартира удобнее, ибо комнаты гораздо глубже. Между тем в сравнении со светом и воздухом американской квартиры, наша скорее похожа на тюрьму.

Тяньцзинь. Пятница 23 мая/4 июня.

Оказалось, что Ридово свидание с китайцами назначено на понедельник 26 мая [7 июня] в 6 час. утра. Нам приходилось явиться в тот же день, но в три часа дня. — Узнав это, Граф немедленно командировал А.А. Татаринова с бумагою на маньчжурском языке и с приказанием непременно устроить дело так, чтобы наша конференция состоялась раньше американской. Благодаря искусству Татаринова это удалось. Свидание назначено для нас, накануне американского, в воскресенье вечером. В тот же самый день утром состоится французская аудиенция.

На сегодняшнюю английскую церемонию мы смотрели с палубы нашего парохода.

В исходе 3го часа оба взвода английских солдат в красных мундирах (человек сто всего), с двумя хорами музыки, предводительствуемые двумя офицерами, на рыженьких лошадках, расположились шеренгой вдоль стены нашего дома и дома, занятого американцами. Потом подошла шлюпка, в которой сидели капитан Осборн⁵⁷⁸ и несколько членов посольства. Когда они вышли на берег, музыка заиграла, а солдаты взяли на караул. При бряцании оружия лошадки каждый раз пугались и отскакивали в сторону. Наконец к берегу пристал катер, в котором сидел Элгин с прочими членами посольства; все были в парадных мундирах, за исключением самого посла, одетого в простой сюртук и в фуражке с золотым галуном. Музыка сыграла «God save the Queen»⁵⁷⁹. Посольство разместилось в носилках. — Процессия вернулась обратно в 5 часов.

Посланник Рид смотрел на церемонию с своей вышки над домом, но когда появились шлюпки, то он поспешил скрыться.

Бянь зашёл к нам вечером. «Ну что, как было свидание? — Не было ничего особенного. О делах не говорили; осведомлялись о здоровье и т. п. Англичане предъявили свою верительную грамоту. Китайцы ответили, что у них таковой

нет и показали Императорский указ; с которого англичане сняли копию.

Ген. губернатор Тань с товарищами на свидании не присутствовал, хотя новые уполномоченные и приглашали его. За поражение при устье Пейхо Богдыхан лишил его пера [на головном уборе]. Но он очень желает видиться с Графом и непременно явится на наше воскресное свидание, намерен даже лично посетить Графа. Новые же комиссары предполагают составить записку об английских и французских делах и желали переговорить об этом с Графом.

Находящийся с нами член Пекинской миссии, Храповицкий получил сегодня письмо из Пекина, от доктора Базилевского⁵⁸⁰. В Пекине уже начинается паника: многие выезжают из города. Дороговизна увеличивается.

Тяньцзинь. Суббота 24 мая/5 июня.

Мы окончательно перебрались на берег. Визит адмирала Сеймура, сообщившего некоторые дополнительные подробности о вчерашнем свидании с китайцами. Уполномоченные хотели немедленно приступить к переговорам. Но Элгин уклонился от этого и ограничился предъявлением своих полномочий. Он ожидает прибытия войск и тогда только предъявит свои требования.

Бянь явился с предложением Графу повидаться сегодня вечером с Танем. Согласие последовало. Такое же предложение было сделано Риду, который отказался, заявляя, что он желает переговаривать только с вновь присланными комиссарами.

Сегодня Граф лично вручил барону Гро французский перевод проекта нашего трактата. Французский посол жаловался при этом, что Рид, в своём проекте трактата не оказал союзникам обещанного *appui moral*⁵⁸¹. Едва ли барон найдёт такую поддержку в нашем проекте.

Свидание с Танем происходило в каком-то здании на берегу реки вниз по течению, в минутах десяти от нашего дома. Мы отправились туда в лодке. Красивый двор с раски-

дистым деревом посреди. Изящная мебель с шёлковыми узорами; китайцы были в ярких летних костюмах. Вообще всё напоминало театральную декорацию. Бездна мух облепила сладости, поставленные на столах; пришлось унести угощение. Чай был вкусный.

Тань без пера на шапке! По китайскому обыкновению свидетелей совещания было множество, они обступали нас и под самыми нашими носами обмахивались маленькими шёлковыми флагами синего цвета.

После обычных приветствий Тань сообщил о назначении для переговоров сановников Гуй[ляна] и Хуа[шана]. – Граф заговорил о нашем трактате, о необременительности его условий в сравнении с требованиями союзников. Если бы китайцы поспешили подписать наши условия; то имели бы возможность ссылаться на трактат уже заключённый, и отказываться принять другие требования.

Но Тань не поддавался, он находил, что для Китая важнее покончить сперва с союзниками, и тогда заключение трактата с нами не представит никаких затруднений. Отн.[осительно] англичан он высказывал большую решимость: чего нельзя уступить, того мы не уступим, хотя бы пришлось проиграть ещё тысячу сражений.

Граф. Кроме важного вопроса о границах, имеется ещё другой не менее важный вопрос, а именно о допущении посланников в Пекин.

Тань. Из-за этого и вышел весь спор.

Граф. Что же, согласны Вы теперь на это?

Тань. Об этом будут трактовать новые комиссары. Но я могу заверить, что те вопросы, на которые я согласился, остаются в силе и изменения не последуют.

Этим ограничилась вся деловая часть конференции, на все дальнейшие предложения и вопросы наши Тань отвечал уклончиво, общими фразами, что дела следует решать по справедливости и что следует надеяться, что рано или поздно всё устроится и проч.[ее].

Затем он вернулся к делу близкое его сердцу, из-за которого он пострадал. Будто неприятельским судам было позволено подойти к реке поодиночке, а не всем вместе! Жаловался на слишком короткий, всего двухчасовой срок, данный англичанами на окончательный ответ⁵⁸².

Граф воспользовался оборот[ом], который принял разговор чт.[обы] указать на необходимость запастись улучшенным оружием.

Тань снова уклонился. Сам Император отозвался, что неловко утруждать нас высылкой оружия. Что таких примеров и прежде никогда не было.

В заключение, по нашей просьбе, Тань обещал доложить новым комиссарам о желании нашем отправить в Россию курьера, сухим путём чрез Пекин.

Условились, что завтра утром к нам будет прислан чиновник, маньчжур чт. переговорить о подробностях нашего трактата. Старый знакомый наш, Бянь занят церемонией по случаю жертвоприношения и поэтому не может быть у нас завтра. Вечером проект трактата послан Элгину и Риду. – Английская и французская музыка играет каждодневно для увеселения туземцев и европейцев.

Легкий дождь освежил несколько воздух; все эти дни мы жёстко страдали от жара; к счастью, лёд имеется здесь в изобилии.

Тяньцзинь. Воскресенье 25 мая/6 июня.

Рано утром я совершил прогулку вверх по реке и прошёл далее по Императорскому каналу до пекинской дороги, по которой вернулся в город: пред воротами стояли три шеста с клетками, в которых находились отрубленные головы со спутанными волосами. Проходя по городу, заметил несколько хороших лавок: купил два резных грецких ореха (25 чохов), кот.[орые] китайцы катают в руках в виде времяпрепровождения, подобно тому как наши монахи играют с чётками.

Это была моя первая дальняя прогулка и она не осталась без последствий. Китайцы приходили «жаловаться» (по выражению наших китаистов). Находящийся при нашем доме китаец советовал не возобновлять такие прогулки: могут обидеть. Это вызвало жаркий спор между Графом и нашими двумя пекинцами Татариновым и Храповицким. Граф защищал свободу прогулок и в конце концов спор был решён в мою пользу.

Явился обещанный маньчжурский чиновник с красною пуговицею⁵⁸³. Он прочитал наш проект, составленный на маньчжурском языке, и взялся перевести его на китайский язык. По существу наших условий он не сделал никаких заменений.

Затем мы смотрели на шествие французского посла. Некоторые из нас нашли, что оно было обставлено более блестящим образом чем английское: действительно, войск было несколько больше, офицеры многочисленнее, равно как и свита. Шлюпками не пользовались. Шествие началось с самых ворот посольского дома. Открывала шествие оседланная по-китайски лошадь без седока, которую вёл на поводе китаец, по сторонам два французских солдата.

Пришёл Брюс и просил, от имени Элгина об исключении из нашего проекта статьи об опиуме. По объяснению Брюса, англичане намерены настоять на указании торговли опиумом, тем более, что в некоторых портах кит. прав-во уже взывает пошлину с этого товара.

Граф согласился.

Брюс извинялся в том, что [англичане] не сообщили ещё Графу своего проекта, он ещё не изготовлен окончательно и беспрерывно вводятся перемены. Вчера, однако, Элгин послал свой проект Риду, но просил немедленно его вернуть и копии не снимать. В проекте 52 статьи⁵⁸⁴.

В 6 час. вечера – наше свидание с комиссарами. Если другие старались отличиться пышность[ю], то мы, напротив, соблюли простоту.

По примеру французов, у которых переводчик г. Márques⁵⁸⁵ был в самом начале шествия, мы пустили вперёд носилки с Храповицким. Потом три матроса: один с флагом посланника, другие два с ружьями. Далее носилки графа, который был в гражданском сюртуке (вероятно, по примеру Элгина!) и военную фуражку (Гро был со звездой и лентой и сам, вероятно, во фраке). За Графом носилки с ящиком, в котором находилось Высшее полномочие; по обеим сторонам носилок два матроса без ружей. Потом мы, все члены посольства, в резных носилках.

Кумирня (Хай-гуан-сы Морского сияния монастырь⁵⁸⁶), в которой происходят свидания, находится в верстах четырёх от города, сперва путь идёт по предместьям, а потом по обширному полю с тощею опалённой травой и несколькими засеянными полями. За стеною монастыря, красивое, как всегда у китайцев, здание с несколькими дворами и всякою растительностью.

Графа посадили посреди комнаты за маленьким столом, на кот. стояло угощение; по сторонам сели Гуй и Хуа да-жени, также за столиками. Гуй очень стар и глуховат, с умным и добрым выражением в лице. Хуа тоже не молод, очень толст и походит на профессора Шульгина⁵⁸⁷.

Гуй[лян]-дажень начал с того, что сказал, что сегодняшнее свидание имеет целью познакомиться друг с другом, о делах говорить не будем. Он надеется и просит о посредничестве со стороны русского и американского послов.

Мне, собственно, было поручено представить Графу полномочие для предъявления китайцам. Но пылкий Татарин, не надеясь на мою ловкость, не утерпел и отстранил меня, и, действительно, проделал всю эту церемонию с особенною торжественностью. Пришлось ему открыть сперва кожаный футляр и оттуда вытянуть ящик *marqueterie*⁵⁸⁸ с бронзовыми украшениями и с орлом (купленный в прежнем Английском магазине⁵⁸⁹) и поставить на столик пред Графом; потом открыл этот ящик, вынул из него полномочие, находившее-

еся в золотом глазетовом⁵⁹⁰ мешке и артистически наклонив голову, подал его Графу. – Китайцы с своей стороны предъявили тогда маленький жёлтый ящик, который держали высоко над головою, потом вынули из него Богдыханов указ и обменялись с нами документами. Все встали при этом обмене. Граф не вставал, вероятно, по забывчивости.

Китайцы внимательно рассматривали подпись Им-пра Александра II⁵⁹¹. В их руках остался маньчжурский перевод полномочия; а нам обещали доставить копию с указа.

Гуй с видимым нетерпением ожидал конца всей этой церемонии. Но нам нужно было сделать ещё два дела. Во-первых, передать маньчжурский перевод проекта трактата, с некоторыми объяснениями, и во-вторых, условиться об отправке курьера сухим путем. – Последний пункт встретил возражения. Гуй не решался брать нашей почты для отправки, а вместе с тем выражал опасения насчёт посылки курьера из числа русских: разбой по дороге. Однако обещал доложить.

Выяснилось, что Татаринов, во время пребывания в Пекине, в 40-х годах, лечил Гуя.

Условились, что Бянь с товарищами явится к нам завтра чб. потолковать о трактате.

Вечером явился Рид: он очень недоволен тем, что мы уступили англичанам по вопросу об опиуме. Брюс пытался уговорить и его, но Рид объявил, что имеет положительное приказание признавать торговлю опиумом незаконною и вредною. Однако, Руссель, Герд⁵⁹² и др. американские фирмы продолжают торговать опиумом, и едва ли подвергаются преследованиям за это со стороны Прав-ва Соед. Штатов.

Тяньцзинь. [Понедельник] 26 мая/7 июня

Изыскивая средства против надвигающейся грозы, китайское правительство вспомнило о некогда славном Цине, заключившим Нанкинский трактат с англичанами [и] получившим репутацию искусного негоциатора⁵⁹³, потом

разжалованный, и ныне снова получивший красный шарик. Теперь его прислали в помощь двум другим комиссарам, авось он успеет укротить англичан.

Он будет у нас завтра. Впрочем, ходит молва, что он противник наших притязаний на Амуре.

Элгин пришёл благодарить Графа за его уступчивость в вопросе об опиуме. В разговоре он высказал предположение о том, что если китайцы не согласятся на пребывание посланников в Пекине, то можно будет водворить их в Тяньцзине. — От нас Элгин пошёл к Риду с тем чб.[обы] упрекнуть его за упорство.

Во 2^м часу было +22° R. в тени, внезапно поднялся сильный ветер, стал накрапывать дождь и в 5 ч. вечера температура понизилась до +13° R. Мы почувствовали холод.

Рид заходил на минуту чтобы попросить у нас — хлеба! Граф, строго исполняя инструкцию Министерства, готов на всякую угодливость по отн.[ошению] к Риду; а бесцеремонность американцев растёт. Мы дали ему весь имевшийся у нас хлеб и поэтому сели за обеденный стол без этой необходимой приправы.

Сегодняшняя конференция с китайцами продолжалась три часа. Рид очень спешит заключением трактата и просил нас рекомендовать ему китайца для совещаний и в помощь Вильямсу. Мы указали на Бяня. Но Рид [сказал], что чин его слишком мал. Тогда приискали другого китайца, пользующегося званием маркиза или виконта.

В пятницу состоится новое совещание с американцами. Однако мы внушили китайцам, чб. наш трактат был подписан первым, как знак внимания к давнишним друзьям.

Целый день сидели у нас два маньчжура и весь трактат был переведён с маньчжурского на китайский язык. Один из этих господ в военном чине и, что редко встречается между военными, — отличный каллиграф. Он украсил принадлежавший мне веер надписью почерком скорописью с таким щегольством, что просто загляденье. — Другой молодой

китаец, работающий у нас, принадлежит к одной из лучших пекинских фамилий; в манере его обращаться можно было изучить самую утончённую китайскую вежливость.

Американский пароход «Powhatan»⁵⁹⁴ привёз сегодня почту.

Тяньцзинь. [Вторник] 27 мая/8 июня.

Становится скучно гулять по Тяньцзиньским улицам и ближайшим окрестностям города: однообразные мазанки, а где они кончаются, там глинистая земля, с тощею травой; изредка жёлтый цветок (*Crepis*⁵⁹⁵, кажется, или *Tragopogon*⁵⁹⁶). Я прошёлся сегодня по другой стороне реки. Ветрено, сумрачно. После 12^и часов прояснилось. В 2 часа +17° R.

Вечером пришёл Рид с Вильямсом. Последний более пяти часов сряду с китайцами и успел пройти с ними все статьи американского проекта трактата. По поводу временных посланников в Пекине китайцы заметили, что такое право они уже дали русским, а потому могут уступить его и американцам. Припоминаю слово, сказанное нам однажды Бянем: в числе доводов, приведённых англичанами в пользу пребывания постоянных посланников в Пекине, переводчик их доказывал китайцам, что это было бы и для них выгодно, ибо тогда ни одна из иностранных наций [не] могла бы приобрести преобладающее значение и влияние на Богдыханово правительство.

К великой досаде Графа американцы настаивают на плавании по рекам, что совсем не в наших видах. В последнем совещании они заявили готовность плавать по[д] китайским флагом. В пятницу надеются покончить с трактатом.

Между тем китайцы, за множеством дел, нас совсем забыли. Сегодня никто не приходил. Граф в беспокойстве и немедленно принял энергические меры. А. А. Татаринов командирован завтра утром к комиссарам с поручением устроить дело так, чтобы наш трактат был подписан по крайней мере двумя днями раньше американского.

Тяньцзинь. Среда. 28 мая/9 июня.

Дела, переговоры у всех в самом разгаре. Каждый представитель наперерыв старается мешать и вредить другим. Бянь сообщил Татаринову сведения о переговорах английского переводчика Лея: они соглашаются не требовать вознаграждения за Кантон, но требуют уплаты военных издержек и усиленно настаивают на праве плавать по рекам. Грозят, в случае отказа, пойти на Пекин. Про русских Лей говорил, что они всегда нападают на слабых; что Турция была спасена только благодаря помощи англичан и французов и т. пд.

Циин привёз сам (неслыханная в Китае вещь) письмо о. Палладия к Графу, который немедленно изготовил письмо к сановнику Юю⁵⁹⁷, и по совету Палладия, пригласил его в Тяньцзинь для личных переговоров с Графом.

Общество Тяньцзиньских купцов прислало Графу, в подарок, разных съестных припасов, так как он, пояснили они, прибыл сюда с миром. Впрочем, такие же подарки были присланы и лорду Элгину и барону Гро. Граф отдал купечество ковром (в 60 руб.) Общество ответило благодарственной запиской.

Бянь явился чтобы заняться трактатом в 3^м часу. При этом мы были свидетелями сцены китайского правосудия. Послышался шум на улице, мы выбежали посмотреть. Бянь стоял на крыльце и грозно кричал на какого-то несчастного, который стоял перед ним [на] коленях и беспрерывно бил головою о землю. Татаринов, посланный Графом, не успевал прекратить эту сцену, пока наконец не надели цепь на шею бедняка и не увели его. Тогда Бянь вошёл к нам в дом. Граф приказал сказать ему, чтобы впредь подобных сцен у наших дверей не происходило. Бянь оправдывался и объяснил, что этот негодяй приставал два раза к слуге Бяня и смеялся над ним, причём говорил: «Ну куда ты спешишь? Видно очень знатный барин!».

Вечером происходило любопытное свидание с Цином, которого ни один из европейских посланников не решился принять. Свидание происходило в той же кумирне, за городом, где мы встретились с Танем.

Граф взял с собою Александра Александровича Татаринова, Храповицкого и меня. Отправились, когда стемнело, в 7 часов и пешком, чтобы не привлекать внимания иностранцев.

Циин вышел к нам навстречу во внутренний двор: это старик небольшого роста с широким калмыцким лицом и едва видными, как щель слезящимися глазами; на подбородке клок серых волос. Портрет его, приложенный к книге американского миссионера Вильямса «The Middle Kingdom»⁵⁹⁸ по всей вероятности походил на него, во время оно.

Маньчжурский сановник Циин

Мы сели за небольшой стол, вокруг которого стояли шесть кресел. На столе – обыкновенное китайское угощение. Арх. Аввакум объяснил мне, что все эти блюдечки всегда бывают

расставлены в известном методическом порядке: первый ряд с четырьмя рядами плодов: яблоки, груши, гранаты, апельсины; во втором ряду 4 рода подслащённых орехов или семечек; в 3^м ряду – четыре рода сладких сухих плодов; наконец в 4^м ряду – 4 рода сладких плодов в сиропе. – Во время совещания приносили ещё пирожки и др. сладости, а также чай и вино.

После обычных приветствий, Циин спросил у Графа о его летах. На такой же вопрос, сделанный ему, он сказал, что ему 72 года.

Граф приступил затем к деловому разговору, и сказал, что очень желал его видеть, с ним ближе познакомиться и сообщить ему о многом таком, что, в особенности в настоящее время, может быть полезно знать китайскому прав-ву. Но, прибавил Граф, указывая на многочисленную челядь, незаметно нас окружившую, желательно чб. все эти лишние свидетели были удалены; ибо нам придётся говорить о делах важных и подлежащих тайне.

Циин немедленно приказал всем удалиться и на этот раз приказание не было нарушено, как это обыкновенно случается при конференциях с китайцами. Верный Чжан стал у дверей и не впускал никого.

Циин. Я вижу и чувствую, что Вы питаете к нам искреннее расположение (сановник имел крайне озабоченный и удручённый вид).

Граф сказал, что ещё в прошлом году русское прав-во [предполагало] все те несчастья, которые ныне обрушились на Китай. По чувству приязни оно желало предостеречь китайцев и поспешило отправить его в Пекин, в качестве посланника, с чрезвычайными полномочиями. Китайское прав-во сделало большую ошибку не допустив посольства.

Однако Циин, озабоченный требованиями настоящей минуты, не обратил внимания на косвенный упрёк, заключавшийся в словах Графа. Он не желал углубляться в дела прошедшего времени, и прямо поставил вопрос, нет ли средства оказать им помощь в настоящий трудный момент?

Граф. Уступки теперь неизбежны; но при благоразумном образе действия со стороны китайцев, не трудно будет оградить себя на будущее время от подобных нападений англичан и французов.

Циин. Прошу Вас объяснить мне, как поступить теперь и как впоследствии.

Циин слушал с большим вниманием, никогда не прерывал речи Графа и сам говорил очень мало.

Граф указал на большие успехи, достигнутые европейцами в военном искусстве и на необходимость для Китая изменить свою военную систему и улучшить вооружение войска. Китаю полезно сблизаться с другими Государствами, в особенности с теми, от которых можно ожидать выгоды.

Циин. Оружие у Вас, русских, сколько я слышал, в лучшем состоянии чем у других народов?

Граф. У нас оружие хорошее; но теперь новые открытия и улучшения быстро перенимаются и другими Государствами, а затем распространяются по всему свету.

Циин. Я должен сознаться, что у нас между чиновниками все мошенники: они воруют, всё портят и препятствуют всякому доброму начинанию. Но теперь главная забота наша – изыскать средство как примириться с англичанами. Впоследствии мы постараемся улучшить наши военные средства.

Граф советовал уступить по тем статьям, кои содержат условия, предъявленные сообща представителями всех наций; и до крайности не сдаваться на такие требования, принятие которых может иметь вредные последствия для Китая, как напр. допущение в Пекин постоянных посланников.

Циин. А как быть с требованием англичан допустить их суда к плаванию по внутренним водам?

Граф. Об этом я буду говорить потом. Теперь же скажу Вам, что допущение в Пекин временных посланников совершенно необходимо, и наше правительство очень недовольно тем, что Вы отказали мне в пропуске чрез Монголию в прошлом году.

(Однако этот частный, только России касающийся вопрос, мало интересовал Циина; он мог думать только о настоящих, настойчивых требованиях англичан, и поэтому снова вернулся к вопросу о плавании по внутренним рекам).

Граф не одобрял подобного домогательства иностранцев, и предвидел вредные для Китая последствия от беспрепятственного плавания иностранных кораблей по озерам, каналам и рекам Китая. Если настояния англичан будут слишком стремительны и Вы будете вынуждены уступить, то согласитесь дать им доступ в р. Янцзыцзян не далее как до двух, ближайших к морю городов, но отнюдь не позволяйте проникать им вглубь, до тех мест где начинаются главные внутренние каналы.

Циин. Не согласитесь ли Вы поговорить об этом с союзниками и защитить наши интересы? (Эту просьбу Циин повторял несколько раз и часто возвращался к вопросу о посредничестве нашем).

Граф. Я уже объяснялся по этому поводу с французским послом, который, по всей вероятности, скорее склонится на уступку. На англичан трудно рассчитывать, и всё будет зависеть от степени твёрдости, которая будет высказана с Вашей стороны.

Циин. Мы уже выставили им все доводы, о которых и Вы упомянули, но англичане отказываются даже выслушать их.

Граф. Своевременными уступками по другим статьям, Вы скорее успели бы склонить их отказаться от плавания по рекам. Напр. дайте доступ во внутренние провинции не только миссионерам, но также и известному числу купцов. Кстати, задайте англичанам вопрос, позволяют ли европейские правительства иностранцам плавать по рекам в пределах своего государства? (Мы знали, что с американцами уже происходил об этом разговор, и они утверждали, что в Соединённых Штатах иностранцам дозволено плавать по рекам до известных пределов).

Циин. Я не получил полномочия для переговоров с представителями иностр-х Держав, и не замедлю сообщить всё Вами сказанное имп-м комиссарам. Но для нас было бы всего выгоднее, если бы Вы, Граф, согласились взять на себя наши дела, и, по справедливости решили все вопросы и недоразумения, возникшие между нами и европейцами. Вы могли бы сказать окончательно, что следует им уступить и чего нет.

Граф. Россия не находится в войне с англичанами и французами, и я приказывать им не могу.

Циин. Но я очень прошу Вас, постарайтесь уговорить их оказать нам снисхождения.

(Разубедить Циина оказывалось затруднительным; разговор стал вертеться в ложном кругу и грозил затянуться на долгое время, поэтому Граф круто переменял тему, и спросил: знают ли китайцы, что англичане ожидают прибытия в Тяньцзинь новых войск?)

Циин. Я объяснялся по этому поводу с английским переводчиком (Леем), и сказал ему прямо, что войско у них, конечно, храброе, но что им за охота хватать нас за горло, ужели не страшатся они небесной кары? (И помолчав немного, прибавил): Не знаете ли Вы, когда придут сюда новые войска?

Граф. Этого я не могу сказать с точностью; полагаю, что чрез одну, много две недели.

Циин. Ведь англичане требуют безусловного согласия на все статьи предъявленного ими проекта трактата!

Граф. Если Вы поторопитесь подписать предложенный Вам мною трактат, то я получу тогда большую возможность оказать содействие в ваших делах с европейцами: я предъявлю им подписанные мною с Вами условия и этим успею доказать им, что полномочия, данные императорским комиссарам, вполне достаточны. Как мне кажется, нынешние полномочия вообще гораздо обширнее тех, которые были даны лично Вам императором Дао-гуаном для заключения первого трактата с англичанами в Нанкине. Когда лорд Элгин озна-

комится с условиями русского договора и с окончательными уступками Вами нам сделанными, то, по всей вероятности, и он найдёт более целесообразным и благоразумным умерить свои требования.

Циин задумался и, после минутного молчания, сказал: мы уже вышли с докладом к Государю о присылке нам печати для утверждения Вашего трактата.

Граф. Когда наш договор будет подписан, тогда я буду иметь возможность сказать англичанам: посмотрите, вот на какие уступки согласились китайцы, кажется, что этим можно удовлетвориться!

Циин. Однако печать ещё не прислана, а без неё трактат не может быть утвержден.

Граф. Сколько потребуется дней чтобы получить печать?

Циин. Дней чрез восемь.

Граф. Это слишком долго. Теперь каждый лишний день просрочки важен!

Циин. Может быть окажется возможным позаимствовать печать у генерал-губернатора. Впрочем, я наверно не знаю; легко может случиться, что печать из Пекина прибудет дня через четыре или даже три. – Но англичане продолжают угрожать нам, говоря, что уже завтра начнутся военные действия.

Граф. Это пустая угроза: они думают Вас припугнуть. Английские переводчики известны своею заносчивостью. До прибытия свежих войск они не в состоянии предпринять что-либо решительное против Вас: во всяком случае не советую выказывать им слишком большого упорства.

Циин. Но переводчик заявил положительно, что англичане тотчас же приступят к военным действиям, если мы сегодня же не дадим утвердительного ответа на все их требования!

Граф (твёрдо). Ручаюсь Вам, что этого не будет!

(Любопытно было видеть какое впечатление эти решительные слова произвели на китайского сановника. Казалось,

гора свалилась с плеч бедного Циина, лицо его просветлело; он поспешно позвал к себе стоявшего у дверей Чжана, сказал ему несколько слов и отправил его с этим важным успокоительным известием к комиссарам Гуйляну и Хуашане. — Когда Чжан вышел, то Циин обратился ко всем нам поочерёдно с изъятием живейшей признательности на китайский манер, протягивая сложенные в кулаки руки и потрясая ими). После некоторого молчания Циин начал опять: однако англичане жестоко нападают на нас!

Граф. Я не замедлю предупредить Вас заблаговременно, если наступит крайняя необходимость сделать им ещё более значительные уступки.

Циин. Скажите, когда можно будет мне ещё раз увидеться и переговорить с Вами?

Граф уклонился от прямого ответа и спросил извёстит ли он о своём прибытии английского и французского послов?

Циин дал утвердительный ответ, но прибавил что англичанин отозвался, что не находит нужным принять его, так как полномочиями не снабжен. Француз совсем не отозвался.

Граф. Было бы полезно Вам повидаться с французским послом и переговорить с ним о делах. Постарайтесь добиться свидания. Вы могли бы заявить ему решительно, что даже взятие Пекина не заставит китайское правительство согласиться на большие уступки.

Циин. Не поговорите ли Вы об этом с ним?

Граф. Слова, сказанные Вами, имели бы гораздо большую силу и значение.

Циин (опять задумался, потом [сказал]): Вы как будто не верите тому, что печать, необходимая для утверждения трактата, будет прислана из Пекина уже чрез четыре дня.

Граф. На это я Вам скажу только одно: я буду очень доволен, когда успею подписать с Вами трактат!

Циин. Вам известно, что наши два государства жили постоянно в дружбе и согласии; поэтому само собой разуме-

ется, что Вы будете первые, с которыми мы подпишем трактат.

Граф. Это и не может нисколько повредить Вам в глазах других иностранцев, ибо требования англичан и французов имеют характер совершенно исключительный, и основываются на последствиях войны; что же касается до американцев, то они в счёт не входят.

Циин. Позвольте узнать, думаете ли Вы уехать отсюда немедленно по подписании трактата?

Граф. Нет, я не уеду раньше окончания всех Ваших дел с англичанами.

Опять довольно продолжительное молчание и вдруг, как бы встрепенувшись, и забыв о чём всё это время говорили, Циин удивил нас совершенно неожиданным и крайне наивным предложением: «Нельзя ли было бы, промолвил он, предложить всем посланникам теперь же вернуться в Дагу, мы приехали бы туда и скоро покончили бы все дела».

Увы, мы поняли в чём дело. Стариковское бессилие одолевало Циина и он стал заговариваться.

Граф понял это и, нисколько не выказывая неудовольствия, сказал коротко: «Об этом теперь и нечего говорить».

Циин начал о другом: Была ли у Вас когда-нибудь война с англичанами?

Граф. Была. Два года сряду они нападали на нас и успели разрушить всего один только город; потом мы их прогнали. Война возникла из-за того, что англичане вмешались в наши дела с соседнюю Турцией, где мы получили преобладание.

Циин. Когда я занимал должность генерал-губернатора в Кантоне, то англичане часто сообщали мне сведения о том, что Россия всюду старается распространять своё влияние.

Тогда Граф стал рассказывать о жестокостях англичан в Индии, которые и привели к нынешнему восстанию⁵⁹⁹. Мы же, заключил он, Ваши добрые соседи и Вы знаете, как справедливо мы всегда поступаем.

Циин. Когда же Вы заключили мир с Англией?

Граф. Два года тому назад.

В конце совещания Граф передал Циину письмо на имя сановника Юя, председателя Верховного совета, в котором он приглашается приехать в Тяньцзинь в видах скорейшего окончания дела. Это письмо было написано по совету архимандрита Палладия, указывавшего на важное значение сановника Ю[я] в государственных делах.

При прощании Циин, снова обнаружил страх и опасение, не возобновят ли англичане завтра военные действия. Граф ещё раз повторил успокоительные слова и прибавил, что рад будет видеть почтенного сановника завтра у себя.

Мы вернулись домой в глухую ночь. Один из казённых слуг сопровождал нас с фонарем.

В Тяньцзине. Четверг. 29 мая/10 июня.

Тяньцзиньский май несколько не лучше, а может быть даже хуже нашего. Сегодня солнечный день, но не жарко. В 3½ ч. в тени +17° R.

Визит Циина. – Барон Гро прислал к нему сегодня с извещением, что он не может принять его как не имеющего полномочия.

Граф попытался узнать от Циина положительным образом: решится ли китайское правительство выехать из столицы и этим показать свою непреклонную волю не допустить посланников в Пекин и не разрешать плавания по рекам.

Циин ответил нерешительно, но было ясно видно, что охрана Пекина от чужеземного вторжения для них дороже всего. В крайней озабоченности он всё повторял ту же жалобу: вот Вы не соглашаетесь помочь нам, так что же остаётся нам делать! Он окончательно погубил себя в нашем мнении, когда вздумал возобновить вчерашнее странное предложение, но в ещё более бестолковой форме: «Если не англичане, то по крайней мере Вы, русские вместе с американцами, ока-зали бы нам дружбу и ушли бы из Тяньцзиня вместе с судами

Вашими» (!!). Когда мы все вскрикнули от удивления и негодования, то Циин поспешил пояснить, что желание его заключается единственно в том, чб. мы отодвинулись назад с своим судном, хотя бы только на несколько саженей: этим он мог бы показать своему Императору, что имеет ещё некоторое влияние на иностранцев. Бедный старик! Свою совершенную растерянность он показал и при прощании. Когда он вышел с Татариновым на берег реки, то посмотрел на наш колёсный пароход и спросил у своего собеседника, как же это так, что пароход имеет только одно колесо! Пароход стоял боком к берегу и поэтому другого колеса не было видно!

С Бянем продолжали переговоры о трактате. Главные затруднения представляют:

1^е. Определение срока, в который почта должна совершать путь между Кяхтой и Пекином.

2^е. Разрешение сношений Министра иностранных дел с Верховным советом.

3^е. Открытие новых портов Чапу⁶⁰⁰ и Сватова⁶⁰¹.

Рискну упомянуть о характерном эпизоде.

Бянь приводит с собою слугу, который с самого начала привлёк моё внимание своим оригинальным лицом: точь-в-точь индийский идол с молодою фигурою. Я каждый раз кивал ему дружески головой, а сегодня подарил ему записную книжку в кожаном переплёте. Все прочие слуги обступили его и хвалили подарок. Но молодой китаец понял моё внимание к нему в весьма оригинальном смысле. Сегодня же молодой идол вошёл (и даже не таинственно!) в мою комнату и знаками приглашает меня в соседнюю спальню, при чём делает жест рукой, как бы спанья и показывает на картинку, изображающую женщину с мальчиком. Я догадался в чём дело, покраснел до ушей и выбежал на двор. – Мужеложство в большом ходу между китайцами!

Рид рассказывал сегодня, как он принимал Циина. В честь его был выставлен караул, на который Циин сперва не обратил внимания. Но когда при прощании караул вторично

отдал ему честь, то Циин спросил не ученье ли это? Ему объяснили, тогда он усердно поблагодарил.

Вечером совещание Графа с китайскими комиссарами на их квартире. Квартира в роде нашей. Никого ещё не было, когда мы вошли в комнату. Вскоре явился Гуй-да-жень. На вопрос, где второй уполномоченный, Гуй ответил, что у них сидит ещё английский переводчик Лей и что Хуа с ним переговаривает.

Начались объяснения по содержанию нашего трактата. Китайцы находили что 10-тидневный срок слишком короткий для переезда курьеров из Пекина до Кяхты; просили назначить месяц, и окончательно помирились на 15-тидневном сроке. — Кроме этого пункта никаких затруднений не представляется; но необходимо чтобы и два других да-женя рассмотрели трактат, а они теперь ещё заняты с англичанином. Граф настаивал на том чб. трактат был переписан завтра и чб. подписание состоялось в субботу. В это время вошли Хуа и Циин.

Граф. Как подвигаются Ваши переговоры с англичанами?

Циин. (уклончиво) Ещё не со всем объяснились.

Граф. Вы не смущайтесь и не уступайте свыше меры. Когда русский трактат будет подписан, то это даст мне возможность оказать Вам помощь. Я намерен входить с заявлениями к союзникам.

Циин. Желательно было бы чб. Вы теперь же объяснились с англичанами по вопросу о плавании по рекам. Переводчик Лей очень настойчив и становится неприятен.

Граф снова вернулся к делу о нашем договоре, но китайцы, забыв приличия, почти что не слушали его: они были сильно озабочены переговорами со страшным Леем, перешептывались между собою и выходили из комнаты по одиночке. Вдруг они встали все разом и ушли, оставив русского представителя одного со своими переводчиками и секретарём. Чрез некоторое время да-жени вернулись. Граф стал упрекать их в невнимании к нему, а также указывал

на неприличие для них, высоких сановников, лично переговаривать с столь незначительным чиновником как Лей. Но да-жени едва слушали его и были погружены в тревожные думы. Вдруг прибегает китаец, что-то поспешно сказал и ушёл. А старик Гуйлян прямо-таки вскочил с своего кресла и побежал к двери, но встретился с возвращавшимся Цином, который, в сильном волнении, мог только произнести: «Ну и шарабурит⁶⁰² же он!».

Граф ещё раз попытался заговорить с Гуйляном, но старик смотрел на него бессмысленно и, помолчав с минуту и не отвечая на слова Графа, с глубоким вздохом промолвил: «Ведь он, Бог знает, что наговорит о нас своему посланнику!».

Является снова китайский чиновник с пакетом в руках и говорит, что Лей пакета не принимает. При этом известии комиссары совсем потеряли голову, вскочили и выбежали вон.

Мы все были поражены изумлением от происходившей пред нами сцены. Китайцы всегда чопорные, надменные, уравновешенные потеряли всякое самообладание; грубые выходки и угрозы маленького чиновника повергали их в безотчётный страх. — Мы так были удивлены, и вместе так прониклись состраданием к этим несчастным, что перестали сознавать всю унижительность нашей роли в этот момент и китайскую бесцеремонность по отношению к русскому представителю.

Через несколько минут вернулся один Цин.

Граф. Мне очень прискорбно быть свидетелем подобной сцены. Не понимаю, как можете Вы так бояться ничтожного переводчика, которого лорд Элгин едва ли допускает до своей особы.

Цин сначала помолчал, а потом выговорил: «Да он так кричит! Мне он только что сказал: а что? Пришёл к Вам русский посланник? О наших делах, что ли, пришёл он говорить с Вами? Ты можешь пойти к нему, потому что ты не уполномоченный и никаких дел тебе не поручено!»...

Гуйлян и Хуашана явились чрез некоторое время с бумагою в руках и сильно смущенные: «Он ушёл и бросил нам бумагу к ногам, объявляя, что не примет её. Очень просим Вам, не можете ли Вы повидаться с лордом Элгином, но непременно сегодня же вечером, и объясниться с ним. Мы просим срока только до завтрашнего дня, и завтра же, в 10 часов утра дадим ответ на все статьи». Лей требует немедленного ответа и угрожает военными действиями. «Чрез десять дней, закончил он, мы увидимся в Пекине, и тогда, смотрите старикашки, будете раскаиваться!».

Граф должен был обещать им поговорить об этом, – но не с Элгином, а с бароном Гро, и постарался успокоить их на счёт военных действий: так скоро не соберутся!

Неприятное поручение было возложено на меня.

В тот же вечер я отправился к французскому послу и рассказал ему о возмутительном образе действий англичанина и о страхе, нагнанном им на китайцев. Барон выслушал меня с обычным вниманием и благосклонностью и спросил, как осторожный дипломат, может ли он передать всё это лорду Элгину от имени Графа Путятина.

Конечно, ответил я; Графу вся эта сцена, которой он был свидетелем, была очень неприятна. Он считает её крайне прискорбною и признал необходимым довести её до Вашего сведения, зная Ваше высокое беспристрастие и в полной уверенности, что Вы не одобряете подобные поступки и что Вы не замедлите принять *telles mesures qui Vous paraîtraient une nobles pour mettre fin de*⁶⁰³.

Тяньцзинь. Пятница. 30 мая/11 июня.

Наш трактат переписывается начисто. Бянь пришёл утром с бумагою, которую уполномоченные посылали англичанам: в ней заключаются возражения на последние требования. Элгин, как говорят китайцы, не потрудился изложить условия свои письменно, а поручил Лею вынудить у них что только можно. Англичане не требуют открытия новых пор-

тов, не требуют и контрибуции, а домогаются получить право плаванья по всем рекам до самого истока, и [вместе] с правом назначать во всех значительных местах консулов, которые будут держать при себе канонерки. Затем Элгин требует допущения постоянного посланника в Пекине.

На первое китайцы может быть и согласились бы, если бы не наши усиленные предостережения. Постоянного посланника решительно не допускают.

Граф ещё раз повторил Бяню, что Императору необходимо покинуть Пекин: это было бы лучшим средством склонить англичан к уступкам. Но об этом китайцы и думать не хотят.

Граф, а также и Рид, получили бумаги от китайских комиссаров с жалобой на Лея. Неопытный Рид не затруднился написать об этом Элгину в официальной ноте, с приложением китайского сообщения. А наш Граф отправился к барону Гро и стал представлять ему о необходимости умирить, в видах общей пользы английские требования, иначе Китай в скором времени станет второю Индией.

При изготовлении набело текста трактата двумя китайскими чиновниками оказалось, что да-жени успели вчера включить в трактат добавления собственного изобретения. Напр. что оба Государства не будут друг друга обижать; а также, что поважнее, обязательство России помогать Китаю, если он будет находиться в войне. Все эти добавления были исключены беспощадно.

Циин разослал извещение о назначении его третьим уполномоченным.

Китайцы жалуются на грабежи, производимые английскими солдатами.

При свидании Рида с китайскими комиссарами, которые передали ему ответ Богдыхана на президентское письмо, китайцы с удовольствием заметили, что жёлтый ящик с грамотою Императора был поднят американцем выше головы своей.

Барон Гро выслушав и одобрив сообщения Графа, отозвался, что останется при прежних своих умеренных требованиях; однако он требует открытия Тяньцзиньского порта для иностранцев.

Вечером прогулка за городом. Ходили по засеянным пшеницею полям; маис⁶⁰⁴ начинал распускать свои широкие листья.

Тяньцзинь. Суббота. 31 мая/12 июня.

Бяня вчера завербовали англичане и американцы и поэтому мы не могли покончить с нашим трактатом. Сегодня приняты чрезвычайные меры чтобы захватить Бяня. Уже в 6^м часу утра послали за ним Татаринова. Он не застал его дома! Досадно! Мы в тревоге; ужели пропадёт ещё день!

К радости нашей Бянь явился в 10^м часу, он объявил было, что обещал работать сегодня с американцами, но мы его уже непустили. Американцы могут и подождать.

Барон Гро подтвердил сегодня своё полное согласие с видами и мнением Графа. Он прибавил, что и лорд Элгин не настаивает более на получении права Посланникам постоянно пребывать в Пекине. Плавания по р. Янц[з]ы будет допущено в размерах ограниченных. — Казалось, что всё идёт согласно нашим предложениям; но подгадили сами китайцы: напуганный Гуйлян, как мы узнали, уже раньше дал англичанам письменное обещание о том, что иностранные представители могут поселиться в Тяньцзине. — Однако Граф не теряет надежды помешать и этому.

За свою неосторожность Рид понёс должное наказание. Лорд Элгин послал к нему крутую ноту, в которой заявляет, что поступки Лея были исследованы драгоманом Вэдом (Wade)⁶⁰⁵, причём оказалось, что Лей действовал вполне согласно приказаниям. К этому Элгин прибавил ядовитую фразу о том, [что] американцы, пользуясь военными успехами англичан, выговаривают себе без труда разные выгоды.

Рид считает себя глубоко оскорблённым и собирается отвечать.

Продолжительность пребывания европейцев в Тяньцзине неблагоприятно действует на туземное население. Происходят разные инциденты. Так напр. китайская чернь схватила и увела китайского мальчика, находившегося в услужении у капитана Du Pont, командира американского фрегата «Minnesota». Американец взял несколько солдат и отправился выручать мальчика. — Китайцы напали на нескольких прогуливавшихся англичан, в числе которых находился и командир канонерки «Cormorant», Дею, изящный и весьма скромный джентльмен. — Во время сегодняшней моей одинокой прогулки за стеною города и со мною приключилось нечто странное. Меня окружила толпа и один из народа дерзко вырвал у меня из рук шёлковый платок. Я мысленно готов уже был помириться с этим насилием и этою потерей, как негодяй совершил второе нападение и сорвал с меня шляпу. Тут уже нечего было думать, я накинулся на него и легко вырвал из рук шляпу. Затем обратился к толпе и пантомимами объяснил, что теперь я один и нечего не могу сделать, но скоро вернусь с другими и тогда им всем будет плохо; после этого ускоренными шагами повернул домой. Пантомима, однако, оказалась выразительной. Не прошёл я нескольких десятков шагов, как нагнал меня китаец, один из зрителей происшествия и вернул мне шёлковый платок и при этом он убедительно приглашал меня возвратиться назад. Трусости нельзя было выказывать, и я вернулся к ожидавшей меня толпе. Тогда виновник всего инцидента подошёл ко мне и протянул сложенные кулаком руки, потрясая их в моём направлении: я понял, что это должно было означать нечто вроде извинения. Забыл я сказать, что вся эта история началась с бросания в меня камней, которые, однако, не попадали.

Прошла по европейской нашей колонии молва, что это Циин, который пытается возбудить против нас народ.

Пример французской канцелярской волокиты, напоминающей наши порядки: барон Гро, уезжая из Франции, просил снабдить его подарочными вещами, преимущественно для японцев. Ему тогда отказали. С последнею же почтою он

получил запрос о том, какого рода подарочные вещи он желает получить? По всей вероятности, вещи придут в такое время, когда посол уже вернётся в Париж!

Рид образумился и ответил на неприятную Элгинову ноту коротко: «Я получил Вашу ноту и принял к должному сведению (duty appreciated)⁶⁰⁶ высказанное Вами мнение о том, как другие пользуются плодами Ваших усилий».

Тяньцзинь. Воскресенье. 1/13 июня.

День подписания нашего трактата!

После значительных хлопот, беготни в разные стороны, ловли китайских чиновников, маньчжурский и китайский тексты трактата были окончательно установлены и сличены. Дело в том, что по мысли Графа, у нас были составлены для большей ясности, два разных перевода на маньчжурский язык: один с китайского, другой с русского. Понятно, что переводы оказались не тождественны.

В шесть часов вечера мы отправились на квартиру китайских комиссаров. Эта квартира находилась вне стен города, в отдалённом предместье. Говорили, что такая местность была выбрана с целью удобнейшего бегства при первом пушечном выстреле.

Здесь начали переписывать маньчжурский текст — это продолжалось три часа. У китайцев всего два чина, знающих маньчжурский язык, один из них казался больным. — При подписании произошло замешательство и путаница: решили наконец, что все три уполномоченные подпишутся на всех трёх экземплярах: русском, маньчжурском и китайском. — На беду герб Графа крайне невзрачен: это большое «А» с наконечником. Китайцы смотрели на него крайне недоверчиво.

Гуйлян болен и не выходил: ему носили экземпляры для подписи. Один Хуашана, толковый, по-видимому, человек, присутствовал. Циин внезапно отозван в Пекин; ему, как тогда объяснили его отсутствие, было дано какое-то поручение и он в Тяньцзинь более не вернётся.

Мы вернулись домой в 11^м часу ночи. Хотя чиновников и вообще присутствующих при таких дипломатических конференциях великое множество, но действительно работающих всегда очень мало. Главную роль играл постоянно Бянь, и без него едва ли что-нибудь дельное было бы достигнуто. Значение этого молодого чиновника (и большого плута) росло каждодневно у всех четырёх посольств. О нём мне говорили с похвалою два члена английского посольства, Oliphant⁶⁰⁷ и Lock⁶⁰⁸, бывшие у нас с визитом. Мы произносили его имя – Бянь, тогда как европейцы и китайцы говорят Пьянь.

Был у нас и Рид, в течение дня, и узнав, что мы сегодня подписываем трактат, усердно просил Графа не спешить сообщением об этом английскому и французскому Послу. Не обошлось и без упрёка и [с] его стороны: мы будто бы помешали ему окончить дело с трактатом, овладев вчера Бянем на целый день!

Тяньцинъ. Понедельник. 2/14 июня.

С ведома Рида о заключении нашего трактата были извещены сегодня лорд Элгин и Барон Гро.

Получено известие, что архимандрит Палладий прибудет в скором времени.

Очень приятная, лёгкая температура, несмотря на +21° R в тени. Вечером прохладно.

Тяньцинъ. Вторник. 3/15 июня.

В 12 ч. +24° R, в четыре часа +25½° R. Вечером – гроза.

Хуашане подарены три вида Петербурга и три вида Москвы.

Рид в больших хлопотах по поводу своего трактата. Китайцы отказывают ему в вознаграждении за Кантонские убытки, а также делают затруднения в вопросе о праве отправлять посольства. Поэтому американец пришёл просить Графа о сообщении ему нашего китайского текста. Его удовлетворили. При той бесцеремонности с которой американцы привыкли обращаться с нами, мы не удивились, когда по прошествии некоторого времени явился секретарь Рида с прось-

бою дать ему бумагу для написания трактата. Мы дали ему несколько листов дорогой Imperial paper⁶⁰⁹, которую в Тяньцзине не достать ни за какие деньги. И что же! Секретарь вернулся снова, объясняя, что данная ему бумага негодная по формату своему! И просил другой, не возвращая, однако, забракованной. И эта просьба была удовлетворена!

Китайцы злятся на американцев за военную экспедицию, предпринятую Du Pont'ом для выручки мальчика, и придираются к мелочам.

Вечером пришло известие нас всех поразившее и показавшееся невероятным. Китайские уполномоченные известили нас, «что по трактату, который И-шань заключил с Муравьевым, границей назначена река Уссури до морских портов»⁶¹⁰.

Известие неожиданное и крайне радостное. Если правда, что за совпадение событий!

Тяньцзинь. Среда. 11/23 июня.

Усиленные занятия по изготовлению почты помешали мне писать журнал. Это жаль, ибо прошлая неделя была очень интересной.

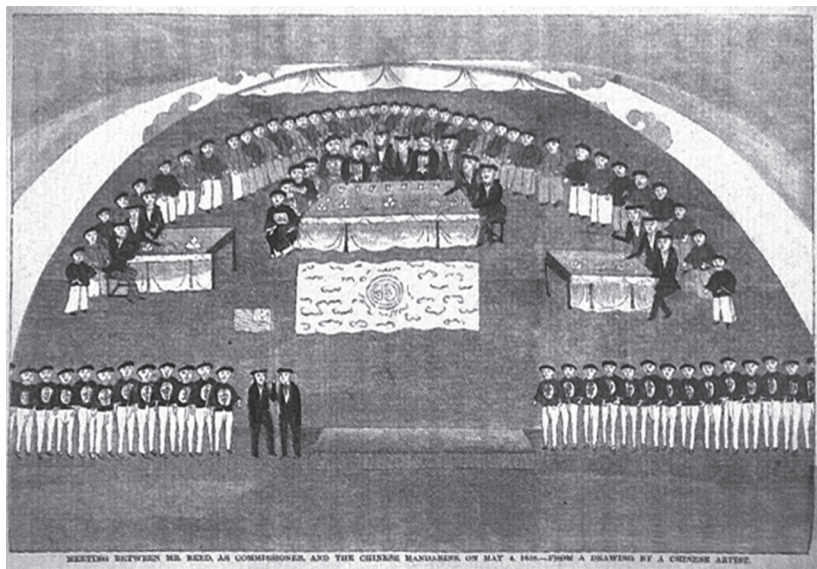
7^{то} [19] июня прибыл архимандрит Палладий и поселился у нас.

Американцам заключение трактата далось нелегко. Китайцы не уступали в вопросе о посланниках. Они настаивали на том, чб. такой посланник приезжал только в случаях важных и при том со свитою в 20 человек не более. Но американцы имели список с нашего трактата, статья вторая которого даёт большие права. Статья эта была показана Ридом, что очень не понравилось китайцам. Они допытывались у нас, каким способом американцы добыли экземпляры нашего трактата? Узнав, что мы сами виноваты, они, однако, не смутились и придумали глупую хитрость, чб. обмануть американцев. Они хотели показать им свой подлинник русского трактата, подвергнув его предварительно лёгкой ампутации! Для этой цели они просили у нас бумаги, на которой

думали написать статью о посланниках согласно их собственным видам и подшить к подлиннику! Мы отказались помогать в такой проделке, которая, впрочем, и технически была бы невыполнима.

Китайцы были недовольны нашим отказом, а толстый маньчжур, переводивший наш трактат с китайского на маньчжурский, до того рассердился, что разразился угрозой: «Так мы дадим всем другим больше, чем Вам!».

Кстати замечу, что при переписывании экземпляра нашего трактата, китайские чиновники много портили бумагу и почти извели весь мой запас английской cream leaf paper. Сначала я думал, что им нравится наша бумага и они крадут её, но после неудавшейся проделки с американцами явилось у меня другое подозрение, не думают ли они представить Императору на этой бумаге подложный трактат с соответствующими изменениями!

Встреча американского посланника Риды с Тань Тин-сяном и мандаринами 4 мая 1858 г. Рисунок китайского художника⁶¹¹

Китайцы не придают, по-видимому, значения тому факту, что наш трактат уже окончательно подписан и что возбуждать новые вопросы по его содержанию нельзя. Так напр. они стали просить Графа сделать перемену в статье о миссионерах, и поставить на место слов «внутри Империи», слова «в уезде и области». – Слово «внутри» объяснили китайцы, может означать «внутри Императорского дворца» (!). Такого выражения нельзя представить Императору. Граф согласился наконец на такое изменение (вероятно, только с целью отвязаться), но потребовал прибавки: «во все уезды и области». – Между тем, подлинник трактата уже в прошлую субботу увезён Н. М. Чихачевым⁶¹² морем в Петербург!

Американский трактат подписан в пятницу [6 (18)]⁶¹³ июня, вечером. Но до этого Риду пришлось испытать много мытарств и он, по временам, доходил до полного отчаяния. Он всё время опасался, как бы англичане не предупредили его. А важно ж было вот почему: трактат его предоставлял американцам права и преимущества, которые впоследствии будут приобретены другими нациями; следовательно, если английский договор будет подписан раньше американского, то права оным выговоренные на американцев не распространят! – Были и ещё придирки, так напр. китайцы стали было требовать чб. корабельные бумаги предъявлялись шкиперами американских судов в китайской таможне, а не консулу.

Мы употребили все усилия чб. убедить китайцев поспешить заключением трактата с французами, тогда, говорили мы, англичане вынуждены будут показать бóльшую сговорчивость. Но и с французами дело не ладится. На днях Граф отправился к барону Гро, чтобы вновь поговорить о неумеренных требованиях англичан, и, к удивлению, нашёл французского посла, всегда уравновешенного и спокойного, в большом волнении. Он с озлоблением стал говорить о китайских уполномоченных, которые отказывают ему в преимуществах, уже предоставленных англичанам.

Татаринов был немедленно командирован к китайцам, с поручением выбрать их как следует. Но Бянь возражал и оправдывался: ни в чём важном они французам не отказывали.

О ходе переговоров с англичанами трудно узнать от китайцев что-нибудь положительное. Англичанин Лей будто всё только ругается и беспрестанно изменяет предметы своих требований. Однажды Лей согласился было уступить в вопросе о постоянных посланниках в Пекине; но вслед за сим явился по поручению лорда Элгина, Wade и возобновил настояния по этому вопросу. – В течение нескольких дней, по словам китайцев, требования ограничивались только двумя предметами: допустить постоянных посланников в Пекин и открыть два новых порта: Дэнчжоуфу и Сватова. «Об остальном, говорили переводчики, будем рассуждать впоследствии, когда у Вас страна успокоится».

Лей предлагал китайцам содействие Англии для благоприятного разрешения пограничных с Россией вопросов.

Лорд Элгин расспрашивал сегодня Графа о ратификации трактата и хвалил помещение в нашем трактате условия, на основе которого размен должен последовать в Пекине. – Граф сообщил Элгину, что ратификация нашего трактата со стороны Богдыхана уже последовала; под этим он разумел последовавший, на следующий день по подписании, указ о том, что русским разрешена торговля в пяти открытых портах.

На следующий день явился секретарь французского посольства, Contades⁶¹⁴ и сообщил, что китайцы отказываются поместить в их трактате Пекин – местом размена ратификаций; а когда французы сослались на наш трактат, то китайцы заявили, что такого условия в русском трактате не имеется! Как?! Что?! Татаринов и Храповицкий поспешили к Бяню. Обнаружился неприятный казус! Условие насчёт Пекина в китайском тексте выпущено! Оно находится только в русском и маньчжурском тексте. – Вот плоды неразумной поспешности! Переводчики вошли в препирательства

с китайцами, которые не остались в долгу и обозвали нас обманщиками, обещавшими выгнать из Тяньцзиня англичан и французов, и обещания не исполнившими. Татаринов и Храповицкий вернулись домой крайне недовольные и взволнованные. Казалось, полный разрыв; но в Китае порядки своеобразные и на другой день наши китаисты уже помирились с Бянем, который объявил, что так как условие о Пекине находится в маньчжурском тексте, то всё в порядке и нечего беспокоиться.

На добрейшего Александра Алексеевича Бянь имеет обязательное влияние.

Много споров у нас [с] китаистами о произношении китайских слов. Несмотря на упорное произношение нашими синологами: «Да-гу, Бай-хэ» мы слышим, что китайцы говорят «Та-ку и Пей-хо (или хэ); также Пьянь, а не Бянь. Meadows⁶¹⁵, переводчик английского консульства в Шанхае, утверждает, что наши китаисты имеют произношение не пекинское, а какое-то татарско-монгольское. Выходили и недоразумения. Бянь, когда звал своего слугу кричал «Ля!» (отрывистый, горловой звук). Татаринов уверял что он кричал «Лай!» (т. е. приходи!)⁶¹⁶. А мы утверждали, что это «Ля». Наконец спросили Бяня. Оказалось, что Ля, имя слуги. У Тяньцзиньского простонародья своеобразное произношение на а. Напр. вместо чуань (судно)⁶¹⁷ чуанна; вместо шуй (вода)⁶¹⁸ шуйа, вместо хо (огонь)⁶¹⁹ хуа.

В тот же день. 11/23 июня.

Рано утром Татаринов узнал от китайцев о результатах вчерашней конференции с французами и англичанами.

С французами согласились на размен ратификаций в Пекине чрез год; плавание по р. Янцзы до Нанкина будет разрешено по усмирении восстания; в Пекин допускаются временные посланники для разрешения важных дел.

Сверх сего англичане требуют, а китайцы не соглашались, постоянного пребывания в Пекине посланника, кото-

рый проведёт ратификацию; открытия для торговли портов на р. Янцзы Tchín-kiang-fu⁶²⁰ и Нанкина; открытия ещё других (каких?) портов по усмирении восстания.

Граф, получив эти сведения, снова отправился к барону Гро, чб. попытаться усмирить требования англичан, но вернулся недовольный результатом своей беседы. Французскому послу эти внушения, по-видимому, надоели, но как учтивый дипломат он не показывает вида и ведёт себя как Doctor Common's в «Давиде Копперфильде»⁶²¹. Он уверял, что ничего не знает о новейших требованиях лорда Элгина, что положение его вообще затруднительное и деликатное, что вопросом о плавании по рекам он мало занимался *la question du droit international lui est peu familière*⁶²². Одним словом, при всей приветливости, ясно сквозило одно желание «отстаньте!».

Порядком надоевший нам американец Рид думает уехать в будущую пятницу; но заявляет, что если Граф упросит его остаться, то он останется, отошлёт дорого стоящую ему «Антилопу» и будет просить взять его снова на «Америку».

К нашему общему удовольствию Граф не упрашивал Рида оставаться.

Между тем, американцы продолжают причинять нам хлопоты. Ещё во время стояния «Антилопы» при устье Пейхо они забрали для своих нужд судно, принадлежавшее бедной вдове; потом, по миновании надобности, бросили его, ничего не заплатив. Бедная вдова обратилась к нам с жалобами. Мы вступились за её права. Вследствие наших усиленных настояний американцы предложили заплатить по 500 чохов в день (в Шанхае за подобное судно пришлось бы платить и более десятка талеров в день). Сегодня мы узнали, что джонка эта, брошенная американцами и оставленная без присмотра, потонула! Как же теперь рассудят грубые американцы?!

Сегодня пришёл декрет Богдыхана о дозволении полковнику Мартынову ехать курьером на Кяхту, но минуя Пекин. В том же декрете – о согласии принять оружие, которое предлагал Граф.

*Доставка русской почты на санях от китайской границы.
Таким образом в Европе появились первые новости о трактате⁶²³*

О Мартынове я, кажется, ни разу ещё не упоминал в этом дневнике. Этот, близкий Муравьёву человек, был отправлен курьером из Петербурга с новыми инструкциями для Графа; он застал нас в Шанхае 12/24 марта. Известия привёз крайне неприятные⁶²⁴, в Амурском комитете работали лица к Путятину нерасположенные. Мартынов, как адъютант Муравьёва, держал себя всё время почти что надменно и во всяком случае недружелюбно. Думал остаться в Шанхае и вернуться в Россию снова морем. Не знаю по каким соображениям Путятин уговорил его отправиться с нами на «Америке» в Печелийский залив. Он постоянно был не в духе и держался по возможности особняком. Теперь представился прекрасный случай отправить его курьером в Иркутск.

Вечером пришёл Чжан с печальным лицом. Неладно с французами! Прежде они требовали 150 ваней⁶²⁵ за военные издержки, а теперь стали требовать 200 ваней, т. е. 2 миллиона лан или слишком 4 миллиона франков. Китайцы пока ещё отказываются платить.

Английская канонерка ушла на рейд – за мундиром лорда Элгина: он надеется подписать трактат в пятницу, хотя до сих пор условия окончательно не выяснены.

Поздно вечером явился опять Рид и самым непозволительным образом напрашивался на приглашение Графа воспользоваться снова нашим пароходом: «Решите Вы, должен ли я здесь ещё оставаться или нет, прошу Вас, дайте мне [в] завтрашний день окончательный ответ». Граф, всегда долготерпеливый и любезный с этим необтёсанным американцем, ответил ему, что будет всегда рад оказать ему гостеприимство на пароходе, что место на нём имеется, как он сам мог убедиться, но что он ничего не может сказать о времени, когда найдёт возможным покинуть Тяньцзинь: он не уйдёт отсюда пока не окончатся дела с англичанами.

Рид оказался в большом затруднении по вопросу о кантонском вознаграждении. Он отказался от него, на том основании, что англичане, как казалось, не намеревались настаивать на вознаграждении за убытки, понесённые купечеством в Кантоне. Но теперь он узнал, что англичане требуют вознаграждения. Как же быть? Его будут порицать за уступчивость в Вашингтоне. Он снова завёл переписку с китайцами и, неумело объясняя, что он не настаивал на вознаграждении, в оном предположении, что и другие нации не будут требовать такового. Китайцы ответили резонно, что к этому вопросу теперь поздно возвращаться, трактат подписан. Рид назначил было вознаграждение в 800 тысяч долларов!

Однако Американцы оказались и не без пользы. Они прислали с фрегата «Миннесоты» провизию для пароходной команды: у нас оставалось сегодня провизии только на один день.

А ожидаемый нами фрегат всё не приходит. Впрочем, он уже дал нам неприятно почувствовать своё нахождение в китайских водах – забрав всю нашу почту в Шанхае! Вчера все европейцы получили свои письма, за исключением нас!

Тяньцзинь. Четверг. 12/24 июня.

Рид составил проект отдельной статьи о кантонском вознаграждении и отправил её китайцам. Просит Графа оказать ему содействие в этом несправедливом требовании! Если последует отказ, объяснял он, то неминуемо возгорится война между Соединёнными Штатами и Китаем, порты будут блокированы!

Увы, от американцев мы не освободимся! Рид отправляет «Антилопу» в Шанхай и снова поселится на нашем пароходе; кстати, навязывает нам сообщество ещё трёх из своих сограждан.

Барон Гро явился к нам. 200 ваней вознаграждения составляют только половину той суммы, которая назначена в данной ему инструкции. Впрочем, он готов уступить ещё, если китайцы окажут большую податливость по другим статьям.

Англичане и французы хотят непременно подписать трактат в субботу.

Знакомые мне, со времени совместной долгой стоянки при устье Пейхо, английские капитаны Дею и Saumarez, сделали мне визит. Виновные в ночных бесчинствах в городе матросы отправлены на рейд для должного наказания. Деликатный Бянь, рассказывая о ночном происшествии, жаловался на грубость матросов «нюхающих женщин». Китайцы не знают поцелуев и думают, что европеец нюхает, когда соприкасается к женщине.

В 8^м вечера Татаринов вернулся от китайцев и принёс важные вести о переговорах: последовало согласие на приезд посланника с ратификацию в Пекин и с правом остаться там на неопределённое время; согласие на открытие для торговли порта Нючжуан⁶²⁶ на Маньчжурском берегу, что совершенно не соответствует нашим видам. — Китайцы просят нас оказать им содействие и уговорить англичан не требовать допущения купцов внутрь страны.

С французами продолжаются споры о вознаграждении. Китайцы не соглашаются на увеличение суммы, говоря, что Богдыхану уже доложено о 150 ваях.

Известия, сообщённые Татариновым, побудили Графа к новой попытке противодействовать притязаниям англичан. Он приказал немедленно пригласить Бяня. — Бянь ответил, что явится завтра, но потом раздумал и пришёл в 10 ч. вечера, когда накрапывал дождь. Граф ещё раз подтвердил Бяню не соглашаться на требование постоянного Посланника в Пекине, а также не допускать плавания по рекам. Пусть помедлят с англичанами и поспешат подписать французский трактат.

Бянь уверяет, что на постоянного посланника согласие ещё не дано; а согласились они [о] трёх портах⁶²⁷ (не определяя каких) на Янцзы, по усмирению восстания.

Тяньцзинь. Пятница. 13/25 июня.

Опять визит Рида утром, всё с тем же докучливым вопросом: нужен ли он здесь или не нужен? О Кантонском вознаграждении порешили возобновить переговоры на юге, в Кантоне.

Между американским и английским послами состоялось примирение. Рид обедает сегодня у лорда Элгина.

В 2^м часу, по приглашению китайских комиссаров, Граф и Рид отправились на совещание поговорить об английских требованиях. Китайские сановники приняли гостей униженно, посадили их на почётное место, а сами сели на скамеечки. Старик Гуйлян прямо-таки в полном изнеможении. Оба комиссара уверяют, что голова их падёт на плахе, если они согласятся на постоянное требование посланников в Пекине, а между тем они страшно напуганы англичанами и не решаются им противоречить. Поэтому они просят обоих посланников, с которыми трактат уже подписан, вступить за них. С французами дело уже почти окончено, остаётся вопрос о языке: китайцы не соглашаются признать французский текст за основной при толковании статей трактата. Англичане настойчиво требуют права постоянно пребывать [посланникам] в Пекине вместе с их семьями; а также права англичанам селиться повсеместно в Китае. Лорд Элгин объявил, что завтра же приедет подписывать трактат!

Граф постарался объяснить китайцам, что если он обратится непосредственно к лорду Элгину, то это его рассердит и китайцам скорее будет хуже; что большая надежда на французов, и если китайцы уступят им в последнем, спорном пункте, то Граф и Рид сегодня же отправятся к барону Гро, поздравить его с заключением трактата, а вместе с тем попросят его оказать содействие к сокращению требований лорда Элгина. — Китайцам пришлось согласиться.

В дальнейшем разговоре комиссары сообщили некоторые подробности о последних совещаниях с англичанами. С некоторых пор в них принимает участие Брюс, брат Лорда Элгина. К отдельным статьям английского проекта китайцы прикалывают бумажки с своими возражениями. Брюс, без всяких разговоров, рвёт эти бумажки и отмечает, что китайцы согласны.

Китайцы продолжают, однако, ребячиться. Сегодня Чжан принёс листок, с возражениями комиссаров на требования англичан. Мы прочли следующее:

«Относительно приезда в столицу в случае важных дел, позволяется посылать чиновника, не более одного раза в год; и никак нельзя согласиться на постоянное их в Пекине пребывание». Здесь слово «чиновник» (гуань-юань) 官員, конечно, поставлено с умыслом вместо слова «посланник» чб. подразнить англичан.

Граф рассердился на это и приказал сказать комиссарам, что за такие проделки не только англичане, но и русские будут их бить.

Граф пошёл вместе с Ридом к барону Гро показать ему эту бумагу, а кстати, просить об укрощении лорда Элгина.

Барон Гро объявил, что подписывает трактат завтра в 4 часа, а англичане в 7 ч. Однако от новых поручений к лорду Элгину он уклонился и предложил собеседникам самим переговорить, и когда последние в свою очередь уклонились, то всегда любезный и осторожный барон Гро спро-

сил, может ли он передать сделанное ему сообщение от имени русского и американского посланников.

А Рид сегодня обедает у лорда Элгина и что же, не обмолвится он словом о сегодняшнем свидании нашем с китайцами?

Вечером мы совершили большую прогулку по скучным, плоским окрестностям. В шлюпке доехали вверх по реке за город и выйдя на берег думали дойти до видневшихся на горизонте деревьев; они садятся обыкновенно подле гробниц, кот. здесь очень много и кот. имеют вид конических земельных курганов. Но скоро стемнело, и мы с трудом нашли обратный путь. Поля содержатся с замечательным тщанием. Пшеница уже собрана. Маис, баклажаны и лук ещё не цветут; а цветут капуста и род тыквы. Между дикими растениями преобладает одно зонтичное, живо напоминает мне Строганов сад⁶²⁸ в это время года. Вообще флора самая обыкновенная: жёлтые крестоцветные, *Polygonum*⁶²⁹, *Convolvulus*, *Bambus*⁶³⁰.

По дороге встретился человек, который с особенным удовольствием показал нам то, что у него находилось в корзине. Когда он приподнял шляпу, закрывавшую корзину, то из неё начали выскакивать и вылетать во множестве сверчки, а м. б. и саранча, маленькие коричневые существа. Вся корзина была ими наполнена. Человек смеялся и показывал знаками, что их варят и едят. Собрать целую корзину, стоило, конечно, немалого труда, и потому нас удивляло, что показывавший, по-видимому, мало заботился о том, что животные, воспользовавшись случаем, спасались во множестве бегством. – Отличный лунный вечер. В 11 ч. +18° R. Обыкновенная дневная температура +22° R.

Тяньцзинь. Суббота. 14/26 июня.

Утром вызвали Бяня, сделали ему разные внушения. Он дал положительное заверение, что комиссары, в силу строгого Богдыханова приказа, ни в каком случае не согласятся на два спорных пункта: постоянные посланники и пла-

вание по рекам. Французы сегодня трактат не подписывают, под предлогом что инструменты ещё не изготовлены.

Граф предполагал сделать сообщение китайским комиссарам по двум предметам: во-первых, об инструкторах, и во-вторых, поздравления по поводу заключения мира и соглашения с воевавшими Державами. В этой бумаге предполагалось высказать мысль, что в силу сделанных больших уступок комиссарам удалось оградить важнейшие интересы Империи, тем спастись от великих бедствий. Этим Граф думал облегчить ответственность сановников, заключивших трактат и оберечь их от гнева Богдыхана.

По этому поводу Бянь позволил себе дать совет и просил Графа адресовать такую бумагу не на имя комиссаров, а на имя верховного сановника Юя. — Граф согласился.

Бянь сообщил нам печальное известие: сегодня произойдёт казнь Циина, знаменитого Циина, некогда прославленного европейцами, а потом ими же поносимого, когда англичане овладели кантонским архивом и ознакомились с донесениями, которые Циин писал о них в Пекин.

Последний случай с Циином представляется таинственным. Он был внезапно отозван в день подписания нашего трактата; а так как титулы и имя его находились в тексте трактата; то пришлось выскоблить их; тогда китайцы уверяли, что на него возложено какое-то особое поручение; но вскоре американцы прочли в Пекинской газете⁶³¹, что он был привезён в Пекин в цепях: причиною выставляли его самовольный отъезд из Пекина⁶³². Впоследствии в Пекинской газете был напечатан и приговор: вспомнили о заключённом им почти два десятка лет тому назад Нанкинском трактате и находили в тогдашних его действиях причину всех последующих бедствий, обрушившихся на Китай!

Весть о казни Циина сильно на меня подействовала. Я так недавно видел этого почтенного и несчастного старца; он может быть и впал отчасти в детство, однако в разговоре случались проблески и мелькали остатки его прежнего ума.

Рид пришёл рассказывать о вчерашнем обеде у Элгина. Ощущалась неловкость: оба посла говорили о погоде или молчали; а вот остальные собеседники за столом оживлённо говорили об условиях трактата: все усиленно доказывали настоятельную необходимость иметь в Пекине постоянных представителей.

Обмен мыслей по этому поводу между Графом и Ридом привёл их к решимости сделать важный шаг, а именно подать лорду Элгину, подписанный ими обоими положительный протест против чрезмерных притязаний англичан. Но необходимо было для этого, чб. предварительно уговорить китайцев подать просьбу о заступничестве. С этой целью Петр Алексеевич [Пещуров] немедленно принялся составлять проект бумаги от имени китайских комиссаров.

Получено сведение о том, что подписание трактата союзниками отложено.

Чрез час или два снова явился Рид и рассказал неожиданную новость:

Вильямс был у китайских комиссаров для переговоров о кантонском вознаграждении. Переговоры с китайцем, кот. известен был у нас под кличкою Виконта⁶³³, происходили дружно и успешно, как вдруг является Бянь, сердитый и озабоченный, и прекращает переговоры, говоря, что теперь не время заниматься такими пустяками и кончает тем, что бесцеремонно выгоняет американского переводчика. В дверях Вильямс встречает англичан Брюса и Лея, и причина суматохи становится для него ясною. Действительно, вслед за сим английский флаг-офицер⁶³⁴ входит к Риду и сообщает ему, что по всем английским судам отдан приказ быть офицерам готовыми к 6^м часам в полной форме и присутствовать при подписании трактата.

Глубокое недоумение у нас! Что же это такое? Кто же в конце концов уступил – китайцы или англичане?

Граф командировал Храповицкого для разузнания истины. Он скоро вернулся и принёс приятное для нас изве-

стие, что уступили англичане, отказавшись и от постоянных посланников и от плавания по рекам. Бянь и Виконт собирались к англичанам чтобы окончательно [сверить] тексты в экземплярах трактата.

В этот день мы больше радовались одержанной над англичанами победе, чем при заключении нашего собственного трактата.

В 7^м часу вечера все стоявшие на реке суда осветились флагами. По приказанию Графа на грот-мачте нашей «Америки» были подняты французский и английский флаги. В этот же час пред домом нашим продефилировала процессия, с капитаном Осборном впереди, заехавшим как-то слишком далеко вперёд. Все члены посольства помещались в носилках, мы насчитали их 32, все, кроме элгиновской, в довольно оборванном виде.

Церемония подписания английского трактата в Тяньцзине⁶³⁵

Процессия вернулась в 9^м часу, сопровождаемая фонарями и с музыкой.

Тяньцзинь. Воскресенье. 15/27 июня.

Получено извести о кончине сановника Юя.

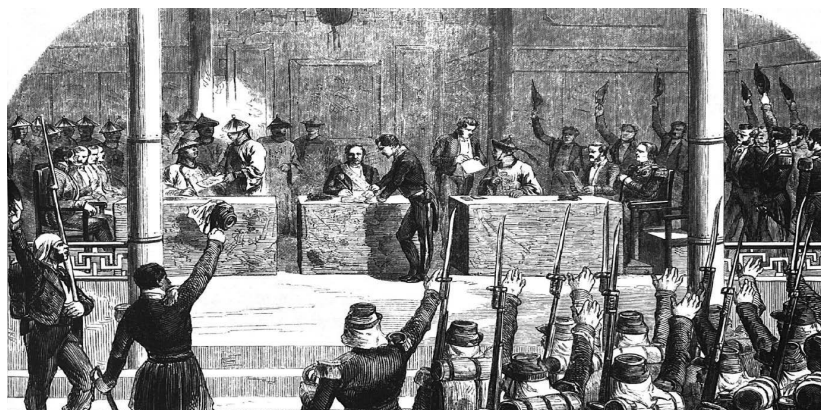
Сегодня уехал Мартынов. Некоторые из нас провожали его до постоянного двора, где он сел в китайскую повозку. Грязный постоянный двор находится в предместье города; здесь приютился пристав нашей Духовной миссии, сопровождающий о. Палладия⁶³⁶.

Мартынов едет с тремя китайскими чиновниками, из коих два с белыми прозрачными шариками; при них слуги.

Главный из чиновников, с умным и приятным лицом, как бы предчувствовал крутой нрав Мартынова и поэтому вошёл немедленно в некоторые объяснения:

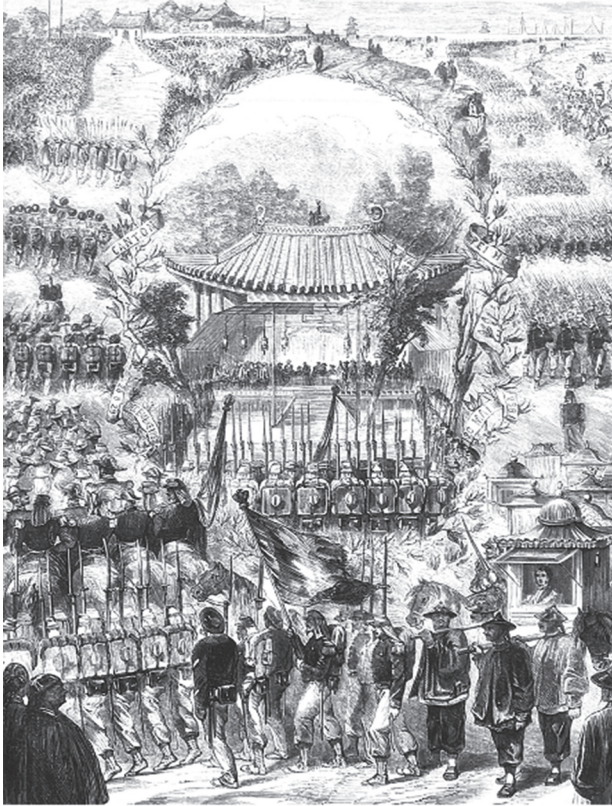
Он обещал, что переезд до Кяхты будет совершен в возможной скорости, однако с ночёвками, ибо ночью в Китае никто не путешествует. Далее он счёл нужным предупредить Мартынова, что иногда придётся остановиться на ночлег, когда ещё не стемнело, на это Мартынов не должен быть в претензии, ибо это будет случаться только в том случае, если следующий перегон очень велик и его нельзя достигнуть засветло.

До Чан-пин-фу⁶³⁷ Мартынов поедет в повозке на одних и тех же лошадях, далее пойдут горы – там приготовлены носилки на мулах. От Калгана можно ехать верхом и очень быстро.

Подписание французско-китайского Тяньцзиньского трактата⁶³⁸

В пять часов вечера происходила французская церемония. Устроилась целая кавалькада: все офицеры были верхом, не исключая даже старого адмирала Rigault de Genouilly. При возвращении, в темноте, процессия представляла живописный вид: факелы, музыка, крики ура и бенгальские огни на мачтах судов.

*Кортеж и церемония подписания французского трактата
в Тяньцзине⁶³⁹*

Понедельник. 16/28 июня.

Всю ночь шёл проливной дождь с грозой.

Утром Татаринов и Храповицкий были отправлены к китайским комиссарам с поздравлениями от Графа по слу-

чаю окончания дел с англичанами и французами. Вместе с тем им было поручено показать китайцам бумагу, отправленную Графом к сановнику, заменившему Юя, и с тем же содержанием, о котором говорено выше.

После завтрака, несмотря на дождливую погоду, Граф отправился с визитом к лорду Элгину, барону Гро и к адмиралам, с поздравлениями. Лорда Элгина Граф застал у барона Гро. Распространялись в общих выражениях о пользе для всего цивилизованного мира от полного открытия Китая для торговли и т. под.; о необходимости оградить Китай от своеволия европейцев [с] помощью строгой консульской регламентации. При этом и Элгин и Гро не преминули бросить камень в огород Рида, выражение опасения на счёт его противодействия (?).

Когда лорд Элгин удалился, то барон Гро, *se vieux renard*⁶⁴⁰, сказал: «Теперь мы можем поговорить откровенно». Тут Граф поторопился и начал говорить о двух спорных статьях и о своих внушениях китайцам не уступать. Успех придал ему храбрость, и он заявил, что готов сказать самому лорду Элгину, что он, Путятин – причина английской неудачи.

Осторожный барон Гро остановил его и не советовал обнаруживать своей игры, что повело бы только к охлаждению отношений между русскими и англичанами. «Но уверены ли Вы, Граф, что в английском трактате нет статьи о постоянных посланниках, – прибавил барон Гро. Я трактата английского не видел, но из слов лорда Элгина понял, что он успел настоять на своём требовании».

Граф ответил, что получил своё сведение от китайцев. Каждый из собеседников обещал навести об этом точную справку.

Барон Гро, как дипломат старой школы, обменялся вежливостями при подписании трактата. Он попросил у Гуйляна, на память, кисть, которою был им подписан трактат. Гуйлян, в свою очередь, попросил подарить ему перо барона Гро.

Возвратившиеся от китайских сановников Татаринов и Храповицкий принесли разгадку возникшему сомнению. Увы, мы поторопились петь победу: статья о постоянном послан-

нике включена в английский трактат! Бянь старался уверить наших переводчиков, что перемена произошла будто бы при самом подписании трактата! – Графу этот инцидент был очень неприятен.

Завтра китайцы ожидают получения императорского указа об утверждении всех трактатов. На всякий случай, лорд Элгин приказал адмиралу не отзывать судов из реки, пока ратификация не получится.

Содержание нашей бумаги в Пекин (отсылка которой, по-видимому, не особенно интересовала китайцев) уже не соответствовало истине и её пришлось переделать.

Много толков происходило у нас по поводу обидного недоразумения. За несколько часов до подписания трактата Бянь клялся, что англичане уступили оба пункта. Императорский указ настроил запретил уступать. Подкуплен ли был Бянь, едва ли. Скорее, подкупили его не англичане, а Тянь-цзиньские богачи, с тем чб. избавиться от грозы. Досаднее всего та поспешность, с которою мы сообщили о нашей якобы победе, в Петербург.

Граф жёстко кипятился и отправил к китайским комиссарам о. Палладия, а Храповицкого ещё раз к Бяню.

Они оба скоро вернулись и подтвердили случившееся и принесли китайскую копию статей английского трактата. Оказалось, что вопрос был решён в последнем совещании Брюса и Лея с Бянем. Дело, однако, ещё не разъяснилось окончательно. В обращении с нами Бяня произошла перемена: он стал холоден и скрытен. На упреки Храповицкого, с какой стати он ему лгал, Бянь ничего не ответил и поспешил уйти под предлогом множества дел; а между тем, Виконт принял нашу сторону и с своей стороны настойчиво требовал от Бяня ответа.

О. Палладий нашёл Гуйляна в совершенно спокойном духе. А Императорский указ всё-таки нарушен!?

Во всяком случае мы жестоко обмануты и англичане с полным правом торжествуют!

Первым министром предполагается назначить Гуйляна.

Тяньцзинь. Вторник. 17/29 июня.

Сегодня отосланы подарки китайским комиссарам, ген-губ. Таню и другим лицам. По желанию Графа, это делается в тайне от всех других посланников.

Гуйляну подарили, между прочим, вещами большие бронзовые часы в 870 руб. и золотой женский убор в 2000 руб.; Хуашане такой же убор в 700 руб., и серебряную корзинку и проч. Бяню – кусок отличного розового муара и проч.

Граф послал меня к барону Гро показать ему обе статьи английского трактата, о посланнике и о плавании по рекам. Удивительно! Барон Гро до сих пор не знал или прикидывался незнающим текста английского трактата.

С американцем Ридом мы обращаемся по-семейному. Рид посылает к нам своего белого негра, который, сказав неизбежную фразу «Mr. Reed presents his compliment»⁶⁴¹, просит от его имени, одолжить утюга. Потом мы посылаем к нему Аввакумова мальчика Гаврилу и просим дать нам кофею. Наконец, в этот же самый день является тот же негр и с неизбежным «Mr. Reed presents his compliment» желал бы получить укус.

Тяньцзинь. Среда. 18/30 июня.

Ночные похождения.

У Храповицкого здесь есть приятель китаец, бывший чиновником в Пекине, а теперь торгует в Тяньцзине. Он уже неоднократно вызывался пройтись с нами по городу, показать достопримечательности, угостить в чайном доме и т. под. По разным причинам прогулка не устраивалась. На днях условлено было пойти с ним Пещурову, Храповицкому, Бодиско и мне посмотреть на китайских женщин. Эта экспедиция также откладывалась за множеством занятий со дня на день. Решили, наконец, отправиться вчера в 9 часов вечера. Китаец Вэнь не хотел чб. его заметили посторонние в обществе европейцев, и поэтому упросил не брать с собою фонаря (!). Это была рискованная экспедиция. Бесперывно попадая в грязь, в узких

Тяньцзиньских переулках мы прошли минут двадцать, пока дошли до назначенного места. Вошли в маленький двор шагов 6 длиною, с одной стороны две грязных конуры, с другой – дверь, запертая на замок. После предварительных переговоров её отперли, и мы вошли в маленькую комнату с двумя дверьми, обитыми зелёною матерью. На дверях какие-то изображения в ярких красках. Одну из дверей открыли и притом с таким трудом, будто она полвека не отпиралась. Мы вошли в другую такую же маленькую комнату, половина которой была занята китайским каном⁶⁴², в роде дивана. Ставни были заперты и на них такие же изображения, как на дверях. На кане толстые подушки и маленькие плетёнки⁶⁴³.

Между нашим приятелем – китайцем и хозяевами дома начались длинные объяснения, имевшие⁶⁴⁴ результатом ввод в комнату девицы, которую поддерживала старуха. Её посадили на кан. А вслед за нами вошёл оборванный мальчишка и стал подле девицы. Потом явились ещё несколько совсем ненужных свидетелей. Девица была довольно миловидна, умеренно набелена и в причёске, которую носят и наши дамы: коса, обвитая вокруг головы и с искусственными цветами. Одета она была в длинное светло-голубое шёлковое платье с вышитою каймою. Всё это было приятно, но коробили нас китайские особенности: острые маленькие ноги, длиннейшие ногти и на двух пальцах длинные напёрстки в виде когтей. На висках круглые красные бумажки⁶⁴⁵. По моей просьбе она тотчас же отклеила одну из них, и я сохранил её на память.

Девица осматривала нас с скромным любопытством и тотчас же запомнила наши имена (Са-лое, Пе-лое, и проч.)⁶⁴⁶.

Разговор, конечно, не был оживлён, и я напрасно пытался узнать, имела ли она уже раньше сношения с европейцами.

Тагальскую⁶⁴⁷ *cahetilla*⁶⁴⁸ (порт-сигар), а также несколько пуговиц она не затруднилась принять от меня.

Переговоры, между тем, с хозяевами продолжались. Оказалось, что мы не в борделе, как сначала предполагали, а в частном доме, а также, что большего числа девиц сегодня получить

нельзя... Между тем, и наличной девице надоело сидеть, и она ушла в соседнюю комнату: я попытался было пойти за нею, но она внезапно изменила своё поведение, и вместо полного безучастия ко всему, что происходило, начала выказывать признаки страха и на глазах навернулись даже слезы.

Всё это показалось нам очень странным, и Храповицкий стал упрекать своего приятеля, поставившего нас в глупое положение. Но [от] этого дело не разъяснилось и, вероятно, с целью нас скорее выпроводить, заставили девушку выть в соседней комнате. Эти звуки произвели сильное впечатление на нервного Бодиску, который с самого начала находился в сильном возбуждении, совершенно растаял пред девицею, стал мечтать о каком-то утончённо-сладострастном ужине, любезничал как с европейской дамою, и злился на Петра Алексеевича и меня, бранил нас, говоря, что мы не умеем вести себя прилично в таком месте. Рыцарство Бодиско не имело успеха и он, видя, что и эта единственная девица для нас потеряна, стал требовать, чб. мы все немедленно удалились, ибо нельзя же заставить силою и т. д.

Красноречие его и укоризны не подействовали ни на Петра Алексеевича, ни на меня. Мы объявили, что хотим настоять на своём и не уйдем отсюда и⁶⁴⁹ добывши женщин.

Бодиско и Храповицкий ушли, оставивши нас одних, ни слова по-китайски не понимавших.

Китайский приятель Храповицкого, оставшийся с нами, находился [в] большом затруднении. Он знаками и всеми способами стал уговаривать нас отказать сегодня от обещанного удовольствия, обещая нам на завтрашний день золотые горы. Всё это по-китайски и, следовательно, мало для нас убедительно. Видя упорство наше, он, однако, засуетился: то выходил из комнаты, то входил, на дворе не слышны были оживлённые разговоры; мы слышали, как двери на улицу отворялись и захлопывались. Ну, подумали мы, вероятно пошли искать! – Между тем, приятель Вэнь и хозяйева продолжали уговаривать нас, но безуспешно. Собрался, наконец, в ком-

нату целый совет; а по временам ушедшая от нас девица снова начинала выть.

Мною овладело такое упрямство, что я объявил, что останусь в доме всю ночь и чб. показать, что не шучу, я снял с себя сапоги, брюки и сюртук и лёг на кан!

Тогда китайцы пустились на хитрости: вошёл к нам человек с фонарём и сказал, что Хуан-лоэ (т. е. Храповицкий) просит нас выйти, чб. поговорить о каком-то деле. Мы не поверили.

Потом нам объявили, что в ближайшей гостинице имеются две девицы: это известие было даже изложено на бумаге. Не угодно ли будет нам пойти туда? Мы потребовали девиц к нам; согласия не последовало. Тогда Пётр Алексеевич вызвался отправиться в гостиницу и оттуда прислать мне записку, если там действительно окажутся желанные предметы. Тут-то и обнаружилось, что это обман и думали только о средстве выпроводить нас. Разговор не умолкал. Я, однако, так утомился, что начал засыпать. Вэнь будил меня и старался тащить за руку, при этом повторял уверения, что завтра мы получим всё желаемое. Он очень смешно сердился, когда на его беспрерывно повторяемые: «хао бу хао»⁶⁵⁰ (т. е. хорошо или не хорошо, согласны ли Вы?), неизменно отвечали ему: «бухао» (не хорошо). Тогда он стал пантомимами показывать нам, что мы будем иметь право наплевать ему в лицо, если завтра он не доставит нам девиц. Но мы повторяли слово: «нуй» (женщина)⁶⁵¹ и показывали пальцами что нам нужны две. Мы старались объяснить, что нужно же нам вознаграждение за понесённый нами труд, мы пришли издалека, пачкались в грязи; а завтра мы весь день будем заняты.

Казалось, под конец, что они рассердились на нас и крепко бранили; но мы этого не понимали и относились хладнокровно, тем более что при этом они продолжали угощать нас чаем, и даже предложили ужин!

Однако, мы наконец убедились, что настойчивость наша не поможет. Переговоры и беготня прекратились и человек

десять китайцев собрались в маленькой комнате и стали усиленно просить нас уйти, показывая, что дальнейшее наше упорство навлечёт на них беду и обещая на завтра сколько угодно женщин.

Был уже третий час ночи в исходе, приятель Вэнь исчез, а я почти что уснул. Пётр Алексеевич разбудил меня и дал знак, что пора уходить. Хозяева, однако, простёрли любезности до того, что не пустили нас пешком. Мы простояли некоторое время на улице, затем явились носилки; а один китаец, чб. задобрить нас, подбежал к лавочке, которая была ещё открыта и принёс нам пироги! Но мы сочли более достойным отказать от них.

До дому добрались благополучно и дали каждому носильщику по одному доллару.

Была чудная лунная ночь. Добрый Татаринов очень переживал из-за нас.

Весь этот эпизод довольно неясен. Надо полагать, что сам приятель Храповицкого попал впросак. Китайцы очень боятся своих чиновников, которые пользуются каждым случаем, что[бы] прижать и поживиться на счёт своих соотечественников. Мы знали, впрочем, что были уже несколько историй в городе, между прочим с известным Ли-тай-го (английским переводчиком Леем)⁶⁵², на что и намекали нам собеседники наши в эту ночь. Очень поплатились при этом несчастные девицы. – Советовали нам также сбрить бороду и надеть китайское платье, чб. безнаказанно предаваться ночным удовольствиям.

Среда. 18/30 июня. (Продолжение).

Граф задумал новую интригу против англичан:

Рид узнал чрез капитана Saumarez, что по известиям из Англии, новый первый Министр Дерби⁶⁵³ предписал лорду Элгину ни в каком случае не идти на Пекин. Лорд Элгин сильно негодует и ругает новое Министерство.

У Графа изрел немедленно новый план и он отправил о. Палладия к китайским комиссарам, с тем чтобы убедить их

донести в Пекин о происходившей в Лондоне перемене правительства, которою следует воспользоваться и исключить из ратификации английского трактата обе статьи: о постоянных посланниках и о плавании по рекам.

Но старания оказались тщетными. Слова о. Палладия, а также и последовавшее за тем совещание самого Графа с комиссарами не произвели никакого действия. Китайцы устали и не хотели подымать нового дела. Трактат подписан и делу конец. А посланник приедет только чрез год, до тех пор много воды утечёт; а может быть удастся освободиться и от других статей! Теперь говорить об этом не стоит, так как, по всей вероятности, Богдыхан утвердит все статьи.

Мы, русские, очевидно, очень надоели китайцам своими бесплодными советами и приставами. Это настроение явственно выказалось при сегодняшнем свидании с Графом. Хотя о прибытии его комиссары были извещены, но нас никто не встретил и Графу пришлось ждать. После некоторого времени явился дряхлый Гуйлян, которого поддерживали за руку. Он почти всё время молчал, а за него говорил чиновник, нам неизвестный, с прозрачным белым шариком и очень живой. Бянь не появлялся. Нам подтвердили, что все статьи трактата утверждены Богдыханом. — Относительно русских инструкторов Богдыхан указал обстоятельно переговорить с нами, как только уедут из Тяньцзиня все другие иностранцы. Граф настаивал на немедленном решении отн[осительно] инструкторов. Китайцы отвечали нам вяло, почти с пренебрежением. Однако обещали дать ответ в воскресенье. — Мы воспользовались этим свиданием и дали подписать китайцам ещё два экземпляра нашего трактата: один маньчжурский и один китайский. При этом снова возник спор о словах «внутри Империи» в статье о миссионерах. Граф согласился на приписку в китайском тексте слов: «во всех городах и уездах», скреплённых китайскою печатью — однако в Петербург отправлен экземпляр, в котором этих слов нет!?

Вчера, наконец, прибыл наш фрегат «Аскольд»⁶⁵⁴ на Печелийский рейд. Он употребил двадцать два дня на переход из Гонконга до Печели. Первым лицом, явившимся к нам с фрегата, был мичман Лазарев⁶⁵⁵, сын знаменитого Черноморского Лазарева⁶⁵⁶, молоденький, флегматичный офицерик.

Явился сегодня и наш вчерашний приятель и усердно ругал хозяев дома, где происходила ночная авантюра.

Получены ответные подарки от двух комиссаров и от Таня; от всех трёх одинаковые: шёлковые материи, чай, сухие плоды.

Тяньцзинь. Четверг. 19 июня/1 июля.

Неожиданная новость! Лорд Элгин и Гро недовольны пометою Богдыхана на трактате. Помета эта гласит: «Смотрел; всё о чём докладывается, знаю. Принять это с должным уважением».

Другое известие: к барону Гро приехал курьером *baron Chassiron*⁶⁵⁷, родственник французского Императора. Как говорят, он прислан чб. предостеречь французское посольство: из-за дела Бернара⁶⁵⁸ может последовать разрыв с Англией.

Вечером китайские комиссары известили всех посланников, что другого утверждения Богдыхана нельзя теперь ожидать. Необходимо чтобы они сами доложили ему дело и объяснили каждую статью, тогда можно будет ожидать другого утверждения. Но теперь они не смеют оставить Тяньцзиня, пока иностранцы находятся в городе. Окончательное подтверждение европейцы получают в Шанхае.

Пятница. 20 июня/2 июля.

Лорд Элгин не удовольствовался вчерашним ответом китайцев. Сделано им распоряжение о высадке 3000 человек войск, которые пойдут на Тяньцзинь, займут этот город и будут его держать в своей власти, пока не получится настоящее утверждение трактата.

Мы получили сегодня из Пекина окончательное согласие на принятие наших инструкторов.

На извещение наше о посылке в Пекин нового посланника в будущем году, китайцы дали словесный ответ. Они предложили нам компромисс в следующем виде:

Если наш посланник приедет раньше окончания годичного срока, то это побудило бы и другие государства поспешить назначением посланника, а между [тем], в трактате сказано, что посланник вправе приехать только по истечении года. Но чтобы облегчить нам дело, они предлагают нам отправить посланника под видом одного из офицеров и снабдить его надлежащим полномочием.

Однако, впоследствии они передумали и стали усердно просить не отправлять посланника раньше других наций. Граф согласился. Что касается до офицеров, то в силу указа Богдыхана они могут прибыть во всякое время, хотя бы чрез неделю!

Становится очень тепло.

Суббота. 21 июня/3 июля.

Утром большое движение пароходов в реке. Наша «Америка» везёт Рида на рейд.

Воскресенье. 22 июня/4 июля.

Уже с неделю установилась настоящая летняя погода. В 3½ ч. дня в тени +27 R.

Вечером визит лорда Элгина: он сказал, что высадка войск совершится не раньше двух дней.

Но угроза подействовала. В бытность л. Элгина у нас нам доставили бумагу от китайских комиссаров, которая заключала полное утверждение Богдыханом трактата, по форме, потребованной англичанами.

Понедельник. 23 июня/5 июля.

Все собираются к отъезду.

Пришло известие, что наш пароход стал на мель переходя бар.

Вчера был день Declaration of American Independence⁶⁵⁹, но празднование по случаю воскресного дня было отложено

на сегодня. Рид дал обед на своём фрегате. Из русских приглашен был один лейтенант Литке⁶⁶⁰ с Аскольда. Когда стали провозглашать тосты, то Рид встал, и обращаясь преимущественно к Литке, сказал:

«Now, Gentlemen, I propose to drink the health of my friend, the only friend I had in Tientsin, the health of Count Poutiatine»⁶⁶¹.

Это было последнее слово сего невоспитанного и ничтожного человека, с которым Граф много навозился.

Вторник. 24 июня/6 июля.

Чуть свет уехали о. Палладий и Татаринов; первый в Пекин, последний в Россию минуя, по настоянию китайцев, Пекин.

Лорд Элгин также предполагает уехать сегодня. Я пошёл прощаться с Брюсом, кот. едет курьером с трактатом в Лондон. После всех наших интриг неудивительно, что меня приняли довольно холодно.

Лорд Элгин имел прощальное свидание с китайскими комиссарами.

Граф послал Храповицкого к китайцам чб. предупредить о своём к ним визите. Когда Храповицкий выходил от комиссаров, то столкнулся в дверях с Брюсом и Леем, приносившим китайцам подарки, в числе их много книг. Храповицкому показалось, что встреча была неприятна англичанам и что они сконфузились.

Граф пошёл прощаться с лордом Элгином, и при этом произошло что-то непонятное. Графу показалось, что Элгин не ждал свидания и скрылся. Часовой сказал, что видел, как посол прошёл, но секретарь, принявший Графа, тщетно искал его.

Вслед за сим, я случайно встретил лорда Элгина, Лея и секретаря Олифанта. Их несли в носилках, и, как казалось, из той стороны, где находилась квартира китайских комиссаров. В 12 часов дня лорд Элгин выехал из Тяньцзиня; а мы продолжали волноваться и послали Храповицкого вторично

к комиссарам чб. узнать, был ли у них Элгин во второй раз. Китайцы ответили, что нет.

Граф посетил и барона Гро, который, оставаясь верным принятой им с нами системе, находил, вместе с Графом, что английский трактат заключает в себе слишком тяжкие для Китая условия.

Пребывание в Тяньцзине европейцев вообще обошлось благополучно: произошли несколько инцидентов с женщинами и несколько грабежей, не получивших, однако, серьезных размеров.

Торговцы, закрывшие свои лавки и уехавшие [из] города, конечно, будут сожалеть впоследствии о своей поспешности. Особенно много покупали китайских картинок, вееров и разных редкостей. Картин соблазнительного содержания было мало. Число китайских редкостей в последние дни увеличилось: на улицах были расставлены вазы, деревянные скульптурные вещи и т. п. Книжных лавок я не заметил, но были уличные продавцы с книжками. В одной из меновых лавок сиделец даже изловчился зазывать проходивших иностранцев, словом «Мандалин» (!)⁶⁶². — В одной лавочке с съестными припасами, я нашёл большую коллекцию глиняных, раскрашенных фигур соблазнительного свойства и превосходно исполненных. Я заметил, между прочим, томительно-сластолюбивое выражение лиц у женщин, лежащих *in actu venero*⁶⁶³. Цены на всё непомерные; однако, довольно скоро уступают.

В лавках, где продаются веера, работа кипит: фабрикуются веера с изображениями иностранных пароходов. По заказу французов были изготовлены веера с портретом Наполеона; с надписями: *Empire Français, Tientsin*⁶⁶⁴. Продаются также веера с карикатурным изображением англичан, идущих в процессии на свидание с китайскими комиссарами.

Один из рисовальщиков со вниманием принимал мои замечания; он благодарил меня, когда я ему нарисовал и раскрашил русского матроса и носовой гюйс⁶⁶⁵.

На фрегате «Аскольд». [Суббота]. 28 июня/10 июля.

Уже два дня что мы на фрегате. Ещё в среду утром предполагалось уехать из Тяньцзиня в четверг. Граф пред завтраком сделал прощальный визит китайским комиссарам. Гуйлян не появился: он болен. По приглашению Графа присутствовал Тань. Объяснялись общими фразами о необходимости свято соблюдать трактат. Граф советовал не начинать постройки новых укреплений раньше, чем приедут наши инструкторы. Тань промолчал, но потом спросил, какие укрепления будут строить русские офицеры: круглые или иной формы?

Мы спокойно завтракали, как вдруг возгорелось обычное нетерпение и торопливость Графа: а почему бы не уехать из Тяньцзиня немедленно? Да баркасы с фрегата заказаны на завтрашний день! Можно обойтись и без них, наняв китайские лодки. Смешно было смотреть, как члены русского посольства перебирались с квартиры на дрянные китайские лодочки: весь столовый прибор, так и перенесён был отдельными предметами, без всякой упаковки. Слуг, кроме аввакумовского Гаврилы, у нас не было!

В 3^м часу мы были уже в пути.

Отвратительная экспедиция при постоянном дожде. Крайне неудобное помещение, в котором провели всю ночь. На рассвете мы встретили заказанные фрегатские баркасы. Только к вечеру на следующий день достигли мы до наших судов. Вчера мы перебрались на фрегат, а сегодня мы расстались с почтенным архимандритом Аввакумом и Бодиско, которые на «Америке» отправились к устьям Амура.

В заливе Печели. Воскресенье. 29 июня/11 июля.

Барон Гро на фрегате «Audacieuse» снялся ночью и пошёл на север к Великой стене, опускающейся к морю. Он желает взять на память кирпич из стены.

Граф Путятин хотел последовать его примеру и пойти за ним, но Пётр Алексеевич остановил его, говоря, что

смешно подражать французу. Так мы и не видели Великой стены. Мне было очень досадно.

Пароходы и корабли разных наций уходят один за другим. Мы снялись в первом часу и направились в Японию.

Тяньцзиньская драма пришла к концу.

Еще несколько заметок о Тяньцзине:

Характерный китайский обычай: у всех бродячих продавцов съестных припасов имеется нечто вроде лотереи. Бамбуковый стакан с палочками, на которых поставлены номера. Почти все покупатели испытывают, прежде чем купить съестное, своё счастье. Они вытаскивают несколько палочек, и, смотря по номерам, оказываются в выигрыше и получают предмет даром или платят медную монету. Продавец беспрерывно потрясывает палочками и, насколько я заметил, шансов на выигрыш довольно мало.

Европейские товары встречаются часто в лавках и магазинах. Везде видны коробочки со спичками с надписями на европейских языках, в том числе известного: *Faites lumière et la lumière est faite*⁶⁶⁶.

Много лавок с мужскими косами и женскими причёсками.

Множество бань. Я мылся в одной из них. Они мало отличаются от русских бань, веники, конечно, отсутствуют. Мыть себя я китайцу не позволил. Вода чистая, много чанов и ушатов с горячей и холодной водою. Китаец предложил стричь ногти на ногах. От этого я не отказался, и он исполнил эту процедуру отличным образом.

Недалеко от нашей квартиры находилась кумирня. Пред главным ходом деревянная решётка, а перед нею стояли два чугунных животных оригинальной формы. Услужливый китаец показал мне боковой вход. Я вошёл на двор. К удивлению моему, немедленно явился бонза со связкой ключей, точь-в-точь как в германских церквах, и отварил двери главного здания. Потом повёл в верхний этаж, откуда с балкона вид на город. Всё было очень старо. Кроме идолов, не было

никаких богослужебных принадлежностей. Бонза попросил пожертвовать что-либо в пользу главного идола!

Другой храм, также не далеко от нашего дома, построен по Высочайшему повелению в честь Царицы небесной⁶⁶⁷. Он содержится лучше, заново выкрашен, надписи на воротах исправно позолочены. Есть много интересных идолов. Я обратил особенное внимание на одну будочку, в которой стояли трое истуканов, как бы в совещании между собою; а между ними – собака, по величине не соразмеренная с ростом статуэток; она как будто лает и бросается на тех, которые подходят к будке. Очень хороша женская фигура со множеством детей⁶⁶⁸.

Я несколько раз заходил в эту кумирню и всегда находил там китайцев, которые жгли свечи пред всеми кумирами и делали поклоны, сопровождаемые ударами в медный таз.

Карикатура «Маленькое чаепитие», изображающая Англию, Францию и Китай. Англия: «Ещё немного гаунпаудера⁶⁶⁹, господин Китай?».

Китай: «Оу нэ, сэ-па-сы-бо Ма-да-ма»⁶⁷⁰

Несколько кумирен заняты французскими и английскими войсками. Там деревянные идолы изломаны и валяются; медные убраны.

Но вот черты нравов культурных англичан:

Наши офицеры, возвращаясь на английской канонерке из Тяньцзиня на рейд, разговорились о китайских редкостях. Один из английских офицеров посоветовал нашим посетить судно «Cormorant», где вся команда торгует золотыми и серебряными китайскими вещицами. Будто командир, наш приятель Saumarez, стал богатым человеком [с] помощью грабежа.

Князь Ухтомский⁶⁷¹ отправился на «Cormorant» и действительно купил на 35 доллара красивые женские браслеты и др. вещи.

Ещё английские нравы:

Татарина несли по городу в богатых, графских, носилках. Повстречался с англичанином, верхом, который, думая, что в носилках сидит китаец или китаянка, сильно ударяет по крышке носилок своим кнутом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Другие названия этой войны: англ. «Arrow War» («Война «Эрроу»); «Second Anglo-Chinese War» («Вторая англо-китайская война»); «Second China War» «Вторая китайская война»), «Anglo-French expedition to China» («Англо-французская экспедиция в Китай»). Кит. «Ди эр цы я-пьянь чжань-чжэн» 第二次鴉片戰爭.

² В литературе можно встретить точку зрения, что Вторая опиумная война завершилась летом 1858 г. после подписания серии неравноправных договоров Западных держав с Цинской империей (подробнее об этом см. ниже). События 1860 г. в таких публикациях рассматриваются как отдельная «Третья опиумная война». См. например: *Нарочницкий А.Л.* Дипломатия на Дальнем Востоке в 50–60 годах XIX в. // История дипломатии. Т. I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 781–795.

³ Лорча (англ. Lorcha) – вид судна, характеризующийся сочетанием китайских снастей и европейского корпуса.

⁴ Англо-китайский трактат, насчитывающий тринадцать статей. Первая статья устанавливала мир между двумя державами. Вторая открывала Британской империи доступ в пять китайских портов: Сямэнь (廈門), Фучжоу (福州), Нинбо (寧波), Шанхай (上海) и Гуанчжоу (廣州), в которых англичане получали право учреждать суперинтенданства и располагать консульствами для связи с китайскими представителями. Третья статья навсегда передавала Британской империи о. Гонконг (кит. Сянган 香港). Четвёртая статья обязала Китай выплатить шесть миллионов долларов за британский опиум, уничтоженный в марте 1839 г., а также за жизни и моральный ущерб, понесённый подданными Британской империи, находившихся в китайском заключении в период Первой опиумной войны. Пятая статья ликвидировала порядок, согласно которому торговлей с иностранцами могли заниматься исключительно лицензированные китайским правительством купцы. Отныне в открытых портах торговля с иностранцами могла вестись всеми желающими. Эта же статья обязала китайское правительство выплатить Британии ещё три миллиона долларов за ущерб, понесённый британскими купцами. Шестая статья устанавливала репарацию в пользу Британской империи в размере 12 миллионов долларов, при этом статья санкционировала создание особой британской комиссии, которая должна была посчитать понесённый Британией урон и, при наличии, вычесть из указанных двенадцати миллионов объём выкупа, полученного от Китая за возвращение ему населённых пунктов, захваченных Британией во время войны.

Седьмая статья устанавливала сроки репарационных платежей: шесть миллионов выплачивались сразу, ещё шесть в 1843 г., пять – в 1844 г., четыре – в 1845 г. Платежи облагались ежегодной пятипроцентной ставкой, выплата которой не привязывалась к конкретному сроку. Восьмая статья санкционировала освобождение всех подданных Британской империи, будь то уроженцы Европы или Индии. Девятая статья объявляла полную амнистию и возмещение убытков подданным Цинской империи, имевших деловые или служебные отношения с Британией и пострадавших в результате Первой опиумной войны. Десятая статья устанавливала объём пошлин и иных сборов в открытых для иностранной торговли портах. Одиннадцатая статья оговаривала наименования документов, которые британские представители на местах могли подавать китайским чиновникам. Согласно этой статье, британские представители делились на четыре категории: Главный представитель (Chief High Officer) мог подавать ноту (кит. *чжао-хуй* 照會); подчинённые британские представители (The Subordinate British Officers) – подробные постановления (кит. *шэнь-чэнь* 申陳), как часть ноты, и – самостоятельные декларации (кит. *чжа-хан* 劄行); купцы и иные персоны, не имевшие официального статуса – представления (кит. *бин-мин* 稟明). Двенадцатая статья санкционировала уход британский войск из Нанкина и Великого канала при получении первой партии репараций. Военный пост в районе Чжэньхай (鎮海) (совр. городской округ Нинбо) также снимался, но острова Гуланьюй (鼓浪嶼) (совр. городской округ Сямэнь) и Чжоушань (舟山) (провинция Чжэцзян) оставались под контролем Британской империи вплоть до момента полной выплаты репараций. Заключительная тринадцатая статья указывала, что ратификация договора в связи с удалённостью Британии и Китая может последовать через продолжительное время, тем не менее, заверенные копии трактатов должны быть препровождены к правителям империй, а условия договоров вступить в силу немедленно.

⁵ Этот англо-китайский договор имплементировал «Общие правила торговли между Великобританией и Китаем» («General Regulations of Trade with Britain and China»), согласованные 22 июля 1843 г. в Гуанчжоу. В новый трактат вошло семнадцать статей и пятнадцать приложений, регулирующих различные аспекты торговли, и даровавших Британской империи режим наибольшего благоприятствования в торговле, а её подданным в Китае – права экстерриториальности.

⁶ Лорча была построена в Китае как торговое судно, но впоследствии захвачена морскими разбойниками. Китайские власти отбили судно у пиратов и продали его на аукционе одному из китайских купцов, занимавшихся торговлей с Британией. 27 сентября 1855 г. судно было на три года зарегистрировано как британское, при этом часть «пиратского» экипажа всё ещё оставалась в составе команды, что и послужило поводом для ареста.

⁷ Всего экипаж судна включал четырнадцать человек.

⁸ Томас Кеннеди (Thomas Kennedy, род. ок. 1835 г.–?) – британский капитан. Родился в Белфасте.

⁹ Речь о гражданском флаге «Red Ensign», представляющим собой британский «Union Jack», расположенный в левом верхнем углу красного поля. Подобный флаг использовался на британском торговом флоте с 1707 г.

По сообщениям от экипажа португальского судна, стоящего недалеко от лорчи во время ареста, британский флаг на «Arrow» отсутствовал изначально.

¹⁰ Гарри Смит Паркс (Harry Smith Parkes, 24.02.1828–22.03.1885) – британский дипломат и колониальный администратор. Родился в г. Блоксвич (Bloxwich) в семье владельца сталелитейной компании «Parkes, Otway & Co». Получил образование в Школе Короля Эдварда (King Edward's School) в Бирмингеме. В июне 1841 г. отправился в Китай – в октябре того же года прибыл в Макао. Наблюдал события Первой опиумной войны и присутствовал при подписании Нанкинского трактата. С августа 1843 г., сдав консульский экзамен на владение китайским языком, служил переводчиком в открытых портах. С 1854 г. – британский консул в Сямэне. С июня 1856 г. выполнял обязанности британского консула в Гуанчжоу. Во время Второй опиумной войны принимал участие во всех британских дипломатических операциях, в т.ч. подписании Тяньцзиньского трактата 1858 г. В 1860 г. попал в плен к китайцам, где подвергся пыткам. С 21 декабря 1858 г. по 1865 г. – британский консул в Шанхае. С 1865 по 1883 гг. – чрезвычайный полномочный посол и генеральный консул Великобритании в Японии; с 28 сентября 1883 г. по 22 марта 1885 г. – в том же статусе в Китае; с 1884 по 1885 гг. – британский посол в Корее. Умер в Пекине от малярии.

¹¹ Гравюра из английской иллюстрированной газеты «The Illustrated London News». Vol. 30. № 849. 1857. 14 March. P. 238–239.

¹² Е Минчэнь (葉名琛, 21.12.1807–9.04.1859) – китайский сановник. Второе имя – Кунь-чэнь (崑臣). Родился в провинции Хубэй (湖北) в районе Ханьян (漢陽). В 1825 г. получил звание *фу-гуншэн* (副貢生), дававшееся непрошедшим по конкурсу на степень *цзюйжэнь* (舉人) за высокие оценки на провинциальном экзамене. В 1835 г. получил высшую степень *цзиньши* (進士) и титул *шу-цзи-ши* (庶吉士). С 1838 г. – начальник области (*чжи-фу* 知府) Синань-фу (興安府) в провинции Шэньси (陝西). С 1849 г. – наместник провинций Гуандун и Гуанси (*Лян-гуан цзун-ду* 兩廣總督). Придерживался мнения, что нельзя идти на уступки иностранцам, но в период Второй опиумной войны не сумел оказать военного сопротивления англичанам, когда те в декабре 1857 г. подвергли бом-

бардировке г. Гуанчжоу. В названный момент Е Мин-чэнь находился с войсками в провинции Гуанси для подавления народного восстания. Впоследствии был схвачен британскими войсками и в качестве узника препровождён на Калькутту, где умер от болезни. В Гуанчжоу имел прозвание «Генерал-губернатор шесть не» («лю-бу цзун-ду» «六不總督»): «Не воюет (*бу чжань* 不戰), не мирится (*бу хэ* 不和), не обороняется (*бу шоу* 不守), не умирает (*бу сы* 不死), не сдаётся (*бу цзян* 不降), не отступает (*бу цзоу* 不走). Подробнее см.: Е Минчэнь (葉名琛). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/叶名琛> (дата обращения: 17.04.20).

¹³ В XIII-м приложении к договору («Disputes between British subjects and Chinese»), регулирующем порядок разбирательств над британскими и китайскими подданными в открытых портах, оговаривается порядок судопроизводства над ними, но нет прямого указания, что споры между китайскими подданными должны разбираться в присутствии британского консула. При этом, есть указание, что китайские преступники судятся по китайским законам.

¹⁴ Джон Бауринг (John Bowring, 17.10.1792–23.11.1872) – британский политический деятель, путешественник и писатель. Родился в Экзетере (Exeter) в семье торговца шерстью. Получил образование в неофициальной школе унитариянской общины, к которой принадлежал. Занимался торговлей с тринадцати лет. С 1825 г. работал редактором газеты «Westminster Review», где проявил себя апологетом принципов свободной торговли. Продолжил образование в Гронингском университете (Rijksuniversiteit Groningen) в Нидерландах. С 1835 по 1837 гг. – заседал в английском парламенте. Впоследствии служил экономическим агентом для британской Палаты общин (House of Commons). В этой должности посетил Египет, Сирию, Швейцарию, Италию и Германию. С 1845 г. – председатель коммерческой железнодорожной линии «London and Blackwall Railway». Потеряв свои капиталы в конце 40-х гг. XIX в., в 1849 г. отправился в Гуанчжоу в качестве британского консула и суперинтенданта по торговле. С 10 января 1854 г. – губернатор британского Гонконга. Назначение критиковалась во властных кругах, с формулировкой, что Бауринг не может представлять интересы британской короны и доведёт отношения с Китаем до войны. В качестве губернатора Гонконга создал коммерческую систему водоснабжения колонии и провёл ряд демократических реформ. 15 января 1857 г. в Гонконге вскрылось массовое отравление мышьяком, 10 фунтов которого было замешано в муку на главной пекарне колонии. В этом инциденте погибла жена Бауринга и пострадали сотни людей. Вплоть до своей отставки в мае 1859 г. правительство Бауринга в Гонконге постоянно критиковалось в британской прессе и было объектом нескольких антикоррупционных расследований. После ухода с поста служил британским представителем в Италии, а затем представителем Гаваев в Европе. Вошёл в истории как лингвист

и литератор, состоял в т.ч. в Королевском географическом обществе (Royal Geographical Society). Подробнее см.: *Phillip Bowring*. *Free Trade's First Missionary*. Hong Kong University Press, 2014.

¹⁵ «The Illustrated London News». Vol. 24. № 680. 1854. 18 February. P. 152. Гравюра с фотографии, сделанной Джоном Джейбсом Эдвином Майалом (John Jabez Edwin Mayall, 17.09.1813–6.03.1901).

¹⁶ *Hanes, William Travis III, Frank Sanello*. *Opium wars: The Addiction of One Empire and the Corruption of Another*. Naperville, Illinois: Sourcebook inc., 2002. P. 176–180.

¹⁷ Гравюра из «The Illustrated London News». Vol. 32. № 904. 1858. 27 February. P. 220–222.

¹⁸ Майкл Сеймур (Michael Seymour, 3.12.1802–23.02.1887) – британский морской офицер. Родился в семье британского контр-адмирала и 1-го баронета Майкла Сеймура (18.11.1768–9.07.1834). 5 ноября 1813 г. поступил на Королевский флот. С 1822 г. – лейтенант, с 1824 г. – командер, с 1826 г. – капитан, с 1854 г. – контр-адмирал. Принимал участие в Крымской войне, где был ранен осколками русской мины. С 1856 по 1859 гг. – главнокомандующий Китайской-Ост-индской станции Королевского флота (East Indies and China Station). С 1860 г. – вице-адмирал, с 1864 г. – адмирал. В 1870 г. ушёл в отставку. С 1859 г. – рыцарь большого креста ордена Бани. Подробнее см.: Michael Seymour. Режим доступа: <https://www.pdavis.nl/ShowBiog.php?id=690> (дата обращения: 7.05.20).

¹⁹ Ямэнь (衙門) – общее название для присутственных мест в старом Китае. Представляло собой резиденцию чиновника и его помощников.

²⁰ США до 1859 г. сохраняли во Второй опиумной войне нейтралитет. Эпизод с флагом был личной инициативой американского консула в Гонконге, Джеймса Кинана (James Keenan) (ум. в 1862). Подробнее см.: *Amelia Kay King, B.S.* James Keenan: United States Consul to Hong Kong. Denton, Texas. August 1978.

²¹ Гравюра из французского иллюстрированного журнала «L'Illustration». Vol. XXIX. № 724. 1857. 10 Janvier. P. 17.

²² По-английски форты в Гуанчжоу назывались «Folly fort», дословно – «Потешные форты». Слово «folly» в отношении европейской усадебной архитектуры использовалось с XVI–XVII вв. для обозначения сооружений, воздвигнутых с целью развлечения гостей. В Гуанчжоу таких форта было два: «Голландский потешный форт» («Dutch Folly Fort») и «Французский потешный форт» («French Folly Fort»).

²³ Гравюра из «The Illustrated London News». Vol. 30. № 842. 1857. 31 January. P. 86.

²⁴ Британцы предлагали 20 фунтов за китайца.

²⁵ Деревянная канонерская лодка, спущенная на воду в 1855 г. Списана в 1863 г.

²⁶ Hanes, William Travis III, Frank Sanello. Указ соч. С. 184.

²⁷ Летом 1850 г. в южной провинции Гуанси вспыхнуло т.н. Тайпинское восстание (1850–1864), которое быстро распространилось на соседние области. В марте 1853 г. мятежники взяли Нанкин, превратив его в столицу Небесного государства великого благоденствия (*Тай-пин тянь-го* 太平天國), в мае двинули войска на Пекин, чем вызвали в столице панику. Но развить успех восставшим не удалось – ценой больших усилий маньчжурская династия остановила тайпинов на подходе к Тяньцзиню.

²⁸ Гравюра из «The Illustrated London News». Vol. 30. № 846. 1857. 21 February. P. 170–172.

²⁹ Судно, нагруженное легковоспламеняющимися или взрывчатыми веществами, используемое для поджога и уничтожения вражеских кораблей.

³⁰ Чарльз Джон Каннинг (Charles John Canning, 1-й граф Каннинг 1st Earl Canning, 14.12.1812–17.06.1862) – британский политический деятель. Родился в окрестностях Лондона. Получил образование в Крайст-чёрч (Christ Church) в Оксфорде. С 1841 г. – заместитель государственного секретаря по иностранным делам. С 1853 по 1855 гг. – генеральный почтмейстер. С 28 февраля 1856 г. по 21 марта 1862 г. – генерал-губернатор Индии. Проявил себя как талантливый администратор в период Сипайского восстания (1857–1858 гг.).

³¹ Hanes, William Travis III, Frank Sanello. Указ соч. С. 185–186.

³² Гравюра из газеты «The Illustrated London News». Vol. 30. № 851. 1857. 28 March. P. 286.

³³ Генри Джон Темпл (Henry John Temple, 3-й Висконт Палмерстон 3rd Viscount Palmerston, 20.10.1784–18.10.1865) – британский политик. Родился в Вестминстере. Образование получил в университете Эдинбурга. Политическую карьеру начинал в партии тори (1806–1822), затем перешёл к вигам (1822–1859), а далее состоял в Либеральной партии (1859–1865). Трижды занимал пост Министра иностранных дел Великобритании (1830–1834; 1835–1841; 1846–1851); дважды – пост премьер-министра (с 6 февраля 1855 по 19 февраля 1858 гг.; 12 июня 1859 по 18 октября 1865 гг.). Вошёл в историю как талантливый политик, который несмотря на недоверие королевы Виктории (24.05.1819–22.01.1901, правила с 1837 по 1901 гг.) занимал ключевое положение в британской политике в середине XIX в. В период Первой опиумной войны умело воспользо-

вался британским национализмом для создания военных настроений в печати.

³⁴ Джордж Уильям Фредерик Вильерс (George William Frederick Villiers, 4-й граф Кларендон 4th Earl of Clarendon, 12.01.1800–27.06.1870) – британский дипломат и политик. Родился в Лондоне. Получил образование в Колледже св. Иоанна в Кембридже, где получил степень Magister Artium. С 1820 по 1823 гг. – атташе британского посольства в Санкт-Петербурге. После возвращения в Англию служил в таможенном ведомстве. С 1833 по 1840 гг. находился в Испании. В последующие годы служил канцлером герцогства Ланкастерского, лордом-лейтенантом Ирландии. С 21 февраля 1853 по 26 февраля 1858 гг. (в 60-е гг. возвращался на эту должность) – министр иностранных дел Британской империи.

³⁵ Эдвард Джордж Джефри Смит-Стэнли (Edward George Geoffrey Smith-Stanley, 14-й граф Дерби 14th Earl of Derby, 29.03.1799–23.10.1869) – британский политик. Родился в Лондоне. Окончил Крайст Чёрч в Оксфорде. Политическую карьеру начал в партии вигов, но в 1834 г. покинул её. С 1848 по 1868 гг. – глава Консервативной партии Великобритании. Трижды занимал пост премьер-министра Великобритании (1852; 20 февраля 1858–11 июня 1859 гг.; 1866–1868).

³⁶ Цит. по: *Hanes, William Travis III, Frank Sanello*. Указ. соч. С. 186.

³⁷ Там же. С. 188.

³⁸ 28 марта 1857 г. состоялись новые выборы в парламент, где виги сохранили большинство, заняв рекордное с 1832 г. количество мест.

³⁹ Джеймс Брюс (James Bruce, 8-й граф Элгин (Эльджин) и 12-й граф Кинкардин 8th Earl of Elgin and 12th of Kincardine, 20.07.1811–20.11.1863) – английский государственный деятель и дипломат. Родился в семье Томаса Брюса, 7-го графа Элгина и 11-го графа Кинкардина (1766–1841), дипломатического и военного деятеля Британии, знаменитого тем, что вывез из Греции в Англию коллекцию древнегреческого искусства, известную ныне как «Мраморы Элгина» («Elgin Marbles»). Образование получил в Итонском колледже (Eton College) и колледже Крайст-чёрч в Оксфорде. В 20-е гг. находился во Франции, куда перебрался его отец, спасаясь от кредиторов. В 1842 г. назначен губернатором острова Ямайка. С 1847 по 1854 гг. – генерал-губернатор Канады. В марте 1857 г., в виду конфликта, возникшего вследствие разрушения факторий в Кантоне, отправлен в Китай с чрезвычайными полномочиями. Вёл успешные военные действия против Китая. В июле 1858 г. заключил англо-китайский Тяньцзиньский договор. В августе 1858 г. побывал в Японии, где подписал британско-японское Соглашение о сотрудничестве и торговле. В 1860 г. вновь послан в Китай, где войска под его руководством овладели Пекином. В отместку за пленение, пытку и казнь двух десятков

европейцев и индусов (среди которых были два английских посланника и журналист газеты «Таймс») приказал полностью уничтожить дворец Юаньминъюань, при этом также рассматривался вариант уничтожения пекинского Запретного города. В 1862 г. назначен на пост генерал-губернатора Индии. Умер от сердечного приступа при переходе моста через реку Чадли (Chadly). Похоронен при Церкви св. Иоанна в г. Дарм-сала. Являлся кавалером орденов Чертополоха, Бани и ордена Звезды Индии. См.: Эльджин // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XLа. СПб., 1904. С. 672.

⁴⁰ Карикатура из английского журнала «Punch». Vol. XXXII. 1857. London. P. 95.

Ричард Кобден (Richard Cobden, 3.06.1804–2.04.1865) – британский политический деятель. Занимался исследованием событий, которые привели к началу Второй опиумной войны. Принимал участие в парламентских дебатах 1857 г., которые привели к роспуску парламента.

⁴¹ Цит. По: Hanes, William Travis III, Frank Sanello. Указ. Соч. С. 193.

⁴² Yen-Yu, Huang. Viceroy Yeh Ming-Ch'en and The Canton Episode (1856–1861). Part. 4. The Canton Episode // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 6. No. 1, 1941. P. 105.

⁴³ Томас Ашбурнхэм (Thomas Ashburnham, 1808–2.03.1872) – британский военачальник. Родился в д. Баркинг в Мид-Суффолке. Принимал участие в первой англо-сикхской войне (1845–1846) в Индии. В 1857 г. назначен командующим британских войск в Китае и Гонконге. Умер в Лондоне.

⁴⁴ Телеграфная линия на тот момент заканчивалась в египетской Александрии.

⁴⁵ Hanes, William Travis III, Frank Sanello. Указ. соч. С. 196.

⁴⁶ HMS «Shannon» – британский паровой фрегат. Спущен на воду 24 ноября 1855 г. Имел на вооружении 51 орудие. Отправлен на слом 1871 г. См.: HMS Shannon (1855). Режим доступа: <https://www.pdavis.nl/ShowShip.php?id=94> (дата обращения: 23.04.20).

⁴⁷ Цит. По: Hanes, William Travis III, Frank Sanello. Указ. соч. С. 197.

⁴⁸ Жан-Батист Луи Гро (Jean-Baptiste Louis Gros, 8.02.1793–17.08.1870) – барон, французский дипломат, один из первых дагеротипистов. На дипломатической службе с 1823 г. В 1829 г. в период Реставрации Бурбонов получил баронский титул. Во время войны Высших (исп. Guerra de los Supremos, 1839–1842) находился в должности поверенного в делах в Колумбии, после чего пребывал на территории Латинской Америки. В 1850 г. – посланник в Афинах. С 1852 по 1863 гг. – посол Франции в Британии. Возглавлял французские войска в период Второй опиумной вой-

ны. В 1858 г. подписал французско-китайский Тяньцзиньский договор. 9 октября того же года подписал французско-японский трактат о дружбе и торговле, открывший дипломатические отношения между странами. С 1858 г. — член Сената Франции. В 1860 г. сопровождал французскую экспедицию в Китай, где заключил новый договор. Подробнее см.: Гро, Жан-Батист-Луи // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IXa. СПб., 1893. С. 744.

⁴⁹ Огюст Шапделен (Auguste Chapdelaine, 6.01.1814–29.02.1856) — французский католический миссионер. Родился в департаменте Манш. Получил образование в семинарии в г. Кутанс (Coutances). В 1843 г. рукоположен в сан священника. В 1851 г. присоединился к Парижскому обществу заграничных миссий (Société des Missions étrangères de Paris). Весной 1852 г. прибыл в провинцию Гуанси, а затем в Гуанчжоу. Весной 1854 г. перебрался в г. Гуйян (貴陽) в Гуанси. В том же году был схвачен китайцами в уезде Силинь (西林), но освобождён через две недели после заключения. В начале 1855 г. отправился в провинцию Гуйчжоу. 25 февраля 1856 г. вместе с представителями католической общины был арестован местной администрацией. Подвергся пыткам и был посажен в железную клетку. Умер до совершения казни. Труп о. Шапделена был обезглавлен, а голова выставлена на всеобщее обозрение. В 1900 г. причислен к лику блаженных (обряд, предваряющий канонизацию). 1 октября 2000 г. канонизирован понтификом Иоанном Павлом II (1920–2005, понтификат 1978–2005) вместе с 120 мучениками, погибшими в Китае с XVII по XX вв.

⁵⁰ Мари Рене Руссель де Курси (Marie Rene Roussel De Courcy, 2.10.1827–7.08.1908) — французский дипломат и историк. В 1848 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел. 23 декабря 1851 г. назначен секретарём французского представительства в Китае, с 15 ноября 1855 — поверенный в делах. В 1858 г. переведён в Афины. С 1860 г. занимался научными изысканиями в области истории и синологии. Сочинение: *L'Empire du Milieu*. Didier, 1867.

⁵¹ 24 октября 1844 г. на борту французского парохода «Архимед» Теодор Мари Мельхиор Жозеф де Лагрене (Théodore-Marie-Melchior-Joseph de Lagrene, 14.03.1800–26.04.1862) и Циин (подробнее о нём см. примечание № 252) подписали французско-китайский Хуанпуский трактат, насчитывающий 35 статей.

⁵² Мяннин (旻寧, 1782–1850, правил под девизом Даогуан 道光 с 1821 по 1850 гг.).

⁵³ *Yen-Yu, Huang*. Указ. соч. С. 107.

⁵⁴ Гравюра из американской газеты «Harper's Weekly». Автор — Just L'Hernault. Vol. 2. № 68. 1858. 17 April. P. 245.

⁵⁵ Альфонс де Бурбулон (Alphonse de Bourboulon, 5.12.1809–28.02.1877) – французский дипломат. С октября 1851 г. находился в Макао. С мая 1859 г. – в Шанхае. С марта 1861 г. – в Пекине. В том же году вернулся в Париж через Россию. Сочинения: *Relation de voyage de Changhaï à Moscou par Pékin, la Mongolie et la Russie asiatique*, par M. A. Poussielgue... d'après les notes de M. de Bourboulon, ministre de France en Chine, et de Madame, *Le Tour du monde*. Vol.I, 1864. P. 81–128; Vol. II. P. 33–96 et P. 289–336. Vol. III. 1865. P. 234–272.

⁵⁶ «Смелый» («Audacieuse») – французский паровой фрегат. Спущен на воду 22 января 1856 г. в Бресте. Экипаж – 530 человек. Имел на вооружении пятьдесят орудий. Судно, на котором в Китай отправился французский полномочный, барон Гро. Списан в 1879 г.

⁵⁷ «Союз» регулярно критиковался и считался невыгодным для Британии. Один из участников переговоров в Тяньцзине 1858 г. с американской стороны, Вильям Александр Парсонс Мартин (см. примечание № 293) писал, что союз англичан и французов был попыткой сохранения симулякра союза, возникшего в период Крымской войны (1853–1856 гг.). Участие Франции во Второй опиумной войне в итоге привело к захвату колониальных владений в Индокитае (территория совр. Вьетнама, Камбоджи и Лаоса). Цит. по: *Yen-Yu, Huang*. Указ. соч. 108.

⁵⁸ Уильям Брэдфорд Рид (William Bradford Reed, 30.06.1806–18.02.1876) – американский юрист, дипломат и журналист. В 1838 г. назначен генеральным прокурором (атторнеем) в штате Пенсильвания. В 1850 г. получил звание профессора американской истории в Пенсильванском университете. С 18 апреля 1857 по 11 ноября 1858 гг. – посланник США в Цинской империи, где представлял Америку во время подписания американо-китайского Тяньцзиньского договора. В 1860 г. вернулся в США, где занимался журналистикой и принимал участие в работе Демократической партии. Подробнее см.: William Bradford Reed. Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/William_Bradford_Reed (дата обращения: 23.04.20).

⁵⁹ Джеймс Бьюкенен (James Buchanan, 23.04.1791–1.06.1868) – американский политик. Родился в Пенсильвании в семье ирландского фермера. Получил образование в области юриспруденции. В 1831 г. назначен американским посланником в Петербург, где заключил первый торговый договор между США и Российской империей. С 1845 по 1849 гг. – государственный секретарь США. С 1849 г. – посланник в Лондоне. В 1856 г. избран кандидатом в президенты США от демократической партии. С 4 марта 1857 г. по 4 марта 1861 г. – 15-й президент США.

⁶⁰ «Миннесота» (USS «Minnesota») – американский паровой фрегат. Спущен на воду 1 декабря 1855 г. Имел на вооружении пятьдесят орудий

различного калибра. 1 июля 1857 г. отправился из Норфолка на Дальний Восток с дипломатической миссией Рида. Принимал участие в американской гражданской войне (1861–1865). Оставался на службе вплоть до 1898 г. Сожжён в августе 1901 г.

⁶¹ *Hanes, William Travis III, Frank Sanello*. Указ. соч. С. 200–201.

⁶² Подписан 3 июля 1844 г. американским посланником Калемом Кушингом (Caleb Cushing, 17.01.1800–2.01.1879) и китайским представителем, Циином. Трактат включал 34 статьи. Последняя статья предполагала, что договор может быть пересмотрен через двенадцать лет.

⁶³ Гравюра из американского журнала «Ballou Pictorial Drawing-Room Companion». Vol. XIV. № 24 (№ 364). 1858. June 12. P. 369.

⁶⁴ *Yen-Yu, Huang*. Указ. соч. С. 109.

⁶⁵ Колёсный пароходо-корвет с парусным вооружением. В 1854 г. был заказан в США для нужд Сибирской флотилии. Изготовлен на судовой верфи Уильяма Генри Уэбба (William Henry Webb, 19.06.1816–30.10.1899) в Нью-Йорке. Спущен на воду 15 сентября 1855 г. Имел водоизмещение 554 т. Длина палубы – 50,3 м. Ширина – 8,6 м. Мощность паровой машины 140–150 л. с. Скорость хода – 9,5 узлов. Вооружение – 8 пушек. В 1856 г. доставлен на Николаевский пост (совр. Николаевск-на-Амуре). Принимал участие в географических открытиях на Дальнем Востоке. Во время описываемых в дневниках событий пароходом командовал капитан-лейтенант (с 2 июня 1858 г. – капитан 2-го ранга) Николай Матвеевич Чихачёв (17(29).04.1830–2(15).01.1917). См.: Сведения о плавании парохода «Америка» в Восточном Океане с 1 июля по 2 ноября 1857 года // Морской сборник. 1858. Т. XXXIV. № 3. Март. III. Часть неофициальная С. 29–50.

⁶⁶ Евфимий Васильевич Путятин (8(20).11.1803–16(28).10.1883) – русский адмирал и дипломат. Родился в Санкт-Петербурге в семье военных. Образование получил в Морском кадетском корпусе в Петербурге. В 1822–1825 гг. в чине мичмана принимал участие в кругосветном плавании Михаила Петровича Лазарева (3(14).11.1788–11(23).04.1851) к северо-западным берегам Америки на фрегате «Крейсер». В 1827 г. в чине мичмана принимал участие в Наваринском сражении, за что был награждён орденом св. Владимира IV степени. В 1834 г. произведён в капитан-лейтенанты, в конце 30-х гг., после успешных операций в Чёрном море – капитан I ранга. В 1841 г. побывал в Англии, где занимался закупкой пароходов для черноморского флота. В 1842 г. возглавил успешную русскую дипломатическую миссию в Персию. Учредил в Астрабадском заливе Каспийского моря русскую военную станцию. В 1843 г. разработал план экспедиции по морям Дальнего Востока с целью изучения положения в открытых для англичан китайских портах и

исследования проливов Охотского моря. С 15 июня 1849 г. произведён в генерал-адъютанты Свиты Его Императорского Величества. С 1851 г. – вице-адмирал. В 1852–1855 гг. принимал участие в дальневосточной экспедиции на фрегате «Паллада», возглавляя русскую миссию по установлению дипломатических и торговых отношений с Японией. 6 ноября 1855 г. подписал первый русско-японский договор, за что 6 декабря того же года получил графский титул. В 1855–1857 гг. находился в качестве военно-морского атташе в Лондоне. В 1857 г. направлен в Пекин с особыми полномочиями, – в июне 1858 г. подписал русско-китайский Тяньцзиньский трактат. Далее вновь отправился в Японию, где 19 августа 1858 г. заключил русско-японский Эдосский трактат. По возвращении на родину произведён в адмиралы. С января 1859 г. – почётный член Русского географического общества. С 2 июля 1861 по 6 января 1862 гг. – Министр народного просвещения. После отставки с поста министра – Член Государственного совета. В мае 1883 г. получил высшую награду Российской империи – орден св. Андрея Первозванного. Умер в Париже, где прожил последние годы своей жизни. Похоронен в Киево-Печерской лавре. Сочинения: Донесение Генерал-адъютанта графа Путятина // Морской сборник. 1858. Т. XXXVIII. № 9. II. Официальные статьи и известия. СПб.: Типография Морского министерства, 1858. С. 14–16; Соображения об устройстве морского воспитания в России на новых началах // Там же. 1859. Т. XLIV. № 11. III. Часть неофициальная. С. 85–100; То же // Там же. Т. XLV. № 2. III. Часть неофициальная. С. 446–469. Подробнее см.: *Остен-Сакен Ф.Р.* Памяти графа Евфимия Васильевича Путятина, почётного члена Императорского русского географического общества (ум. в Париже 16 [28] октября 1883 г.) // ИИРГО. Т. XIX. 1883. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1884. С. 383–397; Путятин Е.В. // Дипломатический словарь. Т. II. М.: изд-во Политической литературы, 1971. С. 588; *Плотникова М.М.* Дипломатическая деятельность Е.В. Путятина // Взаимоотношения народов России, Сибири, и стран Востока: история и современность. Доклады Второй Международной конференции 11–14 августа 1997 г. Кн. Вторая. Москва–Иркутск–Тэгу, 1997. С. 32–41.

⁶⁷ Константин Николаевич (9(21).09.1827–13(25).01.1892) – Великий князь, второй сын императора Николая I и императрицы Александры Фёдоровны. Генерал-адмирал, с 21 января 1853 г. руководил морским министерством. С июля 1857 г. – участник комитета по освобождению крестьян. С 1 января 1865 г. – председатель Государственного Совета. Подробнее см.: Константин Николаевич // Русский биографический словарь / Под. ред. А.А. Половцева. Т. 9. СПб, 1903. С. 120–155.

⁶⁸ *Маркс К.* Русская торговля с Китаем // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С. 157.

⁶⁹ Гравюра из «The Illustrated London News». Vol. 38. № 1077. 1861. 2 March. P. 187.

⁷⁰ Цит. по: *Плотникова М.М.* Дипломатическая деятельность Е. В. Путятина. С. 38.

⁷¹ Александр Михайлович Горчаков (4(15).06.1798–27.02(11.03).1883) – русский дипломат, канцлер Российской империи. Родился в г. Гапсаль (Хаапсалу) в Эстляндской губернии в семье генерал-майора Михаила Алексеевича Горчакова (1768–1831). Образование получил в Царско-сельском лицее, где учился вместе с А.С. Пушкиным. Впоследствии выбрал карьеру дипломата. В 1819 г. получил придворное звание камер-юнкера. В 1820–1822 гг. состоял при министре иностранных дел Карле Васильевиче Нессельроде (1780–1862). С 1822 по 1827 гг. – секретарь российского посольства в Лондоне. С 1828 г. – советник посольства в Берлине. В 1833 г. – советник посольства в Вене. В 1841 г. отправлен в Штутгарт для устройства брака великой княжны Ольги Николаевны (1822–1892) с наследным принцем Вюртембергским, будущим королём Вюртембергским, Карлом I (1823–1891), после чего был оставлен в Штутгарте в качестве чрезвычайного посланника. В начале 50-х – уполномоченный при Германском союзе во Франкфурте с сохранением прежнего поста при Вюртембергском дворце. В 1854 г. переведён в Вену, где с весны 1855 г. служил посланником при австрийском дворе. Участник Венской конференции 1855 г. С апреля 1856 по 1882 гг. – министр иностранных дел России. С 1867 г. – канцлер Российской империи. В 1870 г. добился аннулирования невыгодных для России статей Парижского мирного договора за что в 1871 г. был пожалован титулом «Светлости». Умер в Баден-Бадене. Похоронен в Свято-Троицкой Сергиевой Приморской пустыне в Стрельне (могила сохранилась). Подробнее см.: *Слонимский Л.З.* Горчаков (князь Александр Михайлович) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IX. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1893. С. 340–344; *Георгиев В.А., Георгиева Н.Г.* Горчаков // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016). Режим доступа: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2372181. (дата обращения: 1.06.2020).

⁷² Цит. по: *Хохлов А.Н.* Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю // *Документы опровергают.* М., 1982. С. 295.

⁷³ Николай Николаевич Муравьёв-Амурский (11(23).08.1809–18(30).11.1881) – русский государственный деятель, дипломат. Родился в дворянской семье. Образование получил в частном пансионе Годениуса и Пажеском корпусе, который окончил в 1826 г. с золотой медалью. Затем поступил в лейб-гвардейский Финляндский полк в составе которого принимал участие в русско-турецкой войне (1828–1829 гг.) и

подавлении польского восстания 1831 г. В 1838–1842 гг. служил на Кавказе, где помимо военных дел, занимался административными поручениями и налаживал связи между русскими и горцами. По возвращении с Кавказа поступил в состав Министерства внутренних дел. В июне 1846 г. назначен военным и гражданским губернатором Тулы. В 1847 г. император Николай I лично сообщил Муравьеву о его назначении генерал-губернатором Восточной Сибири, пост которого Муравьев занимал до 1861 г. Выступал за расширение связей России с Китаем, Японией и Америкой. В 1850-е гг. организовал несколько сплавных экспедиций по Амуру. Инициатор основания первых русских поселений и укреплений в устье Амура. 16 (28) мая 1858 г. подписал с Китаем Айгунский договор, определивший русско-китайскую границу по Амуру, за что получил графский титул и наименование «Амурский». По окончании губернаторства получил орден св. равноапостольного князя Владимира I-й степени с мечами и назначен членом Государственного совета. Последние годы жил во Франции. Умер в Париже и был похоронен на кладбище Монмартр. В 1990 г. прах Н.Н. Муравьева перенесён во Владивосток и перезахоронен в центре города. Подробно см.: Муравьев-Амурский, Николай Николаевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XX. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1897. С. 193–194; Муравьев Н.Н. // Дипломатический словарь / под. ред. А.А. Громыко. Т. II. М., 1971. С. 341; *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. С. 101–244.

⁷⁴ *Повальников С.И.* Война Англии и Франции против Китая (Вторая «опиумная» война 1856–1860 гг.) и позиция России // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Издательство «Мысль», 1982. С. 260.

⁷⁵ Особый комитет для подготовки правительственных решений по амурскому вопросу создан в Петербурге в 1849 г. В комитет входили высшие сановники Российской империи: министр иностранных дел, военный министр, начальник Главного морского штаба, министр внутренних дел и другие.

⁷⁶ Александр Михайлович Линден (подробнее о нём см. примечание № 131) вспоминал, что в 1854 г., в период Крымской войны «Путятин получил предписание ожидать дальнейших распоряжений от генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева. Как ни были чрезвычайны обстоятельства, вызвавшие такое распоряжение, но самолюбие Путятина было задето. Он не мог примириться с мыслию о подчиненности Муравьеву, с которым находился в одинаковых чинах, но имел пред ним преимущество, состоя в звании генерал-адъютанта». «Свою антипатию к Англии [Муравьев] распространял и на тех русских, которые имели репутацию англоманов, как, напр., на... графа Евфимия

Васильевича Путятина и других. О них он отзывался всегда язвительно». Подробнее см.: *Линден А.М.* Записки А. М. Линдена // *Русская старина.* № 4. 1905. С. 109, 124.

⁷⁷ Идея провести переговоры с цинскими представителями в Пекине – до прибытия к берегам Китая представителей Англии и Франции появилась у Путятина ещё в декабре 1856 г. См.: *Хохлов А.Н.* Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю // *Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений.* М.: Издательство «Мысль», 1982. С. 290.

⁷⁸ 21 февраля 1857 г. по старому стилю.

⁷⁹ Маньчжурский термин (кит. *аньбань* 按班). Одно из высших чиновничьих званий в империи Цин. Являлось эквивалентом китайского титула *да сюэ-ши* (大學士). Амбани формально являлись представителями Пекина при местных правителях, а фактически выполняли функцию генерал-губернаторов.

⁸⁰ *Хохлов А.Н.* Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю. С. 291.

⁸¹ Палата по управлению инородцами (кит. 理藩院). Осуществляла управление цинскими наместниками в Монголии, Синьцзяне и других областях с господствующим не-ханьским населением; ведала вопросами брака между маньчжурской и монгольской аристократией; организовывала охрану тибетских священнослужителей; занималась вопросами судопроизводства и осуществления наказаний в отношении национальных меньшинств. В литературе до 1917 г. часто называется «Трибунал внешних сношений». В соответствии с Кяхтинским трактатом, через *Лифаньюань* велась дипломатическая переписка с Россией (от имени Сената, что позволяло избегать включения русских монархов в список вассалов китайского императора) вплоть до учреждения в Пекине в 1861 г. *Цзунли ямэня* (кит. 總理衙門 «Главный приказ по [иностранным делам]»). Подробнее см.: *Хохлов А.Н.* Лифаньюань // *Энциклопедия «Духовная культура Китая». Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / Под редакцией М.Л. Титаренко.* М., 2009. С. 536; *Лифаньюань* (理藩院). Режим доступа: <http://baike.baidu.com/view/56766.htm> (дата обращения: 24.04.2020).

⁸² В апреле-мае 1857 г. шла активная переписка между различными представителями дипломатических кругов Англии и Франции с министром иностранных дел России, Горчаковым. Горчаков, в свою очередь, информировал о ней Путятина: «...Государь-император разрешает Вам оказывать зависящее от Вас содействие тем домогательствам лорда Элджина, кои относятся до интересов, общих всем просвещённым нациям, каковы: установление правильных дипломатических отношений

с пекинским двором, отстранение стеснительных мер, коим подчинена торговля иностранцев, и обеспечение свободы вероисповедания для христиан. Но таковое содействие Ваше... ни в коем случае не должно выходить из пределов дружелюбного домогательства и предполагать предварительное со стороны Элджина приглашение и сношение с Вами». Цит. по: *Повальников С.И.* Указ. соч. С. 269. «Мы не намерены ни принимать участия в каких-либо понудительных со стороны морских держав мерах против китайского правительства, ни входить в обсуждение справедливости их частных домогательств». Цит. по: Там же. С. 275.

⁸³ Другое название – р. Хайхэ (海河). Подробнее см.: Хайхэ (海河). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/海河> (дата обращения: 24.04.2020).

⁸⁴ Цит. по: *Хохлов А.Н.* Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю. С. 293.

⁸⁵ Статья обязала стороны не чинить промедлений послам, отправляющимся в Китай и Россию, а также не затруднять движение официальных бумаг. См.: *Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / сост. И.Т. Мороз, В.С. Мясников. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 46.*

⁸⁶ 2 (14) сентября.

⁸⁷ Гравюра из французской газеты «Le Monde Illustré». № 49. 1858. 20 Mars. P. 191.

⁸⁸ Пьер Луис Шарль Риго де Женуйи (Pierre-Louis-Charles Rigault de Genouilly, 12.04.1807–4.05.1873) – французский морской офицер и политический деятель. Родился в Рошфоре в семье морского инженера. Образование получил в Политехнической школе в Париже (École Polytechnique). Поступил на флот в 1827 г. Принимал участие в Греческой революции (1821–1832), Бельгийской революции (1830 г.), Крымской войне, Второй опиумной войне. С 1857 по 1859 гг. – участвовал в Первой франко-вьетнамской войне. С 1867 по 1870 гг. – Морской министр Франции.

⁸⁹ *Hanes, William Travis III, Frank Sanello.* Указ. соч. С. 203.

⁹⁰ Собираательный карикатурный образ китайца в европейской и американской прессе XIX в. По легенде, английские моряки в Китае, не понимая китайского языка, использовали имя «Джон» в отношении большинства китайцев.

⁹¹ Талисман английского журнала «Панч». Изначально – комический персонаж английского народного театра марионеток. По характеру близок итальянскому персонажу Пульчинелла (от которого, вероятно, ведёт своё происхождение), французскому Полишинелю и русскому Петрушке.

⁹² Подразумевается лорд Палмерстон.

⁹³ Английский журнал «Punch». Vol. XXXII. 1857. 9 May. P. 185.
На груди у китайца табличка: «Убийца женщин и детей».

⁹⁴ Путятин писал Горчакову: «Я счёл долгом в видах уменьшения бесполезного кровопролития высказать французскому и английскому полномочным моё мнение насчёт предполагаемых военных действий... Я выразился, что овладение Кантоном, вероятно, мало подействует на правительство в Пекине, а только озлобит местных жителей и увеличит ненависть к европейцам, которую Кантон и без того отличается от прочих портов Китая» (цит. по: Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю. С. 294).

⁹⁵ Гравюра из английской газеты «The Illustrated London News». Vol. 32. № 921. 1858. 5 June. P. 569–570.

⁹⁶ Letters and journals of James, Eighth Earl of Elgin, Governor of Jamaica, Governor-General of Canada, Envoy to China, Viceroy of India / ed. Theodore Walrond, C.B. London: John Murray, 1872.

⁹⁷ *Alfred de Moges. Voyage en Chine et au Japon (1857–1858) // Le Tour du monde. Vol. 1. 1860. Pp. 129–176.*

⁹⁸ А.П. Выписки из дневника, веденного в Пекине в 1858 г. // Морской сборник. 1860. № 9. С. 483–509; То же. // Морской сборник. 1860. № 10. С. 88–105.

⁹⁹ Пётр Иванович Кафаров (в монашестве – Палладий, 16(28).09.1817–6(18).12.1878) – востоковед, дипломат, путешественник и миссионер. Родился в Старошешминске Чистопольского уезда Казанской губернии. Образование получил в Казанской духовной семинарии. Участник XII (1840–1849 гг.), начальник XIII (1849–1859 гг.) и XV (1865–1878 гг.) РДМ. С 1860 по 1864 гг. служил в церкви при Русском посольстве в Риме. Умер в Марселе. Похоронен в Ницце (могила сохранилась).

¹⁰⁰ В дневнике Палладия все даты указаны по старому стилю.

¹⁰¹ В первой части публикации приведены записи за 17 января, 17 февраля, 26 марта, 27 марта, 3 апреля, 4 апреля, 10 апреля, 11 апреля, 14 апреля, 15 апреля, 22 апреля, 23 апреля, 24 апреля, 25 апреля, 26 апреля, 27 апреля, 28 апреля, 29 апреля и 30 апреля.

¹⁰² Во второй части публикации содержатся записи за 8 мая, 12 мая, 13 мая, 18 мая, 21 мая, 23 мая, 27 мая, 4 июня, 5 июня, 6 июня, 7 июня, 8 июня, 13 июня, 14 июня, 15 июня, 21 июня, 22 июня, 24 июня, 25 июня, 26 июня, 28 июня, 3 июля, 12 июля, 26 июля, 4 августа, 9 августа и 16 августа.

¹⁰³ Дневник архимандрита Палладия за 1858 г. // Известия министерства иностранных дел. 1912. Кн. II. С. 225–282. Эта же публикация в том же году вышла отдельной брошюрой: Дневник архимандрита Палладия за 1858 г. Отд. отп. из «Известий Министерства иностранных дел. Книга 2. 1912. С.-Петербург: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. С. 1–58.

¹⁰⁴ Алексей Иванович Иванов (16(28)03.1878–8.10.1937) – российско-советский востоковед. Родился в Санкт-Петербурге в семье театральных артистов. Окончил факультет восточных языков С.-Петербургского университета. В 1909 г. защитил магистерскую диссертацию. 17 февраля 1913 г. защитил диссертацию на степень доктора китайской словесности и удостоился звания экстраординарного профессора китайской и маньчжурской словесности. Один из пионеров тангучоведения в России. В 1913 и 1917 гг. – директор Практической восточной академии. В 1920 г. приглашён в МИД для работы в качестве переводчика-информатора, консультанта по Дальнему Востоку, работал в советском посольстве в Китае, затем преподавал в ряде ВУЗов Москвы. Расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1958 г. Подробнее см.: *Дацышен В.Г.* Русские китаеведы XVIII–начала XX вв.: преподаватели и составители словарей (краткий биобиблиографический справочник) // Архив российской китаистики. Т. I / Сост. А.И. Кобзев; отв. ред. А.Р. Вяткин. М., 2013. С. 548; Иванов Алексей Иванович. Режим доступа: <http://memory.pvost.org/pages/ivanov.html> (дата обращения: 27.02.2020).

¹⁰⁵ Дневник архимандрита Палладия за 1858 г. С. 225.

¹⁰⁶ Иван Иванович Десницкий (1882–21.07.1922) – российский дипломат и учёный. Родился в Киеве, учился в Петербурге. С 1908 г. служил в МИД; с 1912 г. 2-й секретарь дипломатической миссии в Пекине. После октябрьской революции 1917 г. остался в эмиграции в Китае. Жил в Шанхае. Умер в Харбине. Подробнее см.: Предварительный список российских дипломатов, оставшихся в эмиграции после Октября 1917 г. Режим доступа: http://www.bfrz.ru/data/rus_diplomatu/rus_diplomatu_spisok.pdf (дата обращения: 27.02.2020).

¹⁰⁷ 17 января, 17 февраля, 27 февраля, 10 марта, 26 марта, 27 марта, 3 апреля, 4 апреля, 10 апреля, 11 апреля, 14 апреля, 15 апреля, 18 апреля, 22 апреля, 23 апреля, 24 апреля, 25 апреля, 26 апреля, 27 апреля, 28 апреля, 29 апреля, 30 апреля, 1 мая, 3 мая, 4 мая, 5 мая, 7 мая, 8 мая, 9 мая, 10 мая, 12 мая, 13 мая, 16 мая, 18 мая, 19 мая, 20 мая, 21 мая, 23 мая, 27 мая, 4 июня, 5 июня, 6 июня, 7 июня, 8 июня, 9 июня, 10 июня, 11-13 июня, 14 июня, 15 июня, 16-21 июня, 22 июня, 23 июня, 24 июня, 25 июня, 26 июня, 28 июня, 29 июня, 3 июля, 12 июля, 14 июля, 27 июля, 4 августа, 9 августа, 14 августа, 16 августа, 19 августа, 28 августа, 5 сентября.

¹⁰⁸ Фёдор Романович Остен-Сакен (1832–19.04(02.05)1916) – дипломат, учёный и государственный деятель. В 1852 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. Работал в Азиатском Департаменте МИД. В 1865 г. избран секретарём Императорского Русского Географического общества (ИРГО). В 1870–1897 гг. исполнял обязанности директора Департамента внутренних сношений МИД; с декабря 1889 г. – почётный член Российской Академии Наук. Умер в Петрограде, похоронен на Смоленском лютеранском кладбище (могила не сохранилась).

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Ед. хр. 415.

¹¹⁰ Очевидно, имеется ввиду р. Байхэ.

¹¹¹ Газета, с перерывами издававшаяся в Петербурге в XIX и начале XX вв. Выходила на французском языке. Некоторое время являлась официальным или полуофициальным органом печати российского МИД. См.: *Journal de St.-Petersbourg*.

¹¹² Хохлов А.Н. Переговоры Е. В. Путятина с Ци Ином в 1858 г. // Десятая конференция Общество и государство в Китае. Ч. 2. М., 1979. С. 36–53.

¹¹³ Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Ед. хр. 1825. Дневник Ф.Р. Остен-Сакена [о пребывании в Китае].

¹¹⁵ СПб АРАН. Ф. 1061. Оп. 1. Ед. хр. 2. Путевые записки. Часть первая. С 29 марта по 14/26 октября 1857 г. От Петербурга до Кяхты-Маймачин-Забайкальский край-Амур-Николаевск-Сахалин-Владивосток порт и Ольгинский залив-Гамильтон. Залив Печели. Шанхай-Нагасаки; Там же. Ед. хр. 3. То же. Часть II. С 18/30 октября 1857 по 17/29 января 1858 г. Шанхай-Гонконг-Макао-Филиппинские острова; Там же. Ед. хр. 4. Путевые заметки. Часть III. 18/30 января по 8/20 октября 1858. Филиппинские острова-Шанхай-Нагасаки. Шимода... Иокогама. Медо-Тайфун и бедственное положение. Шанхай... Сингапур... Цейлон.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Ед. хр. 971. Записки Ф. Р. Остен-Сакена о поездке в Сибирь и на Дальний Восток. Подл. 27 л.

¹¹⁷ По всей видимости, в рукописи Остен-Сакена даты даны по старому стилю.

¹¹⁸ Пещуров Пётр Алексеевич (8.12.1829–1.02.1898) – русский сановник. Родился в Калужской губернии. Дослужился до чина тайного советника (1879 г.). Впоследствии состоял членом Совета главноначальствующих гражданской частью на Кавказе.

¹¹⁹ В свиту Путятина также входили: Лев Фёдорович Баллюзек (10(22).1822–7(19)1879) – военный и государственный деятель Российской империи. В 1843 г. окончил Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. В 1849 г. принимал участие в подавлении Венгерской революции. Принимал участие в испытаниях ракет Конгрива на Кавказе за что был произведён в штабс-капитаны. Участвовал в обороне Севастополя. Принимал участие в посольстве Путятина в Китай и Японию в 1858 г., а затем – в миссии Николая Павловича Игнатьева (см. примечание № 151) в Китай. С февраля 1861 г. по август 1863 г. – первый постоянный дипломатический представитель Российской империи в Китае. Возглавлял Российскую дипломатическую миссию как министр-резидент. С 1865 г. находился в Оренбурге в качестве Начальника областного киргизского управления. В 1866 г. в чине генерал-майора вошёл в Свиту Его Величества. С 1869 по 1877 гг. – военный губернатор Тургайской области. Попечитель Обуховской больницы. См.: *Хохлов А.Н. Л.Ф. Баллюзек – первый российский посланник в цинском Китае // Общество и государство в Китае. 36 научная конференция. 2006. С. 68–83. Иосиф Фёдорович Ватовский (ок. 1832–?) – русский военный инженер и путешественник. В 1850 г. окончил Кондукторские курсы в Санкт-Петербурге. В 1857 г. отправился в Китай в составе посольства графа Путятина. С 1869 г. – начальник Тверской инженерной дистанции.*

¹²⁰ Аввакум (в миру – Дмитрий Семёнович Честной) (18(30).09.1801–10(22).03.1866) – переводчик и дипломат, участник XI-й РДМ (1830–1840). Родился в семье священника из Тверской епархии у погоста Рожок. В 1825 г. окончил курс Тверской семинарии, откуда был переведён в С.-Петербургскую духовную академию. В 1829 г. окончил её в звании старшего кандидата богословия, в тот же год пострижен в монашество и возведён в сан иеромонаха, после чего стал членом XI РДМ. В Пекине занимал должность помощника начальника миссии, а с 3 июня 1835 г. фактически возглавлял её. Служил в Успенской церкви, изучал китайский, маньчжурский и тибетский языки. По возвращении в Россию возведён в сан архимандрита и оставлен при Азиатском департаменте, где занимался рецензированием научных трудов, поступавших от членов РДМ. В 1855 г. командирован в Иркутск в качестве китайского переводчика. Впоследствии много путешествовал с графом Е.В. Путятиным. Один из персонажей романа И.А. Гончарова «Фрегат Паллада», участник заключения русско-китайского Тяньцзиньского трактата 1858 г. В 1860 г. вернулся в Петербург, где проживал в Александро-Невской лавре. Кавалер орденов св. Анны 2-й степени и св. Владимира 2-й степени. Могила о. Аввакума на кладбище лавры не сохранилась.

¹²¹ Александр Алексеевич Татаринов (1817–24.09.1886) – дипломат, востоковед, лекарь XII-й РДМ. Родился в Пензе. Образование получил в Пензенской гимназии. В 1835–1840 гг. учился в медико-хирургической

академии в Петербурге, где получил диплом лекаря. Вошёл в состав XII-й РДМ. В Пекине изучал китайскую медицину, собрал богатую коллекцию гербариев, во время прогулок в окрестных горах сделал около четырёхсот рисунков различных растений. По окончании «пекинского периода», служил русским консулом в Чугучаке. В 50-е гг. принимал участие в переговорах на Амуре и в Тяньцзине. После отставки жил в Пензе. Сочинения: Китайская медицина // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. II. СПб.: Типография Штаба Военно-Учебных Заведений, 1853. С. 357–441; Замечания об употреблении болеутоляющих средств при операциях и о водолечении (гидропатия) в Китае // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. III. СПб.: Типография Главного Штаба Его Императорского Величества по Военно-Учебным Заведениям, 1857. С. 131–142. Подробнее см. *Архимандрит Авраамий*. Краткая история русской православной миссии в Китае // Бэй-гуань Краткая история Российской духовной миссии в Китае / сост. Б. Г. Александров. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 83, 88–89; Татаринов // Русский биографический словарь. Т. 20. СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1912. С. 321–322.

¹²² Александр Арсентьевич Болтин (13.08.1832–22.04.1901) – русский мореплаватель и первооткрыватель бухты Находка. Родился в дворянской семье в Псковской губернии. В качестве мичмана принимал участие в путешествии фрегата «Паллада». С 1857 г. командовал пароходом «Амур». С конца лета 1858 г. командовал пароходом «Америка». В 1870 г. ушёл в отставку. Автор картины «Пароходо-корвет «Америка». Умер в Одессе.

¹²³ Бянь Баошу (卞寶書) (7.07.1815–30.03.1872) – цинский гражданский чиновник. Родился в Янчжоу (揚州). Второе имя – Цзы-чэн (子城). Занимал различные посты в столичной провинции Чжили. В период Второй опиумной войны занимал пост начальника области (чжи-чжоу) в Цанчжоу (滄州). Принимал участие в тяньцзиньских переговорах 1858 г. Регулярно упоминается на страницах дневника Остен-Сакена. Китайская историография приписывает ему успех в неудаче русских на переговорах в Тяньцзине по вопросу о разграничении границы на Амуре. См.: Бянь Баошу (卞寶書). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/卞宝书> (дата обращения: 27.03.2020).

¹²⁴ Чэнь Кэмин (陳克明, ум. 1858 г.) – военный сановник, имевший чин ю-цзи (游擊) (относился к военным чинам третьего ранга шестой степени цзун-сань-пинь 從三品) и ведающий гарнизоном Гэгу (кит. Шу Гэгу ин шэнь 署葛沽營).

¹²⁵ Чэнь Чжунсян (陳鍾祥, жил в эпоху Цин) – цинский сановник. Правитель области Чжаочжоу (кит. Чжаочжоу 趙州 чжи-чжоу). Происходил из провинции Чжэцзян. Получил степень цзюйжэнь. Сочинял стихи и соста-

вил сочинение «Полное собрание надписей на камнях [из] Чжаочжоу» (кит. «Чжаочжоу ши-кэ цюань-лу» 趙州石刻全錄). См.: Чэнь Чжунсян (陳鍾祥). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/陈鍾祥> (дата обращения: 30.03.2020).

¹²⁶ Вэнь Цянь (文謙) — цинский сановник. Маньчжур из рода Aha Gioro hala (кит. Ахацзюэлоши 阿哈覺羅氏). Принадлежал к маньчжурскому корпусу Жёлтого знамени с каймой (Сян-хуан ци). Служил при Министрстве двора (кит. *Нэй-фу-ву* 內務府). С 1856 г. выполнял обязанности комиссара по гражданским и финансовым делам (*бу-чжэн-ши* 布政使) в провинции Гуйчжоу (贵州), с 1859 г. — в столичной провинции Чжили.

¹²⁷ Встречи на русском пароходе нашли отражения в донесениях главы управления соляной администрацией Луюня (кит. *чжан* Луюнь *чжэн* 長蘆鹽政), Улэхунэ (烏勒洪額). См.: Сборник архивных материалов о китайско-российских отношениях в эпоху Цин (Цин-дай чжун-э гуань-си дан-ань ши-ляо сюань-бянь 清代中俄關係檔案史料選編). 第三編. 上冊. 中華書局出版, 1979. С. 327–328, 337–340, 341–344, 345–348.

¹²⁸ Как ниже замечает Остен-Сакен, архимандрит Палладий имел привычку записывать свои наблюдения во время путешествий. Большая часть таких дневников увидела свет. Тем не менее, полная версия «Тянь-цзиньского» дневника архимандрита завершается только 5 (17 сентября) 1858 г. при том, что в Пекин он вернулся уже 26 июня (8 июля) того же года. Это наводит на мысль о существовании некоего журнала, куда Палладий, как руководитель РДМ, мог записывать все важные события, происходившее в Китае. Существовал ли такой журнал и сохранился ли он до наших дней — задача последующих исследований.

¹²⁹ Пётр Николаевич Перовский (1818–25.08.1865) — русский дипломат. Родился в семье Таврического вице-губернатора Николая Ивановича Перовского (1785–1858). В 1835 г. окончил Императорский Царскосельский лицей. С 1841 г. работал в Азиатском департаменте МИД в должности младшего помощника столоначальника. В 1846 г. назначен старшим столоначальником. С 1852 г. — начальник Первого отделения Азиатского Департамента. Участвовал в подписании Айгунского трактата 1858 г. В 1858–1859 гг. в чине действительного статского советника находился в Китае на должности пристава XIV РДМ. В 1863 г. назначен генеральным консулом в Геную, где и скончался. Вольный образ чиновника запечатлён на полотне Василия Евтроповича Романова (1913–2009) «Айгунский договор» (1947 г.), где Перовский стоит за спиной Н.Н. Муравьёва-Амурского. См.: А.О.Т. Перовский Петр Николаевич // Русский биографический словарь / Под ред. А.А. Половцова. Т. 13. СПб., 1902. С. 551.

¹³⁰ Егор Петрович Ковалевский (06(18).02.1809–20.09(2.10).1868) — русский дипломат и путешественник. Родился в селе Ярошевка Харьков-

ской губернии в дворянской семье. Образование получил на философском отделении Харьковского университета. В 1829 г. поступил в Горный департамент. В 1830 г. получил чин горного инженера. До 1837 г. служил на алтайских и уральских заводах. В 1837 г. отправлен в Черногоорию для поиска и разработки золотоносных пластов. Впоследствии выполнял различные дипломатические поручения МИДа: по возвращении из Европы принимал участие в хивинской экспедиции 1839–1840 гг. В 1847 г. по приглашению египетского вице-короля ездил в Египет для проведения геологических исследований. В 1849 г. в качестве пристава сопровождал XIII РДМ в Пекин. В 1851 г., будучи полковником корпуса горных инженеров, подписал русско-китайский Кульджинский договор. Принимал участие в Крымской войне и обороне Севастополя. В 1856 г. назначен директором Азиатского департамента МИД. Участвовал в разработке Айгунского договора (1858 г.). С 1861 г. – сенатор и член совета Министерства иностранных дел. С 1856 по 1862 гг. – помощник председателя Императорского русского географического общества. Важнейшие сочинения: Путешествие в Китай. В 2-х частях. СПб.: Типография Королева и Ко., 1853; Граф Блудов и его время. Царствование императора Александра I. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2016. Подробнее см.: Ковалевский // Дипломатический словарь. Т. II. М.: изд-во Политической литературы, 1971. С. 74; Ковалевский Е.П. // Русский биографический словарь. Т. IX. 1903. С. 25–27; Ковалевский (Егор Петрович) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVa. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1895. С. 502.

¹³¹ Александр Михайлович Линден (XIX в.) – русский морской офицер. Детство провёл в Иркутске. В 1857–1858 г. находился у берегов Китая о чём оставил воспоминания, в которых в т.ч. упомянут эпизод, о котором пишет Остен-Сакен. В 1862 г. в звании капитан-лейтенанта командовал винтовой лодкой «Морж».

¹³² *Линден А.М.* Указ. соч. С. 133, 141.

¹³³ Фр. «шедедры».

¹³⁴ См.: Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. XXII. № 1. СПб.: типография Императорской академии наук, 1892. С. 37–113.

¹³⁵ См.: Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска, через Маньчжурию, в 1870 г. // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. IV. СПб.: типография В. Безобразова и комп. 1871. С. 329–458.

¹³⁶ Речь идёт о путевых заметках архимандрита Палладия, которые он подготовил по результатам своего путешествия по Дальнему Востоку в

1870–1871 гг., совершённого им по заданию Императорского русского географического общества. Подробнее см.: *Ларичев В.Е.* Потерянные дневники Палладия Кафарова (новые материалы к истории археологии русского Дальнего Востока) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1966. № I. Вып. I. С. 114–122; Он же. Организация Русским Императорским географическим обществом археолого-этнографической экспедиции в Южно-Уссурийский край и превратности судьбы путевых дневников архимандрита Палладия // Вестник Новосибирского государственного университета. 2014. Т. 13. Вып. 4. С. 93–105. В период с 2012 по 2014 гг. Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН разрабатывал «Кафаровский проект», ставивший целью публикацию полной версии дневников экспедиции Палладия по Дальнему Востоку, однако на середину 2020 г. информации о публикации нет.

¹³⁷ Кафаров описывал быт посольства Путятина следующим образом: «...граф пригласил китайских полномочных к себе на обед, но они решительно отказались; да и хорошо сделали, пришлось бы угощать китайским столом, у графа не оказалось запасов; не было даже, кроме повара, никакой прислуги, на всём [русском] пароходе был один слуга... Граф довольствовался босоногим матросом; русская компания нуждалась во всем и приехала сюда как будто на плохую дачу, не догадавшись запастись, хоть на всякий случай, самым существенным». См.: Ниже. Остен-Сакен, однако, намекает не только на бытовые подробности посольства Путятина, но и на противоречивость его положения, как посредника между Западными державами и Китаем.

¹³⁸ XIV РДМ (1857–1864) стала последней миссией, отправленной в Китай в соответствии со «старыми» правилами, регламентированными Кяхтинским трактатом 1727 г. «Новые» правила были установлены Тяньцзиньским трактатом 1858 г.

¹³⁹ Основан 14 ноября 1856 г. на месте Николаевского поста, созданного 1 августа 1850 г. Использовался как один из крупнейших портов Приамурья. Совр. Николаевск-на-Амуре.

¹⁴⁰ Бохайский залив.

¹⁴¹ Троицкосавск изначально – крепость рядом с Кяхтой, позднее вошедшая в её состав. Подробно см.: *Хохлов А.Н.* Кяхтинская торговля и её место в политике России и Китая (20-е годы XVIII в. – 50-е годы XIX в.) // Документы опровергают. М.: Мысль, 1982. С. 134–135.

¹⁴² Здесь на полях рукописи стоит заметка Остен-Сакена: «Сравн. ниже стр. 484^a». Не ясно о чём идёт речь. Возможно, ссылка сделана на неизвестный архивный документ.

¹⁴³ Подразумевается XIV состав РДМ.

¹⁴⁴ Гурий (в миру – Григорий Платонович Карпов, 1814–17.03.1882) – русский священнослужитель, участник XII и глава XIV РДМ. Родился в семье священника в Саратове. В 1836 г. окончил Саратовскую духовную семинарию, после чего работал преподавателем латинского языка в Саратовском духовном училище. В 1837 г. поступил в С.-Петербургскую духовную академию. 12 июня 1838 г. принял монашество под именем Гурия, 4 августа рукоположен в дьяконы, 20 ноября 1839 г. – в иереи. В 1839 г. зачислен участником XII РДМ и в этом же году, досрочно сдав экзамены, утверждён в степени кандидата богословия. В Пекине занимался миссионерской деятельностью, переводом на китайский язык богослужебных книг и молитв. Один из кандидатов на должность руководителя XIII РДМ. По возвращению из Китая в 1855 г. возведён в степень магистра богословия, а 25 августа 1856 г. назначен руководителем XIV РДМ. 10 декабря 1860 г. получил орден св. Анны 2-й степени. В период руководства миссией занимался миссионерской работой, переводами (в т.ч. Нового завета) и дипломатической деятельностью. По возвращении в Россию пожалован орденом св. Владимира 3-й степени и пожизненной пенсией в 1500 р. 26 января 1866 г. назначен настоятелем посольской церкви в Риме (где до этого служил о. Палладий (Кафаров). 11 мая того же года стал епископом Чебоксарским, викарием Казанской епархии. 16 декабря 1867 г. переведён на самостоятельную кафедру епископа Таврического и Симферопольского. В 1869 г. награждён орденом св. Владимира 2-й степени. Активно занимался миссионерской деятельностью среди старообрядцев и сектантов. Решением Священного Синода Украинской Православной Церкви от 18 мая 2008 г. прославлен в лике местночтимых святых с днём памяти 17 марта. Основные сочинения: Обеты буддистов и обряд возложения их у китайцев // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. II. СПб: Типография Штаба Военно-Учебных Заведений, 1853. С. 195–356; Из письма преосвященного Гурия к И.У. Палимпсестову о переводе Нового Завета на китайский язык // Русский архив. 1893. Т. 82. Кн. 11. С. 394. Подробно о нем см.: *Протодьякон Василий Марущак. Гурий* // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. XIII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 475–477; *Архимандрит Авраамий*. Краткая история русской православной миссии в Китае // Бэй-гуань Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б. Г. Александров. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 84, 87–88, 89, 96–110; *Хохлов А.Н.* Миссионерская деятельность Гурия Карпова до и после преобразования Пекинской духовной миссии в 60-е годы XIX в. // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2015. С. 864–915.

¹⁴⁵ Информацию об этих персонах найти не удалось.

¹⁴⁶ Очевидно, подразумеваются форты в местечке Дагу (大沽) в устье р. Хайхэ. В наши дни руины фортов расположены в мемориальном парке «Форты Дагу» (大沽砲台公園).

¹⁴⁷ Подводная форма рельефа.

¹⁴⁸ Ланьцзянша (攔江沙) – отмель.

¹⁴⁹ По всей видимости, имеется ввиду 北塘 – район, находившийся к востоку от Тяньцзиня, в устье р. Хайхэ, ныне – район городского подчинения Биньхай синь-цю (濱海新區). Комментарий Остен-Сакена о расположении северного подворья РДМ может быть ошибочен, так как из текста следует, что Бэйтан находится вблизи Тяньцзиня, тогда как северное подворье РДМ (Бэй-гуань 北館 или Бэй-тан 北堂) располагалось в Пекине. Кроме того, автор переводит вторую часть названия именно как «плотина» (тан 塘), а не как «зал» или «храм» (тан 堂). С учётом времени написания «Введения» под «северным подворьем» может подразумеваться и миссионерский стан РДМ, находившийся в Тяньцзине с конца XIX в. Подробнее см.: *Архимандрит Авраамий*. Указ. соч. С. 136, 144.

¹⁵⁰ Фр. «но, очевидно, это не человек действия». Здесь же заметка на полях Остен-Сакена: «Этого письма я тщетно искал в делах [Азиатского] Департ[амента] в 1905. Осталось ли оно у Ковалевского или уничтожено лично самим Перовским?».

¹⁵¹ Вероятно, речь о Николае Павловиче Игнатъеве (17(29).01.1832–20.06(3.07).1908) – русском государственном деятеле и дипломате. Родился в Санкт-Петербурге в семье генерала Павла Николаевича Игнатъева (1797–1879). Образование получил в Пажеском корпусе (1849 г.) и Военной академии (1851 г.), которую окончил с серебряной медалью. В 1856 г. принимал участие в Парижской конференции, после которой за успехи в переговорах о разграничении в Бессарабии получил орден св. Станислава II-й степени. В 1856–1857 гг. – военный агент в Лондоне. В 1857–1858 гг. возглавлял российскую миссию в Хиву и Бухару, в результате которой заключил с Бухарским эмиром соглашение об установлении дипломатических и торговых отношений за что получил орден св. Анны II-й степени и был произведён в генерал-майоры. В 1859 г. командирован в Китай для ратификации Айгунского трактата 1858 г., но воспользовавшись возобновлением военных действий между Цинской империи, Британией и Францией, заключил в 1860 г. новый трактат (Пекинский), по которому Российская империя не только подтвердила российский статус Приамурья по Айгунскому трактату, но и приобрела в своё владение Уссурийский край. Новый дипломатический успех принёс Игнатъеву ордена св. Владимира II-й степени и св. Станислава I-й степени, а также чин генерал-адъютанта. С 1861 по 1864 гг. – ди-

ректор Азиатского департамента МИД. С 1864 по 1877 гг. — находился в Османской империи, сначала в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра (1864–1867), а далее в качестве полномочного посла, на посту которого активно поддерживал борьбу славянских народов против Османской империи. С 1877 г. — член Государственного совета. В 1881 г. — Министр государственных имуществ. С 1881 по 1882 гг. — Министр внутренних дел. В 1882 г. предложил императору Александру III созвать Земский собор для укрепления положения самодержавия. Проект был отвергнут, а Игнатъев отправлен в отставку. С 1884 г. — президент Общества для содействия русской промышленности и торговли. С 1888 г. — президент С.-Петербургского славянского благотворительного общества. В 1896 г. награждён орденом св. Андрея Первозванного. Умер в имении Круподерницы в Киевской губернии. Сочинение: Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент в январе 1861 г. генерал-адъютантом Н.П. Игнатъевым, о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 г. Подробнее см.: *Хевролина В.М.* Игнатъев // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2020). Режим доступа: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3822293 (дата обращения: 7.05.2020).

¹⁵² Подчеркивание Ф.Р. Остен-Сакена.

¹⁵³ Далее следует врезка Остен-Сакена: «9 марта 1859 года архимандрит Палладий писал из Пекина директору Азиатского департамента Е.П. Ковалевскому: «...я слышал ? (вопросительный знак поставлен Остен-Сакеном — А.К.), что мой доморощенный дневник представлен Вашему Превосходительству, может быть я не должен был бы высказывать с такою дерзостью свои личные и исключительные взгляды, которые могли быть оттеняемы обстоятельствами; но я уступил настоящему желанию Петра Николаевича и собрал воедино мои старые воспоминания, согрешил на старости лет и службы. Утешаюсь хотя бы тем, что мои писания не обратят (на себя) строгого внимания Вашего и останутся под спудом неизвестности и незначительности». Далее, по всей видимости, идут слова самого Ф.Р. Остен-Сакена: «Так они и остались до сих пор; но смею надеяться, что эти наблюдения и мысли хорошего русского человека когда-нибудь появятся на свет Божий. 27 сентября 1905 г».

¹⁵⁴ Примечание Иванова и Десницкого: В мире — Кафаров. См.: [Вселовский Н. Кафаров (Палладий) //] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Т. XIVa. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1895. С. 832].

¹⁵⁵ Все даты в дневнике Палладия указаны по старому стилю.

¹⁵⁶ Айсиньгюро Ичжу (кит. Айсиньцзюэло 愛新覺羅. Aisin Gioro 奕訢, 17.07.1831–22.08.1861) — девятый император эпохи Цин. Правил с 9.03.1850 по 22.08.1861. Девиз правления — «Сяньфэн» (咸豐 «Всеобщее

изобилие»). Посмертное храмовое имя «Вэнь-цзун» (文宗 «Просвещенный предок»).

¹⁵⁷ Примечание Иванова и Десницкого: 1807–1860. Уроженец пров. Хубэй. Отличился суровыми мерами против тайпинов. Назначенный в Кантон вызвал войну с Англией. После взятия англичанами Кантона был взят в плен и умер в Калькутте.

¹⁵⁸ Примечание Ф.Р. Остен-Сакена: *Кантон был взят Англо-Французами 29 декабря по новому стилю 1857 г. Е Минчэнь был найден в городе и взят в плен 5 января нового стиля 1858 г.; вместе с ним задержан губернатор провинции Pih-Kwei [Бо Гуй]. Е Минчэнь было решено отправлять в Калькутту; а его помощника водворили начальником Кантона, конечно, с английским и французским ассистентами. С задачей управлять городом с его миллионным населением европейцы не совладали бы. Об указе, заключающем изложение Е и назначение ген. губернатором Хуан Цзун-ханя, лорд Элгин донёс лорду Кларендону из Нинбо 19 марта 1858 г. Он объясняет при этом, что не успел добыть экземпляра сего указа, и прибавляет характернейшую для китайцев подробность, что в том же указе Богдыхан утверждает Pih-Kwei временным ген. губернатором; игнорируя, разумеется, совершенно, распоряжение сделанные для этого лица Англичанами!! (См.: *Correspondence Relative to the Earl of Elgin's Special Missions to China & Japan, 1857–1859. London, 1859. Page 231*).*

Бо Гуй (柏貴) (?–1859), цинский сановник. Второе имя – Юй-тянь (雨田). Монгол из рода Эчжэтэши (кит. 額哲忒氏), состоял в корпусе Жёлтого знамени. В 1819 г. выдержал провинциальные экзамены. Занимал должности начальника уезда (чжи-сянь 知縣) и начальника области (чжи-чжоу 知州) в провинциях Гуанси и Гуандун, служил генерал-губернатором (сюнь-фу 巡撫) в провинции Хэнань (河南). В период Второй опиумной войны предлагал пойти на компромисс к англо-французским требованиям. Подал доклад с жалобой на губернатора Е Минчэня, после смещения которого некоторое время исполнял обязанности губернатора провинций Гуандун и Гуанси. В период своего губернаторства сотрудничал с английскими представителями, тем самым создав повод для китайских историков называть территории провинций Гуандун и Гуанси того периода первым марионеточным государством в Китае. Умер в Гуанчжоу. Подробнее см.: Бо Гуй (柏貴). Режим доступа: <http://baike.baidu.com/view/384121.htm> (дата обращения: 07.05.2020).

¹⁵⁹ Хуан Цзунхань (黃宗漢) (1803–1864) – цинский сановник. Второе имя – Цзи-юнь (季雲). Прозвище – Шоу-чэнь (壽臣). Родился в г. Цюань-чжоу (泉州) провинции Фуцзянь. В 1835 г. успешно сдал экзамены на высшую учёную степень *цзиньши*, после чего занимал различные чиновничьи посты: управляющего делами военного министерства (бин-бу

чжу-ши 兵部主事), управляющего канцелярией военного министерства (цзюнь-цзи чжан-цзин 軍機章京), цензора (цзи-ши-чжун 給事中) и др. В 1857 г. назначен наместником провинций Гуандун и Гуанси. Умер от болезни в Шанхае, похоронен в Цюаньчжоу. Подробнее см.: Хуан Цзунхань (黃宗漢). Режим доступа: <http://baike.baidu.com/item/黃宗漢> (дата обращения: 07.05.2020).

¹⁶⁰ Примечание Иванова и Десницкого: Лорча – судно с корпусом европейского типа, китайским рангоутом и парусами. Экипаж обыкновенно туземный под командой европейца. Название «лорча» занесено в Китай из Южной Америки португальскими колонистами. Здесь судно «Arrow», из-за захвата [экипажа] которого китайцами началась первая война Европы с Китаем. Не совсем ясно, по какой причине Вторая опиумная война в примечаниях Иванова и Десницкого названа «первой». Вероятно, ошибка.

¹⁶¹ Примечание Иванова и Десницкого: года правления Сянь-Фын – 1851–1862.

¹⁶² Учреждено в 1708 г. по высочайшему повелению императора Сюаньэ (愛新覺羅 玄燁, 4.05.1654–20.12.1722, правил с 5.02.1661 по 20.12.1722. Девиз правления – «Канси» (康熙 «Прощающее и лучезарное»). По смертное храмовое имя – «Шэн-цзу» (聖祖 «Священный предок») при Дворцовой канцелярии для подготовки китайцев-переводчиков с русского языка и перевода посланий, приходивших из России и отправляемых туда. Подробно см.: Лапин П.А. Первая школа русского языка в Китае. М.: Вост. лит., 2009.

¹⁶³ 23 октября 1856 г. после неудачных переговоров между британским консулом в Гуанчжоу и Е Минчэнем, британцы начали операцию по взятию барьерных фортов на р. Чжуцзян (珠江). После их успешного захвата англичане приступили к бомбардировке резиденции наместника Е Минчэня в Гуанчжоу. 29 октября британские войска вошли в город, 5 ноября были уничтожены военные джонки китайцев. 5 января 1857 г. британцы возвратились в Гонконг. В конце декабря 1857 г. британско-французские войска возобновили боевые действия в Гуанчжоу, которые привели к окончательному взятию города в начале января 1858 г. См.: Извлечение из рапорта контр-адмирала Сеймура о действиях его против Кантона // Морской сборник. 1857. Т. XXVII. С. 175–185.

¹⁶⁴ Подразумевается Лифаньюань.

¹⁶⁵ Примечание Иванова и Десницкого: Посланник Франции Gros, Baron Jean-Baptiste-Louis (1793–1870).

¹⁶⁶ Юйчэн (裕誠, ?–1858) – китайский сановник. Происходил из знатного маньчжурского рода Tunggiya hala (кит. Тунцзяши 佟佳氏), принадлежал к маньчжурскому корпусу Жёлтого знамени с каймой (Сян-хуан ци 鑲黃旗).

В 1826 г. назначен Левым начальником контрольного приказа (*Цзо Ду Юй-ши* 左都御史). 12 января 1839 г. назначен главой военного министерства (*Бин-бу шаншу* 兵部尚書). В 1848 г. назначен воеводой (*цзян-цзюнь* 將軍) г. Цзинчжоу (荊州). В 1851 г. назначен главой министерства финансов (*Ху-бу шаншу* 戶部尚書). В 1852 г. получил титул *да сюэ-ши* (大學士) Павильона Хранящего письма (Вэнь-юань гэ 文淵閣), а затем *да сюэ-ши* Зала Литературного таланта (Вэнь-хуа дэнь 文華殿). В период написания дневника Палладия – управитель делопроизводством Палаты по управлению инородцами (管理理藩院事務). Принимал участие в подавлении восстания тайпинов. Умер от болезни. Посмертное имя – «Вэнь-дуань» (文端 «Образованная пристойность»). См.: Юйчэн (裕誠). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/裕誠> (дата обращения: 7.05.2020).

¹⁶⁷ Примечание Иванова и Десницкого: Ген.-ад. Граф Евфимий Васильевич Путятин (1803–1883), участник Наваринского боя, покорения Кавказа, экспедиции против туркмен, основатель первой русской морской станции у острова Ашур-Ада, в Астрабадском [Горганском] заливе Каспийского моря. Посол в Персию (1842). Посол в Японию (1853–1855), подписал с нею трактат в Симода. Во время пребывания в Китае трижды посетил Японию, с которой заключил ещё два трактата: в Нагасаки (1857) и в Эдо (1858). В 1861 г. Министр Народного Просвещения и в том же году Член Государственного Совета.

¹⁶⁸ Административная палата, ведающая военными тайнами (кит. *Бань-ли цзюнь цзи-ши ши-у чу* 辦理軍機事務處, сокр. *Цзюнь цзи-чу* 軍機處). Официально образована в 1730 г. Изначально занималась военными вопросами, впоследствии превратилась в высший совещательный орган при императоре, в который входили члены императорской фамилии и ключевые сановники. Число участников варьировалось от трёх до десяти, но, как правило, в состав входило пять сановников: два маньчжура, два китайца и представитель императорской фамилии с титулом Великий князь Мира и Величия (кит. *Хэ-шо цинь-ван* 和碩親王). Просуществовала до 1911 г.

¹⁶⁹ Маньчжурское название города Айгун (кит. Айхунь 瑯琿), основанного в 1685 г. (по другим данным – в 1686 г.). Находится в совр. провинции Хэйлунцзян.

¹⁷⁰ Подразумевается неясность российско-китайской границы, возникшая в результате продвижения Российской империи в Среднюю Азию – в первую очередь, в области Семиречья (территория совр. Казахстана).

¹⁷¹ После многократных неудачных попыток добраться до Пекина в 1857 г. (сначала через Кяхту, затем через Маньчжурию и, наконец, через Тяньцзинь) для проведения переговоров с китайцами, посольство

Путятину присоединилось к концерту европейских держав, после чего действовало одновременно с ними.

¹⁷² Примечание Ф.Р. Остен-Сакена: *8-я статья Тяньцзиньского трактата, по поводу христианства, не понравилась и в Петербурге. Некоторым оправданием могла бы служить инструкция, сообщённая гр. Путятину 4 мая 1857 г. В этой инструкции, написанной вследствие ходатайства Англии о... [одно слово пропущено] где гр. Путятин содействовал целям, преследуемым англичанами в Китае, было, между прочим, поручено нашему представителю стараться об обеспечении свободы вероисповедания для христиан в Китае. Французский трактат (ст. 13) упоминает о «religion chrétienne» вообще, тогда как 8-я ст. английского трактата говорит только о Протестантах и Католиках. След[овательно] Путятин мог бы, конечно, ограничиться упоминанием православия; и вот здесь и высказалось всё неудобство совместных действий с Зап. державами. Впрочем, следует заметить, что гр. Путятин, при всей своей набожности и страстном исполнении обрядов православной церкви имел замечательную наклонность к католицизму, верил в чистилище [Согласно католическому вероучению, чистилище – промежуточное состояние между адом и раем, в котором до искупления пребывают души умерших, не отягощённые тяжёлыми грехами. Православное вероучение отрицает существование чистилища – А.К.] и т.п.; и при составлении ст. 8, конечно, имел в виду и католиков.*

¹⁷³ См.: примечание № 162.

¹⁷⁴ Первый был получен Путятиным ещё до отъезда из России, два других – у берегов Китая.

¹⁷⁵ По всей видимости, подразумевается комплекс зданий, в котором работали и квартировались члены Верховного военного совета – маньчжуры.

¹⁷⁶ Сады совершенной ясности (圓明園). Строительство их началось в 1707 г. при четвёртом императоре династии Цин, Айсиньгйоро Сюанье. Уничтожены и разграблены англо-французскими войсками в 1860 г.

¹⁷⁷ Китайский пристав (лань-чжун 郎中) РДМ, чиновник Лифаньюаня, китаец Сучжанъа (蘇障阿). В первой публикации дневника упоминается как «С».

¹⁷⁸ Хайдянь (海澱) – район у западных ворот Пекина; современный район на северо-западе Пекина, называемый также «университетским районом».

¹⁷⁹ Сичжимэнь (西直門) – данные ворота известны с эпохи Юань (1271–1368), однако название своё получили в эпоху Мин (1368–1644). В период Цин (1644–1912) ворота часто использовали для доставки в Пекин

воды из источника Юйцюань (玉泉 Нефритовый источник). Снесены в 1952 г.

¹⁸⁰ Обводной канал входил в число фортификационных построек столицы и выполнял функции рва и транспортной артерии. Глубина рва в разных частях города составляла от одного до трёх метров. См.: Beijing city fortifications (Пекинские городские фортификации). Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Beijing_city_fortifications (дата обращения: 7.05.2020).

¹⁸¹ Подразумеваются лотосы или водяные лилии.

¹⁸² От. кит. 茶房 – название общественного места, где подавали чай. В данном случае, речь идёт о чайной, обсуживающей чиновников Лифаньюаня.

¹⁸³ *Пайцза* (от кит. *пай-цзы* 牌子, дословно «табличка») – верительные дощечки, выдававшиеся ханским посланцам и уполномоченным разных рангов. Изготавливались из различных материалов: дерева, меди, серебра и золота. Широкое распространение получили в Монгольской империи. Подробно см.: *Пайцза* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIIa. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1897. С. 596–597.

¹⁸⁴ Боцзюнь (Байцзюнь (柏俊) (ум. 1859 г.) – цинский сановник монгольского происхождения. Происходил из знатного рода Балутэ (кит. 巴魯特). Имя при рождении Сун Суй (松俊). Второе имя – Цзин-тао (靜濤) принадлежал к корпусу монгольского Синего знамени (*Чжэн-лань ци* 正藍旗). Ок. 1827 г. получил степень *цзиньши* и титул Благородного мужа, подающего большие надежды (*шу-ци-ши* 庶吉士), что означало высокий результат на экзаменах на степень *цзиньши*. Через два года получил титул *да сюэ-ши*. Прославился как честный и справедливый чиновник. В результате интриг императорского фаворита Сушуня (肅順) (подробнее о нём см. примечание №255) был ложно обвинён в получении взятки за экзамены и казнён. Подробнее см.: Байцзюнь, чиновник эпохи Цин (柏俊(清代官員)). Режим доступа: <http://baike.baidu.com/subview/2920008/10256131.htm> (дата обращения: 7.05.2020); *Пекинский корреспондент [архимандрит Палладий (Кафаров)]*. Бо Цзюнь // Известия Императорского Русского географического общества. 1872. Т. VIII. СПб.: типография В. Безобразова и комп. С. 308–310.

¹⁸⁵ Пэн Юньчжан (彭蘊章, 24.08.1792–31.12.1862) – цинский сановник китайского происхождения. Происходил из провинции Цзянсу (江蘇), область Чжанчжоу (長洲) (совр. город Сучжоу (蘇州)). В 1835 г. получил степень *цзиньши*. Служил Управителем канцелярии (кит. *чжу-ши* 主事) Министерства общественных работ (кит. *Гун-бу* 工部) и являлся членом Верховного совета. Впоследствии занимал различные посты и состоял

советником при молодом императоре Ичжу за что пользовался огромным доверием у последнего. В 1855 г. получил титул *да сюэ-ши*. Умер в Пекине. Посмертное имя – «Вэнь-цзин» (文敬, «Образованная почтительность»). См: Пэн Юнь-чжан (彭蕴章). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/彭蕴章> (дата обращения: 7.05.2020).

¹⁸⁶ Т.е. являлся членом придворной партии, придерживающейся изоляционистской политики Китая в отношении остального мира.

¹⁸⁷ В первой редакции публикации дневника Палладия приводится точное название журнала – China's Mail. См.: А.Л. Выписки из дневника, ведённого в Пекине в 1858 году // Морской сборник. Т. XLVIII. № 9. С. 487. Китайское название – «Чжунго Ю-бао» (中國郵報). Англоязычный журнал, выходивший с 1845 по 1974 гг. Редакция располагалась в Гонконге на Веллингтон стрит (Wellington St.).

¹⁸⁸ Примечание Иванова и Десницкого: James Earl of Elgin and Kincardine (1811–1862) Верховный комиссар и уполномоченный Великобританского Правительства в Китае. До этого губернатор о. Ямайки и генерал-губернатор Канады, после Китая – Вице-король Индии (см.: Walrond. Letters and Journal of James, Eighth Earl of Elgin. London, 1873; Wrong. The Earl of Elgin. London, 1905).

¹⁸⁹ На тот момент у императора Ичжу была одна супруга в статусе императрицы (Хуан-хоу 皇后) – Цыань (慈安, 12.08.1837–8.04.1881, с 1852 г. – императрица). Цыси (慈禧, 29.11.1835–15.11.1908, в браке с 1851 г.) получила статус императрицы уже после смерти Ичжу, а в период описываемых событий имела титул *И-гуй-фэй* (Прелестная драгоценная супруга 懿貴妃) третьего ранга и уступала по знатности лишь императрице и наложнице с титулом *Хуан-гуй-фэй* (Императорская драгоценная супруга [второго класса] 皇貴妃), которой у императора Ичжу не было.

¹⁹⁰ Примечание Иванова и Десницкого: Генерал-губернатор Восточной Сибири (1847), граф Муравьев-Амурский (1809–1881) заключил 16 мая 1858 г. Айгунский трактат.

¹⁹¹ Тунчжоу (通州) – населённый пункт, находящийся на северной оконечности Великого канала к востоку и юго-востоку от Пекина. Совр. район городского подчинения в составе Пекина.

¹⁹² Найти реку с таким названием не удалось, но под описание вполне подходит р. Ляншуйхэ (凉水河), протекающая ныне к юго-западу, югу и юго-востоку от китайской столицы. Возможно, речь об одном из её притоков.

¹⁹³ Точное значение *ли* (里) варьировалось в зависимости от эпохи. Стандартизированное значение составляет 500 метров. Согласно данным

Иакинфа (Бичурина) в XVIII–начале XIX вв. один *ли* составлял 267 саженей и 6 футов (около 571,5) м. См.: Ли, мера длины // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIIa. 1896. С. 626.

¹⁹⁴ Возможно, 於家園. Место в совр. районе Чаоян (朝陽區) в Пекине.

¹⁹⁵ Чжанцзявань (張家灣) – городок к юго-востоку от Пекина. См.: Чжанцзявань (張家灣). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/张家湾> (дата обращения: 7.05.2020).

¹⁹⁶ Байхэ (白河) – приток реки Чаобайхэ (潮白河), которая в свою очередь является частью речной системы Хайхэ (海河).

¹⁹⁷ Хайцзы (海子) – место к югу от Пекина, которое с эпохи Цзинь и до последних лет эпохи Цин использовалось как охотничьи угодья и зверинец. Совр. парк на территории Пекина. См.: Пекинский парк Озерцо (北京海子公園). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/北京海子公园> (дата обращения: 7.05.2020).

¹⁹⁸ 那呀咭 – записка во время коллективных трудоёмких работ, сходная по смыслу с рус. «Раз-два, взяли».

¹⁹⁹ Матоу (馬頭) – деревня к юго-востоку от Пекина. Совр. Матоуцунь (馬頭村).

²⁰⁰ Аньпин (安平) – населённый пункт, расположенный примерно в середине пути между Пекином и Тяньцзинем. Совр. Аньпинчжэнь (安平鎮).

²⁰¹ Хэсиу (河西務) – населённый пункт, между Пекином и Тяньцзинем. Совр. Хэсиучжэнь (河西務鎮). Упоминаемая ниже мечеть до наших дней не сохранилась.

²⁰² Информацию о данном населённом пункте найти не удалось. По всей видимости, он находился между местечками Хэсиу и Янцунь, а в данный момент входит в состав Тяньцзиня.

²⁰³ Янцунь (楊村) – населённый пункт к северо-западу от Тяньцзиня. Совр. район Тяньцзиня Янцуньчжэнь (楊村鎮).

²⁰⁴ В оригинале «богуань». Вероятно, подразумевается *бо-чуань* (剝船 маленькая грузовая джонка).

²⁰⁵ Пукоу (浦口) – населённый пункт. По всей вероятности, находился в районе современного района Хэпин (和平區) в Тяньцзине.

²⁰⁶ Динцзыгу (丁字沽) – населённый пункт, расположенный в одноимённом районе совр. Тяньцзиня.

²⁰⁷ Несамостоятельное судно с малой осадкой, в данном случае использованное в качестве опоры для наплавного моста.

²⁰⁸ р. Вэйхэ (衛河). Подробнее см.: Вэйхэ (衛河). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/卫河> (дата обращения: 7.05.2020).

²⁰⁹ Саньчэхэ (三岔河). Место в районе Хэбэй (河北區) в совр. Тяньцзине.

²¹⁰ Таку. Подробнее о Дагу см.: выше.

²¹¹ Широкий безрукавный плащ с капюшоном.

²¹² Хуан-ди (皇帝) – одно из наименований китайского императора.

²¹³ Хай-гуан сы (海光寺 «Храм морского сияния»). Буддийский храм, находившейся к югу от Тяньцзиня. Его постройка была начата в 1705 г. 9 июля 1900 г. был разрушен японскими войсками, входящими в состав Альянса восьми держав (Австро-Венгрия, Великобритания, Германская империя, Королевство Италия, Российская империя, США, Франция, Японская империя), вторгшихся в Китай для подавления восстания ихэтуаней. Подробнее см.: Хай-гуан сы (海光寺). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/海光寺> (дата обращения: 9.08.2020).

²¹⁴ Цзяннань (江南) – название области в Китае, занимавшей берег нижнего течения р. Янцзы.

²¹⁵ Чжэцзян (浙江) – южная провинция в Китае.

²¹⁶ Вероятно, *ша-чуань* (沙船) – речное плоскодонное судно.

²¹⁷ Река, протекающая на территории России и Монголии.

²¹⁸ Сяньшуйгу (鹹水沽) – населённый пункт. В наши дни находится в районе Цзиньнань (津南區) Тяньцзиня.

²¹⁹ От татарского «теперь», «уже».

²²⁰ Кит. гу (谷) – углубление, жёлоб.

²²¹ Гэгу (葛沽) – населённый пункт. В наши дни находится в районе Цзиньнань Тяньцзиня.

²²² Подразумевается Первая опиумная война (1840–1842).

²²³ Синьчэн (新城) – населённый пункт. В наши дни находится в новом районе Биньхай (濱海新區) в Тяньцзине.

²²⁴ Чжили (直隸 «Непосредственно подчиняться»). В эпоху Цин – название столичной провинции с Пекином, Тяньцзином, совр. частями провинций Хэбэй (河北), Ляонин (遼寧), Хэнань (河南) и автономным районом Внутренняя Монголия.

²²⁵ От кит. *ма-дао* 馬道 – дорожка для верховой езды.

²²⁶ Вероятно, Сань-чуань мяо (三川廟 «Храм [слияния] трёх рек»). Найти информация об этом храме не удалось.

²²⁷ Бянь Баошу.

²²⁸ Цанчжоу (滄州) – область в провинции Хэбэй. Ныне одноимённый городской округ.

²²⁹ Примечание Иванова и Десницкого: Впоследствии вице-президент Ху-бу (Финансового ведомства), член Цзун-ли-ямэня, глава Министерства Юстиции.

Тань Тинсян (譚廷襄, ?–1870) – цинский сановник. Второе имя – Чжун-я (竹厓). Происходил из провинции Чжэцзян, уезд Шаосин (紹興). В 1833 г. получил степень *цзиньши* и статус *шу-цзи-ши* (庶吉士) в академии Хань-линь. Служил в Министерстве наказаний (Син-бу 刑部). С 1847 г. служил начальником (知府) столичной области Чжили. В 1856 г. вступил в должность генерал-губернатора (*сюнь-фу* 巡撫) провинции Шэньси (陝西). В 1858 г. после взятия англо-французскими войсками фортов в Дагу был отстранён от должности и отправлен в Или (совр. Синьцзян-Уйгурский автономный район). В 1859 г. возвращён на должность генерал-губернатора Шэньси с поручением изучить положение христиан в Китае. В 1861 г. назначен на должность генерал-губернатора провинции Шаньдун (山東). В 1862 г. назначен Главным инспектором по речным делам (*Хэ-дао цзун-ду* 河道總督) в районе Хэдун (河東). С 1864 г. исполнял различные должности в Министерствах наказаний, общественных работ, финансов и других ведомствах. Посмертно был пожалован титулом Младшего опекуна наследника престола (*Тай-цзы шао-бао* 太子少保). Посмертное имя – «Дуанькэ» (端恪 «Образцовая почтительность»). Подробнее см.: Тань Тин-сян (譚廷襄). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/譚廷襄> (дата обращения: 7.05.2020).

²³⁰ Подразумевается пароход «Америка», на котором находилось путятинское посольство. В указанный момент стоял на рейде в устье р. Хайхэ.

²³¹ Цянь Синь-хэ (Цянь Ци-хэ, 錢忻和/钱圻和, годы жизни неизвестны) – цинский сановник. Его кисти принадлежит трактат «Секреты ловли саранчи» («Бу хуан яо-цзюэ» 捕蝗要訣), вышедший в 1856 г. В период тяньцзиньских переговоров занимал должность чжилийского комиссара по гражданским и финансовым делам (Чжили *бу-чжэн* 直隸布政) и выполнял обязанности посланника (*ши-чэнь* 使臣). См.: *Цзи Цюхуа* (季秋華). Сочинения о достоверных фактах новой истории Тяньцзиня (Тяньцзинь *цзинь-дай ши дэ цзи-ши чжи цзо* 天津近代史的紀實之作) // Библиотечная работа и исследования (Ту-шу-гуань гун-цзо юй янь-цзю 圖書館工作與研究). 2010. Июль (七月). С. 64–67.

²³² Хай-шэнь мяо (Монастырь Морского бога 海神廟) – построен по приказу императора Сюань в 1695 г. Неоднократно получал дары от императоров династии Цин. В период переговоров 1858 г. на территории монастыря жил сановник Тань Тин-сян. В 1922 г. монастырь был уничтожен пожаром. В 2007 г. на его территории происходили раскопки.

²³³ Возможно, речь о поговорке «Смерть и поражение расплескались по земле» (*Сы-бай ту-ди* «死敗塗地»), упоминаемой в официальной хронике «Сун шу» 宋書.

²³⁴ *Сань-бань* (三板 или 三版 «три планки») – небольшая плоскодонная лодка, используемая для каботажного и речного плавания. «Три планки» – основание лодки и два её борта. От этого слова произошло слово «сампан» (англ. sampan).

²³⁵ Здесь и далее – курсив из второго издания дневника.

²³⁶ Подразумевается пристав Сучжана.

²³⁷ Персона неизвестна. Возможно, подразумевается «офицер Баллюзек».

²³⁸ Томас Торквемада (исп. Tomás de Torquemada, 1420–16.09.1498) – знаменитый испанский инквизитор. В 1483 г. назначен Великим инквизитором (исп. Inquisitor Generalis) Кастилии, а затем Арагона. Ему приписывается идея изгнания мавров и евреев из Испании, конфискация имущества осужденных инквизицией и многочисленные сожжения еретиков на кострах. Подробнее см.: Торквемада Томас // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIIIa. СПб, 1901. С. 631.

²³⁹ Картина написана Александром Андреевич Болтиным, одним из капитанов «Америки». Подробнее о нём см. примечание № 122.

²⁴⁰ Примечание Иванова и Десницкого: Подполковник, адъютант Н.Н. Муравьёва.

Подробнее о нём см. Дневник Остен-Сакена, запись от 11 (23) июня.

²⁴¹ Примечание Иванова и Десницкого: Ныне здравствующий Д[ействительный].Т[айный].С[оветник]. барон Фёдор Романович фон-дер-Остен-Сакен (р. 1832) в 1858 г. состоял при графе Путятине в качестве секретаря. Впоследствии Вице-директор Азиатского департамента, Директор Департамента внутренних сношений и Непременный член Совета Министерства иностранных дел. Автор *Souvenirs de l'Ambassade du Conte Poutiatine en Chine* // *Journal de St. Pétersbourg*, 1876).

²⁴² Суйфэньхэ (Суйфынхэ, 綏芬河) – река, берущая исток в совр. провинции Хэйлунцзян в КНР и протекающая по южной части Приморского края России до впадения в Амурский залив. До 1972 г. в России называлась Суйфун, впоследствии – река Раздольная.

²⁴³ Штуцер (от нем. strutzen – «укоротить»). Подразумевается нарезное оружие, отличающееся лучшими характеристиками дальности, чем гладкоствольное. Примечательно, что в указанный период Российская империя значительно уступала Британской и Французской по оснащённости нарезным оружием, которое в русской армии по-прежнему

считалось элитным, тогда как в британских войсках уже в Крымскую войну активно применялось и рядовым составом.

²⁴⁴ Речь о сожжении китайцами русской фактории в Чугучаке в 1855 г. Одной из важнейших причин этого послужило недовольство китайских золотопромышленников (в числе которых было множество ссыльных), выдворением их русскими войсками из Семиречья. См.: *Васильев В.П.* Воспоминание об И.И. Захарове // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1885. Ноябрь. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1820-1840/Zacharov/text.htm> (дата обращения: 21.08.2019).

²⁴⁵ Среди представителей русской делегации был коллега Палладия по XII РДМ, Алексей Алексеевич Татаринов и переводчик Азиатского департамента, о. Аввакум (Честной) с которым Палладий состоял в переписке. См. примечания № 120 и 121.

²⁴⁶ «Укреплять стены, очищать поля» (坚壁清野) – китайская тактика перехода к глубокой обороне. Данное выражение взято из биографии полководца Сюнь Юя (荀彧, 163–212), содержащейся в официальной исторической хронике периода Троецарствия (*Сань-го* 三國, 220–280) – «Сань-го чжи» (三國志 «Записки о трёх царствах»), составленной историком Чэнь Шоу (陳壽, 233–297).

²⁴⁷ Примечание Иванова и Десницкого: Баллюзек Лев, фл.-ад. Полковник гв. артиллерии, участник обороны Севастополя, сопровождал Н.П. Игнатьева во время его посольства в Пекин (1859–1860), Министр-резидент в Пекине, заключил с Китаем в 1862 г. конвенцию о сухопутной торговле, в 1863 г.; Тургайский губернатор. Умер в 1879 г. почётным опекуном в СПб.

²⁴⁸ Айсиньгоро Исинь (愛新覺羅·奕訢, 11.01.1833–29.05.1898) – шестой сын императора Миньнина. В 1850 г. получил титул Гун цинь-ван (恭親王 Почитаемый великий князь). В период Второй опиумной войны принадлежал к клике, предлагавший заключить мир с иностранцами. В 1860 г. принимал участие в переговорах с Россией, Англией, Францией и США в Пекине, в ходе которых подписал с западными державами Пекинский трактат. До конца 60-х гг. XIX в. считался влиятельной фигурой при маньчжурском дворе. Инициировал создание в 1861 г. Цзунли ямэня (кит. 總理衙門 «Главный приказ [по иностранным делам]»).

²⁴⁹ Михаил Данилович Храповицкий (1823–4.11.1860) – русский дипломат, студент в составе XIII РДМ. Родился в семье священника Крестецкого уезда Новгородской епархии Язвицкого погоста. Окончил Новгородскую духовную семинарию. В августе 1845 г. поступил в С.-Петербургскую духовную академию, которую окончил со степенью магистра богословия. В Пекине служил псаломщиком XIII РДМ, заведовал хозяй-

ственной частью миссии. Занимался маньчжурским языком и изучал китайское законодательство, в 1858 и 1860 гг. участвовал в русско-китайских переговорах в Тяньцзине и Пекине. По возвращении в Россию награждён пенсией и орденом Св. Владимира 4-й степени. Трагически погиб, выпав из окна.

²⁵⁰ Вероятно, кит. 唯天是鑑 – «лишь Небо рассудит».

²⁵¹ Кит. 來來.

²⁵² Айсингйоро Циин (愛新覺羅·耆英, 21.03.1787–29.06.1858) – цинский сановник. Принадлежал к корпусу Синего знамени (Чжэн лань-ци 正藍旗). В разные периоды занимал посты в министерствах податей, общественных работ и ритуала. Был назначен командующим (Цзян-цзюнь 將軍) знамённых войск в провинции Шэнцзин (盛京省 – совр. провинция Ляонин). В период Первой опиумной войны сочетал должности командующего провинции Гуандун, наместника (Цзун-ду 總督) провинций Гуандун и Гуанси (кит. Лян-гуан 兩廣 «Два Гуана»), а также Императорского посла (Цинь-чай да-чэнь 欽差大臣 «Высочайше уполномоченный высокий сановник»). Представлял маньчжурское правительство на переговорах после окончания Первой опиумной войны. После чего находился в опале, но в 1858 г. вновь возвращён на дипломатическое поприще. Принимал участие в Тяньцзиньских переговорах 1858 г., как неофициальный представитель Цинов, но не найдя общего языка с европейцами, и опасаясь военных действий, бежал в Пекин. По дороге в Пекин был схвачен китайскими властями и принужден совершить самоубийство. См.: Чэнь Кайкэ. Указ. соч. С. 462.

²⁵³ 剝船 или 駁船 – баржа или грузовой сампан.

²⁵⁴ Примечание Иванова и Десницкого: Нянь-нянь [娘娘] – матушка, покровительница. Доу-[чжэнь] нянь-нянь [痘疹娘娘] – целительница оспы. Янь-гуан нянь-нянь [眼光娘娘] – целительница глазных болезней. Сун-цзы нянь-нянь [送子娘娘] – покровительница чадородия (посылающая детей и т. д.).

²⁵⁵ В публикации 1912 г. стоит «Сумунь», что скорее всего является ошибкой, допущенной при прочтении рукописи – буквы «ш» и «м» легко спутать. Подразумевается Айсиньгйоро Сушунь (愛新覺羅·肅順) (26.11.1816–сентябрь 1861) – влиятельный цинский сановник и военачальник. Относился к маньчжурскому Синему знамени с каймой (鑲藍旗). Расцвет карьеры пришёлся на правление императора Ичжу, при котором Сушунь занимал различные посты в Министерстве [общественных] работ (Гун-бу 工部), Министерстве церемоний (Ли-бу 禮部), Министерстве податей (Ху-бу 戶部). В 1857 г. получил должности Левого начальника контрольного приказа (Цзо ду-юй-ши 左都御史), канцлера Палаты по управлению инородцами (Лифаньюань шаншу 理藩院尚書) и

Командующего знамённым войском (*Дутун* 都統). Был одним из ярых сторонников изоляционизма Китая. В период Второй опиумной войны отстаивал необходимость ведения войны против западных держав. В 1858 г. назначен канцлером Министерства ритуалов при сохранении контроля над Палатой по управлению инородцами. На следующий год занял должность Военного министра (*Цзюнь-цзи да-чэнь* 軍機大臣) и получил звание *да сюэ-ши* Павильона Хранящего письма (*Вэнь-юань гэ да сюэ-ши* 文淵閣大學士). Входил в число восьми регентов (*цзань-сян чжэн-у ван да-чэнь* 贊襄政務王大臣 Главные министры, содействующие делам управления) при малолетнем императоре Цайчуне (載淳, 27.04.1856–12.01.1875, правил с 1861 по 1875 гг. под девизом Тунчжи 同治). В 1861 г. в результате интриг матери малолетнего императора, вдовствующей императрицы Цыси и Гун Цинь-вана был на краткое время отправлен из Пекина под предлогом сопровождения гроба умершего императора Ичжу и схвачен при возвращении в столицу. Обезглавлен на базаре Цай-ши коу (菜市口).

²⁵⁶ В публикации 1912 г. стояло «желающий», что, скорее всего, описка.

²⁵⁷ Империя Мин (大明帝國) существовала с 1368 по 1644 гг. Пала в результате восстания Ли Цзычэна (李自成, 1606–1645) и вторжения маньчжуров.

²⁵⁸ Речь об участии Циина в переговорах с западными державами после окончания Первой опиумной войны: 29 августа 1842 г. английским губернатором Гонконга и главнокомандующим британских войск, дислоцированных на острове, Генри Поттингером (Henry Pottinger, 3.10.1789–18.03.1856) и Циинном был подписан англо-китайский Нанкинский трактат.

20 марта 1847 Циин и посланник Объединённого королевства Швеции и Норвегии, Карл Фредерик Лильевальш (Carl Fredrik Liljevalch, 10.07.1796–24.06.1870) подписали Гуандунский трактат.

²⁵⁹ Наряду с британской Индией, Османская империя в указанный период являлась одним из лидеров экспорта опиума.

²⁶⁰ Примечание Иванова и Десницкого: Из харацинских монголов. Отличился при отражении тайпинов, шедших на Тяньцзинь. В 1864 г. погиб в сражении с нянь-фэй'ями [捻匪] в Шаньдуне. Сэнгэринчен (кит. Сэнгэлиньцин 僧格林沁, 24.07.1811–18.05.1865) – монгольский полководец. Родился в хошуне Хорчин-Цзоихоци (кит. 科爾沁左翼後旗) (территория совр. Внутренней Монголии). Происходил из знатного рода Борджигин. В начале 50-х гг. XIX в. успешно воевал против тайпинов. В 25 июня 1859 г. во время Второго сражения за форты Дагу успешно руководил обороной фортов. После Третьего сражения за форты Дагу (с 12 по 21 августа 1860 г.) отступил к Тунчжоу. 21 сентября

1860 г. цинские войска под предводительством Сэнгэринчена потерпели сокрушительное поражение в генеральном сражении Второй опиумной войны – схватке у моста Балицяо (八里橋) в двух километрах от Тунчжоу, тем самым открыв англо-французам путь на Пекин. После Второй опиумной войны был брошен на подавление восстания *нянь-цзюней* (捻軍) (1865–1868) в ходе которого погиб в провинции Шаньдун. Посмертно удостоен титула *чжун цинь-ван* (Верный великий князь 忠親王).

²⁶¹ Речь о Первом сражении за форты Дагу, состоявшемся 20 мая 1858 (по новому стилю). Форты были взяты англо-французскими войсками после чего эскадра вошла в устье р. Хайхэ и вечером 26 мая без боя достигла Тяньцзиня. В ходе первого сражения со стороны Британии погибло 5 человек, 16 было ранено. Французская сторона потеряла 5 человек убитыми и более 60 было ранено. Потери с китайской стороны насчитывали около трёх сотен человек.

²⁶² Сю Чунлунь (許崇綸, 1792–1875) – цинский сановник. Начал службу при императоре Миньнине. В период Второй опиумной войны занимал пост *шилана* (侍郎), ответственного за столичные склады продовольствия (кит. *цан-чан* 倉場). 24 апреля 1858 г. был отправлен из Пекина в устье р. Байхэ для ведения переговоров с представителями Западных держав. Представители держав отказались от диалога, сославшись на отсутствие у Чунлуна соответствующих полномочий, после чего цинскую сторону представлял Тань Тин-сян. Подробнее о персоне см.: Чун Лунь (崇綸). Режим доступа: <http://www.chezaiyi.cn/history/146715.html> (дата обращения: 7.05.2020); Важные исторические события 1858 г. (公元1858年曆史大事件). Режим доступа: <https://www.haik8.com/bns/nyund.shtml> (дата обращения 7.05.2020); Racknitz, Ines Eben v. Political Negotiations during China War of 1860: Transcultural Dimensions of Early Chinese and Western Diplomacy // Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung. 24 (2014). Heft 5. S. 49.

²⁶³ Гуаэрцзя (Гювальгия) Гуйлян (瓜爾佳·桂良, 1785–июль 1862) – цинский сановник и дипломат. Второе имя – Янь-шань (燕山). Представитель знатного маньчжурского рода Гювальгия (Gūwalgiya, кит. Гуаэрцзя 瓜爾佳), принадлежал к корпусу Красного знамени (*Чжэн-хун ци* 正紅旗). В 1853 г. назначен наместником (*цзун-ду* 總督) столичной провинции Чжили (直隸). Вместе с Сэнгэринченом оборонял провинцию от тайпинов. В 1856 г. удостоен титула *да сюэ-ши* Восточного терема (*дун-гэ да сюэ-ши* 東閣大學士). В период Второй опиумной войны принадлежал к «партии мира», которая предлагала пойти на уступки европейцам. Представлял империю Цин на переговорах 1858 г. в Тяньцзине и 1860 г. в Пекине. Принимал участие в работе *Цзунли ямэня* в должности министра (*да-чэнь* 大臣). После казни Сушуня занял должность Военного министра. Посмертное имя – «Вэнь-дуань» (文端 «Образованная пристой-

ность»). Подробнее см.: Гуйлян (桂良). Режим доступа: <http://zh.wikipedia.org/wiki/桂良> (дата обращения: 7.05.2020).

²⁶⁴ Хуашана (花沙納, 1806–1859) – цинский сановник. Второе имя – Юйчжун (毓仲). Прозвища: Сосновая пика (Сун цэн 松岑), Полукруг (Баньюань 半圓). Выходец из знатной семьи монгольского происхождения Умитэ (кит. 伍彌特), принадлежал к монгольскому корпусу Жёлтого знамени. В период правления Даогуан получил степень *цзиньши*. Состоял в академии *Ханьлинь* в чине редактора (компилятора) (*бяньсю* 編修). В обязанности *бяньсю* входило редактирование исторических летописей, однако есть сведения, что в период Цин данная должность не накладывала реальных обязанностей. Во время Второй опиумной войны принадлежал к «партии мира». Вместе с Гуйляном представлял маньчжурский двор на переговорах с иностранными державами в Тяньцзине в 1858 г. Подробнее см.: Умитэ Хуашана (伍彌特•花沙納). Режим доступа: <http://baike.baidu.com/view/1483323.htm> (дата обращения: 28.08.2020).

²⁶⁵ Примечание Иванова и Десницкого: Иван Ильич (1817–1885) – доктор маньчжурской словесности, автор маньчжурско-русского словаря, грамматики маньчжурского языка и многих трудов по синологии. Входил в состав 12-ой духовной Миссии (1840–1850). Консул в Кульдже, агент для разбора дела о сожжении китайской черню нашего консульства в Чугучаке, вслед затем Генеральный Консул в Кульдже, в этом звании в качестве полномочного комиссара произвёл разграничение наших владений от западных пределов Китая. Драгоман в Азиатском департаменте Мин. Ин. Дел. В 1869 г. доцент, а затем ординарный профессор СПб. Университета. (См.: [Ивановский А. Захаров, Иван Ильич //] Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского СПб. университета за истекшую третью четверть века его существования 1869–1894. Т. I. СПб: Типография и литография Б.М. Вольфа, 1896. С. 261–262).

Иван Ильич Захаров (1814/1816–20.09.1885) – дипломат и востоковед. Родился в селе Вислая Поляна Землянского уезда Воронежской губернии в семье дьяка. В 1837 г. окончил Воронежскую духовную семинарию, после чего поступил в С.-Петербургскую духовную академию. Не окончив курса, в 1839 г. вошёл в состав XII РДМ. В Пекине занимался китайским и маньчжурским языками, переводами, изучал этнографию и географию. Исполнял обязанности псаломщика. Участвовал в подписании русско-китайского Кульджинского трактата (25 июля 1851 г.), с 15 декабря 1858 г. служил консулом, а с 1859 г. – генеральным консулом в Кульдже. С 1868 г. преподавал маньчжурский язык на восточном факультете Петербургского университета. 17 мая 1875 г. получил степень доктора маньчжурской словесности. С 26 ноября 1884 г. – ор-

динарный профессор. Основные сочинения: Историческое обозрение народонаселения Китая // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. I. С. 247–360; Поземельная собственность в Китае // Там же. Т. II. С. 1–95. Подробно см.: *Михайлов. Захаров* // Русский биографический словарь / под. ред. Е.С. Шумигорского и М.Г. Курдюмова. Т. 7. СПб: Типография Главного управления уделов, 1916. С. 293–294.

²⁶⁶ Речь о Крымской войне.

²⁶⁷ Янцзыцзян (揚子江) – одно из названий реки Янцзы (кит. Чанцзян 長江).

²⁶⁸ Сучжоу (蘇州) – город в совр. провинции Цзянсу (江蘇).

²⁶⁹ р. Хуанхэ (黃河).

²⁷⁰ Пантайское восстание (1856–1873) (от бирманского наименования китайских мусульман, проживающих в Бирме. Кит. *пань-тай* 潘泰), или Восстание Ду Вэньсю (杜文秀, 1823–1872) по имени одного из лидеров, этнического китайца из провинции Ганьсу (甘肅), исповедующего ислам. Восставшие создали государственное образование со столицей в г. Дали (大理) провинции Юньнань (雲南) и ставили целью свержение маньчжурской династии. Были установлены связи с тайпинским восстанием и предпринимались попытки получить поддержку от Западных держав. Восстание было жестоко подавлено центральной властью. Ду Вэньсю вместе со своей семьёй совершил самоубийство.

²⁷¹ Мяо-цзы (苗子) – общее название для различных народностей, проживающих на территории современного южного Китая, северного Вьетнама, Лаоса, Таиланда и Мьянмы. С 1854 по 1873 гг. в провинции Гуйчжоу (貴州) разгорелось восстание, известное как восстание Мяо.

²⁷² Пан – древнегреческий бог скотоводства и дикой природы. От его имени ирландским философом Джоном Толандом (John Toland, 30.11.1670–11.03.1722) был образован термин «пантеизм», обозначающий религиозное и философское учение, отождествляющее бога и природу и отрицающее бога-творца. Вероятно, имя Пана Палладий, будучи православным монахом, использовал как символ нехристианского характера китайской цивилизации, распространившей свои ценности на большую часть Восточной Азии (Японию, Корею, Вьетнам).

²⁷³ Айгунский договор от 16 (28) мая 1858 г. определил русско-китайскую границу следующим образом: левый берег Амура от слияния р. Шилки и р. Аргуни признавался владением России. Вопрос об Уссурийском крае от впадения Уссури в Амур до моря оставался открытым «до определения границ между двумя государствами». Плавание по рекам Амур, Сунгари и Уссури было запрещено для всех государств, кроме России и Китая. Подробно см.: Сборник договоров России с Китаем 1689–1881 гг. С. 110–122.

²⁷⁴ Примечание Иванова и Десницкого: Принц И-шань, командовавший войсками на Амуре, племянник Императора Дао-гуан (1821–1851), подписал с Н.Н. Муравьевым Айгунский трактат. Айсиньгоро И-шань (奕山, 13.06.1790–30.06.1878) – цинский сановник, один из племянников императора Мяньнина. Принадлежал к корпусу Синего знамени с каймой. В период Первой опиумной войны руководил неудачной обороной Гуанчжоу. Затем служил генерал-губернатором (цзянцзюнь) в Илийском крае, где в 1851 г. подписал русско-китайский Кульджинский трактат. В январе 1856 г. был назначен генерал-губернатором Айгуна. В 1858 г. подписал русско-китайский Айгунский трактат. Скончался в Пекине.

²⁷⁵ Чэнь Гожуй (陳國瑞, ум. 1882) – маньчжурский военачальник. Второе имя Цин-юнь (慶雲). Краткое время воевал в составе тайпинского восстания, которое покинул. Принимал участие в подавлении восстания нянь-цзюней.

²⁷⁶ Палладий подразумевает китайскую поговорку: «[Среди] тридцати шести стратагем, бегство является наилучшим планом» (Сань-ши-лю цзи, цзоу вэй шан цзи «三十六計, 走為上計»).

²⁷⁷ Англ. «of gunboats» – из [поля зрения] канонерских лодок.

²⁷⁸ Вершниками на Руси называли конных наездников на службе у знатных людей.

²⁷⁹ Снаружи.

²⁸⁰ Рыжий таракан (лат. *Blatella germanica*). Замечание Палладия носит саркастический характер, тем не менее, родиной этих тараканов является не Европа, а южная Азия.

²⁸¹ Речь о сражениях с тайпинами, произошедшими на южных рубежах Тяньцзиня в конце 1853 – начале 1854 гг.

²⁸² Примечание Иванова и Десницкого: William B. Reed, полномочный министр и чрезвычайный посланник Америки 18 апреля 1857 г., заменённый 15 дек. 1858 г. John E. Ward. Джон Эллиот Уард (John Elliott Ward, 2.10.1814–29.11.1902) – американский политик и дипломат. Служил прокурором (атторнеем) в штате Джорджия. С 10 августа 1859 по 15 декабря 1860 гг. – посланник США в Цинской империи.

²⁸³ Ван-хай лоу (望海樓 Павильон созерцания моря) – комплекс зданий с буддийским и даосским храмами, где во время инспекционных поездок в Тяньцзинь останавливались маньчжурские императоры. В 1862 г. был снесён французами с целью возведения католического собора в память о победе во Второй опиумной войне. Собор впоследствии был

известен под тем же названием (перестраивался в 1900, 1904 и 1983 гг.). См.: Ван-хай лоу (望海樓 Павильон созерцания моря). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/望海樓> (дата обращения: 7.05.2020).

²⁸⁴ От кит. *фо* (佛 Будда).

²⁸⁵ «Боже храни Королеву[/Короля]» – гимн Великобритании, известный с XVIII в. Музыка английского гимна на слова Василия Андреевича Жуковского (29.01(9.02).1783–12(24).04.1852) («Молитва русских») с 1817 по 1833 гг. использовались как государственный гимн Российской империи.

²⁸⁶ С 1833 по 1917 гг. официальным гимном Российской империи была песня «Боже, Царя храни!» (слова – В.А. Жуковский, музыка – Алексей Фёдорович Львов (25.05(5.06).1798–16(28).12.1870).

²⁸⁷ Примечание Иванова и Десницкого: Пётр Алексеевич, брат известного синоведа [Дмитрий Алексеевич Пешуров (1833–1913)], секретарь в миссии гр. Путятин. Воспитанник Императорского училища правоведения. Умер в 90-х годах в Тифлисе, занимая должность Члена Совета Главноначальствующего.

²⁸⁸ Вероятно, подразумеваются Алексей Алексеевич Татаринов, о. Аввакум (Честной) и Михаил Данилович Храповицкий.

²⁸⁹ В издании 1912 г. указан Цин, что является явной ошибкой.

²⁹⁰ Лат. «аргумент к человеку». Способ аргументации, основанный не на сути вопроса, а характере, мотиве или другом атрибуте лица, поставившего данный вопрос. Палладий предполагает, что китайцы начали прямо критиковать Россию за её действия на Амуре.

²⁹¹ Подробнее о предоставлении Российской империей военной помощи цинскому Китаю см.: *Хохлов А.Н.* Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю. С. 284–339.

²⁹² Примечание Иванова и Десницкого: S.W. Williams (1812–1884), знаменитый синолог и миссионер.

Сэмюэл Уэллс Уильямс (Samuel Wells Williams, 22.09.1812–16.02.1884) – американский миссионер, синолог и японист. Родился в городе Утика, штат Нью-Йорк. Образование получил в Политехническом институте Ренсселера города Трой (Rensselaer Polytechnic Institute). В 1833 г. последовал в Китай чтобы возглавить издательство одной из американских миссионерских организаций в Кантоне. В 1837 г. отправился в Японию. С 1848 по 1851 гг. являлся редактором протестантского журнала «The Chinese Repository» («Китайское хранилище»), освещавшего вопросы истории и культуры Китая, а также современное положение страны. В 1853 г. в качестве переводчика принимал участие в экспедиции

командора Мэтью Кэлбрейта Перри (Matthew Calbraith Perry) (1794–1858) в Японию. В 1858 г. принимал участие в тяньцзиньских переговорах. С 1860 по 1876 гг. занимал должность временно исполняющего дипломатические обязанности американского представителя в Пекине. В 1877 г., после 43 лет пребывания в Китае, вернулся в США.

²⁹³ Вильям Александр Парсонс Мартин (William Alexander Parsons Martin, 10.01.1827–17.12.1916) – американский миссионер и востоковед. Родился в американском городе Ливония, штат Индиана. В 1846 г. окончил Университет Индианы, в те времена называвшийся Колледж Индианы. Далее изучал теологию в Пресвитерианской семинарии. В 1850 г. прибыл в китайский порт Нинбо, где более десяти лет занимался миссионерской работой. На Тяньцзиньских переговорах 1858 г. работал переводчиком при посольстве американского посланника Вильяма Рида. С 1863 по 1868 гг. находился в Пекине в качестве переводчика при американском посланнике Ансоне Бурлингейме (Anson Burlingame, 1820–1870). Известен как первый иностранец, совершивший путешествие от Пекина до Шанхая (в т. ч. проплывший по Великому каналу). С 1869 г. по 1895 гг. занимал пост руководителя Школы иностранных языков (кит. *Тун-вэнь гуань* 同文館 «Школа единой письменности») – государственная школа, организованная в 1862 г. в Пекине для преподавания китайцам европейской науки и иностранных языков: английского, немецкого, русского, французского, японского), где в т.ч. преподавал международное право.

²⁹⁴ Примечание Иванова и Десницкого: Sir Michael Seymour (1802–1887), адмирал, командовавший в 1858 г. английскими морскими силами в китайских водах.

²⁹⁵ Вероятно, речь о Мартынове, адъютанте Н.Н. Муравьева.

²⁹⁶ Возможно, Линден.

²⁹⁷ Вероятнее всего, речь о британской серебряной Крымской медали («Crimea Medal»), учреждённой 15 декабря 1854 г. Вручалась британским и французским военным служащим за участие в боевых действиях против Российской империи в Крыму и прилегавших к нему водах. На аверсе медали – бюстовое изображение королевы Виктории с диадемой на голове и латинскими надписями Victoria (Виктория) и Regina (Королева). На реверсе с левой стороны надпись Crimea (Крым). В центре – фигура римского воина в полный рост с мечом, вложенным в ножны, и щитом, на котором изображен идущий вправо британский лев. Слева древнеримская богиня Виктория, в правой руке держащая лавровый венок победителя над его головой, а в левой – пальмовую ветвь (символ триумфальной встречи). Медаль имела пять планок: Alma (Альма), Inkermann (Инкерман), Azoff (Азов), Balaklava (Балаклава), Sebastopol

(Севастополь), выполненных в форме дубовых листьев. Существовали и неофициальные французские планки: Traktir (сражение у Чёрной реки), Mamelon Vert (осада Севастополя), Malakoff (Малахов курган), Mer d'Azoff (Азовское море), Kinburn (сражение у Кинбурна). До 1860 г. было изготовлено 379 908 экземпляров медалей. Есть сведения о памятных британских и французских медалях, посвящённых Крымской войне.

²⁹⁸ Примечание Иванова и Десницкого: L'Amiral Rigault de Genouilly.

²⁹⁹ Гравюра из французского журнала «L'Illustration». Vol. XXXII. № 814. 1858. 2 Octobre. P. 213.

³⁰⁰ Судя по дневниковым записям лорда Элгина, основной причиной сдачи статей была агрессивная риторика англичан. 29 июля Элгин записал в дневнике: «We went on fighting and bullying, and getting the poor Commissioners to concede one point after another» («Мы продолжали бороться и угрожать, заставляя бедных Комиссаров уступать один пункт за другим»). См.: Letters and journals of James, Eighth Earl of Elgin. С. 253.

³⁰¹ Лат. «Поспешай медленно».

³⁰² Томас Самурез (Thomas Saumarez, (1827–1903) – английский капитан. Родился в Саттоне (Sutton). В 1841 г. поступил на флот. Служил мичманом в водах Южной Америки. С 1848 г. – лейтенант. Далее служил у берегов западного побережья Африки. С 1854 г. – командер. С 27 июля 1858 г. – капитан. Впоследствии служил у восточных берегов Южной Америки. С 1876 г. – контр-адмирал, с 1881 г. – вице-адмирал, с 1886 г. – адмирал. С 20 мая по 16 августа 1858 г. командовал судном «Баклан» («Cormorant» – деревянная канонерка (gunvessel). Спущено на воду 23 февраля 1856 г. Имело четыре орудия. 28 июня 1859 г. затонуло во время Второго сражения у фортов Дагу). Во время Первого сражения у фортов Дагу «Баклан» возглавил атаку и, прорвавшись через цепное заграждение, огнём орудий подавил китайскую крепостную артиллерию. См.: Thomas Saumarez. Режим доступа: <https://www.pdavis.nl/ShowBiog.php?id=1375> (дата обращения: 7.05.2020).

³⁰³ Речь о перемене премьер-министров в Великобритании – представителя Либеральной партии Генри Джон Темпла Палмерстона сменил глава консерваторов, Эдвард Джордж Джефри Смит-Стэнли Дерби. Следующим премьер-министром (с 12 июля 1859 по 18 октября 1865 гг.) вновь стал лорд Палмерстон.

³⁰⁴ Фредерик Вильям Адольф Врайт-Брюс (Frederick William Adolphus Wright-Bruce, 14.04.1814–19.09.1867) – британский дипломат. Младший сын Томаса Брюса, 7-го графа Элгина и 11-го графа Кинкардина. С 9 февраля 1844 по 23 июня 1846 гг. – колониальный секретарь в Гонконге. Зани-

мал пост первого секретаря в составе китайского посольства своего брата, Джеймса Брюса. 2 декабря 1858 г. назначен чрезвычайным посланником в Китай, а с 1 марта 1859 г. – старший управляющий британской торговлей в Китае. Его миссия не была допущена в Пекин и возвращена в Шанхай, где оставалась вплоть до ратификации 24 октября 1860. 7 ноября 1860 г. вновь отправился в Пекин, но был вынужден провести зиму в Тяньцзинь в связи с неготовностью его резиденции. 26 марта 1861 г. заступил на должность в Пекине. Во время пребывания в Шанхае принимал участие в переговорах о помощи маньчжурам в подавлении тайпинского восстания. Впоследствии служил британским представителем в США.

³⁰⁵ Речь, скорее всего, о еженедельной английской газете «North-China Herald» («Глашатай северного Китая»), выходившей в Шанхае с 1850 г. Основателем газеты стал британский аукционист Генри Ширман (Henry Shearman, 1798–22.03.1856). Впоследствии газета была органом печати британского консульства в Шанхае. Выходила до 1941 г.

³⁰⁶ Подразумевается отец Аввакум, при котором состоял слуга по имени Гаврила. См. Дневник Остен-Сакена, запись от 17 (29) июня.

³⁰⁷ Парусно-винтовой фрегат Российского императорского флота. Строительство начато в 1852 г. на верфи Нового адмиралтейства в Санкт-Петербурге. Водоизмещение: 2834 т. Мощность паровой машины: 360 л.с. Скорость хода: 8,25 узла под парами, до 14 узлов под парусами. Экипаж: 463 чел. Спущен на воду в 1854 г. До октября 1856 г. назывался «Мария», затем переименован в «Аскольд». В 1857 г. введен в эксплуатацию. Вооружение: 46 пушек. В 1861 г. выведен из состава Балтийского флота. Подробнее см.: Фрегат «Аскольд» // Морской сборник. 1857. № 11. С. 37–40.

³⁰⁸ Иван Семёнович Унковский (29.3(10.4).1822–11(23).8.1886) – русский мореплаватель и государственный деятель. В 1839 (1840) г. окончил Морской кадетский корпус. С 1852 по 1854 г. в звании капитан-лейтенанта командовал фрегатом «Паллада», доставившего дипломатическую миссию Путятина в Японию. В 1854 г. произведен в капитана 2-го ранга. В 1857–1860 гг. командовал фрегатом «Аскольд» в чине капитана 1-го ранга. В 1859 г. – начальник штаба эскадры, сопровождавшей Н.Н. Муравьёва-Амурского в Японию. В 1860 г. получил чин контр-адмирала. С 1861 по 1873 гг. – ярославский губернатор. С 1873 г. – сенатор. См.: Унковский Иван Семёнович // Большая российская энциклопедия. Том 33. Москва, 2017. С. 46.

³⁰⁹ Подразумевается Великий князь Константин Николаевич. См. примечание № 67.

³¹⁰ Хай Чжанью (海張五, Чжан Цзиньвэнь 張錦文, 1795–1875) – китайский купец. В детстве лишился отца и вынужден был работать приказчиком

в тяньцзиньской таверне. Впоследствии сделал состояние на соляной торговле. Во время похода тайпинов на Тяньцзинь спонсировал сбор добровольцев и лично руководил ими во время сражения за что был награждён военным чином *юцзи* (游擊). После занятия Тяньцзиня иностранцами организовал магазины и службы для исполнения их нужд. После Второй опиумной войны вызван в Пекин князем Гуном, во время переговоров с которым предложил сотрудничество с иностранцами с целью предоставления военной помощи против тайпинов. Умер в Тяньцзине. См.: И Чжао-линь (益照臨). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/益照臨> (дата обращения: 7.05.2020); Старейшие влиятельные семейства Тяньцзиня – восемь великих домов Тяньцзиня (Тяньцзинь цзуй цзао дэ хао-мэнь – Тяньцзинь ба-да-цзя 天津最早的豪門——天津八大家). Режим доступа: <https://wenku.baidu.com/view/b3032950b8f3f90f76c66137ee06eff9aef849d9.html> (дата обращения 01.04.2020).

³¹¹ Речь о парадных головных уборах чиновников (кит. *гуань мао-цзы* 官帽子) эпохи Цин. В зависимости от ранга чиновника по цинской «Системе девяти рангов восемнадцати степеней» (кит. *цзю-пинь ши-ба цзи* 九品十八級), варьировался и драгоценный или полудрагоценный камень на головном уборе. Красный шарик носили чиновники, принадлежащие к первому и второму разрядам: перворазрядные чины носили на шапке рубиновые шарики, второклассные – коралловые.

³¹² Речь о т.н. узорном (павлиньем) пере на головном уборе цинского чиновника (кит. *хуа-лин* 花翎). Первоначально перья даровались в зависимости от ранга и заслуг сановника перед императором. Существовала классификация перьев по количеству «глаз» – от одного до трёх. В описываемый период в связи с кризисом в экономике, богатые чиновники и купцы получили возможность приобретения перьев за деньги. При этом покупные перья не должны были иметь более одного «глаза».

³¹³ В указанный период в Японии правил 13-й сёгун из династии Токугава (徳川), Иэсада (家定, 6.05.1824–14.08.1858, правил с 1853 по 1858).

³¹⁴ Исходя из последующих слов, судя по всему, пропущена частица «не».

³¹⁵ Не колеблясь.

³¹⁶ У Уильяма Брэдфорда Рида было трое сыновей: Уильям Рид (William Reed, 7.06.1838–25.01.1908), Джордж Вашингтон Рид (George Washington Reed, 25.01.1840–25.08.1885) и Роберт Ральстон Рид (Robert Ralston Reed, 1852–1887). По всей видимости, речь идёт о Уильяме или Джордже, т.к. Роберт Ральстон Рид на тот момент был ещё слишком молод.

³¹⁷ Примечание Иванова и Десницкого: Александр Алексеевич (1817–1866), врач и переводчик 12-й Духовной миссии, впоследствии консул в Чугучаке.

³¹⁸ Кит. Лао-тянь (老天) – Небо, Бог.

³¹⁹ По всей видимости, под этими словами Палладий подразумевает европейскую расу, к которой относятся и народы Кавказа.

³²⁰ Речь о третьей статье русско-китайского Тяньцзиньского трактата 1858 г., открывшего для торговли порты Шанхай, Нинбо (寧波), Фучжоу-фу (福州府), Сямынь (廈門), Гуандун (Гуанчжоу), Тайвань-фу (台灣府), Цюнчжоу (瓊州).

³²¹ Цюнчжоу-фу (瓊州府) – порт на севере острова Хайнань (海南). Совр. г. Хайкоу (海口).

³²² Дэнчжоу (登州) – порт в провинции Шаньдун. Современный городской округ Пэнлай (蓬萊).

³²³ Нючжуан (牛莊) – порт в Маньчжурии. Современный город Инкоу (營口) в провинции Ляонин (遼寧).

³²⁴ Путятин предлагал Палладию выполнить некое поручение в Пекине, от которого архимандрит, по всей видимости, отказался.

³²⁵ Лат. «К чему и сам в некотором роде отношусь».

³²⁶ Речь о составе XIV-й РДМ.

³²⁷ Потолочная балка.

³²⁸ Провинция Цзянсу (江蘇).

³²⁹ Хэ Гуйцин (何桂清, 1816–1862) – китайский сановник. Родился в г. Куньмин (昆明) провинции Юньнань. В 1835 г. получил степень *цзинь-ши*. В 1857 г. занимал пост Наместника двух поречий (*Лян-цзян цзун-ду* 兩江總督) (совр. провинции Цзянсу, Аньхуй и Цзянси). В ноябре 1858 г. совместно с Гуйляном и Хуашаной вёл переговоры о торговых тарифах с представителями Великобритании, Франции и США. Подробнее см.: Хэй Гуйцин (何桂清). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/何桂清> (дата обращения: 7.05.2020).

³³⁰ Во втором издании ошибочно указан июль.

³³¹ Уэргуньтай (烏爾棍泰, ум. 1858 г.) – цинский сановник. Происходил из маньчжурского рода *Šumuru* (кит. Шумулуши 舒穆魯氏). Принадлежал к маньчжурскому корпусу Жёлтого знамени с каймой (Сян-хуан ци). В 1853 г. принимал участие в сражении с тайпинами за что получил павлинье перо. Занимал пост министра двора (кит. *нэй-гэ сюэ-ши* 內閣學士), сочетая его с постом *шила*на в Министерстве церемоний. Участник переговоров с европейцами в Дагу. Умер от болезни по дороге в Пекин. См.: Уэргуньтай (烏爾棍泰). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/烏爾棍泰> (дата обращения: 2.04.2020).

³³² Примечание Иванова и Десницкого: Впоследствии, Император освободил их от смертной казни, отправив их в ссылку на Новую линию (Синьцзян – Восточный Туркестан).

³³³ Найти информацию об этом месте не удалось.

³³⁴ Подразумевается конница из Монголии и Маньчжурии (Гирин – совр. г. Цзилинь 吉林). Подробнее о Куку-хотоне см.: Заметки Архимандрита Палладия о путешествии в Китай казака Петлина // Записки восточного отделения Императорского археологического общества. Т. VI. СПб.: типография Императорской академии наук, 1892. С. 305–308.

³³⁵ Лучжоу-фу (廬州府) – современный г. Хэфэй (合肥) в провинции Аньхуй (安徽).

³³⁶ Гуаэрцзя (Гювальгия) Шэнбао (瓜爾佳·勝保, ум. 31.08.1863). Второе имя – Кэ-чжай (克齋) – маньчжурский военачальник. Принадлежал к маньчжурскому корпусу белого знамени с каймой (*Сян-бай-ци* 鑲白旗). В 1840 г. получил степень *цзюйжэнь*. Принимал участие в сражениях с тайпинами. В 1860 г. участвовал в сражении с англо-французскими войсками у моста Балицяо, где получил ранение. Впоследствии поддержал переворот, устроенный Цыси и князем Исином. Подробнее см: Гуаэрцзя Шэнбао (瓜爾佳·勝保). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/瓜尔佳·胜保> (дата обращения: 7.05.2020).

³³⁷ Айсиньгйоро Ицзи (愛新覺羅·奕紀, 1797–1864) – маньчжурский сановник. Подробнее см: Айсиньгйоро Ицзи (愛新覺羅·奕紀). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/爱新觉罗·奕纪> (дата обращения: 7.05.2020).

³³⁸ Жэхэ (熱河) – район Маньчжурии, в указанный период входивший в столичную провинцию Чжили. Совр. территория провинций Хэбэй, Ляонин и Внутренней Монголии.

³³⁹ Уезд Фэннин (豐寧縣) – современный Фэннин-Маньчжурский автономный уезд (豐寧滿族自治縣) в провинции Хэбэй.

³⁴⁰ Кит. *цзинь* (斤). Мера веса, примерно равная 500 г.

³⁴¹ Кит. *фэнь* (分). Зд. мера веса, равная 0,5 г.

³⁴² Неизвестная персона.

³⁴³ Примечание Иванова и Десницкого: Подробные сведения о ходе переговоров при заключении Пекинского договора см.: Les relations de la Chine Avec les Puissances Occidentales 1860-1900 par. H. Cordier. T. I. Paris, 1901. L'expédition de Chine de 1857-58 par H. Cordier. Paris, 1905; W. Williams. Middle Kingdom (a survey of the geography, government etc), New-York, 1901. Литература помещена также

в «Очерке сношений Китая» Н.В. Кюнера. Лит. изд. Владивосток.

[Вероятно, подразумевается издание *Кюнер Н.В.* Новейшая история стран Дальнего Востока. Ч. III. Обзор сношений Китая с европейскими и азиатскими державами с 1842 года с указанием важнейших событий внутренней истории страны. Выпуск 1-й. С 1842 г. до конца Японо-китайской войны 1894–5 г.г. Владивосток: Типо-литография Восточного Института, 1910. 175 с.].

³⁴⁴ Здесь и ниже – подчёркивания сделаны Ф.Р. Остен-Сакеном.

³⁴⁵ Крупная ярмарка, появившаяся в первой половине XVII в. и ежегодно проводившаяся в г. Ирбите в конце зимы. В настоящее время восстановлена.

³⁴⁶ В «Сибирских» и «Дальневосточных» записках Остен-Сакена даты даны, вероятно, по старому стилю.

³⁴⁷ Устаревшее слово.

³⁴⁸ Основан в 1631 г. С 1775 г. – город. Ныне входит в состав Свердловской области.

³⁴⁹ Основан в 1662 г. С 1712 г. – город. Ныне входит в состав Курганской области.

³⁵⁰ Товар, груз, что положено на воз. См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. И–О. М.: «Русский язык», 1981. С. 114.

³⁵¹ Ящик для чая весом от 40 до 80 фунтов. См.: Там же. Т. IV. Р–V. С. 575.

³⁵² Основан в 1666 г. Совр. Улан-Удэ. Ныне входит в состав Республики Бурятия.

³⁵³ По всей видимости, подразумевается Аполлон Митрофанович Курбатов (1798–1872) – выходец из купеческой династии Курбатовых. Сын мецената и купца I гильдии, Митрофана Кузьмича Курбатова (род. в XVIII в. – ум. в XIX в.). Унаследовал от отца торговлю чаем и мехами. Владел золотыми приисками на р. Лене. В 1852 г. – действительный член Сибирского отделения Русского географического общества. Собрал богатую коллекцию минералов Забайкалья. См.: Курбатов Аполлон Митрофанович // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1995. Т. 2. Кн. 2. Режим доступа: http://sibhistory.edu54.ru/КУРБАТОВ_Аполлон_Митрофанович (дата обращения: 20.03.2020).

³⁵⁴ Здесь и далее даты выделены для удобства чтения.

³⁵⁵ Odenwald – горы в Германии, расположенные в Гессене, Баден-Вюртемберге и Баварии. Высочайшая вершина – 626 м.

³⁵⁶ Гейдельберг (Heidelberg) – город в Германии. Расположен на северо-западе земли Баден-Вюртемберг. В городе расположен старейший из университетов на территории современной Германии – Гейдельбергский университет имени Рупрехта и Карла.

³⁵⁷ Максимилиан Иосиф Евгений Август Наполеон Богарне (Maximilian Joseph Eugène Auguste Napoléon de Beauharnais, 2.10.1817–20.10(1.11.)1852) – член русской императорской фамилии франко-немецкого происхождения. Родился в Мюнхене. В 1839 г. женился на великой княжне, Марии Николаевне (6(18).08.1819–9(21).02.1876). С 1844 г. – главноуправляющий института корпуса горных инженеров. Интересовался естественными науками, посещал уральские заводы. См.: Б.Г. Лейхтенбергский, герцог Максимилиан-Евгений-Иосиф-Август-Наполеон // Русский биографический словарь А.А. Половцова. Т. 10. Изд. Императорским Русским Историческим Обществом: под ред. Н.Д. Чечулина и М.Г. Курдюмова. Санкт-Петербург: типография Гл. упр. уделов, 1914. С. 176–178.

³⁵⁸ Подразумевается граф Евфимий Васильевич Путятин.

³⁵⁹ Подразумевается Пётр Алексеевич Пещуров.

³⁶⁰ Существовал в период с 1725 по 1876 гг.

³⁶¹ Вероятнее всего, подразумевается Екатеринбургская механическая фабрика, где в 1853 г. было создано ружейное отделение. См.: Шумкин Г.Н. К вопросу о месте Николаевского оружейного завода в истории русской промышленности // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (16). С. 197.

³⁶² Одна из старейших русских фабрик по художественной обработке камня. Открыта 8 (19) декабря 1751 г.

³⁶³ Речь о Крымской войне.

³⁶⁴ Создана в первой четверти XVIII в. по указу Петра I.

³⁶⁵ Подобные станции отличало то, что казённое имущество на них передавалось на содержание желающих, которые обязались содержать на станции лошадей и экипажи. Подробнее см.: Н. Ив-ко. Почта // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIVa. С.-Петербург: Типо-литография И.А. Ефрона, 1898. С. 792–819.

³⁶⁶ Установленная плата за проезд по почтовой дороге.

³⁶⁷ Станция, скорее всего, находилась в районе села Маслянское на территории совр. Тюменской области. Село основано в 1669 г.

³⁶⁸ Возможно, речь о селе Спасское на территории совр. Омской области. Основано в 1801 г.

³⁶⁹ Расстояние между селом Спасское и совр. Куйбышевым составляет около 265 км. Под «верстами» Остен-Сакен, вероятно, подразумевает верстовые столбы.

³⁷⁰ Основан в 1722 г. Совр. Куйбышев. Ныне входит в состав Новосибирской области.

³⁷¹ На территории совр. Курганской области существует село Ичкино, но, судя по маршруту движения Остен-Сакена, речь о другом поселении на р. Ичкина. Подробнее см.: *Самигулов Г.Х.* Ичкинские юрты: новые материалы к истории тюркского населения Зауралья // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган. 17–18 апреля 2014 г. С. 92–97.

³⁷² На территории совр. Курганской области существует деревня Сопина.

³⁷³ Село Терсюкское в совр. Курганской области. История его начинается в 1667 г.

³⁷⁴ Село Мостовское в совр. Курганской области.

³⁷⁵ Село Исетское в совр. Тюменской области. Основано в 1650 г.

³⁷⁶ Слобода-Бешкиль на территории совр. Тюменской области. Основана в 1668 г.

³⁷⁷ Основан в 1659 г. С 1782 г. – город. Ныне входит в состав Тюменской области.

³⁷⁸ Основан в 1729 г. как деревня Уковская. С 1787 – село Заводоуковск. С 1960 г. – город. Ныне входит в состав Тюменской области.

³⁷⁹ Информацию об этом населённом пункте найти не удалось.

³⁸⁰ Село Ингалинское на территории совр. Тюменской области.

³⁸¹ Тюкалинская слобода основана в 1763 г. С 1823 г. – город. Ныне входит в состав Омской области.

³⁸² Вероятно, подразумевается село Абатское. Основано в 1680 г. Ныне входит в состав Тюменской области.

³⁸³ Основан в 1587 г. как центр освоения Сибири. Ныне входит в состав Тюменской области.

³⁸⁴ В совр. Омской области есть опустевшая деревня Половинка. Однако, если обратить внимание на маршрут следования Остен-Сакена, Половинку он должен был миновать уже после посещения села Нагибино и Баженово (см. ниже). Скорее всего, под Половинкой барон подразумевает другое село.

- ³⁸⁵ Село Нагибино в совр. Омской области. Основано в 1669 г.
- ³⁸⁶ Село Баженово в совр. Омской области. Основано в 1764 г.
- ³⁸⁷ Очевидно, что почтовые станции находились в районе реки Саргатка. В 1764 г. здесь также был основан посёлок Саргатское, который ныне входит в состав Омской области.
- ³⁸⁸ Деревня Чёрноозерье в совр. Омской области.
- ³⁸⁹ Село Ингалы в совр. Омской области. Основано в 1600 г.
- ³⁹⁰ Вероятно, подразумевается село Могильно-Посельское, основанное в 1770 г. Находится на территории совр. Омской области. Название образовано от того, что первым переселенцам отвели место для обустройства недалеко от могильных холмов кочевников.
- ³⁹¹ Деревня Пустынное на территории совр. Омской области. Основана в 1741 г.
- ³⁹² Деревня Копьево на территории совр. Омской области. Основана в 1720 г.
- ³⁹³ Село Резино на территории совр. Новосибирской области. Основано в 1628 г.
- ³⁹⁴ Село Мураши на территории совр. Новосибирской области. Основано в 1726 г.
- ³⁹⁵ Село Камышево на территории совр. Новосибирской области. Основано в 1772 г.
- ³⁹⁶ Подразумевается г. Каменск-Уральский, расположенный на территории совр. Свердловской области. Основан в 1682 г.
- ³⁹⁷ Подразумевается шкаф.
- ³⁹⁸ Совр. город Катайск в Курганской области. Основан в 1655 г.
- ³⁹⁹ Ермак Тимофеевич (1532–6(16).08.1585) – казачий атаман, завоеватель Сибири для Русского государства.
- ⁴⁰⁰ Основан в 1687 г. С 1782 г. – город Ишим. Ныне входит в состав Тюменской области.
- ⁴⁰¹ От итал. *fresco* – по свежему, по сырому. Техника настенной живописи.
- ⁴⁰² Вероятно, село Ояш, расположенное на территории совр. Новосибирской области. Основано в XV в.
- ⁴⁰³ Основан в 1604 г. Статус города получил в 1782 г.
- ⁴⁰⁴ Тополь чёрный.

⁴⁰⁵ Основан в 1628 г. Статус города получил в 1720 г.

⁴⁰⁶ Город на территории совр. Иркутской области. Основан в 1648 г. Статус города получил в 1783 г.

⁴⁰⁷ Представитель высшей полицейской власти в уезде. До 1862 г. должность была выборной от дворянства. См.: Яновский А.Е. Исправник // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIII. С.-Петербург: Типо-литография И.А. Ефрона, 1894. С. 458–459.

⁴⁰⁸ Подразумевается свитское звание графа Путятина, произведённого в него 3 апреля 1849 г.

⁴⁰⁹ Далее «сибирский дневник» внезапно обрывается, а далее начинается следующая часть дневника. В этом же месте на странице рукописи написано слово «Каменский» – по всей видимости, для памяти. Что именно подразумевается – не совсем ясно.

⁴¹⁰ Единица измерения, применяемая в мореплавании и судоходстве. Размер её варьировался от эпохи и страны. С 1929 г. международная морская миля равняется 1852 м. В Великобритании до 1970 г. морская миля равнялась 1853,18 м. В США до 1954 г. – 1853 м.

⁴¹¹ По всей видимости, речь об острове Пэннёндо (кор. 백령도 кит. Байлиндао 白翎島), входящего в архипелаг Ёнпхёндо (кор. 연평도 кит. Яньпиндао 延坪島).

⁴¹² Французский фрегат, построенный в Рошфоре в ноябре 1805 г. и спущенный на воду под именем «Minerve». 25 сентября 1806 г. захвачен британцами и включён в состав Королевского флота под именем «Alceste». В 1816 г. отправился в Китай по маршруту Спитхед-Мадейра-Рио-де-Жанейро-Мыс Доброй Надежды-Аньер-Батавия (совр. Джакарта)-Гуанчжоу. 28 июля 1806 г. прибыл в Бохайский залив. В ходе путешествия исследовал акваторию Бохайского залива и Жёлтого моря. Возвращаясь в Британию, наткнулся на рифы в Яванском море и потерпел крушение. См.: HMS Alescte (1806) (Корабль Её величества Алкеста (1806) [https://en.wikipedia.org/wiki/HMS_Alceste_\(1806\)](https://en.wikipedia.org/wiki/HMS_Alceste_(1806))) (дата обращения: 26.03.2020).

⁴¹³ Уильям Питт Амхерст (William Pitt Amherst, 1-й граф Амхерст 1st Earl Amherst, 14.01.1773–13.03.1857) – британский политический деятель, дипломат и военачальник. Родился в графстве Сомерсет. Получил образование в лондонской Вестминстер Скул (Westminster School). В 1816 г. отправился в Китае с посольством, но, прибыв к устью Хайхэ, получил информацию, что цинский император не примет его без совершения обряда тройного коленопоклонения *коу-тоу* (кит. 叩頭). С августа 1823 г. по февраль 1828 г. – генерал-губернатор Индии.

⁴¹⁴ Неразборчиво.

⁴¹⁵ Пролив Мяо-дао (кит. Мяодао хай-ся 廟島海峽).

⁴¹⁶ Дэнчжоуфу (登州府) – порт в провинции Шаньдун. Современный городской округ Пэнлай (蓬萊).

⁴¹⁷ Александр Алексеевич Татаринов.

⁴¹⁸ Вероятно, подразумеваются морские сажени (англ. fathom), равные 1,8288 м.

⁴¹⁹ Примечание Ф.Р. Остен-Сакена: *В последствии оказалось, что мы находимся в 4,5 милях от берега.*

⁴²⁰ По всей видимости, Ф.Р. Остен-Сакен не относил свои заметки к дневнику, который вёл параллельно.

⁴²¹ Английский китайского побережья (Chinese Coastal English), Пиджин инглиш (Pigeon English), Китайско-английский пиджин (Chinese Pidgin English), кит. *Ян-цзин-бан ин-юй* 洋涇浜英語 – упрощённый торговый язык, основанный на английской лексике, используемой китайскими торговцами. Английское слово *pidgin* образовано от неправильного произношения китайцами английского слова «бизнес» (*business*).

⁴²² Под видом купца на русский корабль отправился сановник, имевший военный чин *ду-сы* (都司). *Ду-сы* относился к четвёртому рангу седьмой ступени (кит. *чжэн-сы-пинь* 正四品). См.: Сборник архивных материалов о китайско-российских отношениях в эпоху Цин (Цин-дай чжун-э гуань-си дан-ань ши-ляо сюань-бянь 清代中俄關係檔案史料選編). 第三編. 上冊. 中華書局出版, 1979 С. 328.

⁴²³ См. примечание № 221.

⁴²⁴ *Се-тай* (協台) – военный чин эпохи Цин. Другое название – *фу-цзян* (副將), относился к военным чинам второго ранга четвёртой степени *цзун-эр-пинь* (從二品).

⁴²⁵ *Тун-чжи* (同知) – китайский гражданский чин эпохи Мин и Цин. Заместитель и помощник начальника области *чжи-фу* (см. ниже). Ведал соляными промыслами, зерновым налогом, ловлей разбойников, гидротехническими сооружениями, приморской полосой, а также порядком в войсках. Относился к гражданским чинам четвёртого ранга восьмой степени *цзун-сы-пинь* (從四品).

⁴²⁶ *Чжи-фу* (知府) – в цинские времена – высший гражданский чин в областной управе. Как и *тун-чжи* относился к гражданским чинам четвёртого ранга восьмой степени. В круг обязанностей *чжи-фу* входили высшая судебная и исполнительная власть в подотчётной области.

⁴²⁷ Не указано точное количество вёрст.

⁴²⁸ Возможно, речь о членах РДМ – о. Аввакуме и Татаринове.

⁴²⁹ Белый шарик из хрусталя или кварца носили чиновники пятого ранга; жемчужный шарик – шестого. Позолоченный шарик мог украшать головной убор чиновников седьмого, восьмого или девятого ранга. Шарик восьмого ранга имели выпуклый рельеф (кит. *ян-вэнь* 陽紋), девятого – вогнутый (кит. *инь-вэнь* 陰紋).

⁴³⁰ Устаревшее сокращение от слова «господа».

⁴³¹ Информацию об этих сановниках найти не удалось.

⁴³² Речь о Тань Тин-сяне.

⁴³³ Уолтер Генри Медхарст (Walter Henry Medhurst, 29.04.1796–24.01.1857) – английский миссионер-конгрегационалист. Родился в Россон-Уай. Образование получил в Академии Хокни (Hackney Academy) в Лондоне. Сотрудничал с Лондонским миссионерским обществом. Служил миссионером в Голландской Ост-Индии, где в т.ч. начал изучать китайский язык. В 1842 г. перебрался в Шанхай, где основал Издательство Лондонского миссионерского общества (London Missionary Society Press, кит. *Мо-хай шу-гуань* 墨海書館). Делал переводы богослужения на китайский язык, составлял китайско-английские словари. Оставался в Шанхае до 1856 г. Умер в Лондоне. Его сочинение *China: its state and prospects, with special reference to the spread of the gospel; containing allusions to the antiquity, extent, population, civilization, literature, and religion of the Chinese* (Boston: Crocker&Brewster, 1838) оказало большое влияние на последующие поколения миссионеров. Подробнее см.: *Henry, Joseph Hirst. Medhurst, Walter Henry (1796–1857) // Dictionary of National Biography, 1885–1900. Vol. XXXVII. London: Smith, Elder & Co, 1894. P. 202–203.*

⁴³⁴ Речь о книге ирландского сотрудника Британской Ост-Индской компании, Джорджа Леонарда Стонтон (George Leonard Staunton, 1737.10.04–14.01.1801), побывавшего в 1784 г. в Китае с английским посольством. Остен-Сакен подразумевает сочинение *An Authentic Account of an Embassy from the King of Great Britain to the Emperor of China: Including Cursory Observations made, and Information obtained, in travelling through that Ancient Empire and a small part of Chinese Tartary. Vol 1-3. W. Bulmer & Co. for George Nicol, 1797–1798.*

⁴³⁵ Джордж Макартни (George Macartney, 1-й граф Макартни 1st Earl Macartney, 14.05.1737–31.05.1806) – британский дипломат и государственный деятель. Родился в Ирландии в старинном шотландском роде. Получил образование в Тринити-колледже в Дублине. В 1764 г. совершил посольство в Российскую империю. С 1776 по 1779 гг. – губернатор Гренады. С 1781 по 1785 гг. – губернатор Мадраса. В 1792 г. совершил посольство в Китай, в ходе которого ему не удалось подписать согла-

шение о торговле. Подробнее см.: *Chichester Henry Manners*. Macartney, George // Dictionary of National Biography, 1885–1900. Vol. XXXIV. London: Smith, Elder & Co, 1893. P. 404–405.

⁴³⁶ Речь о растворённой глине или грязи.

⁴³⁷ Ян Сюцин (楊秀清, 23.09.1821–2.09.1856) – один из руководителей тайпинского восстания. Родился в провинции Гуанси. Работал углежогом, а затем торговцем. Присоединился к тайпинскому восстанию, в котором вскоре получил титул Восточного Вана (кит. *дун ван* 東王) и право командования войсками. К 50-м гг. XIX в. стал наиболее авторитетным лидером тайпинского восстания. В августе 1856 г. войска под управлением Яна успешно отбили штурм правительственных войск, направленных на столицу Государства Небесного спокойствия – Нанкин. Разногласия с другими вождями восстания и собственные амбиции Яна стали поводом для организации против него заговора, в результате которого он был убит.

⁴³⁸ Хун Сюцюань (洪秀全, 1.01.1814–1.07.1864) – лидер тайпинского восстания. Родился в провинции Гуандун в зажиточной крестьянской семье, принадлежавшей к народности *хакка*. В двадцать два года, будучи в Гуанчжоу на экзаменах, услышал христианскую проповедь американского протестантского миссионера Эдвина Стивенса (Edwin Stevens) (август 1802–5.01.1837), оказавшую на него сильное влияние. Неудачи на экзаменах и последующий нервный срыв привели к тому, что Хун бросил занятия и стал изучать христианство. В 1847 г. основал религиозную общину, параллельно занявшись собственным переводом Библии, основанном на «делегатской» (т.е. упрощённой) версии перевода Библии, сделанной группой протестантских миссионеров (в которую в т.ч. входил Уолтер Медхарст). Впоследствии возглавил восстание, в результате которого провозгласил себя Небесным Ваном Великого спокойствия (кит. *Тай-пин тянь ван* 太平天王). Правил государством тайпинов до 1864 г. Умер в Нанкине от болезни, по другой версии – был отравлен.

⁴³⁹ По всей видимости, ошибка. Государство тайпинов называлось – «Небесное государство Великого спокойствия» (кит. Тай-пин тянь-го «太平天国»). Другое название – «Небесная династия» (кит. Тянь-чао «天朝»).

⁴⁴⁰ Многие названия гражданских и военных чиновников в государстве тайпинов были заимствованы из классического китайского памятника «Чжоу ли» («Чжоуские ритуалы» «周禮»). Подробнее см.: Чиновничья система Небесного государства Великого спокойствия (Тай-пин тянь-го гуань-чжи 太平天國官制). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/太平天國官制> (дата обращения: 27.03.2020).

⁴⁴¹ Кит. *ши-шуй* (師帥). Командир отряда в 2500 человек.

⁴⁴² Кит. *сы-ма* (司馬). Начальник войскового приказа.

⁴⁴³ Возможно, неправильная передача титула *цзянь-цзюнь* (監軍). Инспектор армии.

⁴⁴⁴ Кит. *чжи-хуй* (指揮). Командир.

⁴⁴⁵ Возможно, подразумеваются сразу два термина – *хоу* (侯, наследный титул) и *чэн-сян* (丞相, министр).

⁴⁴⁶ Гравюра из американского иллюстрированного журнала «Ballou Pictorial Drawing-Room Companion». Vol. XI. № 2 (№ 202). 1856. July 12. P. 20.

⁴⁴⁷ Подразумевается Бянь Баошу (卞寶書), являющийся на тот момент правителем области Цанчжоу (кит. Цанчжоу *чжи-чжоу* 滄州知州). Произношения имени как «Кя» – возможно является диалектизмом: Бянь происходил из Янчжоу на юге Китая, где распространён диалект У (кит. У-юй 吳語), сильно отличающийся от пекинского произношения, к которому привыкли члены РДМ, служившие переводчиками путятинского посольства. Подробнее о нём см. примечание № 123.

⁴⁴⁸ Чэнь Чжунсян.

⁴⁴⁹ Чэнь Кэмин.

⁴⁵⁰ Чиновники третьего ранга носили головные уборы, украшенные сапфирами.

⁴⁵¹ Шарик из хрусталя украшали головные уборы чиновников пятого ранга. Бянь Баошу и Чэнь Чжунсян как раз обладали чином *чжи-чжоу*, относящимся к пятому рангу девятой степени *чжэн-у-пинь* (кит. 正五品).

⁴⁵² Выделено для удобства.

⁴⁵³ Здесь и далее температура воздуха приводится в градусах Реомюра. 1 градус Реомюра равняется 1,25 градусам Цельсия.

⁴⁵⁴ Далее следует фрагмент, который в рукописи перечёркнут крест-накрест: *«и в сидевших на них китайцах мы мигом узнали наших знакомых с прошлого понедельника, т. е. г.г. Кя и двух Чэней. За исключением военного, сохранившего своё скромное синее платье, два других были в новых крайне легких и изящных костюмах. Кя был в очаровательном полупрозрачном коричневом кафтане. На Чэне была надета довольно странная белая рубашка, которая свободно развивалась ветерком на ветре».*

⁴⁵⁵ *Бу-ши дун-си* (不是東西) – «[Даже] не дрянь». Слово *дун-си* («вещь», «дрянь») состоит из двух знаков: «восток» и «запад».

⁴⁵⁶ От этого абзаца идёт соединительная линия к вычеркнутому фрагменту с описанием внешнего вида китайских сановников.

- ⁴⁵⁷ Кафтан с крючками вместо пуговиц.
- ⁴⁵⁸ Речь о Тань Тин-сяне.
- ⁴⁵⁹ В рукописи слово неразборчиво.
- ⁴⁶⁰ Путятин впервые побывал в Шанхае в 1853 г. во время дипломатической миссии в Японии.
- ⁴⁶¹ В рукописи слово неразборчиво.
- ⁴⁶² кит. *да-жэнь* (大人) – сановник, вельможа.
- ⁴⁶³ Вэнь Цянь.
- ⁴⁶⁴ Слово неразборчиво.
- ⁴⁶⁵ Неразборчиво.
- ⁴⁶⁶ Вероятно, подразумевается Министерство двора (см. выше), куда в т.ч. входил Департамент церемониальных дел (кит. *Чжан-и сы* 掌儀司). В Министерство двора входили знатные маньчжуры, имевшие чин не ниже второго ранга четвёртой степени (*цзун-эр-пинь*).
- ⁴⁶⁷ Информацию об этом сановнике найти не удалось.
- ⁴⁶⁸ Не ясно упоминание семи месяцев: миссия Путятина отправилась из Петербурга в начале 1857 г., а из Николаевска вышла в июле 1857 г. Переговоры имеют место в августе того же года. Возможно, ошибка в числе месяцев.
- ⁴⁶⁹ Император Хунли (弘曆, 1711–1799, правил с 1735 по 1795 гг. под девизом «Цяньлун» «Небесная мощь» 乾隆, храмовое имя – Гао-цзун (高宗). По всей видимости, граф Путятин перепутал имя китайского императора – первое китайское посольство в Петербург (см. ниже) было отправлено при императоре Иньчжэне (胤禩, 1678–1735, правил с 1723 по 1735 гг. под девизом «Юнчжэн» «Гармоничное и Справедливое» 雍正, храмовое имя – Ши-цзун 世宗).
- ⁴⁷⁰ Речь о т.н. Второй ойратско-маньчжурской войне (1715–1739), окончившейся заключением мирного договора. Переговоры о его заключении начались при императоре Иньчжэне, а завершились уже в правление Хунли.
- ⁴⁷¹ Вероятно, подразумевается китайское посольство, прибывшее в Петербург в апреле 1732 г. Считается первым китайским посольством, побывавшем в Петербурге. До этого – в 1729 г. император Иньчжэн с целью поиска союзников в борьбе с Джунгарским ханством отправил в Российскую империю сразу два посольства, которые побывали в Москве. Одно из посольств 1729 г. было отправлено в Россию под предлогом поздравления императора Петра II (1715–1730, правил 1727–1730)

с восшествием на престол, но в связи с неожиданной смертью императора, было принято в Москве недавно вступившей на престол императрицей Анной Иоанновной (1693–1740, правила 1730–1740). Подробнее см: Мороз И.Т. Первое китайское посольство в С.-Петербурге (1732 г.) // Восточный архив. № 2 (22). 2010. С. 19–26.

⁴⁷² Речь о событиях Первой опиумной войны, когда в августе 1840 г. английский военный корабль подошёл к фортам Дагу, где британский полномочный, Чарльз Эллиот (Charles Elliot, 15.08.1801–9.09.1875) вручил цинскому сановнику Ци Шаню (琦善, 18.01.1786–3.08.1854) письмо Генри Джона Темпла Палмерстона, на тот момент – британского министра иностранных дел. Письмо было адресовано императору Миньнуну. Переговоры в устье Хайхэ продолжались около недели после чего, к облегчению китайской стороны, были перенесены на юг страны.

⁴⁷³ Слово неразборчиво.

⁴⁷⁴ Речь о девятой статье Кяхтинского трактата 1727 г.

⁴⁷⁵ В рукописи – «произойти война».

⁴⁷⁶ Слово неразборчиво.

⁴⁷⁷ Слово неразборчиво.

⁴⁷⁸ Подразумеваются *амбани*. См. примечание № 79.

⁴⁷⁹ Слово неразборчиво.

⁴⁸⁰ РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Ед. хр. 415. Из дневника, веденного во время экспедиции Графа Путятина в Китай (слабое подражание предыдущему).

⁴⁸¹ См. примечания № 261 и 558.

⁴⁸² Гравюра из «L'Illustration», сделанная по рисунку секретаря адмирала Женуйи, Луиса Эжена Леро (Louis Eugène Leroux, 1833–1905). Vol. XXXII. № 808. 1858. 21 Août. P. 120–121.

На берегу изображены (слева направо): деревня Дагу, Южный форт (6 орудий), бастион (4 орудия), средний форт (6 орудий), береговая батарея (25 орудий), северный форт (10 орудий), барбет (10 орудий). Суда (слева направо): группа канонерских лодок с англо-французским десантом, «Nimrod», «Mitraille», «Dragonne».

⁴⁸³ Решение о переходе к решительным действиям было принято на совещании 18 мая 1858 г., произошедшем на французском фрегате «l'Audacieuse». Присутствовавшие на совещании лорд Элгин, барон Гро, адмиралы Сеймур и Риго де Женуйи выработали ультиматум, согласно которому китайская сторона должна была передать форты Дагу во временное управление английских и французских сил. Это решение было

продиктовано тем, что адмирал Сеймур опасался двигаться по Хайхэ к Тяньцзиню, оставляя позади китайские фортификационные сооружения. Ультиматум был направлен генерал-губернатору Таню, но ответа не последовало. В 10 часов утра 20 мая англо-французская эскадра начала построение к атаке. См.: *Charles S. Leavenworth M.A. The Arrow War with China*. London: Sampson Low, Marston & Company, 1901. С. 101–102.

⁴⁸⁴ На правом берегу изображены: батарея (15 орудий), северный форт (4 больших орудия).

Суда (слева направо): «Avalanche», «Slaney», «Fusée», «Cormorant». Вдалеке – чёрный дым от китайских брандеров.

⁴⁸⁵ В рукописи «Эльгин».

⁴⁸⁶ В рукописи встречаются формы «Джан» и «Чжан». Позже Остен-Сакен характеризует его как «мелкий сановник». Вероятно, подразумевается военный сановник Чжан Чжэнь-сюн (張振熊), имевший чин *шоу-бэй* (守備), относящийся к пятому рангу девятой ступени *чжэн-у-пинь*.

⁴⁸⁷ Не совсем ясно о ком идёт речь.

⁴⁸⁸ Здесь, вероятно, подразумевается желчный пузырь (кит. *дань* 膽), который в старом Китае считалсяместилищем храбрости.

⁴⁸⁹ Подразумеваются орудия.

⁴⁹⁰ См. примечание № 302.

⁴⁹¹ Французская паровая канонерка. Подробнее о её участии во Второй опиумной войне см.: *Les Expéditions de Chine et de Cochinchine. D'après les Documents officiels par le baron de Bazancourt. Première partie 1857–1858*. Paris: Amyot, Editeur.

⁴⁹² Рисунок сделан Ф.Р. Остен-Сакеном. Справа – схематичное изображение русского парохода с подписью «Пар. Америка».

⁴⁹³ Фр. «Мина обстоятельств».

⁴⁹⁴ Далее зачёркнуты слова: «самым безобразным образом».

⁴⁹⁵ Круглая скважина в дульнозарядном орудии.

⁴⁹⁶ 1820–1850 гг. См. примечание № 52.

⁴⁹⁷ Далее зачёркнуты слова: «которое должно было происходить».

⁴⁹⁸ Речь о «делегатской» версии Библии, подготовленной в 1836 г. и неоднократно изданной в Шанхае (1852, 1854, 1856) Британским и иностранным библейским обществом (British and Foreign Bible Society). См. примечание № 438; Хронология издания Библии в Китае: *Toshikazu S. Foley. Biblical Translation in Chinese and Greek*. Leiden. Boston: Brill, 2009. С. 385–387.

⁴⁹⁹ См. примечания № 292 и 293.

⁵⁰⁰ На полях рукописи начиная от слова «джонка» и до слов «до изгиба» прочерчена вертикальная черта и поставлена литера «М». Смысл пометки не ясен.

⁵⁰¹ В рукописи «к». Вероятно, описка.

⁵⁰² Церковный праздник, в православной церкви отмечаемый на 51-й день после Пасхи, в католической – на 50-й. Устраивается в память о сошествии Святого Духа на апостолов.

⁵⁰³ От начала записи до этих слов на полях карандашом поставлена вертикальная черта и литера «М».

⁵⁰⁴ Далее в рукописи следуют зачёркнутые слова «за собою».

⁵⁰⁵ См. примечание № 302.

⁵⁰⁶ В рукописи далее зачёркнуто слово «Наконец».

⁵⁰⁷ Это китайское судно незадолго до описываемых событий было приобретено по приказу Путятина с целью переоборудования в грузовую баржу и для плавания по устью Амура. См.: *Линден А.М.* Указ. соч. С. 136.

⁵⁰⁸ т.е. авантюрная.

⁵⁰⁹ Sic.

⁵¹⁰ Самюэль Фрэнсис Дю Пон (Samuel Francis Du Pont, 27.09.1803–23.06.1865) – американский флотоводец. Родился в штате Нью-Джерси в семье фабриканта, производящего порох. Связи отца с администрацией президента США открыли молодому человеку карьерные возможности на американском флоте. В 1842 г. назначен командером и впервые побывал в Китае. Принимал участие в американо-мексиканской войне (1846–1848 гг.). С 1855 г. – капитан. С 1857 г. командовал паровым фрегатом «Миннесота», на котором американский посланник, Уильям Рид отправился к берегам Китая. Впоследствии принимал участие в гражданской войне в США.

⁵¹¹ Вероятно, подразумевается сановник Цянь Синь-хэ. См. примечание № 231.

⁵¹² Александр Михайлович Линден.

⁵¹³ «Нимрод» («Nimrod») – деревянная канонерка Флота Её Величества. Спущена на воду 21 апреля 1856 г. Имела шесть орудий. Списана в 1865 г. См.: HMS Nimrod. Режим доступа: <https://www.pdavis.nl/ShowShip.php?id=1820> (дата обращения 2.04.2020).

⁵¹⁴ Эме Феликс Сант-Эльм Рену (Aimé Félix Saint-Elme Reynaud, 16.09.1808–6.07.1876) – французский флотоводец. Родился в Лионе.

В 1825 г. поступил на службу во французский флот. С 1841 по 1846 гг. принимал участие в американо-мексиканской войне. В 1853–1854 гг. – в Крымской войне, где участвовал в штурме Севастополя. В период описываемых в дневнике событий – капитан флагмана французского флота в Китае – фрегата «Немезида» («*Némésis*») (спущен на воду в 1847 г., вооружение – 50 орудий. Утилизирован в 1889 г.), исполнял обязанности начальник французского штаба и флаг-капитана при адмирале Женуи.

⁵¹⁵ Морис Адольф Шарль (Maurice-Adolphe-Charles, виконт Флавины Vicomte de Flavigny, 3.12.1799–9.10.1873) – французский политический деятель и дипломат. Состоял атташе при бароне Гро.

⁵¹⁶ Фр. «Это моё дело».

⁵¹⁷ Далее в рукописи зачёркнуто слово «ещё».

⁵¹⁸ Родерик Дью (Roderick Dew R.N., ум. 24.03.1869) – британский морской офицер. С 1846 г. – лейтенант. С 1854 г. – командер. С 26 февраля 1858 г. по 22 сентября 1859 г. – капитан «Нимрода». В 1859 г. принимал участие в освобождении г. Нинбо от тайпинов. См.: Roderick Dew R.N. Режим доступа: <https://www.pdavis.nl/ShowBiog.php?id=1011> (дата обращения 2.04.2020); Auction: Important Beato China and Japan album – UPDATED. Режим доступа: <http://britishphotohistory.ning.com/profiles/blogs/auction-important-beato-china-and-japan-album-to-be-offered> (дата обращения: 2.04.2020).

⁵¹⁹ В рукописи далее зачёркнуто слово «объяснит».

⁵²⁰ Возможно, подразумевается кит. *кан го* (康過), что дословно можно перевести как «спокойствие жизнью».

⁵²¹ Фр. «продолжение».

⁵²² Подразумевается Сю Чун-лунь. См. примечание № 262.

⁵²³ Подразумевается Уэргуньтай. См. примечание № 331.

В рукописи далее зачеркнуто слово «народ».

⁵²⁴ Пэн Юньчжан. См. примечание № 185.

⁵²⁵ Англ. «глупый».

⁵²⁶ Подразумевается Циин.

⁵²⁷ Василий Константинович Бодиско (31.10(12.11).1826–18(30).07.1873) – русский сановник. Образование получил в Московском университете. В 1854–1855 гг. служил при Российско-Американской компании. С 1856 г. служил при Н.Н. Муравьёве чиновником особых поручений. В описываемый период состоял при русском посланнике в Китае. В 1868–1869 гг. – якутский гражданский губернатор. Умер в Петербурге.

Похоронен в Полежаевской церкви на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

⁵²⁸ Фр. «Вы ставите меня в очень неловкое положение».

⁵²⁹ Фр. «Каковы отношения».

⁵³⁰ Фр. «Мой сынок, мой храбрец, какой болтун».

⁵³¹ Чарльз Уильям Брэдли (Charles William Bradley, 1807/1808–1865) – американский политический деятель. Происходил из штата Коннектикут. С февраля 1849 г. – американский консул в г. Сямэнь; с сентября 1853 г. – консул в г. Нинбо; с марта 1854 г. – консул в Сингапуре; в марте 1856 г. вернулся на пост консула в Нинбо.

⁵³² Линч (Lynch) – американский морской капитан. По сведениям газеты «The New York Times» – Линч происходил из Сан-Франциско и некоторое время служил на американском флоте в качестве мичмана. Впоследствии занимался каперством – командовал пароходами «Антилопа» и «Состязание» («Contest»). См.: The Rebels at Work in Chinese Waters.; A Privateer Fitting out at Shanghai // The New York Times. November 3, 1861. P. 8.

⁵³³ Примечание Ф. Р. Остен-Сакена: *Эта шхуна была нанята америк. посланником в Гонконге на все время экспедиции.*

Речь о пароходе «Антилопа» («Antelope»), который американцы зафрахтовали в Гонконге у компании «Russel & Company» в феврале 1858 г. на шесть месяцев.

⁵³⁴ В этом месте Остен-Сакен делает ссылку на страницу собственного же дневника (в рукописи – л. 22). В Тяньцзиньском дневнике барона имеется двойная нумерация – первая представлена самим бароном (начинается с л. 13 и завершается л. 181), вторая – сотрудниками архива (отмечает развороты для всего архивного документа, считая и дневник Палладия).

⁵³⁵ «Яростный» («Furious») – английский фрегат второго класса. Спущен на воду 26 августа 1850 г. Имел на вооружении 14 орудий. Принимал участие во Второй опиумной войне и являлся судном, на котором путешествовал лорд Элгин. Списан в 1884 г. См.: HMS Furious (1850). Режим доступа: <https://www.pdavis.nl/ShowShip.php?id=1482> (дата обращения 3.04.2020).

⁵³⁶ В рукописи Остен-Сакен вновь даёт ссылку на л. 22.

⁵³⁷ Гравюра из газеты «The Illustrated London News». Vol. 30. № 864. 1857. 20 June. P. 601–602.

⁵³⁸ Гюстав Дюшен де Белькур (Gustave Duchesne de Bellecourt, 23.02.1817–29.07.1881) – французский дипломат. Родился в Париже.

Получил образование в области юриспруденции. В 1842 г. начал карьеру в Министерстве иностранных дел. С 1844 г. – секретарь французского представительства в Копенгагене. С 1854 г. – секретарь представительства во Франкфурте. После подписания франко-китайского Тяньцзиньского трактата направлен в Париж для доставки копии договора. С 1859 г. – генеральный консул Франции в Эдо. Впоследствии служил генеральным консулом в Тунисе и Батавии.

⁵³⁹ Фр. «скверная четверть часа».

⁵⁴⁰ Фр. «Мы полагаем, что он уже дал их достаточно».

⁵⁴¹ Далее в рукописи зачёркнуто слово «хотя».

⁵⁴² Нем. «лекция, нотация».

⁵⁴³ Вероятно, речь об английском паровом фрегате второго класса, «Самсон» (HMS «Sampson»), построенном в 1844 г.

⁵⁴⁴ Далее в рукописи зачёркнуто слово «союзных».

⁵⁴⁵ Фредерик Вильям Адольф Вraith-Брюс. См. примечание № 304.

⁵⁴⁶ Информацию о нём найти не удалось.

⁵⁴⁷ Фр. «Невероятная записка».

⁵⁴⁸ «Russell & Company» – в сер. XIX в. – крупнейшая американская торговая компания в Китае. Основана в 1819 г. Занималась в т.ч. контрабандой турецкого опиума. В 1891 г. вошла в состав компании «Shewan, Toms & Co».

⁵⁴⁹ По всей видимости, подразумевается *Hibiscus mutabilis* (кит. *фу-жун* 芙蓉).

⁵⁵⁰ Лат. *Ziziphus* – род цветковых растений.

⁵⁵¹ Лат. *Salix pulchra*.

⁵⁵² Карл Фридрих Август Гюцлав (Karl Friedrich August Gützlaff, 8.07.1803–9.08.1851) – первый лютеранский миссионер в Китае. Родился в прусской Померании. В 1826 г. по указанию Нидерландского миссионерского общества отправился на Яву, где в т.ч. начал изучать китайский язык. В 1828 г. оставил работу в миссионерском обществе и отправился в Сингапур, а далее в Бангкок. Принимал участие в создании «делегатской» версии Библии, для которой осуществил ряд переводов с иврита. Служил переводчиком для англичан во время Первой опиумной войны. Впоследствии служил при английском консульстве в Нинбо. Основал школу для миссионеров из числа китайцев. Умер в Гонконге.

⁵⁵³ Ошибка, допущенная Остен-Сакеном. Карл Гюцлав побывал в устье р. Хайхэ 8 сентября 1832 г.

⁵⁵⁴ *Charles Gutzlaff, rev. Journal of a residence in Siam, and voyage along the coast of China to Mantchou Tartary // Chinese Repository. Vol. I. C. 16–25, 45–64, 81–99, 122–140, 180–196.*

⁵⁵⁵ Гравюра из «L'Illustration». Vol. XXXII. № 811. 1858. 11 Septembre. P. 168–169.

⁵⁵⁶ Далее в рукописи зачёркнуто «всяк[ие].

⁵⁵⁷ В рукописи далее зачёркнуто слово «он».

⁵⁵⁸ В начале Первого сражения за Дагу англо-французская эскадра начала стремительное движение в сторону устья р. Хайхэ. Незадолго до того, как английское судно «Cormorant» на полных парах ворвалось в реку и снесло бамбуковые заграждения, с китайских фортов открыли огонь. См.: *Oliphant Laurence, private secretary to Lord Elgin. Narrative of the Earl of Elgin's mission to China and Japan in the years 1857, '58, '59. Edinburgh and London: W. Blackwood and sons, 1860. C. 295–296.*

⁵⁵⁹ В рукописи сделана ссылка на л. 32.

⁵⁶⁰ Юйчэн. См. примечание № 166.

⁵⁶¹ Подразумевается *коу-тоу*.

⁵⁶² Фр. «Избегать трудностей и не преодолевать их».

⁵⁶³ Подразумевается вторая часть первой публикации тяньцзиньского дневника архимандрита Палладия. См.: Выписки из дневника, веденного в Пекине в 1858 году // Морской сборник. 1860. № 10. С. 88–105.

⁵⁶⁴ *Henry Ellis, sir. Journal of the Proceedings of the Late Embassy to China Comprising a Correct Narrative of the Public Transactions of the Embassy, of Voyage to and From China. London: Print. for John Murray by «T. Davison, Lombard-street, Whitefriars, London», 1817. In quarto.*

Указанный рисунок, озаглавленный «Summer Palace of the Emperor, opposite the City of Tien-sing» («Летний дворец Императора напротив Тяньцзиня») (приводим его далее), находится на с. 90 указанного издания.

⁵⁶⁵ Речь о сожжении китайцами в 1855 г. русской фактории в Чугучаке (кит. Тачэн 塔城). Подробнее см.: *Васильев В.П. Воспоминание об И.И. Захарове // Журнал Министерства народного просвещения. Ноябрь. 1885. С. 3–19.*

⁵⁶⁶ Речь о т.н. «Тринадцати факториях» (кит. Ши-сань хан «十三行»), построенных в Гуанчжоу и через которые длительное время осуществлялась торговля Цинской империи с иностранными державами. Фактории существовали с 1684 по 1856 гг. и их фактическое число варьировалось от эпохи к эпохе. Фактории трижды горели: в 1822 г.; в 1841 г. (во время Первой опиумной войны); в 1856 г. (во время Второй опиумной войны).

Фактории потеряли своё значение после подписания англо-китайского Нанкинского трактата 1842 г., а после пожара 1856 г. их не стали восстанавливать. Американская фактория, о которой упоминает Рид, была в числе прочих.

⁵⁶⁷ Речь о пятой статье Кяхтинского трактата, официально открывавшего Российскую духовную миссию в Пекине.

⁵⁶⁸ Sic.

⁵⁶⁹ Далее в рукописи зачёркнуто слово «внушение».

⁵⁷⁰ От кит. *ян-гуй-цзы* (洋鬼子).

⁵⁷¹ Лат. *Potentilla* – лапчатка.

⁵⁷² Лат. *Convolvulus* – вьюнок.

⁵⁷³ Здесь подразумевается полная версия дневника Палладия, где описание квартиры подробнее, чем в первой публикации.

⁵⁷⁴ Информацию о нём найти не удалось.

⁵⁷⁵ См. примечание № 564.

⁵⁷⁶ См. примечание № 462.

⁵⁷⁷ Подробнее о заключении английского трактата после Первой опиумной войны см. примечание № 4.

⁵⁷⁸ Шерард Осборн (Sherard Osborn, 25.04.1822–6.05.1875) – английский морской офицер, исследователь Арктики. Родился в Мадрасе. Поступил на британский флот в 1837 г. Принимал участие в Крымской войне. С 11 мая 1857 г. по 1859 г. – командовал английским судном «Furious» (см. примечание № 535). С сентября 1862 г. по январь 1864 г. – был назначен флаг-офицером эскадры, боровшейся с пиратами и тайпинами, но узнав, что поставлен под командование китайским чиновником, а не напрямую императору, ушёл со своего поста. С 1867 по 1873 гг. – управляющий компании «Telegraph Construction and Maintenance Company». Сочинение: *Osborn, Sherard. Quedah, A cruise in Japanese waters, The Fight on the Peiho*. Edinburgh and London: William Blackwood and sons, 1865. См.: Sherard Osborn R.N. Режим доступа: <https://www.pdavis.nl/ShowBiog.php?id=921> (дата обращения 7.04.20).

⁵⁷⁹ См. примечание № 285.

⁵⁸⁰ Стефан Иванович Базилевский (1822–3.09.1868) – врач XIII РДМ. Окончил Вологодскую духовную семинарию, после чего поступил в Медико-хирургическую академию в Петербурге. В 1847 г. получил степень доктора медицины. Уехал в Пекин по назначению Министерства внутренних дел. Занимался лечением китайских чиновников, собирал растения,

переводил китайские сочинения, оставил большое рукописное наследие. После возвращения в Россию получил чин коллежского советника, орден Св. Анны 3-й степени и пенсию в 700 р. Служил при Азиатском департаменте, после чего отправлен врачом в Персию. Умер в Тегеране.

⁵⁸¹ Фр. «Моральная поддержка».

⁵⁸² Речь об ультиматуме, выдвинутом союзниками. См. примечание № 483.

⁵⁸³ Вероятно, подразумевается красный шарик на головном уборе. См. примечание № 311.

⁵⁸⁴ Примечание Остен-Сакена: *Из вышедшего впоследствии Blue book'a я узнал, что в этот же самый день 6 июня происходила первая конференция переводчика Лая (Lay) с китайцами о трактате.*

Blue book – сборник, куда входили сведения о работе английского парламента. По всей видимости, Остен-Сакен подразумевает: Note of a Conversation between Mr. Lay and Twau, Pieu, Kwah, and Mei, Secretaries attached to Commissioners Kweiliang and Hwashana, on June 6, 1858 // Correspondence Relative to the Earl of Elgin's Special Missions to China and Japan, 1857–1859. London: Printed by Harrison and Sons. С. 324–326.

Горацио Нельсон Лэй (Horatio Nelson Lay, 23.01.1832–4.05.1898) – британский дипломат. Родился в Форест Хилл (Forest Hill) в семье британского консула в Китае, натуралиста и миссионера, Джорджа Трэйдсканта Лэя (George Tradescant Lay, ок. 1800–6.11.1845). В 1847 г. отправился в Китай вместе с Карлом Гюцлавом (см. примечание № 552). С 1854 г. – британский вице-консул в Шанхае. В период Тяньцзиньских переговоров 1858 г. – главный переводчик британского посольства. Оказался в центре дипломатического скандала, произошедшего в 1863 г. когда капитан Осборн (см. примечание № 578), вместе с Лэем командовавший британской флотилией в Китае, призванной выбить тайпинов из Нанкина, отказался подчиняться китайским сановникам. После этого инцидента Лэй был вынужден уйти с дипломатической службы в Китае и вернуться в Англию. С декабря 1869 г. служил советником при японском императорском правительстве, где был уличён в спекуляциях и смещён с поста. Умер в Форест Хилл. Подробнее см.: Gerson, Jack J. Horatio Nelson Lay and Sino-British Relations 1854–1864. East Asian Research Center. Harvard University, 1972.

⁵⁸⁵ Жозе Марчинс Маркс (José Martins-Márquez, китайское имя – Ма Цзи-ши 瑪吉士, ум. после 1861 г.) – португальский переводчик из Макао, вероятно, католический миссионер. В 1847 г. издал труд «Полное собрание справочника новых географических комментариев» (кит. «Синь ши ди-ли бэй-као цюань-шу» «新釋地理備考全書»). В 1858 г. служил переводчиком французскому посольству. В 1861 г. служил китайским переводчиком для прусского посланника.

⁵⁸⁶ См. примечание № 213.

⁵⁸⁷ Вероятно, подразумевается Иван Петрович Шульгин (4(15).11.1794–30.04(12.05).1869) – русский историк, академик. Родился в Костромской губернии. Образование получил в Костромской гимназии и Петербургском педагогическом институте. Преподавал в Царскосельском лицее. С 1833 г. работал в Санкт-Петербургском университете. С 1836 по 1840 гг. – был его ректором. С 1838 по 1859 гг. – профессор в Императорском училище правоведения. Умер в Петербурге. Похоронен на Волковском православном кладбище. Ф.Р. Остен-Сакен учился на юридическом факультете СПб. университета и, вероятно, хорошо знал профессора Шульгина.

⁵⁸⁸ Фр. – особый вид инкрустации с использованием шпона.

⁵⁸⁹ Знаменитый магазин, открытый в Петербурге в 1786 г. англичанином Джоном Пикерсгилем (John Pickersgill, 6.03.1765–26.06.1841). Располагался на Невском проспекте в д. 16.

⁵⁹⁰ Ткань с шёлковой основой и шитыми золотыми или серебрянными узорами.

⁵⁹¹ Александр II Николаевич (17(29).04.1818–1(13).03.1881, правил с 18 февраля (2 марта) 1855 г. по 1 (13) марта 1881 г.).

⁵⁹² «Augustine Heard & Co». – одна из крупнейших американских компаний в цинском Китае. Основана в 1840 г. Занимались в т.ч. поставками опиума в Китай. В 1875 г. компания официально была признана банкротом.

⁵⁹³ Переговорщик.

⁵⁹⁴ «Powhatan» («Поухатаны») – американский паровой фрегат. Построен 14 февраля 1850 г. в Портсмуте. Имел 16 орудий различного типа. Принимал участие в американских дипломатических миссиях на Дальнем Востоке. Впоследствии участвовал в гражданской войне в США. Разобран 5 августа 1887 г.

⁵⁹⁵ Лат. *Crépis* – скерда.

⁵⁹⁶ Лат. *Tragorógon* – козлобородник.

⁵⁹⁷ Подразумевается Юйчэн.

⁵⁹⁸ Williams, S. Wells. The Middle Kingdom: a survey of the geography, government, education, social life, arts, and history of the Chinese Empire and its inhabitants. New-York: Wiley and Putnam, 1848 (First Edition).

⁵⁹⁹ Речь о восстании сипаев, произошедшем в Пенджабе и Бенгалии в период с мая 1857 по ноябрь 1858 гг. Причинами восстания стал слож-

ный комплекс социально-экономических противоречий, вызванный Британским колониальным владычеством в Индии.

⁶⁰⁰ Вероятно, Чжапу (乍浦) – поселение в провинции Чжэцзян. Ныне относится к городскому округу Цзясин (嘉興).

⁶⁰¹ Примечание Остен-Сакена: *Впоследствии отказались от них*. Сватов (Swatow) – город Чаочжоу (潮州) в провинции Гуандун.

⁶⁰² Возможно, от фр. арг. «char» – блефовать, врать, но вероятнее от слова «шараборить» (шарабошить) – из сибирского диалекта: рыться в вещах, шарить, копать, искать чего-либо, забавляться пустяками.

⁶⁰³ Фр. «такие меры, которые покажутся Вам достойными чтобы положить [этому] конец».

⁶⁰⁴ Кукуруза.

⁶⁰⁵ Томас Фрэнсис Уэйд (Thomas Francis Wade, 25.08.1818–31.07.1895) – британский дипломат и синолог. Родился в Лондоне. Образование получил в Тринити-колледже в Кембридже. Служил на Ионических островах, где изучал греческий и итальянский языки. В 1841 г. отправлен в Гонконг, куда прибыл в июне 1842 г. Принимал участие в Первой опиумной войне в звании лейтенанта. В 1852 г. утверждён на пост британского вице-консула в Шанхае. На Тяньцзиньских переговорах 1858 г. – секретарь британской делегации. В 1875 г. получил рыцарское звание. В 1883 г. вернулся в Англию, привезя с собой 4304 тома китайских сочинений, которые передал в восточное собрание Кембриджской библиотеки. С 1887 по 1890 гг. являлся президентом Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии. Автор системы романизации китайского языка, известной как «транскрипционная система Уэйда-Джайлса».

⁶⁰⁶ Англ. «Официально принимаю во внимание».

⁶⁰⁷ Лоренс Олифант (Laurence Oliphant, 3.08.1829–23.12.1888) – британский политик, дипломат, путешественник, писатель и авантюрист. Родился в Кейптауне. С 1853 по 1861 гг. состоял секретарём при лорде Элгине. 5 июля 1861 г., во время пребывания в Эдо, был серьёзно ранен ронином. В 1865 г. выбран в английский парламент. Прославился как автор сатирической повести «Пикадилли» («Piccadilly»). Будучи сторонником христианского сионизма, выступал за переселение евреев в Палестину.

⁶⁰⁸ Генри Брогам Лок (Henry Brougham Loch, 1-й барон Лок 1st Baron Loch, 23.05.1827–20.06.1900) – британский военный и колониальный администратор. Принимал участие в Первой англо-сикхской войне (1845–1846). В 1858 и 1860 гг. побывал в Китае в составе посольств лорда Элгина в качестве атташе и секретаря, соответственно. В 1860 г. был взят в плен

китайцами, провёл три недели в заключении, но был выпущен по личному распоряжению императора. Впоследствии служил британским колониальным администратором в Австралии и Африке. Умер в Лондоне.

⁶⁰⁹ В данном случае, видимо, подразумевается формат бумаги.

⁶¹⁰ См. примечания № 273 и 274.

⁶¹¹ Гравюра из журнала «Harper's Weekly». Vol. 2. № 88. 1858. 4 September. P. 573.

⁶¹² Николай Матвеевич Чихачёв. Подробнее о нём см. примечание № 65.

⁶¹³ В рукописи на месте даты пробел.

⁶¹⁴ Возможно, подразумевается маркиз де Контад, Леон (Léon, marquis de Contades, 1818–1900) – служивший камергером при Шарле Луи Наполеоне Бонапарте (Charles Louis Napoléon Bonaparte, 1808–1873, правил Францией как президент с 1848 по 1852 гг., как император – с 1852 по 1870 гг.).

⁶¹⁵ Томас Тэйлор Мидоус (Thomas Taylor Meadows, 1815–1868) – английский синолог. Получил образование в Мюнхенском университете. Служил переводчиком в колониальной администрации Гонконга, а далее при британском консульстве в Шанхае. Сочинения: Desultory notes on the government and people of China: and on the Chinese language; illustrated with a sketch of the province of Kwang-Tûng, shewing its division into departments and districts. London: Wh. H. Allen and Co, 1847; The Chinese and their rebellions, viewed in connection with their national philosophy, ethics, legislation, and administration. To which is added, an essay on civilization and its present state in the East and West. London: Smith, Elder & Co. 1856.

⁶¹⁶ Кит. *лай* (來).

⁶¹⁷ Кит. *чуань* (船).

⁶¹⁸ Кит. *шуй* (水).

⁶¹⁹ Кит. *хо* (火).

⁶²⁰ Подразумевается г. Чжэньцзян фу (鎮江府) в провинции Цзянсу, расположенный на берегу Янцзы. На английских картах сер. XIX в. – город назывался «Chin Keang foo»). 21 июля 1842 г. при Чжэньцзяне состоялось сражение между английским экспедиционным корпусом и цинскими войсками в результате которого город был взят британцами.

⁶²¹ Речь о романе Чарльза Диккенса (1812–1870) «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» («The Personal History, Adventures, Experience and Observation of David Copperfield the Younger of Blunderstone Rookery») (1850). В двадцать третьей главе романа Диккенс в са-

тирическом ключе описывает деятельность «Докторс Коммонс» («Doctors' Commons») – комплекса зданий в Лондоне, где заседал гражданский суд, разбиравший семейные, наследственные и адмиралтейские дела: «Это уединенное местечко, где применяются так называемые церковные законы и где проделывают разные фокусы с древними допотопными чудищами – парламентскими постановлениями. Три четверти человечества даже и не слышало об этих постановлениях, а оставшая четверть считает, что ещё во времена Эдуардов [XIII–XVI вв.] они относились к разряду ископаемых. Это такое местечко, где с незапамятных времен существует монополия на ведение дел по завещаниям и бракам и где разбирают тяжбы, имеющие касательство к кораблям». См.: *Диккенс Ч.* Жизнь Дэвид Копперфилда, рассказанная им самим / Пер. с англ. А.В. Кривцовой и Е. Ланна; Коммент. Е. Ланна // Собрание сочинений. Т. 15. М.: Гослитиздат, 1959.

⁶²² Фр. «Вопрос международного права ему малоизвестно».

⁶²³ Гравюра из французского журнала «Le Monde Illustré». № 205. 1861. 16 Mars. Р. 168.

⁶²⁴ Новость, вероятно, состояла в переименовании должности графа Путятина из чрезвычайного посланника в императорского комиссара, что в т.ч. влекло уменьшение материального содержания. См.: *Линден А.М.* Указ. соч. С. 136.

⁶²⁵ От кит. *вань* (萬) – десять тысяч.

⁶²⁶ См. примечание № 323.

⁶²⁷ В оригинале – «трёх портов».

⁶²⁸ Местность на Выборгской стороне Санкт-Петербурга (совр. Строгановский парк), принадлежащая баронам-графам Строгановым. Сад пришёл в запустение в начале XX в., усадебный дом был разобран.

⁶²⁹ Лат. *Polygonum* – горец, или гречишник.

⁶³⁰ Вероятно, лат. *Bambusa* – бамбук.

⁶³¹ «Цзин бао» (京報 «Столичный вестник») – официальное китайское правительственное издание. Появилось в Китае в эпоху Мин. Издавалась в Пекине. Содержало информацию о важнейших государственных событиях.

⁶³² Вероятно, ошибка – речь об отъезде из Тяньцзиня.

⁶³³ Один из секретарей, состоявший при Гуйляне и Хуашане. Подробную информацию о нём найти не удалось. В английской корреспонденции, связанной с посольством лорда Элгина, упоминаются секретари Pieu, Twau, Kwah и Mei. Вероятно, речь об одном из них.

⁶³⁴ Офицер, состоявший при флагмане (командующем флотом) и ведавший сигнальным делом. Исполнял также адъютантские обязанности.

⁶³⁵ Гравюра из английской газеты «The Illustrated London News». Vol. 32. № 938. 1858. 2 October. P. 307–308.

⁶³⁶ Подразумевается Сучжана. См. примечание № 177.

⁶³⁷ Вероятно, речь об области Чанпин (кит. 昌平) – ныне один из районов городского подчинения Пекина.

⁶³⁸ Гравюра из французского журнала «L'illustration». Vol. XXXII. № 815. 1858. 9 Octobre. P. 233.

Сидящие (слева направо): Хуашана, барон Гро, Гуйлян, Гюстав Дюшен де Белькур, адмирал Риго де Женуйи.

⁶³⁹ Гравюра из французского журнала «L'illustration», сделанная по рисунку Луиса Эжена Леро. Vol. XXXII. № 817. 1858. 23 Octobre. P. 260.

⁶⁴⁰ Фр. «эта старая лиса».

⁶⁴¹ Англ. «Мистер Рид шлёт свой поклон».

⁶⁴² От. кит. *кан* (炕).

⁶⁴³ Вероятно, подразумеваются циновки или покрывала.

⁶⁴⁴ В рукописи здесь описка – «имевшую».

⁶⁴⁵ Вероятно, речь о косметическом украшении, имитирующим известный с древности *сяо-сянь чжуан* (кит. 曉霞妝 «Грим утренней зари»), представляющий собой алые полукружья на висках. Другое название – *се-хун* (кит. 斜紅 «алый наклон»).

⁶⁴⁶ От. кит. *лао-е* (老爺) – устар. «господин, хозяин». Са-лое – от Сакен, Пе-лое – от Пещуров.

⁶⁴⁷ Народ, проживающий на Филиппинах.

⁶⁴⁸ Вероятно, ошибочно написанное исп. *cajetilla* – портсигар.

⁶⁴⁹ Возможно описка – «не».

⁶⁵⁰ Кит. 好不好.

⁶⁵¹ Кит. 女.

⁶⁵² В Китае Лэй был известен под именем Ли Тайго (李泰國).

⁶⁵³ См. примечание № 35.

⁶⁵⁴ См. примечание № 307.

⁶⁵⁵ Михаил Михайлович Лазарев (25.10.1839–17.02.1908) – русский морской офицер. С 1887 г. – контр-адмирал. С 1893 г. – генерал-лейтенант. С 1906 г. – генерал.

⁶⁵⁶ Михаил Петрович Лазарев (3(14).11.1788–11(23).04.1851) – русский морской офицер. Родился во Владимире. Образование получил в Морском кадетском корпусе. С 1803 г. – гардемарин. Как один из лучших выпускников отправлен в Великобританию, где до 1808 г. проходил военную службу на флоте. С 1808 г. – мичман. Принимал участие в русско-шведской войне (1808–1809 гг.) и Отечественной войне 1812 г. Возглавлял Первую русскую антарктическую экспедицию 1819–1821 гг. С 1832 г. – начальник штаба Черноморского флота. С 1833 г. – вице-адмирал. Развернул крупномасштабные реформы на Черноморском флоте. 6 декабря 1850 г. получил орден св. Андрея Первозванного. Похоронен в Севастополе в склепе Владимирского собора.

⁶⁵⁷ Шарль Густав Мартин де Шасирон (Charles Gustave Martin de Chassiron, 5.12.1818–20.06.1871) – французский дипломат. С 1848 г. – атташе во французском посольстве в Тунисе. В декабре 1857 г. отправился из Франции в Китай. В июне 1858 г. прибыл в Гонконг, откуда отправился к устью р. Хайхэ. С сентября по октябрь 1858 г. находился в Японии и Корее, где выполнял функции первого секретаря французского посольства. Во время путешествия в Китай и Японию собирал различные редкости. Первый муж принцессы Каролины Литиции Мюрат (Caroline Laetitia Murat, 1832–1902). Сочинение: *Martin de Chassiron (Baron) Ch.-G. Notes sur le Japon, la Chine, et l'Inde: 1858–1859–1860*. Paris: E. Dentu, 1861. 356 p.

⁶⁵⁸ Речь о деле Симона Франсуа Бернара (Simon François Bernard, 28.01.1817–25.11.1862) – французского хирурга и революционера. Принимал участие в организации покушения на Наполеона III (14 января 1858 г.), задуманного итальянским революционером, Феличе Орсини (Felice Orsini, 1819–1858) с целью ускорить объединение Италии. После раскрытия заговора, суд над Бернаром состоялся в Англии и закончился оправдательным приговором. Впоследствии Бернар стал целью для французских агентов и выдал своих сообщников во Франции, которые были казнены. Узнав об этом, Бернар сошёл с ума и впоследствии умер в психиатрической больнице в Лондоне.

⁶⁵⁹ Англ. «Декларация независимости США». Праздник отмечается с 4 июля 1776 г. как день независимости США от Великобритании.

⁶⁶⁰ Константин Фёдорович Литке (25.08.1837–17.09.1892) – русский морской офицер. Родился в Петербурге. В 1855 г. совершил путешествие к устью Амура. С 1857 по 1858 гг. на фрегате «Аскольд» совершил переход из Кронштадта на Дальний Восток через мыс Доброй Надежды. 18 ав-

густа 1860 г. произведён в адъютанты к Великому князю Константину Николаевичу. Закончил карьеру в чине контр-адмирала (с 24 апреля 1888 г.).

⁶⁶¹ Англ. «А сейчас Господа, я предлагаю выпить за здоровье моего друга, единственного, который у меня был в Тяньцзине – за здоровье графа Путятина».

⁶⁶² Происходит от санскритского *mandari* – «министр, советник». Подобным образом китайских чиновников называли в Малайе, где это слово почерпнули европейцы.

⁶⁶³ Лат. «В половом акте».

⁶⁶⁴ Фр. «Французская Империя, Тяньцзинь».

⁶⁶⁵ Флаг на носу корабля.

⁶⁶⁶ Фр. «Да будет свет, и стал свет». Цитата из «Книги Бытия».

⁶⁶⁷ Вероятно, подразумевается одно из воплощений бодхисатвы Гуаньинь (觀音) – Чжуньти (準提). Также это могло быть даосское божество Доу-му (斗母 «Мать Ковша»), принятое в пантеон из буддизма.

⁶⁶⁸ Скорее всего, Сун-цзы нян-нян. См. примечание № 254.

⁶⁶⁹ Игра слов: «gunpowder» по-английски – «порох» и одновременно название сорта зелёного чая (кит. *чжу-ча* 珠茶).

⁶⁷⁰ Карикатура из английского журнала «Punch». Vol. XXV. 1858. September. P. 98.

В оригинале «Китай», чей образ явно срисован с Е Минчэня, произносит: «O-No-Tan-Ke-Mum» (искажённое англ.: «Oh no, thank you Ma'am»).

⁶⁷¹ Эспер Алексеевич Ухтомский (1834–21.04.1885) – русский морской офицер. Принимал участие в обороне Севастополя. Служил адъютантом Великого князя Константина Николаевича. Принимал участие в кругосветном путешествии на фрегате «Аскольд». С 1870 г. – капитан первого ранга. Один из основателей «Товарищества Русского Восточного пароходства». Умер в Вене. Отец востоковеда и дипломата, Эспера Эсперовича Ухтомского (14.08.1861–12.11.1921).

Список сокращений

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

ИИРГО – Известия Императорского русского географического общества.

РДМ – Российская духовная миссия в Пекине.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

СПБ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.

Указатель имён

Россия

Александр II (17(29).04.1818 – 1(13).03.1881, правил с 18.02(2.03).1855 по 1(13).03.1881) – Император Всероссийский, – см. примечание № 591.

Александр III (26.02(10.30).1845 – 20.10(1.11).1894, правил с 1(13).03.1881 по 20.10(1.11).1894) – Император Всероссийский.

Александра Фёдоровна (13.07.1798 – 20.10(1.11).1860) – Императрица Российская, супруга Николая I, мать Александра II, – см. примечание № 67.

Анна Иоанновна (28.01(7.02).1693 – 17(28).10.1740, правила с 15(26).02.1730–17(28).10.1740) – Императрица и Самодержица Всероссийская, – см. примечание № 471.

Базилевский Стефан Иванович (1822 – 3.09.1868) – русский врач из состава XIII-й РДМ, – см. примечание № 580.

Баллюзек Лев Фёдорович (10(22).1822 – 7(19).1879) – военный и государственный деятель Российской империи, – см. примечание № 119 и 247.

Богарне Максимилиан Иосиф Евгений Август Наполеон (Maximilian Joseph Eugène Auguste Napoléon de Beauharnais, 2.10.1817 – 20.10(1.11.)1852) – член русской императорской фамилии франко-немецкого происхождения, – см. примечание № 357.

Бодиско Василий Константинович (31.10(12.11).1826 – 18(30).07.1873) – русский сановник, – см. примечание № 527.

Болтин Александр Арсентьевич (13.08.1832 – 22.04.1901) – русский мореплаватель и первооткрыватель, – см. примечание № 122.

Ватовский Иосиф Фёдорович (ок. 1832–?) – русский военный инженер и путешественник, – см. примечание № 119.

Гаврила – слуга о. Аввакума (Честного).

Горчаков Александр Михайлович (4(15).06.1798 – 27.02(11.03)1883) – русский дипломат, – см. примечание № 71.

Горчаков Михаила Алексеевича Горчакова (23.10.1768 – 30.12.1831) – русский генерал-майор, – см. примечание № 71.

Десницкий Иван Иванович (1882 – 21.07.1922) – русский дипломат и учёный, – см. примечание № 106.

Ермак Тимофеевич (1532 – 6(16).08.1585) – казачий атаман, завоеватель Сибири для Русского государства, – см. примечание № 399.

Жуковский Василий Андреевич (29.01(9.02).1783 – 12(24).04.1852) – замечательный русский поэт, – см. примечание № 285.

Захаров Иван Ильич (1814/26–29.09(7–10.09).1817 – 26.09(8.10).1885) – доктор маньчжурской словесности, автор маньчжурско-русского словаря, грамматики маньчжурского языка и многих трудов по синологии, – см. примечание № 265.

Иванов Алексей Иванович (16(28).03.1878 – 8.10.1937) – российско-советский востоковед, – см. примечание № 104.

Игнатъев Николай Павлович (17(29).01.1832 – 20.06(3.07).1908) – русский государственный деятель и дипломат, – см. примечание № 151.

Игнатъев Павел Николаевич (7(18).06.1797 – 20.12.1879(1.01.1880) – русский офицер, сановник, – см. примечание № 151.

Карпов Григорий Платонович (в монашестве – Гурий, 1814 – 17.03.1882) – русский священнослужитель, участник XII и глава XIV РДМ, – см. примечание № 144.

Кафаров Пётр Иванович Кафаров (в монашестве – Палладий, 16(28).09.1817 – 6(18).12.1878) – востоковед, дипломат, путешественник и миссионер, – см. примечание № 99.

Ковалевский Егор Петрович (06(18).02.1809 – 20.09(2.10).1868) – русский дипломат и путешественник, – см. примечание № 130.

Константин Николаевич (9(21).09.1827 – 13(25).01.1892) – Великий князь, второй сын императора Николая I и императрицы Александры Фёдоровны, – см. примечание № 67.

Курбатов Аполлон Митрофанович (1798 – 1872) – купец, выходец из купеческой династии Курбатовых, – см. примечание № 353.

Курбатов Митрофан Кузьмич (род. в XVIII в. – ум. в XIX в.) – меценат и купец I гильдии, – см. примечание № 353.

Лазарев Михаил Михайлович (25.10.1839 – 17.02.1908) – русский морской офицер, – см. примечание № 655.

Лазарев Михаил Петрович (3(14).11.1788 – 11(23).04.1851) – русский морской офицер, – см. примечание № 656.

Линден Александр Михайлович (XIX в.) – русский морской офицер, – см. примечание № 131.

Литке Константин Фёдорович (25.08.1837 – 17.09.1892) – русский морской офицер, – см. примечание № 660.

Львов Алексей Фёдорович (25.05(5.06).1798 – 16(28).12.1870) – русский композитор, музыкант и сановник, – см. примечание № 286.

Мария Николаевна (6(18).08.1819 – 9(21).02.1876) – Великая княжна, дочь императора Николая I и императрицы Александры Фёдоровны, – см. примечание № 357.

Мартынов (XIX в.) – подполковник, адъютант Н.Н. Муравьёва, – см. примечание № 240.

Муравьёв-Амурский Николай Николаевич (11(23).08.1809 – 18.11.1881) – русский государственный деятель, дипломат, – см. примечание № 73.

Неклюдов – неизвестный коллежский асессор.

Нессельроде Карл Васильевич (2(13).12.1780 – 11(23).03.1862) – русский дипломат немецкого происхождения, – см. примечание № 71.

Николай I (25.06(6.07.).1796 – 18.02(2.03).1855, правил с 19.11(1.12).1825 по 18.02(2.03).1855) – Император Всероссийский.

Ольга Николаевна (11.09.1822 – 30.10.1892) – Великая княжна, дочь императора Николая I и императрицы Александры Фёдоровны, – см. примечание № 71.

Остен-Сакен Фёдор Романович (1832 – 19.04(02.05).1916) – дипломат, ученый и государственный деятель, – см. примечание № 108.

Перовский Николай Иванович (1785 – 22.04.1858) – русский сановник, – см. примечание № 129.

Перовский Пётр Николаевич (1818 – 25.08.1865) – русский дипломат, – см. примечание № 129.

Пётр I Алексеевич (30.05(9.06).1672 – 28.01(9.02).1725, правил с 27.04(7.05).1682 по 28.01(8.02).1725) – первый Император Всероссийский.

Пётр II Алексеевич (12(23).10.1715 – 19(30).01.1730, правил с 6(17).05.1727 по 19(30).01.1730) – Император и Самодержец Всероссийский.

Пещуров Дмитрий Алексеевич (27.05(8.06).1833 – 1913) – русский востоковед, – см. примечание № 287.

Пещуров Пётр Алексеевич (8.12.1829 – 1.02.1898) – русский сановник, – см. примечание № 118 и 287.

Путятин Евфимий Васильевич (20.11.1803 – 28.10.1883) – русский адмирал и дипломат, – см. примечание № 66.

Романов Василий Евтропович (18.05.1913 – 2009) – советский художник, – см. примечание № 129.

Татиаринов Александр Алексеевич (1817 – 24.09.1886) – дипломат, востоковед, лекарь XII-й РДМ, – см. примечание № 121.

Унковский Иван Семёнович (29.3(10.4).1822 – 11(23).8.1886) – русский мореплаватель и государственный деятель, – см. примечание № 308.

Ухтомский Эспер Алексеевич (1834 – 21.04.1885) – русский морской офицер, – см. примечание № 671.

Ухтомский Эспер Эсперович (14.08.1861 – 12.11.1921) – русский востоковед и дипломат, – см. примечание № 671.

Хитрово – неизвестный есаул.

Храповицкий Михаил Данилович (1816 – 4.11.1860) – русский дипломат, студент в составе XIII РДМ, – см. примечание № 249.

Честной Дмитрий Семёнович (в монашестве – Аввакум) (18(30).09.1801 – 10(22).03.1866) – русский переводчик и дипломат, участник XI-й РДМ, – см. примечание № 120.

Шульгин Иван Петрович (4(15).11.1794 – 30.04(12.05).1869) – русский историк, академик, – см. примечание № 587.

Британская империя

Amherst William Pitt (Уильям Питт Амхерст, 1-й граф Амхерст 1st Earl Amherst, 14.01.1773 – 13.03.1857) – британский политический деятель, дипломат и военачальник, – см. примечание № 413.

Ashburnham Thomas (Томас Ашбурнхэм, 1808 – 2.03.1872) – британский военачальник, – см. примечание № 43.

Bowring John (Джон Бауринг, 17.10.1792 – 23.11.1872) – британский политический деятель, путешественник и писатель, – см. примечание № 14.

Bruce James (Джеймс Брюс, 8-й граф Элгин (Эльджин) и 12-й граф Кинкардин 8th Earl of Elgin and 12th of Kincardine, 20.07.1811 – 20.11.1863) — английский государственный деятель и дипломат, – см. примечание № 39.

Bruce Thomas (Томас Брюс, 7-го граф Элгин и 11-й граф Кинкардин, 7th Earl of Elgin and 11th of Kincardine, 20.07.1766 – 14.11.1841) – британский дипломатический и военный деятель, – см. примечание № 39.

Canning Charles John (Чарльз Джон Каннинг, 1-й граф Каннинг 1st Earl Canning, 14.12.1812 – 17.06.1862) – британский политический деятель, – см. примечание № 30.

Cobden Richard (Ричард Кобден, 3.06.1804 – 2.04.1865) – британский политический деятель, – см. примечание № 40.

Dew Roderick R.N. (Родерик Дью, ум. 24.03.1869) – британский морской офицер, – см. примечание № 518.

Dickens Charles John Huffam (Чарльз Джон Хаффем Диккенс, 7.02.1812 – 9.06.1870) – замечательный английский писатель, – см. примечание № 621.

Elliot Charles (Чарльз Эллиот, 15.08.1801–9.09.1875) – британский дипломат, – см. примечание № 472.

Kennedy Thomas (Томас Кеннеди, род. ок. 1835 г.–?) – британский капитан, – см. примечание № 8.

Lay George Tradescant (Джордж Трэйдскант Лэй, ок. 1800 – 6.11.1845) – британский натуралист и миссионер, – см. примечание № 584.

Lay Horatio Nelson (Горацио Нельсон Лэй, 23.01.1832 – 4.05.1898) – британский дипломат, – см. примечание № 584.

Loch Henry Brougham (Генри Брогам Лок, 1-й барон Лок 1st Baron Loch, 23.05.1827–20.06.1900) – британский военный и колониальный администратор, – см. примечание № 608.

Macartney George (Джордж Макартни, 1-й граф Макартни 1st Earl Macartney, 14.05.1737–31.05.1806) – британский дипломат и государственный деятель, – см. примечание № 435.

Mayall John Jabez Edwin (Джон Джейбс Эдвин Майалл, 17.09.1813 – 6.03.1901) – английский фотограф, – см. примечание № 15.

Meadows Thomas Taylor (Томас Тэйлор Мидоус, 1815 – 1868) – английский синолог, – см. примечание № 615.

Medhurst Walter Henry (Уолтер Генри Медхарст, 29.04.1796 – 24.01.1857) – английский миссионер-конгрегационалист, – см. примечание № 433.

Oliphant Laurence (Лоренс Олифант, 3.08.1829 – 23.12.1888) – британский политик, дипломат, путешественник, писатель и авантюрист, – см. примечание № 607.

Osborn Sherard (Шерард Осборн, 25.04.1822 – 6.05.1875) – английский морской офицер, исследователь Арктики, – см. примечание № 578.

Parkes Harry Smith (Гарри Смит Паркс, 24.02.1828 – 22.03.1885) – британский дипломат и колониальный администратор, – см. примечание № 10.

Pickersgill John (Джон Пикерсгиль, 6.03.1765 – 26.06.1841) – шотландский коммерсант, – см. примечание № 589.

Pottinger Henry (Генри Поттингер, 3.10.1789 – 18.03.1856) – британский дипломат и колониальный администратор, – см. примечание № 258.

Saumarez Thomas (Томас Самурез, 1827 – 1903) – английский капитан, – см. примечание № 302.

Seymour Michael (Майкл Сеймур, 3.12.1802 – 23.02.1887) – британский морской офицер, – см. примечание № 18.

Seymour Michael (Майкл Сеймур, 18.11.1768 – 9.07.1834) – британский морской офицер, отец Майкла Сеймура, – см. примечание № 18.

Shearman Henry (Генри Ширман, 1798 – 22.03.1856) – британский аукционист, – см. примечание № 305.

Smith-Stanley Edward George Geoffrey (Эдвард Джордж Джеффри Смит-Стэнли, 14-й граф Дерби 14th Earl of Derby, 29.03.1799 – 23.10.1869) – британский политик, – см. примечание № 35.

Staunton George Leonard (Джордж Леонард Стонтон, 1737.10.04 – 14.01.1801) – сотрудник Британской Ост-Индской компании, – см. примечание № 434.

Temple Henry John (Генри Джон Темпл, 3-й Висконт Палмерстон 3rd Viscount Palmerston, 20.10.1784 – 18.10.1865) – британский политик, – см. примечание № 33.

Toland John (Джон Толанд, 30.11.1670 – 11.03.1722) – ирландский философ, – см. примечание № 272.

Victoria (Виктория, 24.05.1819 – 22.01.1901, правила с 20.06.1837 по 22.01.1901) – Королева Великобритании и Ирландии.

Villiers George William Frederick (Джордж Уильям Фредерик Вильерс, 4-й граф Кларендон 4th Earl of Clarendon, 12.01.1800 – 27.06.1870) – британский дипломат и политик, – см. примечание № 34.

Wade Thomas Francis (Томас Фрэнсис Уэйд, 25.08.1818 – 31.07.1895) – британский дипломат и синолог, – см. примечание № 605.

Wright-Bruce Frederick William Adolphus (Фредерик Вильям Адольф Врайт-Брюс, 14.04.1814 – 19.09.1867) – британский дипломат, – см. примечание № 304.

США

Bradley Charles William (Чарльз Уильям Брэдли, 1807/1808 – 1865) – американский политический деятель, – см. примечание № 531.

Buchanan James (Джеймс Бьюкенен, 23.04.1791 – 1.06.1868) – американский политик, 15-й президент США (с 4.03.1857 по 4.03.1861), – см. примечание № 59.

Burlingame Anson (Ансон Бурлингейм, 14.11.1820 – 23.02.1870) – американский политик и дипломат, – см. примечание № 293.

Cushing Caleb (Калев Кушинг, 17.01.1800 – 2.01.1879) – американский государственный деятель, – см. примечание № 62.

Du Pont Samuel Francis (Самюэль Фрэнсис Дю Пон, 27.09.1803 – 23.06.1865) – американский флотоводец, – см. примечание № 510.

Keenan James (Джеймс Кинан, ум. в 1862) – американский дипломат, – см. примечание № 20.

Lynch (Линч) – американский морской капитан, – см. примечание № 532.

Martin William Alexander Parsons (Вильям Александр Парсонс Мартин, 10.01.1827 – 17.12.1916) – американский миссионер и востоковед, – см. примечание № 293.

Perry Matthew Calbraith (Мэтью Кэлбрейт Перри, 10.04.1794 – 4.03.1858) – американский военный и политический деятель, – см. примечание № 292.

Reed George Washington (Джордж Вашингтон Рид, 25.01.1840 – 25.08.1885) – сын Уильяма Брэдфорда Рид, – см. примечание № 316.

Reed Robert Ralston (Роберт Ральстон Рид, 1852 – 1887) – сын Уильяма Брэдфорда Рид, – см. примечание № 316.

Reed William (Уильям Рид, 7.06.1838 – 25.01.1908) – сын Уильяма Брэдфорда Рид, – см. примечание № 316.

Reed William Bradford (Уильям Брэдфорд Рид, 30.06.1806 – 18.02.1876) – американский юрист, дипломат и журналист, – см. примечание № 58, 282.

Stevens Edwin (Эдвин Стивенс, август 1802 – 5.01.1837) – американский протестантский миссионер, – см. примечание № 438.

Ward John Elliott (Джон Эллиот Уард, 2.10.1814 – 29.11.1902) – американский политик и дипломат, – см. примечание № 282.

Webb William Henry (Уильям Генри Уэбб, 19.06.1816 – 30.10.1899) – американский судостроитель и филантроп, – см. примечание № 65.

Williams Samuel Wells (Сэмюэл Уэллс Уильямс, 22.09.1812 – 16.02.1884) – американский миссионер, синолог и японист, – см. примечание № 292.

Франция

Bellecourt Gustave Duchesne de (Гюстав Дюшен де Белькур, 23.02.1817 – 29.07.1881) – французский дипломат, – см. примечание № 538.

Bernard Simon François (Симон Франсуа Бернар, 28.01.1817 – 25.11.1862) – французский врач и революционер, – см. примечание № 658.

Bonaparte Charles Louis Napoléon (Шарль Луи Наполеон Бонапарт, 20.04.1808 – 9.01.1873, правил как Президент Франции с 20.12.1848 по 2.12.1852, как Император Франции с 2.12.1852 по 4.09.1870) – правитель Франции, – см. примечание № 614.

Bourboulon Alphonse de (Альфонс де Бурбулон, 5.12.1809 – 28.02.1877) – французский дипломат, – см. примечание № 55.

Chapdelaine Auguste (Огюст Шапделен, 6.01.1814 – 29.02.1856) – французский католический миссионер, – см. примечание № 49.

Charles Maurice Adolphe (Морис Адольф Шарль, виконт Флавины Vicomte de Flavigny, 3.12.1799 – 9.10.1873) – французский политический деятель и дипломат, – см. примечание № 515.

Chassiron Charles Gustave Martin de (Шарль Густав Мартин де Шасирон, 5.12.1818 – 20.06.1871) – французский дипломат, – см. примечание № 657.

Contades Léon de (Леон Контад, 1818 – 1900) – камергер при Наполеоне III, – см. примечание № 614.

Courcy Marie Rene Roussel de (Мари Рене Руссель де Курси, 2.10.1827 – 7.08.1908) – французский дипломат и историк, – см. примечание № 50.

Genouilly Pierre-Louis-Charles Rigault de (Пьер Луис Шарль Риго де Женуйи, 12.04.1807 – 4.05.1873) – французский морской офицер и политический деятель, – см. примечание № 88.

Gros Jean-Baptiste Louis (Жан-Батист Луи Гро, 8.02.1793 – 17.08.1870) – французский дипломат, один из первых дагеротипистов, – см. примечание № 48.

Lagrene Théodore-Marie-Melchior-Joseph de (Теодор Мари Мельхиор Жозеф де Лагрене, 14.03.1800 – 26.04.1862) – французский дипломат, – см. примечание № 51.

Leroux Louis Eugène (Луис Эжен Леро, 28.09.1833 – 24.01.1905) – французский художник, – см. примечание № 482.

Murat Caroline Laetitia (Каролина Литиция Мюрат, 1832 – 1902) – французская принцесса, – см. примечание № 657.

Reynaud Aimé Félix Saint-Elme (Эме Феликс Сант-Эльм Рену, 16.09.1808 – 6.07.1876) – французский флотоводец, – см. примечание № 514.

Цинская империя

Айсиньгйоро Иньчжэнь (愛新覺羅·胤禛, 13.12.1678 – 8.10.1735) – третий Император эпохи Цин, правивший с 20.12.1722 по 7.10.1735 под девизом «Юнчжэн» (雍正), – см. примечание № 469.

Айсиньгйоро Исинь (愛新覺羅·奕訢, 11.01.1833 – 29.05.1898) – крупный маньчжурский сановник, имевший титул «Гун цинь-ван» (恭親王 «Почитаемый великий князь»), – см. примечание № 248.

Айсиньгйоро Ицзи (愛新覺羅·奕訢, 1797–1864) – маньчжурский сановник, – см. примечание № 337.

Айсиньгйоро Ичжу (愛新覺羅·奕訢, 17.07.1831 – 22.08.1861) – седьмой Император эпохи Цин. Правил с 9.03.1850 по 22.08.1861 под девизом «Сяньфэн» (咸豐), – см. примечание № 156.

Айсиньгйоро Ишань (愛新覺羅·奕山, 13.06.1790 – 30.06.1878) – китайский сановник и дипломат, племянник императора Мяньнина, – см. примечание № 274.

Айсиньгйоро Мяньнин (愛新覺羅·旻寧, 16.09.1782 – 25.02.1850) – шестой Император эпохи Цин. Правил под девизом «Даогуан» (道光) с 2.09.1821 по 25.02.1850, – см. примечание № 52.

Айсиньгйоро Сушунь (愛新覺羅·肅順, 26.11.1816 – сентябрь 1861) – влиятельный цинский сановник и военачальник, – см. примечание № 255.

Айсиньгйоро Сюанье (愛新覺羅·玄燁, 4.05.1654 – 20.12.1722) – второй Император эпохи Цин, правивший с 5.02.1661 по 20.12.1722 под девизом «Канси» (康熙), – см. примечание № 162.

Айсиньгйоро Хунли (愛新覺羅·弘曆, 25.09.1711 – 7.02.1799) – четвёртый Император эпохи Цин, правивший с 8.10.1735 по 1.02.1796 под девизом «Цяньлун» (乾隆), – см. примечание № 469.

Айсиньгйоро Цзайчунь (愛新覺羅·載淳, 27.04.1856 – 12.01.1875) – восьмой Император эпохи Цин, правивший с 16.07.1861 по 12.01.1875 под девизом «Тунчжи» (同治), – см. примечание № 255.

Айсиньгйоро Циин (愛新覺羅·耆英, 21.03.1787 – 29.06.1858) – цинский сановник и дипломат, – см. примечание № 252.

Бо Гуй (柏貴, ум. 1859) – цинский сановник, – см. примечание № 158.

Боцзюнь (Байцзюнь 柏俊, ум. 1859) – цинский сановник монгольского происхождения, – см. примечание № 184.

Бянь Баошу (卞寶書, 7.07.1815–30.03.1872) – цинский гражданский чиновник, – см. примечание № 123.

Вэнь Цай – неизвестный цинский сановник, – см. примечание № 342.

Вэнь Цянь (文謙) – цинский сановник, – см. примечание № 126.

Гуаэрцзя (Гювальгия) Гуйлян (瓜爾佳·桂良, 1785 – июль 1862) – цинский сановник и дипломат, – см. примечание № 263.

Гуаэрцзя (Гювальгия) Шэнбао (瓜爾佳·勝保, ум. 31.08.1863) – цинский сановник, – см. примечание № 336.

Ду Вэньсю (杜文秀, 1823 – 1872) – лидер восстания в цинском Китае, дунганин, – см. примечание № 270.

Е Минчэнь (葉名琛, 21.12.1807 – 9.04.1859) – китайский сановник, – см. примечание № 12.

Пэн Юньчжан (彭蘊章, 24.08.1792 – 31.12.1862) – цинский сановник китайского происхождения, – см. примечание № 185.

Сучжанъа (蘇障阿) – китайский пристав РДМ, чиновник Лифаньюаня, – см. примечание № 177.

Сэнгэринчен (кит. Сэнгэлиньцинъ 僧格林沁, 24.07.1811 – 18.05.1865) – монгольский полководец, – см. примечание № 260.

Сю Чунлунь (許崇綸, 1792 – 1875) – цинский сановник, – см. примечание № 262.

Тань Тинсян (譚廷襄, ум. 1870) – цинский сановник, – см. примечание № 229.

Уэргунтай (烏爾棍泰, ум. 1858 г.) – цинский сановник, – см. примечание № 331.

Хай Чжанъу (海張五, Чжан Цзиньвэнь 張錦文, 1795 – 1875) – китайский купец, – см. примечание № 310.

Хуан Цзунхань (黃宗漢, 1803 – 1864) – цинский сановник, – см. примечание № 159.

Хуашана Умитэ (花沙納, 1806 – 1859) – цинский сановник и дипломат, – см. примечание № 264.

Хун Сюцюань (洪秀全, 1.01.1814 – 1.07.1864) – лидер тайпинского восстания, – см. примечание № 438.

Хэ Гуйцин (何桂清, 1816 – 1862) – китайский сановник, – см. примечание № 329.

Ци Шань (琦善, 18.01.1786 – 3.08.1854) – цинский сановник, – см. примечание № 472.

Цыань (慈禧, 12.08.1837 – 8.04.1881) – императрица эпохи Цин, супруга императора Ичжу, – см. примечание № 189.

Цыси (慈禧, 29.11.1835 – 15.11.1908) – наложница императора Ичжу, затем вдовствующая императрица, – см. примечание № 189.

Цянь Синь-хэ (Цянь Ци-хэ, 錢炘和/钱圻和, годы жизни неизвестны) – цинский сановник, – см. примечание № 231.

Чун – неизвестный китайский купец

Чэнь Гожуй (陳國瑞, ум. 1882) – маньчжурский военачальник, – см. примечание № 275.

Чэнь Кэмин (陳克明, ум. 1858 г.) – цинский военный сановник, – см. примечание № 124.

Чэнь Чжунсян (陳鍾祥, эпоха Цин) – цинский сановник, – см. примечание № 125.

Юйчэн (裕誠, ум. 1858) – влиятельный цинский сановник, – см. примечание № 166.

Ян Сюцин (楊秀清, 23.09.1821–2.09.1856) – один из руководителей тайпинского восстания, – см. примечание № 437.

Ватикан и Папская область

Ioannes Paulus PP. II (Иоанн Павел II, 18.05.1820 – 2.04.2005, понтификат с 16.10.1978 по 2.04.2005) – 264-й Папа Римский, – см. примечание № 49.

Orsini Felice (Феличе Орсини, 10.12.1819 – 12.03.1858) – итальянский революционер, – см. примечание № 585.

Королевство Вюртемберг

Karl I Friedrich Alexander von Württemberg (Карл I Фридрих Александр Вюртембергский, 6.03.1823 – 6.10.1891, правил с 25.06.1864 по 6.10.1891) – король Вюртемберга, – см. примечание № 71.

Королевство Кастилия и Леон

Torquemada Tomás de (Томас Торквемада, 1420 – 16.09.1498) – основатель испанской инквизиции, первый великий инквизитор Испании, – см. примечание № 238.

Королевство Португалия

Márquez José Martins (Жозе Марчинс Маркс, китайское имя – Ма Цзи-ши 瑪吉士, ум. после 1861 г.) – португальский переводчик из Макао, вероятно, католический миссионер, – см. примечание № 585.

Королевство Пруссия

Gützlaff Karl Friedrich August (Карл Фридрих Август Гюцлав, 8.07.1803 – 9.08.1851) – первый лютеранский миссионер в Китае, – см. примечание № 552.

Marx Karl Heinrich (Карл Генрих Маркс, 5.05.1818 – 14.03.1883) – немецкий философ, экономист и общественный деятель.

Сёгунат Токугава

Токугава Иэсада (徳川 家定, 6.05.1824 – 14.08.1858, правил с 1853 по 1858 гг.) – 13-й Сёгун из династии Токугава, – см. примечание № 313.

Шведско-норвежская уния

Liljevalch Carl Fredrik (Карл Фредерик Лильевальш, 10.07.1796 – 24.06.1870) – посланник Объединённого королевства Швеции и Норвегии в Китае, – см. примечание № 258.

Указатель судов

Американские суда

«*Antelope*» («Антилопа») – см. примечание № 533.

«*Contest*» («Состязание») – см. примечание № 532.

«*Minnesota*» *USS* («Миннесота») – см. примечание № 60.

«*Powhatan*» («Поухатаны») – см. примечание № 594.

Британские суда

«*Alceste*» *HMS* («Алкеста») – см. примечание № 412.

«*Arrow*» («Стрела») – см. вступительную статью.

«*Cormorant*» *HMS* («Баклан») – см. примечание № 302.

«*Furious*» *HMS* («Яростный») – см. примечание № 535.

«*Nimrod*» *HMS* («Нимрод») – см. примечание № 513.
«*Sampson*» *HMS* («Самсон») – см. примечание № 543.
«*Shannon*» *HMS* («Шэннон») – см. примечание № 46.
«*Slaney*» *HMS* («Слейни») – см. примечание № 484.
«*Thistle*» («Чертополох») – см. примечание № 25.

Русские суда

«*Америка*» – см. примечание № 65.
«*Амур*» – см. примечание № 122.
«*Аскольд*» – см. примечание № 307.
«*Паллада*» – см. примечание № 66.

Французские суда

«*Audacieuse*» («Смелый») – см. примечание № 56.
«*Avalanche*» («Лавина») – см. примечание № 484.
«*Dragonne*» («Дракон») – см. примечание № 482.
«*Fusée*» («Ракета») – см. примечание № 484.
«*L'Archimède*» («Архимед») – см. примечание № 51.
«*La Mitraille*» («Шрапнель») – см. примечание № 491.
«*Minerve*» («Минерва») – см. примечание № 412.
«*Némésis*» («Немезида») – см. примечание № 514.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы:

1. РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Ед. хр. 415. Тянь-цзинские переговоры и заключение трактатов с Китаем в 1858 г.
2. РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Ед. хр. 971. Записки Ф. Р. Остен-Сакена о поездке в Сибирь и на Дальний Восток. Подл. 27. л
3. РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Ед. хр. 1825. Дневник Ф.Р. Остен-Сакена [о пребывании в Китае].

На русском языке

1. *А.О.Т. Перовский Петр Николаевич* // Русский биографический словарь / Под ред. А.А. Половцова. Т. 13. СПб., 1902. С. 551.
2. *А.П. Выписки из дневника, веденного в Пекине в 1858 г.* // Морской сборник. 1860. № 9. С. 483–509.
3. *А.П. Выписки из дневника, веденного в Пекине в 1858 г.* // Морской сборник. 1860. № 10. С. 88–105.
4. *Архимандрит Авраамий*. Краткая история русской православной миссии в Китае // Бэй-гуань Краткая история Российской духовной миссии в Китае / сост. Б. Г. Александров. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 11–156.
5. *Б.Г. Лейхтенбергский, герцог Максимилиан-Евгений-Иосиф-Август-Наполеон* // Русский биографический словарь А.А. Половцова. Т. 10. Изд. Императорским Русским Историческим Обществом: под ред. Н.Д. Чечулина и М.Г. Курдюмова. Санкт-Петербург: типография Гл. упр. уделов, 1914. С. 176–178.
6. *Васильев В.П.* Воспоминание об И.И. Захарове // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1885. Ноябрь. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1820-1840/Zacharov/text.htm> (дата обращения: 21.08.2019).
7. *Веселовский Н.* Кафаров (Палладий) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIVа. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1895. С. 832.
8. *Георгиев В.А., Георгиева Н.Г.* Горчаков // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016). Режим доступа: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2372181. (дата обращения: 7.05.2020).

9. Гро, Жан-Баптист-Луи // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IXа. СПб., 1893. С. 744.

10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. И–О. М.: «Русский язык», 1981. С. 114.

11. *Дацышен В.Г.* Русские китаеведы XVIII–начала XX вв.: преподаватели и составители словарей (краткий биобиблиографический справочник) // Архив российской китаистики. Т. I / Сост. А.И. Кобзев; отв. ред. А.Р. Вяткин. М., 2013. С. 548.

12. *Диккенс Ч.* Жизнь Дэвид Копперфилда, рассказанная им самим / Пер. с англ. А.В. Кривцовой и Е. Ланна; Комментар. Е. Ланна // Собрание сочинений. Т. 15. М.: Гослитиздат, 1959.

13. Дневник архимандрита Палладия за 1858 г. // Известия министерства иностранных дел. 1912. Кн. II. С. 225–282.

14. Дневник архимандрита Палладия за 1858 г. Отд. отп. из «Известий Министерства иностранных дел. Книга 2. 1912. С.-Петербург: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. С. 1–58.

15. Донесение Генерал-адъютанта графа Путятина // Морской сборник. 1858. Т. XXXVIII. № 9. II. Официальные статьи и известия. СПб.: Типография Морского министерства, 1858. С. 14–16.

16. Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска, через Маньчжурию, в 1870 г. // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. IV. СПб.: типография В. Безобразова и комп. 1871, С. 329–458.

17. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. XXII. № 1. СПб.: типография Императорской академии наук, 1892. С. 37–113.

18. Заметки Архимандрита Палладия о путешествии в Китай казака Петлина // Записки восточного отделения Императорского археологического общества. Т. VI. СПб.: типография Императорской академии наук, 1892. С. 305–308.

19. Иванов Алексей Иванович. Режим доступа: <http://memory.pvost.org/pages/ivanov.html> (дата обращения: 27.02.2020).

20. *Ивановский А.* Захаров, Иван Ильич // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского СПб. университета за истекшую третью четверть века его существования 1869–1894. Т. I. СПб: Типография и литография Б.М. Вольфа, 1896. С. 261–262.

21. Извлечение из рапорта контр-адмирала Сеймура о действиях его против Кантона // Морской сборник. 1857. Т. XXVII. С. 175–185.

22. Ковалевский // Дипломатический словарь. Т. II. М.: изд-во Политической литературы, 1971. С. 74.

23. Ковалевский Е.П. // Русский биографический словарь. Т. IX. 1903. С. 25–27.

24. Ковалевский (Егор Петрович) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVa. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1895. С. 502.

25. Константин Николаевич // Русский биографический словарь / Под. ред. А.А. Половцева. Т. 9. СПб, 1903. С. 120–155.

26. Курбатов Аполлон Митрофанович // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1995. Т. 2. Кн. 2. Режим доступа: http://sibhistory.edu54.ru/КУРБАТОВ_Аполлон_Митрофанович (дата обращения: 20.03.2020).

27. *Кюнер Н.В.* Новейшая история стран Дальнего Востока. Ч. III. Обзор сношений Китая с европейскими и азиатскими державами с 1842 года с указанием важнейших событий внутренней истории страны. Выпуск 1-й. С 1842 г. до конца Японо-китайской войны 1894–5 гг. Владивосток: Типо-литография Восточного Института, 1910. 175 с.

28. *Латин П.А.* Первая школа русского языка в Китае. М.: Вост. лит., 2009.

29. *Ларичев В.Е.* Потерянные дневники Палладия Кафарова (новые материалы к истории археологии русского Дальнего Востока) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1966. № I. Вып. I. С. 114–122.

30. *Ларичев В.Е.* Организация Русским Императорским географическим обществом археолого-этнографической экспедиции в Южно-Уссурийский край и превратности судьбы путевых дневников архимандрита Палладия // Вестник Новосибирского государственного университета. 2014. Т. 13. Вып. 4. С. 93–105.

31. *Линден А.М.* Записки А. М. Линдена // Русская старина. № 4. 1905. С. 108–143.

32. *Маркс К.* Русская торговля с Китаем // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С. 157–160.

33. *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. С. 101–244.

34. *Михайлов. Захаров* // Русский биографический словарь / под. ред. Е.С. Шумигорского и М.Г. Курдюмова. Т. 7. СПб: Типография Главного управления уделов, 1916. С. 293–294.

35. *Мороз И.Т.* Первое китайское посольство в С.-Петербурге (1732 г.) // Восточный архив. № 2 (22). 2010. С. 19–26.

36. *Муравьёв Н.Н.* // Дипломатический словарь / под. ред. А.А. Громыко. Т. II. М., 1971. С. 341.

37. *Муравьёв-Амурский, Николай Николаевич* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XX. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1897. С. 193–194.

38. *Н. Ив-ко.* Почта // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIVa. С.-Петербург: Типо-литография И.А. Ефрона, 1898. С. 792–819.

39. *Нарочницкий А.Л.* Дипломатия на Дальнем Востоке в 50–60 годах XIX в. // История дипломатии. Т. I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 781–795.

40. *Остен-Сакен Ф.Р.* Памяти графа Евфимия Васильевича Путятина, почётного члена Императорского русского географического общества (ум. в Париже 16 [28] октября 1883 г.) // ИИРГО. Т. XIX. 1883. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1884. С. 383–397.

41. *Пайцза* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIIIa. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1897. С. 596–597.

42. *Пекинский корреспондент [архимандрит Палладий (Кафаров)].* Бо Цзюнь // Известия Императорского Русского географического общества. 1872. Т. VIII. СПб.: типография В. Безобразова и комп. С. 308–310.

43. *Плотникова М.М.* Дипломатическая деятельность Е.В. Путятина // Взаимоотношения народов России, Сибири, и стран Востока: история и современность. Доклады Второй Международной конференции 11–14 августа 1997 г. Кн. Вторая. Москва–Иркутск–Тэгу, 1997. С. 32–41.

44. *Повальников С.И.* Война Англии и Франции против Китая (Вторая «опиумная» война 1856–1860 гг.) и позиция России // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Издательство «Мысль», 1982. С. 240–283.

45. Предварительный список российских дипломатов, оставшихся в эмиграции после Октября 1917 г. Режим доступа: http://www.bfrz.ru/data/rus_diplomatu/rus_diplomatu_spisok.pdf (дата обращения: 27.02.2020).

46. *Протодиякон Василий Марущак*. Гурий // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. XIII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 475–477.

47. Путятин Е.В. // Дипломатический словарь. Т. II. М.: изд-во Политической литературы, 1971. С. 588.

48. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / сост. И.Т. Мороз, В.С. Мясников. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

49. *Самигулов Г.Х.* Ичкинские юрты: новые материалы к истории тюркского населения Зауралья // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган. 17–18 апреля 2014 г. С. 92–97.

50. Сведения о плавании парохода «Америка» в Восточном Океане с 1 июля по 2 ноября 1857 года // Морской сборник. 1858. Т. XXXIV. № 3. Март. III. Часть неофициальная С. 29–50.

51. *Слонимский Л.З.* Горчаков (князь Александр Михайлович) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IX. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1893. С. 340–344.

52. Татаринов // Русский биографический словарь. Т. 20. СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1912. С. 321–322.

53. Торквемада Томас // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIIIa. СПб, 1901. С. 631.

54. Унковский Иван Семёнович // Большая российская энциклопедия. Том 33. Москва, 2017. С. 46.

55. Фрегат «Аскольд» // Морской сборник. 1857. № 11. С. 37–40.

56. *Хевролина В.М.* Игнатьев // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2020). Режим доступа: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3822293 (дата обращения: 7.05.2020).

57. *Хохлов А.Н.* Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю // Документы опровергают. М., 1982. С. 284–339.

58. *Хохлов А.Н.* Кяхтинская торговля и её место в политике России и Китая (20-е годы XVIII в. – 50-е годы XIX в.) // *Документы опровергают*. М.: Мысль, 1982. С. 99–147.

59. *Хохлов А.Н.* Л.Ф. Баллюзек – первый российский посланник в цинском Китае // *Общество и государство в Китае*. 36 научная конференция. 2006. С. 68–83.

60. *Хохлов А.Н.* Лифаньюань // *Энциклопедия «Духовная культура Китая»*. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / Под редакцией М.Л. Титаренко. М., 2009. С. 536.

61. *Хохлов А.Н.* Миссионерская деятельность Гурия Карпова до и после преобразования Пекинской духовной миссии в 60-е годы XIX в. // *Общество и государство в Китае*. Т. XLV. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2015. С. 864–915.

62. *Хохлов А.Н.* Переговоры Е. В. Путятин с Ци Ином в 1858 г. // *Десятая конференция Общество и государство в Китае*. Ч. 2. М., 1979. С. 36–53.

63. *Шумкин Г.Н.* К вопросу о месте Николаевского оружейного завода в истории русской промышленности // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2015. № 4 (16). С. 192–204.

64. Эльджин // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. XLа. СПб., 1904. С. 672.

65. *Яновский А.Е.* Исправник // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. XIII. С.-Петербург: Типо-литография И.А. Ефрона, 1894. С. 458–459.

На английском языке

1. Auction: Important Beato China and Japan album – UPDATED. Режим доступа: <http://britishphotohistory.ning.com/profiles/blogs/auction-important-beato-china-and-japan-album-to-be-offered> (дата обращения: 2.04.2020).

2. Beijing city fortifications (Пекинские городские фортификации). Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Beijing_city_fortifications (дата обращения: 7.05.2020).

3. *Bowring Phillip*. Free Trade's First Missionary. Hong Kong University Press, 2014.

4. *Charles Gutzlaff*, rev. Journal of a residence in Siam, and voyage along the coast of China to Mantchou Tartary // Chinese Repository. Vol. I. C. 16–25, 45–64, 81–99, 122–140, 180–196

5. *Charles S. Leavenworth M.A.* The Arrow War with China. London: Sampson Low, Marston & Company, 1901.

6. *Chichester Henry Manners*. Macartney, George // Dictionary of National Biography, 1885–1900. Vol. XXXIV. London: Smith, Elder & Co, 1893. P. 404–405.

7. *Gerson, Jack J.* Horatio Nelson Lay and Sino-British Relations 1854–1864. East Asian Research Center. Harvard University, 1972.

8. *Hanes, William Travis III, Sanello Frank*. Opium wars: The Addiction of One Empire and the Corruption of Another. Naperville, Illinois: Sourcebook inc., 2002.

9. *Henry, Joseph Hirst*. Medhurst, Walter Henry (1796–1857) // Dictionary of National Biography, 1885–1900. Vol. XXXVII. London: Smith, Elder & Co, 1894. P. 202–203.

10. HMS Alescte (1806) (Корабль Её величества Алкеста (1806) [https://en.wikipedia.org/wiki/HMS_Alceste_\(1806\)](https://en.wikipedia.org/wiki/HMS_Alceste_(1806)) (Дата обращения: 26.03.2020).

11. HMS Furious (1850). Режим доступа: <https://www.pdavis.nl/ShowShip.php?id=1482> (дата обращения 3.04.2020).

12. HMS Nimrod. Режим доступа: <https://www.pdavis.nl/ShowShip.php?id=1820> (дата обращения 2.04.2020).

13. HMS Shannon (1855). Режим доступа: <https://www.pdavis.nl/ShowShip.php?id=94> (дата обращения: 23.04.20).

14. *King, Amelia Kay B.S.* James Keenan: United States Consul to Hong Kong. Denton, Texas. August 1978.

15. Letters and journals of James, Eight Earl of Elgin, Governor of Jamaica, Governor-General of Canada, Envoy to China, Viceroy of India / ed. Theodore Walrond, C.B. London: John Murray, 1872

16. Michael Seymour. Режим доступа: <https://www.pdavis.nl/ShowBiog.php?id=690> (дата обращения: 7.05.20).

17. *Oliphant Laurence, private secretary to Lord Elgin*. Narrative of the Earl of Elgin's mission to China and Japan in the years 1857, '58, '59. Edinburgh and London: W. Blackwood and sons, 1860.

18. *Racknitz, Ines Eben v.* Political Negotiations during China War of 1860: Transcultural Dimensions of Early Chinese and Western

Diplomacy // Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung. 24 (2014). Heft 5. S. 49.

19. Roderick Dew R.N. Режим доступа: <https://www.pdavis.nl/ShowBiog.php?id=1011> (дата обращения 2.04.2020).

20. Sherard Osborn R.N. Режим доступа: <https://www.pdavis.nl/ShowBiog.php?id=921> (дата обращения 7.04.20).

21. *Staunton G.L.* An Authentic Account of an Embassy from the King of Great Britain to the Emperor of China: Including Cursory Observations made, and Information obtained, in travelling through that Ancient Empire and a small part of Chinese Tartary. Vol 1-3. W. Bulmer & Co. for George Nicol, 1797–1798.

22. The Rebels at Work in Chinese Waters.; A Privateer Fitting out at Shanghai // The New York Times. November 3, 1861. P. 8.

23. Thomas Saumarez. Режим доступа: <https://www.pdavis.nl/ShowBiog.php?id=1375> (дата обращения: 7.05.2020).

24. *Toshikazu S. Foley.* Biblical Translation in Chinese and Greek. Leiden. Boston: Brill, 2009.

25. William Bradford Reed. Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/William_Bradford_Reed (дата обращения: 23.04.20).

26. *Williams, S. Wells.* The Middle Kingdom: a survey of the geography, government, education, social life, arts, and history of the Chinese Empire and its inhabitants. New-York: Wiley and Putnam, 1848 (First Edition).

27. *Yen-Yu, Huang.* Viceroy Yeh Ming-Ch'en and The Canton Episode (1856–1861). Part. 4. The Canton Episode // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 6. No. 1, 1941. P. 105.

На французском языке

1. *Alfred de Moges.* Voyage en Chine et au Japon (1857–1858) // Le Tour du monde. Vol. 1. 1860. Pp. 129–176.

2. L'expédition de Chine de 1857–58 par H. Cordier. Paris, 1905.

3. Les Expéditions de Chine et de Cochinchine. D'après les Documents officiels par le baron de Bazancourt. Première partie 1857–1858. Paris: Amyot, Editeur.

4. Les relations de la Chine Avec les Puissances Occidentales 1860–1900 par. H. Cordier. T. I. Paris, 1901.

На китайском языке

1. Айсиньгйоро Ицзи (愛新覺羅·奕紀). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/愛新覺羅·奕紀> (дата обращения: 7.05.2020)

2. Байцзюнь, чиновник эпохи Цин (柏俊(清代官員)). Режим доступа: <http://baike.baidu.com/subview/2920008/10256131.htm> (дата обращения: 7.05.2020).

3. Бо Гуй (柏貴). Режим доступа: <http://baike.baidu.com/view/384121.htm> (дата обращения: 07.05.2020).

4. Бянь Баошу (卞寶書). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E5%8D%9E%E5%AE%9D%E4%B9%A6/7723002?fr=aladdin> (дата обращения: 27.03.2020).

5. Важные исторические события 1858 г. (公元1858年曆史大事件). Режим доступа: <https://www.haik8.com/bns/nyund.shtml> (дата обращения 7.05.2020).

6. Ван-хай лоу (望海樓 Павильон созерцания моря). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/卞寶書> (дата обращения: 7.05.2020)/

7. Вэйхэ (衛河). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/卫河> (дата обращения: 7.05.2020).

8. Гуаэрцзя Шэнбао (瓜爾佳·勝保). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/瓜尔佳·勝保> (дата обращения: 7.05.2020).

9. Гуйлян (桂良). Режим доступа: <http://zh.wikipedia.org/wiki/桂良> (дата обращения: 7.05.2020).

10. Е Минчэнь (葉名琛). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/叶名琛> (дата обращения: 17.04.20).

11. И Чжаолинь (益照臨). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/益照臨> (дата обращения: 7.05.2020).

12. Лифаньюань (理藩院). Режим доступа: <http://baike.baidu.com/view/56766.htm> (дата обращения: 24.04.2020).

13. Пекинский парк Озерцо (北京海子公園). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/北京海子公園> (дата обращения: 7.05.2020).

14. Пэн Юньчжан (彭蘊章). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/彭蘊章> (дата обращения: 7.05.2020).

15. Сборник архивных материалов о китайско-российских отношениях в эпоху Цин (Цин-дай чжун-э гуань-си дан-ань ши-ляо сюань-бянь 清代中俄關係檔案史料選編). 第三編. 上冊. 中華書局出版, 1979.

16. Старейшие влиятельные семейства Тяньцзиня – восемь великих домов Тяньцзиня (Тяньцзинь цзуй цзао дэ хао-мэнь – Тяньцзинь ба-да-цзя 天津最早的豪門——天津八大家). Режим доступа: <https://wenku.baidu.com/view/b3032950b8f3f90f76c66137ee06eff9aef849d9.html> (дата обращения 01.04.2020).

17. Тань Тинсян (譚廷襄). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/譚廷襄> (дата обращения: 7.05.2020).

18. Умитэ Хуашана (伍彌特•花沙納). Режим доступа: <http://baike.baidu.com/view/1483323.htm> (дата обращения: 28.08.2020).

19. Уэргуньтай (烏爾棍泰). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/烏爾棍泰> (дата обращения: 2.04.2020).

20. Хай-гуан сы (海光寺). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/海光寺> (дата обращения: 9.08.2020).

21. Хайхэ (海河). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/海河> (дата обращения: 24.04.2020).

22. Хуан Цзунхань (黃宗漢). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/黃宗漢> (дата обращения: 07.05.2020).

23. Хэ Гуйцин (何桂清). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/何桂清> (дата обращения: 7.05.2020).

24. Цзи Цюхуа (季秋華). Сочинения о достоверных фактах новой истории Тяньцзиня (Тяньцзинь цзинь-дай ши дэ цзи-ши чжи цзо 天津近代史的紀實之作) // Библиотечная работа и исследования (Ту-шу-гуань гун-цзо юй янь-цзю 圖書館工作與研究). 2010. Июль (七月). С. 64–67.

25. Цзя Чжэнь (эпоха Цин) (賈楨 (清)). Начало и конец учреждения варварских дел (правление Сяньфэн) (Чоу-бань и-у ши-мо (Сяньфэн чао) 籌辦夷務始末 (咸豐朝). Т. 3. С. Свитки 21–30. 卷二十一—卷三十. Третий месяц восьмого года Сяньфэн – восьмой месяц восьмого года Сяньфэн (咸豐八年三月—八年八月). 中華書局, 1979.

26. Чжанцзявань (張家灣). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/張家灣> (дата обращения: 7.05.2020).

27. Чиновничья система Небесного государства Великого спокойствия (Тай-пин тянь-го гуань-чжи 太平天國官制). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/太平天國官制> (дата обращения: 27.03.2020).

28. Чун Лунь (崇綸). Режим доступа: <http://www.chezaiyi.cn/history/146715.html> (дата обращения: 7.05.2020).

29. Чэнь Кайкэ (陳開科). Палладий и китайско-русские отношения в позднюю эпоху Цин (Балади юй вань-Цин Чжун-Э гуань-си 巴拉第與晚清中俄關係). Шанхай: Книжное издательство Шанхая (Шанхай: Шанхай шу-дянь чу-бань-шэ 上海書店出版社), 2008. 560 с.

30. Чэнь Чжунсян (陳鍾祥). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/陈鍾祥> (дата обращения: 30.03.2020).

31. Юйчэн (裕誠). Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/裕誠> (дата обращения: 7.05.2020).

Источники иллюстраций:

1. Ballou Pictorial Drawing-Room Companion. Vol. XI. № 2 (№ 202). 1856. July 12. P. 20.

2. Ballou Pictorial Drawing-Room Companion. Vol. XIV. № 24 (№ 364). 1858. June 12. P. 369.

3. Harper's Weekly. Vol. 2. № 68. 1858. 17 April. P. 245.

4. Harper's Weekly. Vol. 2. № 88. 1858. 4 September. P. 573.

5. Punch. Vol. XXXII. 1857. P. 95.

6. Punch. Vol. XXXII. 1857. May. P. 185

7. Punch». Vol. XXXV. 1858. September. P. 98

8. The Illustrated London News. Vol. 24. № 680. 1854. 18 February. P. 152.

9. The Illustrated London News. Vol. 30. № 842. 1857. 31 January. P. 86.

10. The Illustrated London News. Vol. 30. № 846. 1857. 21 February. P. 170–172.

11. The Illustrated London News. Vol. 30. № 849. 1857. 14 March. P. 238–239.

12. The Illustrated London News. Vol. 30. № 851. 1857. 28 March. P. 286.

13. The Illustrated London News. Vol. 30. № 864. 1857. 20 June. P. 601–602.

14. The Illustrated London News. Vol. 32. № 904. 1858. 27 February. P. 220–222.

15. The Illustrated London News. Vol. 32. № 921. 1858. 5 June. P. 569–570.

16. The Illustrated London News. Vol. 32. № 938. 1858. 2 October. P. 307–308.

17. The Illustrated London News. Vol. 38. № 1077. 1861. 2 March. P. 187.

18. L'Illustration. Vol. XXIX. № 724. 1857. 10 Janvier. P. 17.

19. L'Illustration. Vol. XXXII. № 808. 1858. 21 Août. P. 120–121.

20. L'Illustration. Vol. XXXII. № 811. 1858. 11 Septembre. P. 168–169.

21. L'Illustration. Vol. XXXII. № 814. 1858. 2 Octobre. P. 213.

22. L'Illustration. Vol. XXXII. № 815. 1858. 9 Octobre. P. 233.

23. L'Illustration. Vol. XXXII. № 817. 1858. 23 Octobre. P. 260

24. Le Monde Illustré. № 205. 1861. 16 Mars. P. 168.

25. Le Monde Illustré. № 49. 1858. 20 Mars. P. 191.

26. История Китая, утраченная на Западе: Поздняя династия Цин в заметках «The Illustrated London News» 1842–1873 (в трёх томах) (И-ши цзай Си-фан дэ Чжун-го ши: «Лунь-дунь синь-вэнь хуа-бао» цли-лу дэ вань-Цин 1842–1837 遗失在西方的中国史《伦敦新闻画报》记录的晚清 1842–1873 (全三册) / ред. и пер. Чэнь Хун (沉弘). 北京: 北京时代华文书局, 2014.

27. Китай на страницах американских иллюстрированных журналов: 1840–1911 (Мэй-го хуа-бао шан дэ чжун-го: 1840–1911 美国画报上的中国: 1840–1911) / ред. Чжан Вэньсянь (张文献). 北京: 北京大学出版社, 2017.

28. Раёк: Поздняя Цин в заметках французских иллюстрированных журналах 1846–1885 (в 2 т.) (Си-ян-цзин: Фа-го хуа-бао цзи-лу дэ вань-Цин 1846–1885 西洋镜: 法国画报记录的晚清 1846–1885 (上, 下) / гл. ред. Чжао Шэньвэй (赵省伟), пер. Чжан Ся (张霞), Ли Сяюй (李小玉). 广州: 广东人民出版社, 2018.

Научное издание

Андрей Михайлович КУЛИКОВ

**«ЕХАЛИ МЫ СЮДА
С ДОБРЫМИ ЦЕЛЯМИ».
РУССКО-КИТАЙСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ
В ТЯНЬЦЗИНЕ (ПО ДНЕВНИКАМ АРХИМАНДРИТА
ПАЛЛАДИЯ (КАФАРОВА)
И БАРОНА Ф.Р. ОСТЕН-САКЕНА
1857 – 1858 гг.)**

Учёные записки отдела Китая. ВЫП. 38

Издание выходит в авторской редакции

Верстка *Н. В. Макеева*

Подписано 30.11.2020
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,125. Уч.-изд. л. 16,5
Тираж 300 экз. Зак. № 440.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5